

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

Стихи • 3

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Почтовый холст. Прогулка перед вечностью. *Рассказы* • 9

Валерий МИХАЙЛОВ

Стихи • 31

Данияр СУГРАЛИНОВ

Прозрение. Спасибо. Сказка. В здоровом теле... Объективные причины. Хороший день. Гнев. Такой же, как ты. Треугольник. Шарашкина контора. Это радует. *Рассказы* • 36

Заир АСИМ

Стихи • 55

Адилхан САХАРИЕВ

Жулдызым. Блаженный. Волчьи пляски. *Рассказы. Повесть* • 60

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

Стихи • 115

Валерий КУКЛИН. Александр ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ

Белый осел. *Страницы повести* • 119

Елена ЗЕЙФЕРТ

Стихи • 142

Наиль МУРАТОВ

Лежачего не берет. Одинокое дерево. *Рассказы* • 147

Жадыра СЕРИМБЕТОВА

Стихи • 156

Марат КУЛАТАЕВ

Дед и скорпион. Потерялся. Случай из практики. *Рассказы* • 158

ПЕРЕВОДЫ

Слободан СИМИЧ

Судьбина. Корабельный дневник. Конец. О красоте. Зима 92/93. Проводы. Притча об именах. Последний ратник. Письмо из подземелья. Правосудие. Притча о вымершем народе. Выборы. Преступление. Золушка. Гражданская война в Сербии. *Рассказы. Перевод с сербского Кайрата Бакбергенова* • 168

АСТАНА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ. ДИАЛОГИ КУЛЬТУР

Михаил Земсков (58). Юрий Серебрянский (141). Илья Одегов (166). Светлана Ананьева (222). Валерий Михайлов (232). • 153

ПУБЛИЦИСТИКА

Уалихан КАЛИЖАНОВ

Память и независимость • 180

Бейбут МАМРАЕВ

Литература, обращенная к своему времени • 184

КРИТИКА И ЭССЕИСТИКА

Вера САВЕЛЬЕВА

Рассказы в современной прозе Казахстана: критика
и актуализация жанра • 188

Светлана АНАНЬЕВА

Мир прозы Мориса Симашко • 211

Надежда ЧЕРНОВА

Бунтующая святость Алексея Брусиловского • 218

МИР ДЕТСТВА

Ксения РОГОЖНИКОВА

Стихи • 224

Фарангиза ШУКАШЕВА

Айя. Сказка • 226

ПИЛИГРИМ

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

Софония (Сокольский) — архиепископ Туркестанский • 234

Содержание журнала «Нева» за 2015 год • 251

Издание журнала осуществляется
при финансовой поддержке Министерства культуры
и Федерального агентства по печати и массовой коммуникации.

Перепечатка материалов без разрешения редакции «Невы»
запрещена. Электронную распечатку рукописей присылать
на почтовый адрес журнала (191186, Санкт-Петербург, а/я 9)
Рукописи не возвращаются и не рецензируются

Главный редактор

Наталья ГРАНЦЕВА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Александр Мелихов (зам. главного редактора). **Игорь Сухих** (шеф-редактор гуманитарных проектов). **Ольга Малышкина** (шеф-редактор молодежных проектов). **Елена Зиновьева** (редактор-библиограф). **Наталья Ламонт** (ответственный секретарь, коммерческий директор). **Маргарита Райцина** (контент-редактор)

Дизайн обложки **А. Панкевича**

Макет **С. Булачевой**

Корректор **Е. Рогозина**

Верстка **М. Райциной, Л. Жуковой**

© Журнал «Нева», 2015

Олжас СУЛЕЙМЕНОВ

ЧЕМ ПОРАДОВАТЬ СЕРДЦЕ?

История наша — несколько вспышек в ногной степи. У костров ты напета, на развалинах Семиретъя, у коварной, обиженной Сырдарьи. Города возникали, как вызов плоской природе, и гибли в одиночку. ...Я молзу у одинокого белого валуна в пустынной тургайской степи. Как попал он сюда? Могила неизвестного батыра? Или след ледниковых эпох? Я стою у памятника Пушкину. Ночь новогодняя, с поземкой. Я сын города, мне воевать со степью. Старики, я хозу знать, как погибли мои города.

...Сырдарья погоняет ленивые желтые волны.
 Белый город Отрар, где высокие стены твои?
 Эти стены полгода горели от масляных молний,
 Двести дней и ночей здесь осадные длились бои.
 Перекрыты каналы. Ни хлеба, ни мяса, ни сена,
 Люди ели погибших и пили их теплую кровь.
 Счет осадных ночей майским утром прервала измена,
 И наполнился трупами длинный извилистый ров.
 Только женщин щадили, великих, измученных, гордых,
 Их валяли в кровавой грязи возле трупов детей,
 И они, извиваясь, вонзали в монгольские горла
 Исступленные жала изогнутых тонких ножей.
 Книги! Книги горели! Тяжелые первые книги!
 По которым потом затоскует спаленный Восток!
 Не по ним раздавались протяжные женские крики,
 В обожженных корнях затаился горбатый росток.
 Пересохли бассейны. Дома залегли под золою.
 Можно долго еще вспоминать о сожженных степях.
 Только сердце не хочет, оно помешает мне, злое!
 Чем тебя успокоить? Порадовать, сердце, тебя?.. Чем?
 Рыжий, кем бы я был, родись я немного раньше?
 Юра, кем бы я стал десять пыльных столетий назад?
 ...Кровь, пожарище. Ур-р!
 Я б доспехами был разукрашен,
 И в бою наливались бы кровью мои глаза.
 Я бы шел впереди разношерстных чингизских туменов,
 Я бы пел на развалинах дикие песни свои
 И, клянусь, в тот же век, уличенный в высокой измене,
 Под кривыми мечами батыров коснулся б земли.

Олжас Омарович Сулейменов родился в 1936 году в Алма-Ате, Республика Казахстан — поэт, писатель-литературовед, народный писатель (1990), общественно-политический деятель Республики Казахстан, дипломат.

На дороге глухой без молитвы меня б схоронили,
 И копыта туменов прошли бы по мне на Москву,
 И батыры седые отвагу б мою бранили,
 И, поставив тот камень, пустили б стихи на раскур.
 Простоял бы столетья источенный взглядами камень,
 Просвистели б нагайками добрые песни мои,
 Оседали бы горы, и горы бы стали песками,
 А вот Пушкин стоит.
 О, казахи мои!.. Степь не любила высоких гор,
 Плоская степь не любила торчащих деревьев.
 Я на десять столетий вперед вам бросаю укор,
 О, казахи мои, молодые и древние!..

Степь тянула к себе
 Так, что ноги под тяжестью гнулись,
 Так, что скулы — углами, и сжатое сердце лютей,
 И глаза раздавила, чтоб щелки хитро улынулись.
 Степь терпеть не могла ясноликих высоких людей.
 Кто не сдался, тому торопливо ломала хребет,
 И высокие камни валила тому на могилу,
 И гордилась высоким, и снова ласкала ребят.
 Невысоких — растила, высоким — из зависти мстила.
 Даже кони приземисты, даже волосы дыбом не встанут,
 Даже ханы боялись высокие стены лепить.
 И курганы пологи, и реки мелки в Казахстане.
 А поземка московская словно в тургайской степи.

Я стою у могилы высокого древнего парня,
 Внука Африки, сына голубоглазой женщины.
 Собутыльник Парижа и брат раскаленной Испании,
 Он над степью московской стоит, словно корень женьшеня.
 Я бывал и таким, я бываю индийским дагором!
 ...Так я буду стоять, пряча руки, у братских могил...
 Я бываю Чоканом! Конфуцием, Блоком, Тагором!
 ...Так я буду стоять, пряча зубы, у братских могил...

Я согласен быть Буддой, Сэссю и язычником Савлом!
 Так я буду молчать у подножия братских могил...
 Я согласен быть черепом, кто-то согласен быть саблей...
 Так мы будем стоять! Мы, высокие, будем стоять!
 Попроси меня нежно — спою. Заруби — я замолкну.
 Посмотри наконец, степь проклятая, но моя —
 Все вершины в камнях и в окурках, в ожогах от молний.

МОЛИТВА БАТЫРА МАХАМБЕТА ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Бисмилля!
 Я в далеких походах забуду себя.

Я в битвах — по году.
В обидах — по горло,
Я родился в седле,
Умираю в цепях,
Меня водят пешком, как собаку, по городу.

Я забуду, как пахнет запаленный конь,
Я забуду в зиндане гортанные кличи,
Утром тело разрубят и бросят в огонь,
Мое темя забудет бывшее величье.

Я забуду, как жены боялись меня,
Я как меч обнаженный,
Но ржа меня режет.
Сердце в горле, как яростная змея.
Э, не так!
Мое сердце — ошипанный крик.
Все забуду.
Молитвы — спасенье свое,
И пожары, и битвы, Аллаха забуду...
Ауах!..
Ясный месяц в пустынях встает, —
И уходят в барханы
За самкой верблюды...

И в казахских казанах шипит молоко...
И собаки рвут шкуры друг другу от скуки.
Я в зиндане лежу глубоко-глубоко,
А луна, как лепешка последняя, мне катится в руки.

МИНУТА МОЛЧАНИЯ НА КРАЮ СВЕТА

5 апреля 1968 года

...На краю самого южного мыса Индустанского полуострова, мыса Канья Кумарин — белеет скромным мрамором гробница великого непротивленца Ганди. На его долю пришлось пять выстрелов. Пять кровавых пятен на белой рубашке, пять кровавых кругов. Может быть, они подсказали художникам символ мира, который мы видим на белых олимпийских знаменах...

...В спину Ганди стрелял индус, не то националист, не то фанатик. «Сволочь!» — просто охарактеризовал убийцу мой спутник Чаттерджи.

Г. Чаттерджи худ, выжжен зноем до кости. Силуэт его четко отпечатан на экране могильной стены.

В этот день в Америке свершилось насилие: убили негритянского гандиста Мартина Лютера Кинга. Индия почтила его память минутой молчания. 500 миллионов минут молчания. Равно тысячелетию.

За каждым выстрелом «какой-то сволочи» — века молчания.
О чем думал Чаттерджи в свою минуту.

...Мыс Кумарин отбывает закат,
масса красотостей — пальмы и тодди —
в кубке, отделанном под агат.
Тонкая штопка на бязевом дхоти.
Черные пятки — в твердый песок,
жилы на икрах сухих обозначив,
пьет, проливая пальмовый сок.
Я поднимаю глаза — он плачет.
Дышит, пульсирует впалый висок.

«Смотрит на Азию Белый Глаз!
Небо чужое сглазило Азию,
черная мать с каждой оказией
беды свои досылает до нас.
Азия — схема, стереотип:
голода схима, холера, тиф.
Неразрешимый живот аллегорий,
прошлое в каждой строке — редиф.
Смотрит на нас Белый Глаз
кровью прожилок — границами каст,
неприкасаемая свобода,
сгорбась, уходит в дебри фраз...»

Крашены солнцем заката двери
грустной гробницы,
лица, слова,
громадной далью валит на берег
неприкасаемая синева.

II

В азиях я говорил с тобой,
Глаз Голубой:
в европах встречаются с Карим
и с Черным Глазом —
они меня на площадях искали,
в глуши библиотек,
они мне щедро подвиги сулили
во имя Азии,
страницами мне в душу
боли лили,
и в мысли влазили
Конфуций
и ацтек.
Не лучше ли, отринув имена,
уйти в орнамент безначальных знаков?
Пить сладкое, не обижая дна,

любить шенгель, не предавая маков?
Найтием воспринимая мир,
цвета вещей не утруждая смыслом,
из чистых звуков сотворив кумир,
смеяться — песнями и плакать — свистом?
Но хлыст и выстрел отвечали — нет!
Звук обнажает скрытые смятенья:
и боль, и злоба —
каждое явленье
имели цвет.
Не разобраться в них —
цвета кишки!
Грудь открывая, обнажая шею,
иди, пока не поздно, к простоте,
увериться в неясной правоте
тех, кто уже не хочет ни отмщенья
и ни сочувствия к своей судьбе.
Вступаешь в свет, становишься мишенью,
и — поразительно легко тебе.
Из тьмы огней глядит, прищурясь, мрак,
отсвечивая оптикой прицела.
И свет воспринимается как целое.
Делимое наотмашь — ты и враг.

III

Есть они, Чаттерджи, в каждой стране,
в каждой волости —
сволочи.
Их не узнать по разрезу глаз,
по оттенку кожи:
может сиять, как якутский алмаз,
быть на уголь похожим,
плешью блистать вползала,
прямить и курчавить волос.
Все равно — сволочь.

Он не дурак, а может быть — академик,
он служит вере не славы ради, не из-за денег.
Бывает, носит под мышкой томики Ленина.
Сволочь — не мелочь —
общественное явление.
Узнать их непросто: их цвет отличительный — серость.
Она растворяется в черном,
как в белом и в желтом,
возносится серость бронзой,
блистает золотом,
в темных углах души собирается серость, как сырость.
Белый стреляет в черного? — Серый стреляет.
Черный стреляет в белого? — Серый стреляет.

Серый взгляд проникает в сердце — пронзительный, волчий.
Узнаю вас по взгляду,
серая раса — сволочи.
Понимаю, пока в этом самом цветном столетье
невозможны без вас даже маленькие трагедии.

Невозможны без вас ни заботы мои, ни смех,
и победы мои, и смерть.
Вам обязан — атакой!
В свете полдня
и в холоде полночи
я ищу, я иду вам навстречу,
серые сволочи —
сквозь мгновенья ошибок,
отчаянных самопрезрений,
чтоб минута молчанья
стала временем ваших прозрений.
...Синева потемнела. Гробница великого Ганди
белым куполом обозначила Азии край.
Багровым оком встала луна и на мокрые камни
положила сиянье, и в пальмах возник птичий грай.

РАССКАЗЫ

ПОЧТОВЫЙ ХОЛСТ

Художнику Мендыбаю Алину

Мальчика уже по весне увлекала степь. Конечно, и зимой она манила к себе белизной своих снегов. И эта белизна имела цветовые оттенки, понятные только ему, мальчику. От темно-синего в предзвездные сумерки, когда надо было идти в школу, до голубоватых днем и вновь темнеющих к вечеру, но не черных, даже глубокой ночью. Здесь уже луна, пришедшая ночной хозяйкой в бескрайние степные просторы, разбрасывала, рассыпала и разливала свои световые гаммы. Бесконечное небо и бескрайний простор — все сливалось в одной подлунной сфере: снег раскрытой белой кошмой, от куста к кусту, орнаментом извилистой степной дороги увлекал взгляд куда-то за горизонт; звезды, колючие от мороза и инея, дожидались прихода луны и затем провожали ее до раннего рассвета. А когда наплывали ночные облака и тучи, то и они имели причудливые очертания благодаря отсвету луны, которая, изредка исчезая за ними, вновь струила божественный свет на все пространство спящего степного мира.

В морозные дни иней искрился бело-синими блестками, и, может быть, потому черные деревья, ушедшие в глубокую зимнюю спячку, под ярким январским солнцем также искрились, покрытые за ночь инеем. А окна в школе в часы утренних уроков полны были причудливых, игольчатых узоров, и эти узоры не таяли до самого вечера, а за ночь образовывали новые морозные кружева, которые волею воображения мальчика так и просились на чистый лист бумаги.

Да и сама снежная белизна напоминала ему белый лист из альбома для рисования, который, словно бы следами неизвестных зверей и птиц в степи, оживал от первых карандашных зарисовок. Ему на первых порах никак не удавалось показать снег на чистом листе бумаги. А спустя время он изловчился показывать не сам снег, а все, что выступало из-под снега: черные деревья, следы птиц и зверей, а также лошадь с санями, извозчика с кнутом и своих ровесников, то едущих в этих санях, то катающих на лыжах, коньках и санках.

Однажды он подошел к большому раскидистому дереву, ясеню или клену (из-за инея, покрывавшего все ветви, трудно было распознать, что это за дерево), и палкой стряхнул изморозь. Искристый, серебряный иней рассыпался на множество блесток. И эти самые блестки ему удалось запечатлеть на бумаге. Правда, не с пер-

Бахытжан Мусаханович Канапьянов родился в 1951 году. Казахский поэт, писатель, переводчик, сценарист, кинорежиссер. Заслуженный деятель Казахстана, почетный гражданин города Кокчетав. Участник ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Член Союза писателей Казахстана, член Правления Союза писателей Казахстана, член казахского и русского ПЕН-клубов, член Правления Европейского конгресса литераторов (Прага), где представляет литературу Казахстана и Центральной Азии. Академик Крымской литературной академии, главный редактор литературных альманахов «Литературная Азия» и «Литературная Алма-Ата». Член Союза кинематографистов СНГ и Балтии. Почетный профессор СГУ имени Шакарима (2011).

вого раза: он извел почти пол-альбома для рисования, чтобы добиться того, что задумал, а именно — полет этих самых блесток с ветвей сияющего черного дерева.

Но так было зимой. А весной, когда первые проталины чередовались с каплей, грязью дорог и первыми подснежниками, уже не было той зимней тишины: она наполнялась невообразимым весенним гамом, и первые капли тающих сосулек, свисающих с крыш, влекли вслед за собой весеннее половодье Тобола, и многочисленные льдины, уходящие вниз по реке далеко на север, уносили с собой воспоминания о долгом зимнем сне природы. В эти веселые мгновения прихода весны мальчик однажды, глядя в окно, заметил, как в прозрачных, свисающих с крыши сосульках живет свет ночного фонаря, и этот свет по капельке переходил в капель и превращался после ночи к утру в весеннюю мелодию пробуждения: кап, кап, кап...

А затем наступало долгое и быстрое лето. Все месяцы летних каникул он проводил в ауле, где каждый не только близко знал друг друга, но и видел, чей теленок или чья лошадь прошла мерным шагом среди летних юрт и зимних построек. Летний травостой был полон и диких, степных цветов, которые всеми красками жизни тянулись и постоянно поворачивались лицом к солнцу. Это замечал мальчик, помогая взрослым жигитам пасти лошадей: подпаском он уходил с ними в ночное, когда светили только звезды да изредка всхрап коней нарушал ночную тишину степи.

Степное пространство Наурзымского заповедника, где и находился аул дедушки с бабушкой мальчика, его многочисленных родных и близких, перемежалось сосновыми борами и березовыми колками, которые на народный лад называли Терсек и Сыпсын. И все это сочеталось с густой приречной растительностью — ковылем-тырса и типчаком, а по берегам рек и озер Аксуат, Сарымойын, Жарколь, Байназаркопа росли тростниковые заросли. И в них было полно птиц и зверей: волков и лисиц, корсаков и зайцев, целые стада сайгаков, а над озерными гладями и реками Данабике, Улькен, Дамди, Наурзым-Карасу, Каражылга и полноводным Тоболом взмывали красная утка-атайка и белые гуси. А весной и осенью встречались перелетные фламинго с озера Кургальджин, которые перед дальним полетом в Африку отдыхали среди озер и рек Наурзыма.

Мальчик и по весне, и по ранней осени видел целые стаи нескончаемых птиц, которые с шумом и криком заполняли все небесное пространство. Особенно захватывающим зрелище было в канун лета, когда по великому Тургайскому птичьему перелету идет массовое возвращение пернатых из южных стран: Индии, Ирана, Турции, из земель Средиземноморья и даже с далекого озера Чад.

После короткого сна во время ночного выпаса коней мальчик рано утром, когда еще стояли предассветные сумерки, видел и слышал, как пробуждается степь. Вначале слышалось редкое щебетанье неизвестной степной пичуги, затем ей вторила другая, а затем третья, и вот уже птичья разноголосица извещала, что наступило утро. Сурки, словно небольшие балбалы, стояли на страже вдоль степной дороги. И бабочки уже взлетали от цветка к цветку, которые, раскрыв свои лепестки, манили его, мальчика, к себе, словно молвили: «Краше нас нет на всем белом свете, ты попробуй запечатлей нас в своем альбоме! Может быть, тебе и удастся это сделать». И молчаливые стрекозы висели над цветами, словно в ожидании того, что должен сотворить мальчик.

Пробуждение утра влекло за собой и уносило в небесную высь клочья тумана, и только неповторимый запах сырой приозерной земли оставался, как после внезапной летней грозы, когда все сливается в аромате воздуха после дождя. Переключку степных птиц изредка нарушало ржание коней, которые, как известно, спят стоя, отмахиваясь хвостом от жужжания овода.

Мальчик любил эти ранние часы рассвета. Солнце только поднимало свое лицо над краем степи, и утренние тени от деревьев и лошадей были удлинёнными, превышали своими размерами реальный мир животных и природы. Мальчику удавалось и ранним утром, и в вечерние часы запечатлеть эти контрасты на бумаге, хотя старшие товарищи, табунщики-жигиты, посмеивались над его зарисовками: откуда, мол, у лошадей такая большая тень, которая больше самой лошади. Правда, эти добродушные насмешки в основном были в полдень, в короткие часы обеда, когда жигиты рассматривали его творения и судили — каждый на свой лад. И даже в подтверждение того, что они правы, показывали кнутом на рядом стоящих коней, от которых именно в полдень не было никакой тени, только живот лошади сбрасывал под себя на траву что-то наподобие этой самой тени. Но мальчик доказывал им свое, показывал в вечерние часы заката, как тени от всего живого на земле все больше удлиняются и причудливо расстилаются по степной траве.

А в конце лета мальчик возвращался в районный центр Караманды, где была его школа. Загорелый, окрепший, привозил с собой несколько тетрадей и альбомов для рисования, которые были наполнены его впечатлениями от прожитого и увиденного. Но многое оставалось и в памяти, что позволяло в долгие осенне-зимние вечера вновь возвращаться к живописным картинам природы и родного аула.

Однажды, когда по всей степи стоял невыносимый июльский зной, в звоне которого даже не было слышно щебетанья птиц, он увидел необычную и удивительную картину: косяк лошадей у подножия холма образовал живой круг, тесно прижавшись мордами друг к другу, да так, что гривы смешивались между собой, и только уши настороженно торчали, прислушиваясь к монотонному жужжанию мохнатых и назойливых оводов, диких ос и шмелей.

Выставив кругом крупы, кони, словно чувствуя приближение овода — одного, другого, третьего, отмахивались от них хвостами, попеременно отгоняя, и продолжали так стоять: глаза в глаза, голова к голове.

Спустя годы он нарисовал по памяти этот лошадиный круг, стоявший неподвижно у подножия холма. И назвал картину «Полдень».

А тогда лошади, стоящие кругом, навсегда вошли в его детскую память, даже когда они после звящего зноя, ближе к вечеру, вскачь спешили на водопой, поднимая снопы водяных брызг у безымянной запруды, и пили не воду, в которой плескались, а хрустальную, из родника, мелькающую быстрым ручейком среди высоких трав. А затем на фоне заходящего солнца силуэтами темнели вдали, тянулись поникшими головами к вечереющей земле, а какой-нибудь жеребец-кунан от избытка чувств опрокидывался на спину и с ржанием весело сучил копытами и вновь, поднявшись, мчался куда-то вдаль и вдаль, в ту самую степную сторону, где исчезал за горизонтом огненно-красный шар уходящего солнца.

В один из летних дней бабушка повела его к дальним холмам, где среди глины и песчаника он помогал своей аже собирать разноцветные рассыпчатые камушки: оранжевые, красные, желтые с зеленоватым отливом. Потом из отвара разноцветных камней бабушка сотворяла краски и красила ими шерстяную нить, а в осенние дни ткала ковры и дорожки, цветной орнамент которых радовал взгляд. Даже на небольших циновках, изготовленных из чия, разноцветная шерстяная нить преобразалась в древний и вечный орнамент степного бытия.

Однажды на уроке литературы классу дали задание на дом — прочитать и пересказать ту или иную казахскую народную сказку. Мальчик пришел домой и вечером стал перечитывать волшебные сказки о далекой жизни и о животных. Некоторые сказки он знал наизусть еще до школы, со слов бабушки и старшей сестры, укладывавших его спать, а некоторые слышал и читал в летние вечера у костра в степном ауле.

А как только начинал пересказывать, ничего не получалось. Вернее, получалось, но как-то скованно, без той фантастической картины, которая всплывала в воображении. И рука невольно потянулась к акварельным краскам и цветным карандашам. И тут произошло чудо, которого мальчик, разумеется, не понимал, но чувствовал своим цепким восприятием детства: в отличие от пустых слов он линейей рисунка и всеми цветами красок больше и полнее может поведать о прочитанной или услышанной сказке. Золотая бита из одноименной народной сказки в его рисунке становилась очень похожей на битку, с которой он обыгрывал своих сверстников, когда играл с ними в асыки. А жестокая Жалмауз-Кемпир напоминала сварливую тетку, которая не давала ему рисовать по ночам. А кузнец из сказки о мастере-кузнеце был у мальчика похож на аульного кузнеца, богатыря Хасена, конь Тайбурыл — на коня, который победил в недавней байге в их ауле...

Для героев и персонажей волшебных сказок находились реальные прототипы в жизни мальчика. Даже те жигиты, которые не раз посмеивались над его творениями, попадали на карандаш или кисть юного художника в его иллюстрациях к сказкам об Алдар-Косе. А когда он перевоплощал сказку «Счастье Кадыра», то и сам не заметил, что лицо Кадыра было чем-то схоже с его лицом, сияющим от счастья творчества.

Так он стал известен на весь район. Его просили оформить стенгазету в школе, приготовить к празднику лозунг мелом на красном полотне, а киномеханик, дядя Талап, прослышав о юном художнике, стал заказывать ему афиши к предстоящим сеансам в Доме культуры. Выдавая мальчику чистый лист ватмана, он в двух-трех словах объяснял, о чем будущий фильм, и просил воплотить кистью профиль главного героя на афише. Оплата за такое творчество была существенной — бесплатный вход на киносеанс. Правда, все сюжеты и лица мальчик срисовывал с маленьких открыток, которые показывал ему дядя Талап, и не всегда они были удачными, но название фильма яркой краской привлекало зрителей и прохожих.

Однажды летом к ним домой приехал дядя Шайсултан, который учился в далекой Москве. И не только учился, но и был известным спортсменом, мастером спорта по борьбе и чемпионом аж самой Москвы. Мальчик к тому времени учился уже в четвертом классе, участвовал в районных и областных выставках юных художников и даже получал почетные грамоты за свои акварели и рисунки карандашом. Дядя Шайсултан с утра делал пробежку, а затем, после зарядки, выносил во двор старый матрац и показывал приемы самбо и вольной борьбы. На все лето двор в доме мальчика стал своеобразной спортивной ареной. Приходили гурьбой сверстники и, затаив дыхание, смотрели на значок с надписью «Мастер спорта», а над надписью проступали буквы — СССР. Дядя Шайсултан, показывая спортивные приемы, целыми днями возился с ребятами, а затем в школе была открыта секция борьбы. Первые показательные уроки в секции совместно с молодым тренером провел дядя Шайсултан.

Мальчику, в отличие от его сверстников, не очень хотелось заниматься борьбой. Он, как и в прошлые годы, уехал в далекий аул, захватив с собой акварельные краски и цветные карандаши, а также чистые альбомы, которые спустя месяц вновь наполнил своими, порой только ему понятными изображениями. Многие аулчане незлобно шутили над ним. Говорили: зачем переводить бумагу и краски, когда есть фотоаппарат, и на пленке, а затем и на фотобумаге могут проступить такие же картины и лица, и даже гораздо лучше и понятнее, чем те, которые создает юный художник. Когда дядя Шайсултан, хорошо отдохнув в родных местах и открыв спортивную секцию борьбы, засобиравшись обратно в Москву, к нему подошли родители мальчика и показали его рисунки. Дядя долго рассматривал работы мальчика. И при дневном свете, и вечером, когда садились вечерять за дымящим-

ся самоваром. А затем, с отеческой улыбкой взглянув на мальчика, сказал, что заберет рисунки в Москву и там кое-кому из художников покажет.

Глубокой осенью в дом мальчика из далекой Москвы от дяди Шайсултана пришла большая громоздкая посылка — какой-то продолговатый ящик, обшитый грубой почтовой холстиной. Это был детский мольберт, который раскладывался и устанавливался на треножник. А к нему — подрамник, а еще — большой набор настоящих масляных красок в тубиках, и в каждом тубике цвет и полутона той или иной краски с соответствующей надписью, которые не все были понятны мальчику. Эти краски надо было выдавливать и самому составлять только ему, мальчику, необходимый цвет. А еще в посылке был целый набор кисточек — беличьих и из щетины. И каждая кисточка имела свой номер. А еще в придачу в посылке была большая книга-пособие «Юному художнику», где описывалось буквально все. И как подготавливать подрамник к работе, и даже как изготавливать сам холст, на котором и должны соответствующим образом мазками наноситься масляные краски во имя прекрасного замысла художника. И в этой же посылке было письмо мальчику от дяди Шайсултана, в котором он поздравлял своего племянника с тем, что зарисовки очень понравились его друзьям-художникам в далекой Москве. И что он рад и надеется на будущее его успехи. И отныне будет держать в поле своего зрения творческий рост мальчика, чтобы со временем он смог поступить в художественное училище. А для всего этого мало рисовать и писать акварелью и карандашами, нужно пробовать писать маслом.

Мальчик и сам уже понимал, что акварель и карандаши не дают той глубины рисунка — получалась какая-то плоская картина. Он уже был на каникулах в областном музее и видел некоторые картины, выписанные маслом. Там он заметил, что в зависимости от образа, то есть в зависимости от того, откуда смотреть на картину, меняется и сама глубина восприятия, и выражение лица на полотне.

Глубокими зимними вечерами он изучал книгу, которую прислал дядя Шайсултан. Понял, что холст надо набивать мелом, перемешав его со столярным клеем, который надо варить до определенного состояния, а после охлаждения покрывать холст широкой кистью, добавляя зубной порошок в соответствующих объемах. Но где взять этот самый холст, чтобы не только обработать его, но и натянуть на подрамник? Взрослые говорили ему, что можно купить в областном центре или в Алма-Ате. Однако надо очень долго ждать, даже если через дальних родственников найти его там. Пока сообщат и передадут родители его просьбу, пока найдут, пока вышлют, пройдет очень много времени, а масляные краски и мольберт — вот они, рядом, и кисточки тоже манят к себе своим мягким и грубым волосом. И тут взгляд мальчика упал на холстину, в которую была завернута посылка из Москвы. Он вывернул ее наизнанку. Она вполне подходила для холста, только надо ее хорошенько обработать — так, как описывается в этой самой книге «Юный художник»... Через день холст был готов и притягивал к себе взор юного художника своей бело-матовой поверхностью. Приготовив масляные краски и взяв кисть, мальчик, затаив дыхание, погрузился в свои мысли и в необъяснимые словом образы, которые откуда-то из-под небес властно влекли его к чистому квадрату мольберта.

Со временем к нему пришло некое чувство познания и восприятия цветов, рождаемых палитрой масляных красок. Это было совсем другое восприятие, глубоко отличное от карандашного рисунка или акварели. В тех набросках и пейзажных зарисовках не было глубины полотна, не было того самого «дымка», который и определяет и углубляет плоскость картины. Не было того самого многоцветия воздуха, которым был наполнен мир, что окружал мальчика. Масляные краски, еще не просохнув, давали совсем иную гамму тонов, а после, когда они уже навсегда застыли божественными мазками на холсте, несли свой отраженный и отражаемый

цвет и свет всем, кто издали или вблизи впервые видел то, что хотел выразить юный художник. Родные по дому, школьные друзья и товарищи, словоохотливая соседка из дома напротив, даже домашний пес Акдаул, жарко дыша вытянутым языком, взирали на картину, впервые написанную маслом.

Однажды, когда хоронили старца Бекена, мальчик первый раз в жизни увидел грустные и подавленные лица множества людей, которых не раз встречал на улицах родного поселка — веселых, жизнерадостных, всегда приветливо и с улыбкой его встречавших. Некоторые из них выступили на траурном митинге, вспоминали добрые деяния аксакала, женщины плакали и причитали, вытирая краем жаулыка глаза, полные слез. А когда на аульном кладбище, что раскинулось на холме, приезжий мулла в зеленом халате и в белом тюрбане запел поминальную суру, все молча присели, кто на землю, кто на придорожные камни. И воцарилась удивительная тишина, только иногда слышен был легкий чирк вездесущих воробьев, да тихий голос муллы плыл над кладбищенским холмом.

А после, спустя год, на месте захоронения старца Бекена возвели мазар из саманного кирпича, возвели всем аулом, ибо единственный сын старца Бекена и старушки Кырмызы жил в далеком городе. Он и приехал вместе со своей семьей в аул, чтобы за дни летнего отпуска соорудить мазар на могиле отца. Мальчик вместе с друзьями помогал в этом святом деле. Месил ногами глину, замешанную на конском навозе, высушивал саманные кирпичи и затем подвозил их на тачке к жигитам, которые по мудрым указаниям усто — мастера мазарных дел старика Хасена, — выстраивали из них мазар с куполом.

После завершения сооружения сын старца Бекена зарезал овцу, и все собрались неподалеку от мелкой степной речки, а когда день стал клониться к закату, разожгли небольшой костер. И мальчик от сына старца Бекена, который был историком по образованию, узнал, что раньше, в очень далекие времена, души людей не умирали вместе с телом покойного, а на сороковой день со дня кончины улетали в небесную высь, под крыло небесного божества Танири-Тенгри.

— Тенгрианство — начало и предтеча многих религий мира. И христианства, и иудаизма, и мусульманства, и буддизма. Но вначале был единый небесный бог — Тенгри. И у него было очень много святых. Девяносто девять святых. Имена многих нам неизвестны, — продолжал историк, сын старца Бекена, сидя у вечернего костра, — но некоторые имена святых вошли в казахский фольклор, в народные волшебные сказки: Камбар, Баба-тукты, шашты Азиз. Вот и душа моего отца Бекена где-то там, среди далеких ночных звезд...

Костер, исходя искрами, медленно догорал, отражаясь в глазах мальчика, изумленных от услышанного рассказа о Тенгри и многочисленных святых.

И с тех пор на многих зарисовках и холстяных полотнах образы фольклорных святых и персонажи из волшебных сказок стали приобретать отдаленные черты родных и близких, знакомых с детства аулчан. Были запечатлены и прошлогодние похороны старца Бекена, и понурые, печальные лица хоронивших его людей. Правда, это было не совсем заметно, не так, как на фотографиях из семейного альбома. Но если взглядеться, особенно под определенным ракурсом, то можно было убедиться, что все взято из его, только ему близкой и родной, жизни, только ему, мальчику, понятного до кончика беличьей кисти образного восприятия реального мира, ибо он всей своей детской душой осознал, что в картинах, как и в волшебных сказках, люди никогда не умирают, а если и умирают, то вновь приходят к живым, чтобы всегда быть с ними рядом, делить с ними радости и надежды.

Ему уже не хватало двух-трех холстов, сооруженных из почтовой холстины и грубой мешковины, взятой из чулана. Эти холсты не раз им же отбеливались, когда у него не получалось то, что он задумал. И когда однажды он увидел у почтового

отделения связи крытый фургон с надписью «Почта», откуда выгрузили два-три посылочных ящика, один из которых был обшит холстиной, он от непонятной радости вбежал в почтовое отделение. Ему хватило юношеского красноречия, чтобы убедить почтальоншу и ее начальника, объяснить, для чего и зачем ему нужен холст, на котором фиолетовыми буквами проступал адрес получателя, сургуч с оттиском печати и еще какие-то синие печати. Затем он вместе с почтальоншей отнес посылку по нужному адресу. И хозяин посылки, после расспросов, улыбаясь в усы, наконец торжественно вручил почтовый холст мальчику. И с этих самых пор все посылки, обтянутые холстиной, которые приходили на почту, а точнее, все почтовые холсты с почтовыми штемпелями и печатями попадали в руки юного художника. И спустя дня два превращались после соответствующей обработки в холсты для предстоящего творчества.

А после восьмого класса библиотекарь Карлыгаш, признательная за то, что он постоянно оформлял книжные стенды, показала ему газету, где был объявлен набор одаренных детей в столичное художественное училище. И чтобы поступить в это училище живописи, надо было пройти творческий конкурс, то есть представить свои художественные работы, выполненные карандашом, акварелью и маслом.

Собрав все нужные документы и несколько своих работ для творческого конкурса, юный художник поездом отправился в столицу. Родители сообщили о его приезде родственникам, проживавшим в Алма-Ате. Парнишка и устроился у них на время сдачи приемных экзаменов. Но самое главное — это пройти творческий конкурс!

Он подал на конкурс три работы, выполненные маслом. И несколько зарисовок и пейзажей карандашом и акварелью.

Таких, как он, мечтающих стать настоящими художниками и живописцами, набралось свыше ста, а набор составлял человек десять, но самых что ни есть талантливых. В большом актовом зале все абитуриенты и конкурсанты выставили свои творческие работы, прямо на полу вдоль стены актового зала. Все юноши и девушки, среди которых был и он, стояли в долгом, томительном ожидании в скверике возле головного корпуса училища.

Наконец их всех пригласили в актовый зал, где очень авторитетная конкурсная комиссия, состоящая из известных художников-педагогов, отбирала их работы. Из трех полотен, выставленных им на конкурс, две были повернуты лицом к стене. Он с обидой подумал: кто это из членов конкурсной комиссии даже не захотел смотреть на его работы?! И повернул лицевой стороной холста свои картины. Сказочный крылатый тулпар из-под небес весело подмигнул ему, юному художнику, или солнечный луч сквозь большое окно актового зала скользнул по прекрасному взгляду коня, и он тайным образом передал этот свет небесного божества с полотна ему, ожидавшему приговор своей будущей творческой судьбе.

Мужчина — распорядитель творческого конкурса — строго посмотрел на него и сказал, чтобы его полотна встали лицевой стороной к стене. Оказалось, что таким образом отбираются работы, прошедшие творческий конкурс. И еще добавил, что эти его две работы будут представлены на республиканской художественной выставке школьников старшей возрастной группы.

Юный художник еще не осознал, что произошло что-то переломное и поворотное в его только начинающейся творческой судьбе. Он смотрел на обратную часть своего холста, им самим же сотворенного для его же написанной маслом картины. И на этой оборотной стороне холста фиолетовыми буквами четко проступал отпечатанный на холстине оттиск штемпеля-печати «Наурзымский район».

ПРОГУЛКА ПЕРЕД ВЕЧНОСТЬЮ

I

Предрассветные сумерки проступали в проемах между низких туч, которые клочьями уходящей ночи плыли, подгоняемые ненастным ветром, над шахтерским городом.

Пес, легкой трусцой семенивший впереди хозяина, что-то вынюхивал среди почерневшего снега, выпавшего на прошлой неделе. Пес давно уже на себе познал ежедневный маршрут хозяина, ранним утром, когда домашние еще спали, он тихо скребся в его кабинет и затем нетерпеливо ждал, чтобы вместе с ним выйти из подъезда и вдохнуть тишайший ночной воздух, выбегая на всю длину поводка, конец которого хозяин крепко натягивал на руку.

Хозяин любил ранние прогулки, когда город еще погружен в сладкие предутренние сны и не вышли из депо и парка первые автобусы и троллейбусы, когда пустынно на перекрестках и остановках, но уже гаснут ночные фонари, уступая свой неоновый свет живым проблескам наступающего утра.

Эти ранние прогулки он полюбил не сразу, не после первого инфаркта, когда врачи настоятельно прописали ему гулять, и подолгу, в ранние часы. А затем втянулся, ибо очень хорошо думалось и размышлялось именно в такие моменты, никто, кроме пса, его не отвлекал, да и тот был занят только собой, вынюхивая что-то на тротуарной тропе.

Он не раз прокручивал, словно магнитофонную ленту памяти, тот или иной эпизод своей жизни, насыщенной событиями, успехами и неудачами. И ему было грех жаловаться на память, она сохраняла в своих потайных уголках даже самую малость из увиденного и пережитого. От самого раннего детства, проведенного в далеком, степном ауле, до учебы в школе-интернате, расположенном в районном центре, от первых стихов и прозаических зарисовок, опубликованных в областной газете, до студенческих лет и аспирантуры в Алма-Ате и защиты научных трудов в Белокаменной.

Родился он в ауле Баганаты, что на севере Казахстана. В начале тридцатых годов, когда после джута был голод, а затем началась коллективизация, многие его родичи вместе с другими аулами подались в Россию — Тюмень, Курган, Омск и в Барнаул, на Алтай. И тем самым спаслись от неминуемой гибели в степи. Так он ребенком оказался в Макушинском районе Курганской области, где и пошел в казахско-русскую школу, а там многие учителя были из первых казахских интеллигентов, еще предреволюционного периода. Многие из них попали в петлю репрессий в конце тридцатых годов. А он, совмещая учебу в школе с работой в колхозе, закончил ее с отличием в конце войны и был даже оставлен в ней учителем казахской литературы, когда уже в Северо-Казахстанской области учился в селе Марьевка, а затем в Ольгинке. Ради этого он прошел в областном центре краткосрочные учительские курсы. Таких областных казахских школ было несколько, из них наиболее известная в Черлаке Омской области.

Однажды пожилой директор школы, знавший еще с далеких двадцатых годов талантливых учителей-писателей Спандияра Кубеева, Сабита Донентаева, Биляла и Галыма Малдыбаевых, почувствовал его юношескую тягу к сочинительству и сердечно настоял на его поступлении в столичный университет на филфак. Вот так и отправился с рекомендательным письмом уважаемого директора, старого учителя казахского языка и литературы, в Алма-Ату, чтобы уже студентом окунуться в писательскую среду и публиковаться в литературных газетах и журналах. Однако

случайная встреча с земляком-аульчанином, который учился в горно-металлургическом институте, полностью разрушила тщеславные планы — стать писателем. Земляк убеждал, что ныне грядет эпоха инженеров, геологов, ученых-металлургов и химиков. А писательство никуда не денется, и на него, на писателя, нигде не учат, ибо это дано от природы, можно сказать, от Всевышнего, если он есть на том и этом свете, если он дунул тебе в затылок, если есть эта самая божья искра, то ты можешь творить и в ранге инженера-металлурга, на которого действительно учат и такие корифеи науки, как Каныш Сатпаев, профессора и академики Аветисян, Байконыров, Пономарев...

Так он стал студентом горно-металлургического института, а затем и аспирантом, молодым ученым-металлургом. Но литературное творчество не бросал, а, наоборот, отвлекаясь на время от написания научных статей металлургического процесса извлечения селена или теллура, он с большим удовольствием писал очерки и рассказы, переводил некоторые стихи Сергея Есенина и Владимира Маяковского, и эти вещи зачастую публиковались в периодической печати, появились и гонорары, которые помогали ему сносно жить и дерзать в науке...

Где он сейчас, этот пылкий земляк, который круто изменил его судьбу? — подумал он, держа на длинном поводке пса, спешащего в сторону темнеющего парка, — после защиты кандидатской работал в одном из научных институтов, затем развелся с женой, уехал на Балхаш, потом в Восточный Казахстан, там и сгинул бы, быть может, как многие из его современников, одержимых небесным огнем молодости и сникших после сорока. Трижды прав Абай в своих бессмертных стихах, когда пишет о пылкости молодости и грядущем одиночестве:

В те дни у тебя юных лет огонь
В душе пламенел, был отважен взгляд.
Желаний твоих быстроногий конь
Скакал, не боясь никаких преград¹.

И опять, у того же Абая:

Кого любило сердце это —
Ушли, кто в землю, кто в разлад:
Те делят власть, в том спесь задета,
Один — куда ни брошу взгляд.

Несчастный, с сердцем, полным боли,
Оборотись, поговорим —
Открыт твоей я горькой доле
Всем сердцем раненым моим².

Он глубоко вздохнул и побрел за своим верным псом, который легким шагом трусил впереди на расстоянии ремня-поводка, один конец которого он крепко держал, намотав на руку, а другой был пристегнут к ошейнику.

Он сел на скамью, отпустив пса порезвиться в пустынном парке. Собака, почуя свободу, умчалась в глубь аллеи, затем вернулась и стала бегать от дерева к дереву, находясь вблизи хозяина.

Он почувствовал, что кольнуло в левом боку. Вздохнув, машинально стал ис-

¹ Касаткина. Перевод.

² Антонова. Перевод.

кать валидол, который в последнее время всегда был в кармане, а когда уезжал в командировки, то брал с собой и таблетки нитроглицерина.

— Что-то опять неладно, опять барахлишь, к чему бы... — потирая ладонью левую грудь, мысленно промолвил он.

II

Во время учебы в институте он познакомился с одним жигитом, тридцатилетним парнем, который к тому времени окончил филфак университета и работал учителем русского языка в одной из столичных школ. Звали его Сейльбек. Он был на фронте, а затем, после войны, приехал так же, как и он, в Алма-Ату на учебу.

Роста был высокого, внешне чем-то похож на Мао Цзэдуна, чей портрет в то время часто мелькал в московских газетах. Да, пели тогда все они, молодые парни страны Советов и Китая, песню «Москва–Пекин». Сейльбека за его довольно длинную шею, которая проступала и тянулась из еще военной шинели, он прозвал Туйе Мойын — Верблюжья Шея. А затем, с годами, эти военные кители, переброшенные японские френчи и шинели, сменились на шевиотовые и бостоновые двубортные костюмы, приобретенные на гонорарные деньги в базарный день, и даже на модные тогда китайские макинтоши с фетровой шляпой в придачу.

Они подружились, когда снимали вдвоем комнату вблизи Никольского базара, узнав, что родом из одних мест, Кзыл Жара и Коскуля. Отец Сейльбека, рослый аксакал Хамит, когда-то, в голодные годы, вывез весь аул в Тюмень и тем самым спас родных и близких от вымирания. А род их был славным, Косцигул-Ораз, из Коскуля, откуда родом и сам Акан-сери, да еще около сорока известных степному северу людей: Еркокше, Еркосай, Бузаубас Макан, Ешкибас Мукан, Шырылдак Жантай, Мамбетали Сердалин-Шобеков... «ыры алпа» звались они, то есть «сорок колпаков», ибо все были людьми образованными и потому носили шляпы.

А Хамит-аксакал как раз в те годы написал свои воспоминания о великом певце-композиторе Акан-сери, с которым не раз встречался и был в близком родстве. А затем отдал рукопись своему старшему сыну Сейльбеку, чтобы он передал родным по их общему аулу Коскуль драматургу Шахмету Кусаинову или известному поэту Абдильде Тажибаеву, который был женат на красавице Саре, родной сестре Шахмета.

«Интересно знать, — подумал он, — какова судьба этих воспоминаний». Туйе Мойын однажды сказал, что они вроде бы вышли небольшой брошюрой и что писатель Сакен Жунусов, когда писал дилогию «Акан-сери», использовал по творческому назначению эти воспоминания Хамита-аксакала при воплощении образа великого акына и композитора.

Вообще, уверен и убежден, что только казахская народная музыка, включая песни и кюи, да казахский фольклор, эпос, дастаны, сказки и предания не подвластны ни времени, ни диктату политического строя. Они бессмертны, так же бессмертны, как и сама память народа. Один только «Караторгай» чего стоит! И ведь запрещали, и не раз, и песни «Елимай», «Еки жирен», и целые эпосы. Ничего из этого не вышло, народ все равно сохранил их в своей памяти, и пел, и читал, пусть тайком, не в открытую, но сохранил во имя своих детей и потомков.

«Елимай» считают народной, но один из вариантов этой песни-плача принадлежит знаменитому Кожаберген-жырау, учителю самого Бухар-жырау, и был он в свите великого Аль Тауке... Да-а, даже время бессильно перед многовековой памятью народа!..

В те веселые годы, веселые в силу их молодости, Сейльбек, который прекрасно

знал и русский, и, разумеется, казахский языки, и он, тогда молодой ученый-металлург, вдвоем брали в издательстве переводы и переводили, сидя ночами за одним столом, устраивали своеобразные состязания, кто быстрее и у кого лучше получится. Он тогда и сам не заметил, как в силу внезапного вдохновения перевел поэмы Сергея Есенина «Анна Снегина» и Владимира Маяковского «Хорошо!», а Сейльбек был и за редактора и делал своеобразный сравнительный анализ, сверяя перевод с оригиналом, и даже вместе, как говорится, на двоих перевели большой роман Ивана Вазова «Под иглом». И на полученный гонорар Сейльбек справил свадьбу, женившись на выпускнице медицинского института Кларе, дочери директора издательства Галыма Ахмедова, благодаря этим самым прекрасным переводам с русского на казахский они и познакомились с ней, и ему поручили быть тамадой на этой свадьбе, с этой ролью он справился и был от всей души и сердца рад за друга, что тот нашел свое счастье в жизни.

Вот так, в те самые молодые годы, они стали профессиональными переводчиками и спустя годы их приняли в Союз писателей СССР. Он на себе и на своей нелегкой писательской доле познал тяжелый, изнуряющий труд писателя и переводчика. Кажется, у Юрия Казакова он недавно прочел, что писатель должен быть мужественным, что жизнь его тяжела, что ему никто никогда не поможет, не возьмет ручку или машинку, не напишет за него, не покажет, как надо писать. Он должен сам. И если он не может, значит, все пропало — он не писатель. У тебя нет власти перестроить мир, как ты хочешь, как нет ее ни у кого в отдельности. Но у тебя есть твоя правда и твое слово. И ты должен быть трижды мужествен, чтобы, несмотря на все свои несчастья, неудачи и срывы, все-таки нести людям радость и говорить без конца, что жизнь станет лучше...

И в последующие годы, когда брался за прозу, именно из своей жизни, ибо писатель имеет только один-единственный отсчет — им самим прожитая жизнь, и когда в своих монографиях описывал с присущей ему новизной изложения технологические процессы цветной металлургии, он всегда следовал этому — самоотверженно и мужественно отстаивать свои принципы писателя и ученого.

Собаке, видимо, надоело одной блуждать среди деревьев парка, на чернеющих ветвях которых восседали вороны, изредка карканьем напоминая о себе, она, виляя хвостом, приблизилась к своему хозяину и села рядом на задние лапы в еще не замерзший снег.

III

Ему никогда не забыть президента Академии наук, поверил в него, молодого ученого, и доверил пост организатора науки в шестидесятый год, тот самый знаменательный год, когда Канатбаев Имантаевич Сатпаев, будучи в Караганде, а через несколько лет за внедрение технологии комплексной переработки медных руд на Балхашском горно-металлургическом комбинате он был удостоен Государственной премии СССР.

Имея около сотни авторских свидетельств страны и зарубежных патентов, он не замыкался в кабинетной или лабораторной тиши, всегда стремился на производство, где на практике не раз проверялись теоретические выкладки. Друзья и коллеги нарекли его романтиком химической металлургии. А что?.. Он и был, и остается романтиком — и в науке, и в жизни, и по судьбе, ибо всегда считал, что только они, кто не от мира сего, могут дерзать во имя новизны в научном деле, а не повторять битые-избитые истины.

Да, в науке ему и его ученикам есть чем гордиться. Он всегда с шутливой ирони-

ей говорил, что ученый, подобно скульптору, отсекает все лишнее от так называемого гранита науки. И находит то сугубо научное соответствие, которое издавна существует в самой природе минерального сырья и химических соединений. А в литературе важен не сам описываемый предмет, но гармония оттенков смысла, нюансы, детали или же факты, и все это в разумных соответствиях с присущим психологизмом должно подаваться читателю, чтобы вникнул он не по диагонали текста, а всей тканью самого повествования. В науке у него действительно были успехи, и немалые: от тридцати до сорока лет стал кандидатом и доктором технических наук, профессором и академиком в неполные пятьдесят. Истинные друзья искренне поздравляли, а недруги... Кстати, они тоже поздравляли, но при этом не смогли скрыть завистливых ноток в голосе и лицемерных взглядов. Ну, недруги и завистники были всегда и везде, а с коллегами и с курдасами-друзьями в те звездные годы он всегда был вместе, делил с ними хлеб-соль банкетов и торжеств, печаль и горечь утрат и потерь.

Он считал великим романтиком от науки Дмитрия Менделеева. Ему и посвятил первый очерк.

А разве не романтик в недавнем прошлом пожилой доцент Николай Скопин, над которым посмеивались многие его коллеги-зоологи. Видите ли, занимается какими-то насекомыми, жесткокрылыми жуками. Он во время беседы с ним понял, как широко смотрит этот бескорыстный рыцарь науки, умело связывая существование жучков с общими экологическими проблемами Центрального Казахстана, убедился, что жучки нужны и даже необходимы науке о земледелии. Убедился и помог, чем мог, чтобы скромный, интеллигентнейший Николай Скопин на склоне лет защитил докторскую диссертацию и возглавил кафедру в университете.

Он всей душой и сердцем воспринял прилив своей второй молодости, когда его назначили ректором Карагандинского университета, второго в истории Казахстана. Дни и ночи напролет пропадал на территории университетского городка, который строился, обживался новыми учебными корпусами, лабораториями и общежитиями. Через своих коллег и московских друзей пробивал для своего детища оборудование, оснащал лекционные аудитории и исследовательские центры. Любил бывать среди студентов, чей искрометный юмор и смекалка помогали и ему переносить временные неудобства.

Он помнит и небывалый триумф, когда по его инициативе проходило в Караганде Всесоюзное совещание химиков. Тогда впервые он озвучил метод получения искусственной нефти из высокозольного угля и воды с применением ферросплавов. И веско заметил, что и нефть в природных запасах не вечна. Пройдут десятилетия, и нам, ученым, придется, увы, заниматься разработкой искусственной нефти...

IV

Здесь однажды и встретил он в студенческом сквере скулящего щенка, который сиротливо прижался к стволу березы и жалобно смотрел на мелькающий перед его испуганными глазами студенческий мир. Он взял в руки комочек живого существа. Щенок, чуть поскулив, затих в теплых ладонях. Затем в кабинете попросил секретаршу, чтобы она помыла щенка, завернула в какую-нибудь теплую ткань и напоила молоком из буфета.

С тех пор, как он привез его вечером домой и приготовил что-то в виде уютного лежбища в углу коридора, щенок стал равноправным жильцом его большой академической квартиры.

Домашние в первые дни ворчали, но потом и они привыкли к щенку, который спустя время вырос в большого пса, правда, неизвестной породы, хотя внешне чем-то напоминал овчарку. Он, выводя каждый вечер его на прогулку, даже однажды поинтересовался у знакомых кинологов, есть ли в его мифической родословной кто-либо из знатных, а может быть, состоит пес в родстве со знаменитыми чабанскими тобетами или тазами, которых он не раз встречал на далеких чабанских отгонах. Но, увы, ничего определенного не смогли сказать специалисты по собачьему делу. Снисходительно осмотрев пса, они вынесли свой вердикт: собака как собака, без особых примет и родовых знаков. Одним словом, дворняга. Но какие преданные и просящие сытную косточку были глаза этого пса. И он словно бы в ответ на его природную привязчивость тоже сблизился с ним, даже вел с ним снисходительные беседы, размышляя вслух о проблемах и неурядицах в научной среде и в своем окружении, которые особенно участились за последний период. И нарек его коротким именем Дос.

Дос порою требовал к себе особого внимания, и когда оно выполнялось, он умиротворенно ложился на подстилку в углу коридора у кабинета, где хозяин углублялся в свои бумаги и записи. А когда возвращался из дальней командировки, то, еще подъезжая к дому, слышал, как из верхнего окна квартиры доносятся радостный собачий визг и возбужденный лай. И как только открывалась входная дверь, пес валил его с ног, радостно урча, облизывал своего хозяина, которого очень и очень долго не было, так долго, что он, его верный пес, даже подзабыл, как пахнут его руки, что всегда гладили его по шерсти — утром и вечером. Он своим повизгиванием как бы жаловался, что в его отсутствие забыл, что такое вечерняя прогулка: без тебя твои домашние совсем забыли обо мне, твоим верном псе.

А хозяин, в блаженной позе, смотрел, как домашние разбирают чемодан с подарками, лежал и думал: кто настоящий друг в этом подлунном мире?..

Однажды в Шетском районе вблизи горы Толагай, где находятся могильники эпохи бронзы и курганы сакского периода, он на одной из чабанских зимовок впервые увидел тобета — знаменитого казахского пса-волкодава, посланца небес, который из века в век помогает охранять табуны лошадей и отары овец. И по росту и по стати тобеты где-то схожи с одной из разновидностей кавказской овчарки. История возникновения этой породы уходит глубинными корнями в самую древность, в добиблейские времена царства Урарту, аж в седьмой век до нашей эры. Они были известны и в Персии, и на Тибете, и здесь, на просторах Центральной Азии. Об этой породе казахских собак писал еще Марко Поло в тринадцатом веке, сравнивая их рост с ростом годовалого теленка. Отрезанные с рождения уши и хвост придают небесному псу-тобету своеобразную гордую статью и осанку.

Тогда он и заметил, что тобет никогда не плетется вслед за пастухом, сидящим на коне, а всегда находится сбоку, рядом с ним, словно бы на равных охраняет и пастет табун. Тогда же он узнал, что тобета никогда не держат дома и на привязи. Эта главная заповедь, идущая из глубины веков. А не нарушает ли он эту самую заповедь, хотя его Дос далеко не тобет, но все же?..

V

Странно, что он всегда терялся даже в небольшом, смешанном лесу. Хотя его родной аул Баганаты располагался именно в такой местности, где березовые колки и перелески чередовались полянами и равнинами. Здесь ему хорошо дышалось, ну, на родине всегда дышится хорошо. Дым Отечества вбирал в себя и ни с чем не

сравнимый запах сур-ета³, который коптят только на березовом дыму. Зная толк в национальной кухне, он тем не менее ел по утрам только творог со сметаной да выпивал стакан некрепкого чая, вот и весь завтрак академика.

Утренние прогулки начинались, когда светили еще ночные звезды. Он хорошо ориентировался в звездном небе согласно народной космогонии. Это вошло в его память еще с далекого аульного детства, когда не раз был в ночном и старшие жигиты учили его не потеряться в степи по звездам. Вот и утренняя звезда Шолпан-Венера начинает светить ярче других звезд, но и она вскоре исчезнет в бездонном небесном пространстве...

Да, через год-два юбилей великого Чокана. Сто пятьдесят лет! Но пройдет еще немало десятков лет, а феномен тридцатилетнего ученого, ориенталиста, путешественника, тюрколога, языковеда, писателя, поэта и переводчика не раз еще будет привлекать общественный и научный мир. Загадка его гениальности, быть может, в том, что, в двенадцать лет не зная ни единого слова по-русски, он через пятнадцать лет встанет в один ряд с самыми просвещенными умами России-матушки. Это предвидели и Достоевский, и Чернышевский, и Аполлон Майков, и молодой тогда, будущий ректор Петербургского университета Андрей Бекетов... А ехал юный Чокан в Омский кадетский корпус в 1847 году и неустанно повторял, твердил про себя, чей он сын, внук и правнук. Так учила его любимая бабушка-аже, ханша Айганым.

Конечно же, Чокан еще до первого мушеля вместе с материнским молоком в усадьбе, построенной на средства царя-императора всея Руси и «Киргиз-Кайсацкия орды», как писал Державин в своей оде, посвященной Екатерине Великой, впитал и незабываемый аромат Степи, ее песни и кюи, эпос и фольклор родного народа. А как он своеобразно, с достоинством, но с долей присущей ему иронии относился к своей родословной, уходящей в древнейший век Чингисхана!

Благодаря им самим составленному шежере многие историки сейчас устанавливают картины великого прошлого.

Всесторонняя одаренность Чокана включала в себя и артистизм, и даже неподражаемую способность к розыгрышам среди друзей его круга в петербургских салонах.

А бесстрашное путешествие в Кашгар, когда, пренебрегая смертельной опасностью, Чокан занимался делами ученого, пусть тайным образом и выполняя миссию разведчика Генерального штаба царской армии. И в этом смысле его подвиг ничем не отличается от подвига Архимеда. И никакой он не лентяй, как утверждал Григорий Потанин. А наоборот, фанатично предан науке.

Он близко знал родственников Чокана, дружил с его внучатыми племянниками — юристом Турсыном и известным архитектором Шотой Валихановым.

Надо бы послать в Москву недавно заверченный очерк «Святое дело Чокана» в сборник «Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке». Надеюсь, что опубликуют, благо он сам член редколлегии этого авторитетного союзного издания.

Образы и характеры его современников... Все они естественно и гармонично вошли в книгу «Человек, родившийся на верблюде». Гений казахской словесности Мухтар Ауэзов, академик, доктор медицинских наук, профессор Ишанбай Каракулов, выдающийся ученый-химик Михаил Усанович, известный ученый-геолог Георгий Медоев... И опять же Каныш Имантаевич Сатпаев, боль и радость всей его жизни и судьбы.

³ Копченое мясо.

VI

Он вдруг вспомнил, как его отец Арстан вблизи аула Алыпкаш взял у своего та-мыра Ивана Лазуткина полмешка посевной пшеницы и впервые с помощью русского мужика-переселенца вспахал и засеял клин. Через год уже весь аул Алыпкаш сеял «арстановский» хлеб.

Вот так и зерна науки надобно сеять, чтобы давали хорошие всходы.

Жезказган, Балхаш, Темиртау — говоря словами поэта, «не пустой для сердца звук!» И там, среди друзей и соратников, в кругу простых металлургов и горняков, чабанов и земледельцев, он находил невидимые глазу зерна научного и писательского созидания. И все было соразмерно гармонии души и алгебре разума.

Экология и тяжелая промышленность, казалось бы, взаимоисключающие понятия, благодаря поистине творческому подходу его единомышленников приносили удивительные плоды на древней и вечно молодой земле, воспетой в кюях Курмангазы, в песнях Мади, в стихах Сакена и Касыма.

А если говорить сухим, научным языком, то ему с коллегами удалось разработать и внедрить в производство печи шахтного типа с оригинальной конструкцией — с накладной газораспределительной решеткой. Легко выдуваемый в трубу порошкообразный медный концентрат не уходит в атмосферу, а превращается в окатыши, используемые в конверторах в качестве холодных присадок. Гранулы эти резко увеличили мощность агрегатов, дополнительно дав многие тонны меди, соответствующей мировым стандартам.

Таким же путем удалось извлекать из ядовитого дыма труб медеплавильных заводов серную кислоту, редкие металлы, включая один из самых редчайших — рений.

И это только одна сторона медали, а другая, не менее важная — экология и охрана окружающей среды. А точнее — охрана окружающей природы, ибо «все меньше окружающей природы, все больше окружающей среды».

А природа — вот она, родная степь, родное озеро Балхаш и чудные места Каркалы и Жезказгана.

А какие имена и названия местности сохранила для нас, неблагодарных потомков, память народа! Действительно, нет ничего достовернее и прекраснее, чем испытанное временем название места рождения и жизни человека!

«Отечественные или родину значащие имена» — так определял народную топонимику Михайло Ломоносов. Именно эта мысль проходит красной нитью в заметке «Имя дома твоего» старейшего карагандинского журналиста Сергея Никитина, недавно опубликованной в журнале «Простор». Он не раз беседовал с ним, постоянным его спутником по бескрайним просторам Центрального Казахстана. В своей книге «Сары-Арка — золотая планета» Сергей Никитин, верный патриот Караганды, посвятил ему, металлургу и писателю, целую главу. Он не раз рассказывал журналисту и писателю, с которым приходилось коротать время в пути и в пыльном уазике, и в ночном купе поезда до дальней и конечной станции, об этимологии казахских слов и названий рек, аула, перевала, той или иной возвышенности. Названия поистине самобытные и поэтические, имеющие характер, историю и плоть.

И об этом нельзя забывать, и это нельзя предавать забвению. Да, геологи и поэты, ученые и художники давно уже сошлись на том, что топонимика — неисчерпаемый источник знаний и вдохновения. Незабвенный Каныш Имантаевич в своих путевых тетрадях записывал: «Мыншункур. Тысяча ям. Значит, здесь когда-то были древние выработки. Выяснить!», «Каратас. Черный камень. С этим цветом в народных сказаниях связаны железистые соединения», «Коктас. Синий камень. Можно предполагать — там существует медь», «Алтынтабакан напоминает о золо-

те. И часто не зря!», «Джезказган. Значит — место добычи меди. Точное название!» Так не только геологи находят в недрах богатства. Вспомним Генриха Шлимана, поверившего в историческую достоверность названий рек, морей и городов эпоса Гомера, прошел по следам «Илиады», благодаря чему нашел и раскопал Троию.

Он тогда во многом помог журналисту собрать ценнейший материал для книги очерков об этом легендарном крае. И книга стала своеобразной летописью Жезказгана, Балхаша, Темиртау, Караганды. И помогали в этом его верные друзья: знаток родной земли Сутемген Букуров, аксакал Актай Искаков, исходивший вдоль и поперек Сары-Арку, и народный акын Иманжан Жилкайдаров. От них и узнал, что всемирно известный Байконур — значит богатый прохладным ветром. И действительно, в самые жаркие и знойные дни вдруг потянет прохладный ветерок. Для горячей степи это истинное благо. Не знаю, откуда приходит туда прохлада, но факт остается фактом. И народ запомнил это и сохранил в своей многовековой памяти. Закрепил в имени земли. А теперь благодаря космодрому это имя-название известно всему миру.

А легенда о черном волке, которого долго никто из казахов не мог выследить и убить. Матерый и злой черный арлан-касқыр не давался в руки охотникам, жил в глубоких подземных норах. Черный арлан-касқыр прятался в норы не где-нибудь, а именно в холмах у речушки Соқыр, что означает Слепая. С нравом этой речушки связано и название возвышенности Итжон, на ней и раскинулась каменноугольная Караганда. А Итжон означает Собачий хвост. Одним словом, хвост забоя при добыче каменного угля. Долго скрывался черный волк, а теперь его нашли и приручили.

В горах Улытау, где веками возвышается мазар Джучи-хана, есть легендарная река Терсаккан. В предании «Аксак-кулан — Джучи-хан» поется о Хромом диком жеребце, который убил копытом любимого сына хана Джучи. Разгневанный хан повелел истребить табуны куланов. На их пути в Улытау, где находилась ханская ставка, он приказал прорыть широкий канал Куланутпес, что означает «Не проскакать кулану». Есть и знаменитый күй-плач «Аксак-кулан», исполняемый на кобызе. Все это, и в музыке, и в поэзии, есть художественное отражение реального былого, ибо в Тенгиз-Кургальджинской впадине сохранились и поныне следы Куланутпеса. И есть река Терсаккан — текущая вспять.

VII

Сейчас в ходу серость и чинопочитание, не смей свое суждение иметь. Неужели всему виной система?.. А как же Маяковский? Ты же сам переводил его стихи, где он воспекает этот строй, а значит, и эту систему. Ты же сам декламировал «Стихи о советском паспорте» в собственном переводе или забыл? Нет, не забыл. Ты же сам писал, и не раз, аналитические статьи о переводах на казахский язык произведений «Трибуна революции» и о гражданственности его поэзии. Маяковский принял правила этой системы и сам себя обрек, наступив «на горло собственной песни».

Да, я не таю, что в юности всем сердцем принял этот строй, ибо родился и вырос при нем и благодарен ему за все то, что имею, что нашел себя в науке и в литературе. И убедился, что только через усердный труд можно достичь результата, выдавая на-гора за сутки две-три страницы текста, причем добротного, как коксующийся карагандинский уголь. И в эти часы и минуты я чувствую себя горняком, который спустился в подземные коридоры лабиринта. И если повезет и у меня пойдет добротный пласт, а если попаду в песчаник — тогда прощай и проза и поэзия жизни.

Вот и попал в песчанник. Вынудили меня снять свою кандидатуру на пост президента Академии наук, а затем комиссия за комиссией довели до ухода с поста ректора университета. Одним словом — «усреднили». Они бы рады лишить меня и звания академика, да нет таких директивных, а вернее, нравственных полномочий. Даже того, что сидит сейчас в Горьком, не посмели лишить академического звания, хотя лишили звезд Героя Соцтруда...

Ну, предположим, отчасти некорректно сравнивать себя с академиком-диссидентом.

Я просто не пришелся к республиканскому партийному двору, и спасибо им, партийным центурионам, что дали лабораторию химии угля, где и родилась шальная мысль: заняться превращением низкоэнергетических углей Шубаркольского и Майкубенского месторождений Сары-Арки в широкий ассортимент жидкого топлива — в бензин и дизельную смесь. И это все можно в недалеком будущем применить при заправке авиационных двигателей.

Только вот печаль-досада. Быть в опале и просить какого-то заведующего по хозяйственной части из снабнауки, чтобы он выделил для нужд лаборатории хотя бы один насос высокого давления во имя будущих бензиновых рек из угольного бассейна. Одно дело — быть в ранге ректора и построить за несколько месяцев общежития и жилой дом для преподавателей, а здесь какой-то насос у какого-то завхоза.

И ведь все сделает, чтобы не дать этот самый пресловутый насос. Как-никак, установка сверху.

Да-а, о времена, о нравы!

Вот для чего мне нужны были звания и регалии, а не для того, чтобы сидеть, подбоченясь, в президиумах и за дастарханом.

Дорогие мои коллеги по науке и собратья по перу! Вы хоть в этом помогите бедному академику. Где вы, инженеры человеческих душ? Ау?!

Молчат, как в дальнем ауле в канун джута. Где же ты, уважаемый писатель-академик, ведь когда-то восторгался моими статьями, рецензиями и переводами. Молчишь и давно ничего не пишешь. Ни новых произведений, ни писем мне, да и не в поддержку, а просто так, для душевной беседы, как когда-то в моей алма-атинской квартире, помните, мы проговорили всю ночь — о ваших книгах, о науке и литературе.

Один только Олжас приехал навестить, как всегда, никого и ничего не испугавшись. Всю ночь с ним проговорили по душам...

А где молодые? У меня в учениках, слава Всевышнему, свыше десяти докторов наук и не один десяток кандидатов. Все молчат. И не поймешь — то ли молчание знак согласия, то ли «молчанье — это тоже голос». Однако золото, да не то. Боятся высказаться, и я их понимаю и не держу обиду. Что-то стал бурчать по-старчески. Рано еще стареть. Хотя когда уходил, когда последний раз закрыл дверь своего ректорского кабинета, сам запретил писать письма в защиту, ибо понимал, что это все бесполезно и чревато для авторов таких писем.

Только и произнес на прощание: не забывайте меня...

Нет ничего страшнее одиночества в жизни.

VIII

Однажды из Москвы приехал его младший собрат по профессии и литературному поприщу поэт Какимбек Салыков. Он когда-то начинал свой путь горным инженером в Жезказгане, а затем пошел вверх по партийной линии. Они долго сиде-

ли в его уютном кабинете, Какимбек читал свои новые стихи, по интонации которых чувствовалось, что он тоскует по родному Казахстану, находясь в Белокаменной, работая в отделе ЦК КПСС. Затем вышли погулять перед сном. И преданный пес весело семенил вместе с ними. В тот поздний вечер он рассказал поэту Какимбеку о том, как нашел этого пса еще щенком, как выхаживал его все это время. Какимбек внимательно взглянул на пса, который то выбегал вперед, то возвращался к ним, и вдруг задумчиво произнес:

— Вспомни Абая:

Собаку я выкормил из щенка —
И зубы ее испытал.
Меткости я обучил стрелка —
И сам мишенью стал!⁴

— Это одно из самых загадочных четверостиший поэта, — ответил он тогда Какимбеку. — Хотя почему загадочных? Вроде бы все ясно и понятно. Правда, зубы этой дворняги я на себе испытывать не собираюсь. Да и более преданного, чем Дос, мне во всей округе не найти. И искать не собираюсь. А то, что многие мои ученики предают меня, при встрече отворачиваются или переходят на противоположную сторону, это я по поводу двух других строк четверостишия, то Всевышний им судья и, как говорится, ученая этика.

Именно в тот период он и был снят по неизвестным причинам с должности ректора университета. И поэт Какимбек приехал, чтобы поддержать его в трудный час.

Вначале появился фельетон в молодежной газете, где на все лады склоняли название его книги «Человек, родившийся на верблюде». Фельетон, полный желчи и злобы, и самое главное — не по существу. А где герою этого очерка родиться, если герой его очерка, академик Ишанбай, действительно родился на верблюде при откочевке аула на жайлау. А затем без каких-либо оснований и причин отлучили от главного детища всей его жизни — университета. И оставили заведовать лабораторией Химико-металлургического института Академии наук. Ну что ж, и на том спасибо, что он находится отчасти в подчинении у своих же учеников. Он хотел было пойти на прием к первому секретарю ЦК Компартии Казахстана, такому же в прошлом ученому-металлургу, работавшему еще в довоенные годы и на Балхаше, и в Усть-Каменогорске, и затем президентом Академии наук. Он всегда был с ним в ровных, даже дружеских отношениях. Что за шайтан пробежал между ними?! Начальство, сославшись на занятость, его не приняло, а может быть, как бывает в таких случаях, окружение высокого начальства, засучив рукава, сделало все возможное и невозможное, чтобы он не был принят. В тот самый приезд в Алма-Ату он смог побывать только у отраслевого секретаря, курирующего тяжелую индустрию. Только в нем он нашел определенную поддержку и понимание проблем его, уже не университета, но лаборатории, ибо сам секретарь начинал металлургом в Темиртау, был близко знаком с насущными проблемами металлургической отрасли и обещал помочь в тяжелый период его судьбы...

Это же надо, фельетонист сравнивает его с самим Климом Самгиным, видите ли, он в своих «Записках научного работника» выделяет «скособоченную общественно-политическую картину». Да-а, и автор фельетона носит почти лесную фамилию — Рошин. Видимо, не зря я всю жизнь сторонился рощицы и леса, особен-

⁴ Жовтиса. Перевод.

но смешанного, где сам не знаешь, что тебя ждет. Степной простор люблю, степной, там все ясно видно и слышно на шақыру⁵. А здесь?!

IX

А не бросить ли все это?

Вызвать Туе Моина и, как когда-то в молодости, уехать с ним в какой-нибудь далекий аул. И слушать вечерами мудрые речи стариков-аксакалов. А то и он засиделся в своем инъязе. Видите ли, преподает русский язык и литературу почти четверть века.

Махнуть бы куда-нибудь, как в далекой молодости, на сенокос вместе с милейшим моим родственником Жактаем-ага и косить, с плеча косить, со всего замаха, чтобы пот шел градом, чтобы как у заживевших лошадей делают эту самую выстойку-танасу, чтобы снять жирок и подтянуть живот. Чтобы запах скошенного сена с каплями росы переполнял душу и смешивался по утрам с запахом сырой земли, родной земли моих предков.

Так что все вроде бы образуется, согласно образу мыслей и ритму сердца. А вот оно как раз и шалит.

«Боль возникла в правом плече. Затем она поползла к груди и застряла где-то под левым соском. Потом будто чья-то мозолистая рука проникла в грудь, схватила сердце и стала выжимать его, словно виноградную гроздь. Выжимала медленно, старательно: раз-два, два-три, три-четыре... Наконец, не осталось ни кровинки, та же рука равнодушно отшвырнула его. Сердце остановилось. Нет, сперва оно упало вниз, как падает налетевший на оконное стекло воробушек, забилося, затрепетало, а потом уже затихло. Но остановившееся сердце — это еще не смерть, это широко раскрытые от непомерного ужаса глаза и мучительное ожидание: забьется вновь или нет проклятое сердце?!»

Это начало романа Нодара Думбадзе «Закон вечности». Видимо, небесам было угодно, чтобы именно после первого инфаркта он прочел этот роман в больничной палате. И даже, следуя академическому педантизму, записал в дневник некоторые его фрагменты, а начало романа просто запомнил, сопрягаясь с возрожденным биением своего израненного сердца.

Как запомнил и крылатую мысль романа: «Душа человека во сто крат тяжелее его тела... Она настолько тяжела, что один человек не в силах нести ее. И потому мы, люди, пока живы, должны стараться помочь друг другу, стараться обессмертить душу друг другу: вы — мою, я — другого, другой — третьего и так далее до бесконечности. Дабы смерть человека не обрекала нас на одиночество в жизни».

Вот и помогли благородные грузинские писатели получить батону Нодару, перенесшему инфаркт, Ленинскую премию. А в списке претендентов перед заключительным туром была и трилогия Ильяс Есенберлина «Кочевники». И эта трилогия сыграла свою историческую роль для целого поколения казахского общества, и в первую очередь в росте национального самосознания.

И не менее благородные казахские писатели также писали в Москву, чтобы ни в коем случае не дали Ильяс-летописцу самой главной премии страны. После чего бедный Илеке слег с инфарктом. А не так давно, несколько месяцев назад, покинул этот грешный мир.

«О казахи мои, мой бедный народ!»

Об этом ему поведал в Москве один из членов Комитета по присуждению премий. И заметил, что оба произведения, и грузинского, и казахского классиков,

⁵ Голос, зов.

были достойны этой премии и могли бы получить оба, но помешали письма из Казахстана.

Он горько усмехнулся и тяжело вздохнул:

— Когда будем достойны своего народа, зиялы хаум!

Он потрепал поникшее ухо присмирившего пса и, тяжело вздохнув, поднялся, вновь ведя собаку на длинном поводке. На остановках уже стали появляться рабочие и служащие индустриального города, который почти четверть века был для него близким и родным.

Х

В начале пятидесятых, когда он был еще молодым ученым, и затем, уже в академической среде, не раз слышал об одной легендарной личности, ученом, которого можно было назвать шаманом языкознания и востоковедения. Имя ему — Николай Яковлевич Марр. Сын шотландца и грузинки. Он достиг небывалых ученых почестей еще в двадцатые годы, обладал гениальной научной интуицией. Он яро утверждал, что индоевропейской семьи языков вообще не существует, ибо вначале был не один праязык, а множество языков, и все они после мировой революции неизбежно сольются в мировой язык. А происхождение всех языков сводится к изначальным выкрикам типа «Бер! Ион! Рош!» На такие звуковые первоэлементы можно разложить любое слово любого языка...

Ну, конечно же, суть не в его во многом псевдонаучном подходе, не в «яфетизме» этого Вольфа Мессинга от науки. Да и что, собственно, выявляет ту или иную теорию ученого? С одной стороны — талант и напряженный труд, но с другой — и некая непосредственность, наполненная божественной интуицией. И многие ученые считали себя последователями и преемниками школы Марра. И среди них академики, лингвисты, востоковеды Мещанинов, Орбели, Фрейденберг, Алексеев... И многие сохранили искреннюю благодарность своему учителю за его «донкихотство» в науке. Сохранили, несмотря на то, что в «Правде» в июне 1950 года появилась статья «главного языковеда» Сталина, где ставился жирный крест на научной теории Марра. А многие предали своего демона языкознания, хотя он, сам того не ведая, положил начало и структурной лингвистике, а в эпоху телетехнологий, когда языку уже тесно в звуковых рамках, это влечет за собой и визуальные элементы. И это все отчасти уже знаковая система. Хотя было это все и в далекой древности, еще до заклинательных шаманских выкриков. Наш древний пращур победил в себе весь ужас тела, когда выбил наскальное творение, петроглиф, тем самым свой заклинательный клич и выкрик запечатлел в камне, посредством сознания и мысли обессмертил на века и образ и первую свою метафору... И не только это. Пращур, выбивая картины жизни, возвеличивал и деяния вождя своего рода-племени. Так и рождаются через века и тысячелетия наукообразные мифы и легенды, несущие в себе идеологию далекого прошлого.

А интересно, кто из учеников и последователей предаст его, человека, родившегося на верблюде? Или останется верен своему учителю. Ведь так было издревле, и все повторяется не только в виде фарса. Степная земля полна таких примеров. «Степная земля бесконечна — как время». Кто сказал? Казтуган, еще в пятнадцатом веке. А народ сохранил эту мысль жырау на века...

Внезапно подул резкий ветер, и вновь пошел снег. Он кружил крупными хлопьями в бездонном пространстве и падал на деревья, где черными комьями, насупившись, восседало воронье, изредка взлетая, без привычного карканья в безмолвной снежной тишине.

Он почувствовал, что Дос, слегка завывая, в своем беспокойстве тянет его в

сторону дома, но незримая тяжесть навалилась на плечи, и он вновь присел на скамью, глубоко вдыхая на ветру весь в снежинках утренний воздух.

XI

В последнее время он находил утешение в стихах Шакарима, творчество которого, несмотря на гражданскую реабилитацию в 1958 году, все еще было под идеологическим запретом. Однажды к нему в ректорат пришел один пожилой человек, и когда секретарша назвала его фамилию, он сразу же принял его, человека тяжелой и непростой судьбы. Многие в писательских кругах обвиняли этого человека в гибели поэта и философа Шакарима. И вот он пришел к нему как бы на исповедь. Четыре долгих вечера он слушал эту исповедь, с его разрешения записывая на магнитофон. «Я не убивал Шакарима!» — исповедально звучало из уст этого пришельца.

Он сказал, что время все расставит по своим местам, и поблагодарил за все то, что мучило его многие годы и выплеснулось в многочасовую исповедь. Он никому не поведал об этой встрече и спрятал эти магнитофонные кассеты глубоко в сейф.

Стихи Шакарима, несмотря на запрет, писателю и исследователю казахского фольклора Мухтару Магауину удалось включить в поэтическую серию «Поэты Казахстана», которая вышла в Ленинграде в 1978 году. И переводили его известные московские поэты Всеволод Рождественский и Владимир Цыбин.

А недавно он рекомендовал одного молодого поэта и переводчика в члены Союза писателей, кстати, инженера-металлурга по первому образованию.

Познакомился с ним несколько лет тому назад в салоне сверхзвукового лайнера ТУ-144, который в течение года, до катастрофы в Ля-Бурже, совершал полеты Алма-Ата–Москва. Его тогда, в полете, отчасти тронули рассуждения молодого человека об обратимости часового времени, конкретного и декретного. Сидя в соседнем кресле, молодой поэт размышлял и о теории относительности Эйнштейна, приводя в пример и настоящий полет, когда сверхзвуковой лайнер, взлетев в десять утра по Алма-Ате, прилетает в девять того же утра, но по Москве, учитывая время полета в два часа и часовые пояса в три часа. То есть, говоря языком поэтов, прилетаем на час раньше вылета. Как говаривал Альберт Эйнштейн: «Все относительно, господа!»

Все это, конечно же, шутки ради, но стихи этого молодого поэта, его переводы Абая и Шакарима после дальнейшего знакомства тронули его сердце и запали в душу.

А переводы из Шакарима, особенно «Толстосумы», актуальны и для нашего непростого времени.

По-видимому, тяга к мышлению образами взяла верх над техническим образованием этого парня.

В казахских семьях есть понятие «бата» — благословение перед дальней дорогой или в канун жизненного поворота судьбы. И его бата-рекомендация в том, что при должном трудолюбии и неумении переоценивать себя этого молодого поэта ожидает большое литературное будущее...

А вообще-то, прав этот парень, утверждавший тогда, в лайнере, что в творческом пространстве писателя существуют Декартовы координаты — эти самые икс, игрек, зет; где от причины зависит следствие, или, говоря языком математиков, от переменной точки икс зависят и творческие игрек и зет. «Мыслию, следовательно, существую». Декарт сам с точки зрения философии объяснил свои координаты, где свет нашей памяти перемежается с печалью нашего беспомыслия. И в своих литературных произведениях мы действительно вспоминаем, как писал Рей Бред-

бери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы помнить человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!»

«Что есть время? — вопрошал Федор Достоевский. — Время не существует, время есть цифры, время есть отношение бытия к небытию».

Противоречия Декарта, всю жизнь доказывавшего существование внеземного разума, не помешали, а может быть, наоборот, помогли ему выявить свои начала философии, высказать закон сохранения количества движения, создать ту самую пространственную систему координат, которой пользуются и ныне.

Разумеется, от причины творчества писателя зависят сюжет, интрига, повествовательное действие, одним словом — следствие. А причина влечет за собою и наши диалоги мышления. Одни воспоминания сменяются другими, обрастая потоком информации не только о прошлом и настоящем, но и воспоминаниями будущего.

Все это сродни переводу стрелок часов на летнее или зимнее время, в результате чего появляется как бы мертвый час нашего бытия. Но не так уж он мертв, этот час. С наступлением осени, когда символические стрелки часов отведут назад, нам всем дается возможность прожить его повторно, вспоминая и исправляя ошибки судьбы и частично воплощая, хотя бы в мыслях, невоплощенные мечты. И писатель в этой системе координат нашего бытия был и остается часовщиком, которому дано полное право образно передвигать эти самые стрелки нашего хронометра, ибо, по сути дела, время, календарь есть покушение на свободу личности, на свободу творчества, так как эта условность времени, суток, месяцев календаря сковывает, навязывает нам свои законы существования, свои правила реального мира. Но только в виртуальном мире — в произведении — у автора может быть осень, когда на улице весна, день — когда за окном ночь, степь и аул на двадцатом этаже небоскреба; ибо во всем этом есть и четвертое измерение, четвертая координата. Это душа и талант писателя.

В поисках нашего утраченного времени мы посредством души направляем поток сознания в океан памяти, обретая тем самым бессмертие...

ХП

Мысли путались... Когда они наконец добрались до дома, завьюжило, что было характерно для первой половины декабря. Вдоль дорог неслась подгоняемая ветром поземка. Снег усилился и уже нескончаемо кружил хлопьями между домами, заматавая проходы и кустарники.

Но он уже плохо все это представлял. Белая пелена вьющегося снега смешивалась с его гаснущим сознанием, с черной бездной сквозь острую и неуходящую боль слева в груди. Он мертвеей хваткой сжимал в кулаке поводок и грузно повалился вблизи подъезда своего дома. Его верный пес всей своей взъерошенной шерстью стряхивал налипающий снег и метался из стороны в сторону, судорожно чуя, что происходит что-то непоправимое с его хозяином, который хрипел, задыхаясь, погружая себя в круговорот мелькающих хлопьев снега...

И сердце не воробышком, а жаворонком — караторгаем, израненным беркутом вырывалось из цепких костлявых рук и парило высоко в небе, над поземкой и метелью, и не находило, как в великой песне Акана, места для упокоя — ни на этой земле, ни на небесах, замирая и обрывая свое биение на высокой, щемящей ноте напева: «Бишара!»

Разъяренный пес, скаля клыки и горя красными от безумия глазами, не подпускал к умирающему хозяину врачей «скорой помощи», которые в бессилии стояли с носилками у холодного подъезда.

Валерий МИХАЙЛОВ

* * *

Фонарь качался и скрипел,
Один в пурге неслышной,
А снег летел, летел, летел
Все выше, выше, выше.

И небо мутное впотьмах
Светилось млечным светом.
В глухой ночи на воротах
Стонал фонарь под ветром.

В краю чужом, чужом, чужом,
Заснеженном по крыши,
Слетал с небес родимый дом
Все ближе, ближе, ближе.
В душе моей, в душе моей
Он затерялся где-то.
Ни окон в нем и ни дверей,
Одни провалы света.

* * *

Ото всего свободным быть,
Как облако куда-то плыть,
Блистая снежной белизною
Над вечерющей землею,
И ничего-то не желать...
Лучи зашедшего светила
Ловить, лететь розовокрыло
И свет последний отражать
Кому-то вдаль, где тьма застыла.

ПОЛЕНО

Дремучее угрюмое полено,
Одно в сухом костре ты не горишь,
На золотой огонь шипишь надменно
И как чужое празднику чадишь.

Валерий Федорович Михайлов родился в 1946 году в Караганде. Окончил Казахский политехнический институт. Автор книг стихов и прозы: «Хроника великого джута» (1990, 1996); Весть. Стихи (1994); Немерцающий свет. Стихи (1996); Ограда. Стихи (1999). Член СП России, СП Казахстана. Главный редактор журнала «Простор».

Вокруг тебя трещит и вьется пламень,
Он щедр на искры и живет летя,
А ты в себя ушло, как черствый камень,
И не глядишь на резвое дитя.

Но вот костер веселый догорает,
И стылая его сжимает тьма,
И в серый пепел сучья опадают
Без силы, без надежды, без ума.

И только ты, забытое полено,
Вдруг вырываешь пламень из нутра
И, запоздалый, длишь самозабвенно
Огонь свой синеватый до утра.

Мы все уходим в небо постепенно...
Что наше пламя? — Лишь тоска о нем.
И хворост, и могучее полено —
Гори все синим ласковым огнем!

Лишь небо бесконечное нетленно,
Что в искрах звезд надмирно возлежит.
Оно однажды вспыхнет, как полено,
И все собой опять преобразит.

* * *

Сизые стрекозы
Шьют в тиши лесной
Сизые узоры
Ниткою сквозной.

Летают беспечно...
Сутем зелена,
Лишь янтарной свечкой
Теплится сосна.

Шепчутся березы
В яве ли, во сне,
Синие их грезы
Не слышать мне.

Все на свете тайна,
Словно тишина,
Зелена, хрустальна,
Не разглашена...

* * *

— Пети, пети, пети! — птица за окном.
Мир зеленый зрети под живым крылом,
Воздухом дышати, свежим, как трава,
В синеву взмывати, как весной листва.

Все на этом свете — только для того,
Чтобы жизнь воспети в милости Его,
Все Ему воздати... — а там станет звать:
— Спати, спати, спати! — ласковая Мать.

* * *

За пределами сердца и трепета
Зеленым ли упьешься вином...
Все, что пито — как будто бы не пито.
Птичьи флейты небесного лепета
Льются, тихие, в свете ином.

И чуть плещется, неупиваема,
Чаша сумрачная бытия.
Все, что познано — вовсе не знаемо,
Что порушено — непорушаемо,
И душа твоя — разве твоя?

Созерцая незримые сполохи
Прикровенного зренью огня,
Ворошить ли мне прошлого ворохи,
Драгоценные слушая шорохи?
Нет! И это уж не для меня.

К незабвенному освобождению
В не расслышанной прежде тиши
Поплыву лучше я по течению,
По волнистому по влечению
Уплывающей в небо души.

* * *

Ус крутил да часами молчал.
Колко супясь, газету читал
И придирчиво радио слушал.
На парадную поступь страны
Говорил лишь одно: — Брехуны!
И ворчал про себя: — Мать их в душу...

Внук однажды о прошлом спросил —
Всхлипнул глухо в ответ. Слезы лил.
Да рукою махнул еле-еле.
Нету силы о том вспоминать,

Как загнали в степя помирать.
Молвил только: — Хоть мир посмотрели...

ХЛЕБНИКОВ

Цветы ему степные песни пели,
Лягушки, словно Будды, бронзовели,
Он аист был задумчивый в траве.
Зрачок его пил дальнее пространство,
И ветра кочевое постоянство
Свободное струилось в синеве.

Летели цифры журавлиной стаей,
И смысл времен, как зыбкий клин, растаял,
Но угол зрения счастливо и легко
Пил птичью клинопись веков летучих,
Росу живую спелых звезд падучих
И облака парное молоко.

Земля дышала глиной сотворенья,
Кузнечиков рассыпчатое пенье
Звенело, словно золотистый зной,
Столпом стояло марево певучье,
И тучей насекомые созвучья
Пронзали — синей, знобкой и сквозной.

Камней язык был будто гул глубокий,
Огня подземного змеились токи,
Ворчали и ворочались хребты
Урала сонного и пылкого Кавказа,
И магма проступала, как проказа,
Сквозь рвущиеся древние пласты.

Наивные и дикие народы
Топтали, как слоны, цветы природы,
Хрипели кони бешеных погонь.
И черных солнц цвели протуберанцы,
И девушки летели в брачном танце,
Как бабочки, на ласковый огонь.

Он слушал говор племени родного,
Глубинно отзывались недра слова
В обветренных от времени словах,
И корни родниковые журчали,
И флексии румяно оживали
И таяли на шепчущих губах.

Вздымалось до небес людское море,
Голодное, как зверь, шаталось горе,
И Русь в шальной купалася крови...
Он верил: это муки возрожденья

И всей Земли святое искупление —
И сеял очи чистые любви.

Земля ладьею в космосе летела.
Весь мир был слово. Это слово пело.
И волны бились чередой в эфир.
Лишь песня не подвластна злу и тленью,
И по ее певучему велению
Избрал он угол сердца, Велимир, —

Земного Шара нищий Председатель,
И волн хвалыньских трепетный вниматель,
Священник пылкий полевых цветов,
Птиц собеседник, облаков избранник,
Небесной воли бескорыстный странник,
Земных не знавший никаких оков.

ЯЗЫК

В автобусе, под Минском, старуха говорила
Другой старухе: «Я ночью кума *снила...*»
Открылось вмиг: она его — увидела во сне.
Так древний говор улыбнулся мне.

Я помню баритон глубокий, теплый, ясный...
Он золотом закатным по *Днипру* плыл в небо *знов и знов*
И то ли вопрошал, то ль тихо заклинал: «*Ты скажи, ги не сгасла,*
Ты скажи, чи не сгасла любов?..»

Казак уральский, на дорожку выпив чая,
Как водится у русских испокон,
Прощался с другом и, слов сказочных своих не замечая,
Обыденно промолвил: «А свату моему *скажи поклон*».

Изустное... коснувшееся слуха...
Родимое... Я с вами исхожу — вернусь иль не вернусь, —
Как воздух Родины, земная грусть уходят ввысь прозрачно, немо, глухо
Туда, где ждет нас всех, любя, небесная Святая Русь.

* * *

Война против нас не кончалась,
Война эта будет всегда.
Одна ты, Россия, осталась,
Как в небе пред Богом звезда.
От края судьбы и до края
Лежит заповеданный путь.
Гореть же тебе не сгорая...
От ада до светлого рая
Недолго, немного, чуть-чуть...

РАССКАЗЫ

ПРОЗРЕНИЕ

— У нас третий день в ванной труба течет. Сделай что-нибудь!

Марат отложил смартфон, дожевал бутерброд и глянул на жену — немолодую, уставшую. Второе десятилетие в статусе домохозяйки сказывалось: жена поглупела, перестала интересоваться чем-либо за пределами ее мирка — небольшой двухкомнатной квартирки в панельном доме, троих детей, базара, продуктового магазина возле дома и супермаркета, куда они по выходным ездили за продуктами.

— Хорошо, — буркнул он и снова уткнулся в смартфон.

— Нет не хорошо! — взъерилась жена. — Ты же ничего не делаешь! Займись трубой, я устала убирать воду! А если соседей зальем? Век не расплатимся!

— Да займусь я, уgomонись уже! Достала! — Марат резко встал из-за стола. — Я на работу опаздываю!

Кипя от возмущения, Марат надел туфли, завязал шнурки и, хлопнув дверью, ушел.

— Сволочь! — услышал он вслед.

— Да пошла ты, с...!

На работе он долго не мог успокоиться, курил, пил кофе — упреки жены казались ему пустыми, ибо он работал и зарабатывал. Да, немного, но этого хватало на жизнь. Это он и считал своей основной обязанностью — работать и приносить зарплату домой.

Вечером, вернувшись, Марат остался без ужина — это была мелочная месть супруги. Рассердившись, он ушел ночевать к другу-холостяку.

Под утро он в изрядном подпитии вернулся домой. Дверь открыла заплаканная жена.

— Я развожусь, — с порога заявил Марат. — Ты меня не ценишь и вообще...

— Уже нашел себе кого-то! — жена заревела белугой. Ее лицо исказилось и стало совсем некрасивым, вызывая у мужа отвращение.

Данияр Саматович Сугралинов — прозаик. Родился в 1978 году в Актюбинске (КазССР). Окончил Санкт-Петербургскую государственную инженерно-экономическую академию им. Пальмиро Тольятти в 1999 году. В 2013-м — Высшую школу менеджмента при Высшей школе экономики (Москва). Первую известность как автор получил в 2005 году после сетевой публикации повести «Кирпичи». Основатель и руководитель компании «Kaznetmedia». Создатель нескольких казахстанских сайтов, в частности литературного портала «Проза.кз». Участник литературного фестиваля в Казахстане, проведенного Фондом СЭИП в ноябре 2012 года в пансионате «Каргалы» (Алматы, в семинаре Анатолия Курчаткина. Публикации: Кирпичи 2.0. Роман (2014); Ценой жизни. Рассказы (Журнал «Москва». № 8. 2013); Осколки. Рассказы (2013); Буквы. Рассказы (2013); Кирпичи. Повесть (2013); Нет бога, кроме... Рассказ (альманах «Проза в Сети», 2012). Живет в Астане.

Дети, радостно выбежавшие было встречать папу, вернулись в свою комнату и затихли.

— Нашел! — мстительно соврал он. — Стократ лучше тебя! Умная! Красивая! Молодая! Добрая! Хозяйственная! А какая она в постели!

С каждым его словом жена сутулилась и сгибалась к полу, затихая. Ее ноги подкосились, и она по стене сползла на пол. Дверь детской приоткрылась — дети, увидев, что маме плохо, выбежали и принялись успокаивать мать, бросая на отца укоризненные взгляды.

Марату вдруг стало плохо. Он резко протрезвел и сумел прочувствовать всю боль, которую причинил жене — своим равнодушием, неучастием в жизни семьи, воспитании детей. Молча разделся, разулся и решительно пошел в ванную. Дети пугливо рассыпались в сторону с его пути.

Он провозился там часа два, устранив протечку. Закончив, собрал мусор, вымыл пол в ванной и пошел в душ.

Стоя под струями горячей воды, он вспоминал, как безумно влюбился в жену и молил Бога о ее взаимности. Как клялся себе и ей, что всю жизнь будет оберегать ее и носить на руках, когда она забеременела. Вспомнил, как дико радовался рождению первого сына и в хлам нажрался с друзьями. Как бросал ее с ребенком и уезжал в ночь, по-гусарски разбрасывая деньги, угощал друзей и знакомых, мнимых и настоящих.

Как заявлялся поздним утром домой и валился в одежде спать, а просыпался раздетым и укрытым одеялом, а на кухонном столе его ждал теплый завтрак...

После душа, остервенело чистя зубы, Марат решил, что с него хватит.

Он обтерся полотенцем, накинул халат и вышел к семье.

— Любимая... — он неловко переминался с ноги на ногу, стоя на пороге гостиной. Жена с детьми молча сидели на диване, глотая слезы в ожидании вердикта. — Там это... Я починил трубу, больше течь не будет. И это... Прости меня! Нет у меня никого.

И кинулся в ноги жены.

СПАСИБО

— Восхитительно, — сказала Анна Ильинична Пак. — Превосходно!

Витя зарделся.

— Полосков, ты меня поразил. Ставлю тебе «отлично с плюсом»!

— Спасибо, Анна Ильинична, — сказал Витя.

— «Спасибо» скажешь своему папе! Его помощь школе в оборудовании компьютерного класса неоценима!

* * *

— Красавец, сынок! — обрадовался Полосков-старший. — Хвалю!

Витя зарделся.

— Будешь первым отличником в семье Полосковых!

— Спасибо, па, — сказал Витя.

— О-о-о, это не меня тебе надо благодарить, сынок! Если бы не Аскар Конысбекович из облоно, не видать мне этого тендера, как без зеркала своего х... Хреновастенько, в общем, сынок, было бы.

* * *

— А это твой сынок, значит? Молодец! — похвалил Аскар Конысбекович из облоно Витю. — Джигит!

Витя зарделся.

— Витябек! Витяхан! — продолжал восторгаться Аскар Конысбекович.

— Спасибо, Аскар Конысбекович, — сказал Витя.

— Мне «спасибо» не надо, я — человек маленький! Если бы не наш драгоценный аким Маке, дай Аллах ему здоровья, долголетия... Если бы не Маке, мудрость которого достигла небес, а разумом своим он измерил вдоль и поперек земную твердь и звездные пути начертал на скрижалях своего сердца! Не было бы у нас компьютеризации, были бы мы как пещерные люди, Витябек, без компьютеров.

* * *

— Лучшие ученики нашей области! Надежда нашего края! Гордость родителей и Министерства образования! — вещал в микрофон аким Марат Сагиндинович. — Награждается ученик шестого класса «Б» средней школы № 13 Виктор Полосков!

Витя зарделся и с гордостью прошелся на сцену.

— Молодец, Витя, — похвалил Марат Сагиндинович. — Так держать!

— Есть «так держать»! — гордо произнес Витя. — Спасибо вам, Марат Сагиндинович!

— Учись хорошо, а когда вырастешь, к нам на работу пойдешь!

Витя собрался уже уходить, но Марат Сагиндинович внезапно наклонился и, хитро улыбнувшись, шепнул ему на ухо:

— Маме скажешь «спасибо». Загоняй салам от Маке.

СКАЗКА

В одном большом-большом городе в большом-пребольшом доме жила-была большая семья: папа, мама, бабушка и два мальчика — школьник Азамат и Диас, который ходил в детский садик. А еще с ними жил толстый и пушистый кот по имени Лоскутик.

Все очень любили мальчиков. Папа часто покупал им игрушки, мама рассказывала сказки и играла с ними, а бабушка готовила внукам баурсаки. И даже Лоскутик баловал мальчиков. Он мурлыкал им песенки и гладил своей пушистой головой им ладошки.

Азамат очень любил играть в компьютерные игры. Поэтому после школы он сразу садился за компьютер. Диасу тоже хотелось поиграть с братом, но тот прогонял его, чтобы не мешал.

Тогда Диас уходил в свой уголок и играл там. Его любимыми игрушками были машинки. Машинки у него были самые разные: и гоночные, и большие, и маленькие, но самыми любимыми для Диаса были те, что относились к строительной технике: тракторы, экскаваторы, подъемные краны и бетономешалки.

Однажды папа пришел с работы домой с большой коробкой. Дети очень обрадовались: папа принес им какой-то подарок!

Но подарок оказался только один — большущий радиоуправляемый экскаватор.

— Ура! — запрыгал от радости Диас. — Экскаватор!

Мальчик давно мечтал о таком, но экскаватор был очень дорогой. Папа всегда говорил, что обязательно подарит его сыну, когда будет возможность.

Диас не понимал, что значит «возможность», но терпеливо ждал, когда она придет. Папа всегда исполнял обещания.

— Ну что, Азаматик, поможешь братишке разобраться с экскаватором? — улыбнулся папа.

— Нет, — буркнул Азамат и убежал в свою комнату. Ему стало очень обидно, что папа купил подарок только Диасу.

— Что это с ним? — удивился папа.

— Наверное, ему тоже хотелось получить какой-нибудь подарок, — предположила мама.

Папа расстроился. Он не хотел, чтобы сын грустил. Поэтому он зашел к сыну в комнату, чтобы утешить.

— Сынок, не переживай, — сказал папа. — На выходных мы поедем в магазин игрушек и купим и тебе что-нибудь.

— Не нужны мне твои игрушки! — крикнул Азамат.

Папа грустно промолчал и вышел из комнаты. А Азамат лег в кровать, накрылся одеялом и еще больше обиделся. Ему хотелось, чтобы папа поугваривал его, и тогда бы Азамат попросил новый мощный компьютер, чтобы игры, в которые он играл, стали еще красивее.

Вот так лежал Азамат и обижался, и чем больше он лежал один в комнате, тем больше обижался. Он слышал радостные крики Диаса, когда экскаватор заработал, и еще больше разозлился на всех: на папу за то, что ничего ему не купил, на маму за то, что она его не пожалела, и даже на бабушку, потому что она никогда ничего не покупала внуку. Он выгнал из комнаты даже Лоскутика.

И когда бабушка позвала внука к столу ужинать, он крикнул:

— Отстаньте от меня! — и решил спать.

Во сне он шел по степи, и на тысячи километров вокруг не было ни души. Степь была мертвой — не бегали суслики, не пролетал в небе беркут, не видно было и следа человеческого. Вдали виднелись горы.

Шел так Азамат, шел и дошел наконец до гор. Там он увидел юрту. В ней сидела древняя старуха Жалмауыз Кемпир.

— Здравствуйте, бабушка! — поздоровался Азамат.

— Здравствуй-здравствуй, внучек! — ответила старуха. — Слышала я, желание у тебя есть сильное?

— Есть! — обрадовался мальчик. — Хочу, чтобы папа дарил подарки только мне!

— Только тебе? — уточнила Жалмауыз Кемпир. — А твоему братику Диасу чтобы никогда ничего не дарил?

— Да! — закивал Азамат.

— Да будет так, — сказала старуха.

И Азамат проснулся.

Дома было непривычно тихо. В комнату заглянула мама:

— Подымайся, лежебока! — ласково сказала она. — В школу пора собираться.

Азамат продрал глаза и встал. «Странно, куда делась кровать Диасика?» — подумал он.

— Мама, а где Диас? — спросил он.

— Какой Диас? — удивилась мама.

Азамат кинулся искать братика, заглянул даже под кровать, надеясь, что тот прячется там, но нет — Диаса нигде не было.

— Где мой братик? — закричал Азамат.

Мама испугалась за сына, потрогала ему лоб. Папа обнял его и прижал к себе, поглаживая по головке.

— Успокойся, сынок, успокойся. Тебе просто что-то приснилось.

Азамат вырвался из папиных рук. Он стал замечать, что дома нет никаких следов Диаса: нигде не было его игрушек, его кровати, одежды, и даже купленного вчера экскаватора нигде не было.

Зато вместо старого компьютера на его столе стоял новенький компьютер, точно такой, какой мальчик хотел попросить у папы.

В школу в тот день он не пошел. Родители решили, что мальчику нездоровится, и оставили дома. О братишке никто не говорил.

Азамат понял, что старуха исполнила его желание — теперь все подарки папа будет дарить только ему, потому что Диас куда-то пропал. Скорее всего, думал мальчик, его забрала злая старуха Жалмауыз Кемпир.

День шел за днем. Мальчик все больше и больше скучал по братишке, но дома таинственным образом пропали все фотографии с его изображением. Там, где братья были на фото вместе, Азамат был теперь один.

Никто больше не мешал ему играть в компьютерные игры. Бабушка готовила баурсаки только для него, папа дарил игрушки только ему, а мама играла только с ним. И только Лоскутик как будто бы обиделся на Азамата и не подходил к нему.

Каждый день перед сном Азамат загадывал, чтобы братик вернулся. Мальчик слышал, что если крепко-крепко загадать желание и очень-очень чего-то захотеть, то желание обязательно сбудется.

Но утром, просыпаясь, он видел, что он все так же один.

«Не нужны мне никакие подарки! — думал Азамат. — Пусть только братик вернется!»

Как-то раз, когда родители были на работе, а бабушка ушла в магазин, к Азамату подошел Лоскутик. Кот внимательно посмотрел в глаза мальчику и промяукал:

— Ты хочешь вернуть братика?

— Очень-очень! — сказал Азамат, даже не удивившись, что Лоскутик заговорил. Так сильно ему хотелось вернуть Диаса.

— Обещаешь больше не завидовать ему?

— Обещаю!

— Да будет так, — промурлыкал Лоскутик.

Азамат проснулся в своей кровати. Дверь комнаты приоткрылась. Это был Диас со своей новой игрушкой.

— Азамат, хочешь поиграть в экскаватор? — спросил он.

— Ура! — закричал Азамат, вскочил с кровати и обнял братишку. — Ты вернулся!

— Ура! Я вернулся! — тоже обрадовался Диас. Он не понял брата, но всегда радовался вместе с ним.

Удивленные родители зашли в комнату, услышав крики.

— Дети, у вас все в порядке? — спросил папа.

— Да, папа, спасибо! У нас все хорошо! — еще громче закричал Азамат и засмеялся.

Родители тоже засмеялись. Они все обнялись и закружились по комнате. В углу комнаты сидел Лоскутик и довольно улыбался.

А Азамат на всю жизнь понял, что зависть — самое мерзкое и плохое чувство, а семья — это самое дорогое, что у него есть.

В ЗДОРОВОМ ТЕЛЕ...

Врач-диетолог Жанболсын Галиевич первую сигарету выкурил в первом классе. К четвертому он дымил с редкими перерывами на сон. В шестом классе Жанболсын Галиевич попробовал водку. Вкус не понравился, но стало почему-то радостно, так что девятый класс он заканчивал ярым приверженцем философии «...если есть в кармане пачка сигарет...», любителем остограмиться в обед и «нормально посидеть» вечером.

К сорока годам Жанболсын Галиевич остепенился. Курить бросил, пить бросил, занялся физкультурой, свой любимый бешбармак променял на паровые котлетки из куриной грудки и зерновой хлеб.

А в прошлом году аккурат к Наурызугу Жанболсын Галиевич открыл в своем элитном жилом комплексе магазин здоровой диетической пищи «Жанболсын». Продукты без глютена, соки без сахара, биологически активные добавки, обезжиренные молочные продукты, итальянская минеральная вода «Сан-Пеллегрино» — все привозилось из Европы и было либо органическим, либо низкокалорийным и жутко полезным.

«В точку попал! — радовался Жанболсын Галиевич. — В доме половина жильцов — буржуазские экспаты, а другая половина — уважаемые люди. И те и те здоровые берегут, в спортзал ходят. Ниша! Скоро деньги буду грести лопатой! Совковой!»

Стены магазина были обклеены вырезками из газеты «ЗОЖ» и плакатами-лозунгами в духе «В здоровом теле — здоровый дух!» и «Мы — это то, что мы едим!» на четырех языках (английском, русском, казахском и китайском — специально для китайских строителей со стройки рядом).

На семейном совете Жанболсын Галиевич решил подарить первому покупателю от лица магазина «Жанболсын» упаковку диетического шоколада — без жиров, без сахаров, со вкусом картона.

Первым покупателем стал случайно ошибившийся дверью Маке. Уважаемый человек Маке некоторое время вглядывался в широкую улыбку врача-диетолога.

— Е-е-ей... Магазин, что ли? — удивился Маке.

— Так точно, Маке! — отрапортовал врач-диетолог. — Магазин здоровой пищи!

— А разрешение имеется?

Разрешения имелись от всех нужных инстанций. Разочарованный Маке не глядя схватил бутылку итальянской минеральной воды «Сан-Пеллегрино» и со словами «Запиши на мой счет» ушел. Шоколад не взял.

Радостный, как думалось Жанболсыну Галиевичу, день стал днем разочарований. Любопытные жильцы заходили, оглядывались, выясняли, что в магазине нет ни пива, ни другого алкоголя, ни сигарет, ни пельменей, ни какой-то другой еды, а только здоровая пища и биодобавки, после чего пожимали плечами и уходили ни с чем.

Иностранцы удивлялись ценам на знакомые продукты и также уходили ни с чем.

Впавший в отчаяние врач-диетолог самолично распечатал красивым шрифтом Comic Sans объявления о том, что каждому покупателю — шоколадка бесплатно, и отправил детей расклеивать объявления по подъездам дома.

Не помогло. Не помог и переход на круглосуточный режим работы. Здоровая пища, как выяснилось, не нужна жильцам дома и ночью. И вообще, здоровыми, конечно, хотят быть все, но кушать обычно хочется вкусное и вредное.

На третий месяц работы в убыток Жанболсын Галиевич ворвался одной летней ночью в магазин, отключил сигнализацию и в остервенении сорвал все плакаты и

лозунги. Остаток ночи он провел за кассой, поедая полезный обезжиренный шоколад.

А ранним утром он обзвонил всех поставщиков и сделал большой заказ.

Прошел год. Магазин стал прибыльным. Его полки ломятся от разнообразных полуфабрикатов, лапши быстрого приготовления, видов алкоголя и сигарет. На одной маленькой полочке ютятся остатки первого ассортимента — баночки с биодобавками как напоминание о благородной первоначальной цели.

А Жанболсын Галиевич теперь, закулив ароматную сигаретку, любит рассказывать эту историю с такой моралью, что продавать надо то, то покупается, а не то, что людям нужно на самом деле. Обычно он это делает, одолев грамм пятьсот.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ПРИЧИНЫ

Объективные причины помешали Берiku вовремя проснуться и пойти на работу: соседи всю ночь гуляли, что-то празднуя, потом шумно разбирались, потом так же шумно мирились под залиvistый голос Кайрата Нуртаса. Уснуть не было никакой возможности — не помогали даже наушники с громко включенными звуками природы — под шум водопада и трели лесных птиц потомок степных кочевников не то что не уснет, напротив, будет тревожно бдеть в ожидании опасности.

Проснувшись к полудню, Берик сделал несколько важных звонков: сообщил на работе, что простыл и отлеживается с сорокаградусной температурой под одеялом; сделал заказ пиццы «Казахстан» — изысканный деликатес с кониной и казы, обильно политый кетчупом «Махеев». И позвонил товарищу — просто узнать последние новости и слухи.

Закончив с важными делами, Берик открыл Фейсбук и написал подтверждающий пост о своей болезни: «Простудился! Температура 40°С, люди, посоветуйте, что делать?»

Люди стали активно комментировать, советуя различные лекарства, антибиотики, жаропонижающее, народные средства, травы, притирки, грелки, горчичники, мед, варенье, непременно протертое крыжовниковое. Растроганный Берик всем писал: «Спасибо, попробую». Пост получил много лайков — болеющий Берик был людям много симпатичнее.

Привезли пиццу. Пицца была невкусная, кусок застревал в горле, не помогал даже кетчуп «Махеев».

День пролетел незаметно и как-то бездарно. С одной стороны, Берик много что сделал: повысил свой рейтинг в World of Tanks, досмотрел наконец, «Декстера», прочитал первые две главы «Антикиллера», слегка прибрался дома, помыв посуду и выбросив мусор.

А с другой — ощущалась некая пустота, недосказанность, как будто бы соврал Берик всему миру, а выгоды с этой лжи никакой не получил.

На следующий день Берик продолжил «болеть»: читал «Антикиллера», повышал рейтинг, ел пиццу, написал в Фейсбук мини-рецензию на «Волка с Уолл-стрит», которого он еще не видел.

Но всем было наплевать. Объявили девальвацию.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Ранним утром Валере захотелось по нужде. Он терпел, так как вставать было лень, и даже пытался продолжить сон, но вскоре стало так нестерпимо, что он встал и побрел в туалет. Одной рукой держа достоинство, другой написал

сообщение в ФБ и Твиттер: «Всем доброе утро и хорошего рабочего дня!» Стряхнул, заправился, смысл и пошел досыпать.

К обеду Валера окончательно устал спать. Сев на кровать, он закурил. Затянулся. Открыл френд-ленту и увидел более сотни ответов на утреннее приветствие. «Бешеный рабочий день, зашиваюсь!» — написал он, ожидая, когда загрузится компьютер.

Забурлил вскипающий чайник. Валера сделал себе кофе, щедро отсыпал сахару, размешал и сел за компьютер. Друзья по Фейсбуку и Твиттеру активно поддерживали Валеру, а то и сами жаловались на тяжелое начало дня.

Валера запустил онлайн-игру, а пока игра коннектилась к серверу, оставил еще одно сообщение: «Появилось небольшое окошко в сжатом графике дня. Еду на тренировку! В здоровом теле — здоровый дух!» К сообщению Валера прикрепил фотографию мускулистого парня с мотивирующим текстом «No pain — no gain».

Сыграв несколько игр, он сделал паузу — налить кофе. Пока грелся чайник, Валера увидел, как много лайков и ретвитов набрало его сообщение о здоровом теле. Удовлетворенно улыбнувшись, Валера написал: «Сегодня пробежал 12 км! Футболку пришлось выжимать :-»).

Ближе к вечеру Валера проголодался и заварил себе «Доширак» с сальсой. В сеть он выложил фото стейка с текстом «Ужин чемпионов».

Так незаметно пролетел день: игры, сериалы, перекуры и кофе. На ужин были шикарные пельмени с кетчупом и майонезом.

У себя в блоге Валера опубликовал пост о тайм-менеджменте — как важно относиться ко времени как к самому ценному ресурсу.

В комментариях к посту, помимо традиционных плюсов, лайков и восхищений автором, было предложение о работе в должности топ-менеджера средней компании, пара приглашений провести тренинги в Уфе и Вологде и в личке — несколько фотографий топлес от неких особ, желающих познакомиться с Валерой поближе.

«Хороший день», — подумал Валера.

ГНЕВ

Танаберген Ишмухамбетович гневался. Абсолютно никаких условий для работы не было с самого утра: в офисе не работал Интернет. Где-то перебили кабель, в результате все здание осталось без электричества и связи. Электричество восстановили уже к обеду, а вот связи как не было, так и нет.

Вернувшийся после сытного обеда Танаберген Ишмухамбетович, обнаружив, что связи, а с нею вместе и Интернета, как не было, так и нет, ворвался в состояние аффекта и поручил снабженцам купить LTE-модем из рекламы Altel 4G — беспроводной высокоскоростной Интернет.

Снабженцы занялись сбором ценовых предложений, но сделать это было не просто в отсутствие телефонной связи и Интернета. На сайт электронных закупок зайти тоже не было абсолютно никакой возможности. Какой-то новичок-айтишник предложил было в пользование шефа собственный LTE-модем, но бухгалтерия отвергла предложение: айтишник не мог предоставить подтверждающих документов и необходимых сертификатов. Кроме того, без Интернета нельзя было провести никаких платежей.

К шестнадцати часам было объявлено совещание. Танаберген Ишмухамбетович пригрозил увольнением каждому второму сотруднику, если проблема не будет решена в течение часа.

Предложение айтишников превратить личный шефовский iPhone 5 (S как знак

доллара) в 3G-модем восторга у Танабергена Ишмухамбетовича не вызвало и было отвергнуто как глупое. Танаберген Ишмухамбетович боялся, что хакеры смогут вытащить всю информацию из его телефона.

Проблему решили в 16:57. Радостную весть донес до Танабергена Ишмухамбетовича визг секретарши в приемной: «Интернет дали, Танаберген Ишмухамбетович!!!»

Воспрявший Танаберген Ишмухамбетович открыл браузер: Сериалы онлайн, Facebook, Тенгриньюс, Закон, Астанинки...

Закипела работа.

ТАКОЙ ЖЕ, КАК ТЫ

15 апреля 2015 года

Утро было будничным, но к обеду все изменилось как для меня, так и для всего юридического отдела компании «Акме технолоджис».

— Ну что, ребята: кажется, мы влипли, — заявил Ник, войдя в комнату. — Президент обязал участвовать все отделы, и от корпоративной олимпиады нам не отвертеться.

Мы взвыли. В углу в приступе кашля зашелся Олсон, самый возрастной сотрудник отдела. Ник оглядел наши хмурые физиономии и ухмыльнулся.

— Я как начальник этого никчемного отдела, о бесполезности которого уже слашают легенды, — продекламировал он, — взял на себя ответственность заявить нашу команду на чемпионат по футболу.

Вой усилился. Из угла Олсона донесся предсмертный хрип.

— Напоминаю вам, олухи, что олимпиада начнется через месяц. Согласно приказу о сокращении кадров, команда, занявшая последнее место, будет уволена в полном составе.

Вой прекратился, и мы впали в задумчивость.

Довольный произведенным эффектом, Ник продолжил:

— Таким образом, начиная с сегодняшнего дня, вплоть до начала соревнований, три раза в день у нас будут тренировки.

— А как же работа? — спросил Йенсен, маленький тщедушный датчанин. — У нас проекты горят!

— Работу никто не отменяет. Тренироваться будем во вне рабочее время утром, в обед и вечером.

— Почему футбол? — спросил Мун. — Насколько я знаю, в нашем отделе футболом никто серьезно не занимался.

— А вы чем-то занимались серьезно, Эдди? — удивился Ник. — Посмотрите на себя! Вы же сборище инвалидов! Мистер Олсон самостоятельно не может даже запустить текстовый редактор! Как же, это ведь так сложно — не промахнуться и кликнуть мышкой в нужном месте экрана! Йенсен, не так давно сообщивший о горящих проектах, знает только один вид спорта, и он также связан с горением! Не прячьте бутылку, Йенсен, она нам еще пригодится. Остальные ничем не лучше. Про девочек я вообще промолчу. Так что футбол — наша единственная надежда. Стой себе, а если мячик рядом, будь добр, ударь ножкой, авось будет гол. Вопросы?

Вопросов не было. Лишь отчаянно сверкавшие очки Олсона безрезультатно пытались что-то донести до Ника азбукой Морзе.

— Тогда вечером жду всех в спортзале!

* * *

16 апреля 2015 года

В курилке Грег из отдела медиапланирования сообщил, что вибрации от наших вчерашних стонов достигли лаборатории и сорвали важнейший эксперимент. Завлаб Натансон вне себя и грозит написать жалобу генеральному.

Плевать нам на его жалобы. Олимпиада — вот что нас беспокоит.

Первый же тренировочный матч выявил полное отсутствие взаимопонимания в команде. Меня поставили на ворота. Наши викинги — Йенсен и мистер Олсон — по тактике, разработанной Ником, искали счастья у чужих ворот. Мистер Олсон, неожиданный элемент на поле, как выразился Ник, робкими перемещениями по вратарской площадке противника должен был вводить в заблуждение защитников вражеской команды и открывать свободное пространство для прорывов Йенсена.

Прорывы Йенсена — это, конечно, громко сказано. Но все же мы надеялись, что кавалерийские наскоки нашего бомбардира, пусть и без мяча, смутят соперника и дадут шанс второй атакующей волне.

Вторая атакующая волна состояла из Ника и Эдди Муна. Это значило, что при неудачной атаке у меня появлялись большие проблемы: контратака и выход противника один на один с вратарем, то есть со мной. Рассчитывать на скорое возвращение наших викингов из тылов вражеской команды было наивно. Толстый Ник подвижностью и высокими скоростными данными не отличался. Надеяться оставалось только на ловкого и шустрого Муна и наших девчонок, которых отрядили в защиту.

Самой юной защитницей оказалась сорокапятилетняя миссис Ортега. Поэтому, кроме возведения оборонительных редутов, ее задачей стала помощь нашей полузащите в созидании.

Остальные старушки должны были действовать по ситуации и ждать от меня более конкретных указаний в течение матча.

На деле все вышло иначе. Ловкий и шустрый кореец Эдди Мун действительно носился по полю, как метеор. Но бегал он бестолково и совсем не по делу. Йенсен с Олсоном за всю тренировку мяча коснулись лишь раз, когда вратарь противника выбивал его в поле и случайно угодил Йенсену в затылок. После тренировки Ник безрезультатно пытался выяснить у датчанина, почему он играл стоя спиной к воротам соперника.

Комплекция Ника не позволяла ему носиться по полю все время. Ко второй минуте первого тайма он выдохся и предпочел стоять на месте. «Пусть уж лучше мяч сам найдет меня, чем я буду бегать за ним по всему полю», — объяснил он нам.

Миссис Ортега забила невероятный по красоте гол из-за пределов штрафной площадки. К несчастью, это был гол в свои ворота. От старушек пользы не было вовсе: мяча они боялись и отобрать его могли по чистой случайности. В этом матче случай был не нашей стороне.

Проиграв тренировочный матч со счетом 0–39, мы мысленно стали готовиться к статусу безработных.

* * *

5 мая 2015 года

Месяц прошел незаметно, и завтра — открытие олимпиады.

Тренировки дали свои плоды. Ежедневные кроссы, работа с мячом и тренировочные матчи повысили нашу выносливость, технику и видение поля. Йенсен научился попадать по мячу, а каждый третий его удар стал достигать цели. Мистер

Олсон изобрел собственную систему запутывания вражеских защитников, а миссис Ортега поняла разницу между своими и чужими воротами.

Мы даже стали забивать голы, а когда Ник изменил тактику, наши проигрыши стали более достойными. Разница в один или два мяча — это, согласитесь, не тридцать девять.

Наша новая тактика не отличалась новизной в мире футбола. Вся команда, за исключением Муна, защищала ворота, находясь на своей половине поля. Если же нам удавалось отобрать мяч, мы поскорее выбивали его вперед, в расчете на то, что кореец сможет его подобрать и на скорости убежать от защитников. Иногда это срабатывало, и Мун убежал. Но выходы один на один он реализовывал бездарно и голы забивал редко.

Так что следующим этапом тренировок стала отработка Муном голевых ситуаций. Возможно, мы натренировали бы Муна до статуса футбольной звезды, но тут настало время чемпионата.

Каждому участнику требовалось пройти медосмотр и различные тестирования на скорость, технику, выносливость, умение пробить по воротам, прыгучесть и прочие технико-тактические характеристики.

Когда с тестами было покончено, данные по каждому игроку внесли в базу данных. А нас отправили на жеребьевку, где мы узнали, что первый матч играем со сборной совета директоров. Это нас немного порадовало. Гораздо меньше повезло Грегу с его отделом медиапланирования. Им выпало играть с командой отдела безопасности.

Завтра — матч. Страшно.

* * *

16 мая 2015 года

Мы выиграли и вышли в полуфинал! Не знаю, разгонят ли совет директоров, но теперь это их проблемы!

Единственный гол забил Мун с пенальти, назначенного за снос Йенсена в штрафной площадке противника. От радости мы затрясли мышками и клавиатурами, а миссис Ортега пустилась в пляс прямо на столе. Остаток времени сборная совета безрезультатно пыталась забить хоть один гол, а когда матч закончился, капитан директоров Марковски в гневе разбил монитор. Ха-ха! Теперь уж нас точно не уволят!

Все, побежал праздновать это событие с коллегами. Оптимист Йенсен приберег для этого бутылочку. Кто знает, может, мы поймали кураж и теперь станем чемпионами корпорации по игре «FIFA Soccer' 2015»?

* * *

«Такой же, как ты!» — под таким лозунгом прошла презентация новой игры компании Electronic Arts из серии FIFA Soccer. Теперь можно играть, управляя не виртуальным клоном реального футболиста, а своей копией. Перед игрой специальные тесты считают ваши физические и футбольные данные и создадут футболиста: такого же, как вы, с такими же именем, внешностью и параметрами. Тренируясь в реальной жизни, вы повышаете свои характеристики и в игровой. И если вас взяли в мадридский „Реал“ в игре, будьте уверены, „Реалу“ вы пригодитесь и в реальной жизни!..»

ТРЕУГОЛЬНИК

Треугольник был моим одноклассником. Кто и когда его так прозвал — за давностью лет я не помню. По мере познания новых геометрических фигур наш класс совершенствовал его прозвища. Так, после Треугольника Кеша побывал сначала Параллелепипедом, а потом Параллелограммом. Какое-то особое чувство удовлетворения мы испытывали, называя Треугольника новым в своем лексиконе словом, причем длина этих прозвищ никого не смущала. Все упорно и старательно выговаривали каждый слог и каждую букву. Но вскоре это всем надоело, и Кеша вновь стал Треугольником.

Треугольник на это не обижался, он даже гордился тем, что у него такие замечательные прозвища. Или делал вид, что гордился?

Семья у Кеши была нормальная, но совсем не богатая. Папа — учитель музыки, и мама — учитель музыки. Плюс малолетняя сестренка Дашка, тогда под столом тусовавшаяся.

В то советское время мы особо не обращали внимания на то, как кто одевается. У всех стандартная форма, все ходят, как клоны, в пионерских галстуках. Но в зимнее время начинались отличия: у кого свитерок югославский или шарф индийский мохеровый — это, понятное дело, дети мажоров. В старших классах многие начали щеголять в дутых китайских пуховиках. Но в массе — обычный прикид советского школьника. Школа у нас была обычная, без понтов.

Однако все девять классов Треугольник одевался хуже всех. Плюс ко всему фигура его была довольно нелепа. Треугольник был высоким, тощим и очень сутулым, с вечно взъерошенными волосами. В старших классах впечатление дополнил невероятных размеров кадык размером с кулак.

Учился Треугольник неважно, и лишь на уроках пения он преображался: голоса у него не было, но слух был отменный. Ни для кого не стало сюрпризом поступление Кеши в музыкальную школу.

Издавались над ним страшно. Классов пять подряд он носил зимой одну и ту же ушанку рыжей леопардовой расцветки, за что одно время успешно звался нами Леопольд. Почему Леопольд, а не Леопард — никто не знает. Скорее всего, все было под впечатлением от мультфильма про кота Леопольда. Треугольник и был таким Леопольдом: ни с кем не ссорился, призывал всех дружить и вечно получал по шее. Дети-подростки — жестокий народ.

Одним из наших развлечений было выкрасть из Кешиного ранца времен Первой мировой его леопардовую ушанку и играть в пятнашки, которые мы называли «сифа». Кеша никогда не плакал, по крайней мере, этого никто не видел. Он бегал от одного к другому и говорил: «Йебята! Отдайте шапку!» Мы перекидывали ушанку через Треугольника, и все начиналось сначала. С каким-то иступлением Кеша продолжал гоняться между партами за своей ушанкой, падал, вставал и снова бегал, бегал с прокушенными до крови губами. Нелепый такой, нескладный. Нас все это смешило.

На уроках по всяким точным наукам Треугольник реально тупил, а потому был ненавидим учителями. Наша классная, однажды доведенная тупостью Кеши до состояния берсеркера, жестоко избила Треугольника указкой по голове, да так, что указка поломалась. Треугольник воспринял это как должное наказание за свою тупость. И вроде бы даже родителям ничего не рассказал. По крайней мере, для классной ее срыв прошел безнаказанно. Вся фигня была в том, что Треугольник на самом деле сидел за уроками часов по шесть в день, с маниакальным упорством решал задачи, но, как правило, неверно.

Однажды Треугольник нашел на улице облезлого щенка со слипшейся шерстью.

Щенок был незамедлительно отнесен домой и спрятан в коробке под кроватью. Наивный Кеша хранил свою тайну ровно два дня, пока на запах не сбежалась вся семья. Тайна раскрылась. Коробка была извлечена на свет. Щенка обнаружили. А тот, оглядев ословелыми глазами окружающих, принялся усердно себя вылизывать. Треугольник занял твердую позицию: «Или щенок остается, или я пейстастаю ходить в музыкальную школу». Щенка оставили и назвали Йосей.

Копна волос у Кеши была великолепная. В ее зарослях какой-нибудь некрупный воробей заблудился бы и сдох с голоду. Как-то на перемене Треугольник, активно почесывая голову, сообщил окружающим, что, «кажется, у Йоськи вши завелись». А потом, обиженно хлопая глазами, долго не мог понять, чего все так ржут. Когда вошедшей классной объяснили причину массового веселья, она крикнула: «Да что такое, опять этот Маркин! Еще педикулеза мне не хватало!» За воротник вывела Треугольника к доске, прочитала лекцию о гигиене и подчистую отрезала ножницами Кешины волосы.

Маркин — это фамилия у Кеши такая.

* * *

В шестом классе Треугольника назначили мне в подшефные. Была такая традиция в те времена — звенья. У нас было спортивное звено, трудовое, тимуровское и еще что-то, уже не помню. Каждую четверть звеньевые отчитывались перед классной за поведение своего звена и успеваемость. Чтобы не получить по башке от классной, звеньевые назначали неуспевающим шефов, то есть отстающего по какому-либо предмету ученика должен был подтянуть отличник. Математика мне давалась легко, и потому Треугольник достался мне. Тогда-то я и узнал Треугольника лучше.

Жили они по-спартански. Зато в зале стоял роскошный рояль, на котором Кеша с гордостью мне что-то играл. Классикой я тогда не увлекался, а потому стоял себе со скучным видом, ничуть не восхищенный умением Кеши перебирать клавиши. Кеша огорченно прекращал играть и предлагал порисовать.

Иногда мы рисовали, иногда лепили из пластилина всяких зверей. Потом между зверями происходил жестокий бой, во время которого они теряли конечности, их грудные клетки безжалостно сминались, а головы расплющивались. Пуская от восторга слюни, Кеша провожал меня до двери, говорил: «Классно мы поиггались!» — и прощался.

Как-то я рассказал пацанам, что Треугольнику мама разрешает к себе друзей приводить. Тут же в друзья к Треугольнику записалось еще человек пять. Польщенный Треугольник без вопросов согласился на «поиграть у него дома сегодня».

Все пришли со своим пластилином. Пластилин был жесткий: чтобы что-то вылепить, его требовалось хорошо размять руками. Кому-то пришла идея греть пластилин на батарее отопления. Идея имела успех. Потом я забыл свой кусок пластилина на батарее, а когда опомнился — было уже поздно. Кроваво-красными струями пластилин растекался по всей высоте батареи. «Здорово!» — сказал кто-то восхищенно. Треугольник, возбужденный вниманием к себе, заорал: «Йебята! А давайте все батайеи покйасим!» Все сразу похватили весь пластилин и разложили на каждой батарее в квартире. Через полчаса все радиаторы Кешиной квартиры пестрили всеми цветами радуги.

Была осень, темноло рано, но возвращаться домой никому не хотелось. Мы опустили Кешин холодильник и выпили литров десять чая с печеньками. Треугольник как радушный хозяин разрешал нам все. Мы выкинули с балкона все

яйца — ведь они так прикольно взрывались. Йосю выкрасили гуашью так, что, увидев его сейчас, я бы решил, что у меня белая горячка. Потом всей толпой играли на рояле, грохоча кулаками по клавишам. Апофеозом стало пускание корабликов по полу затопленной ванной.

На следующий день Треугольник в школу не пришел. Позже я узнал, что впервые в жизни его наказали. Ну, это еще мягко сказано. Замордованные жизнью родители Треугольника пришли в отчаяние от того, что мы натворили. В состоянии аффекта они избили Кешу так, что он не мог ходить.

* * *

Последний раз я видел Треугольника год назад. Одет он был все так же плохо, зато сигареты смолит по-черному. Увидев у меня в руке пиво, предложил его угостить. Я угостил. Кеша залпом в пять крупных глотков залил в себя пиво и немного о себе рассказал. Он окончил музыкальное училище, стал баянистом. Одно время промышлял в кабаках игрой на рояле. Йоська до сих пор жив, правда, облез сильно.

Мы говорили минут десять, я очень спешил. Отмазавшись стандартным: «Ну, встретимся еще, пивка попьем», я удалился. Сейчас даже не помню, куда спешил. Зато навсегда запомнил то выражение всемирной скорби на лице Треугольника. Скорби, но не обиды. Треугольник никогда ни на кого не обижался.

А в сегодняшней местной газете прочел новость. Новость с заголовком «Ценой своей жизни». Ценой своей жизни Кеша спас десятилетнюю девочку, потом кинулся за ее старшим братом, но утонул сам — в октябре вода обманчива. В статье фотография улыбающегося Кеши. Я это фото сразу узнал: увеличенный портрет Иннокентия, вырезанный из групповой классной фотографии. Видимо, позже Кеша не фотографировался.

Если бы я мог вернуться в то школьное время! Но ничего не изменишь.

Кеша, Треугольник, Параллелепипед, Параллелограмм... Иннокентий Матвеевич Маркин, прости.

ШАРАШКИНА КОНТОРА

Шарашкина контора — то место, где я работаю. Причем директором. Директор в нашей конторе имеет такие привилегии, как право подписи и собственный кабинет площадью три на два метра.

Раньше у меня была секретарша, которая умела отвечать на звонки, наливать кофе и заваривать «Доширак» (в лучшие времена — «Биг ланч»). Несмотря на обилие талантов, Марину никто не брал на работу, и к нам она пришла от отчаяния. Видимо, ее природные скромность и хромота отпугивали работодателей. Или секретарша, по их мнению, должна была выглядеть иначе. Печатать Марина не умела, зато «косынку» раскладывала с закрытыми глазами. Но пришло время, когда ее компьютер ушел за долги по аренде, и Марина на работе стала откровенно скучать. Этот ли факт или что-то иное тут сказалось, но теплым июльским вечером, получив январскую зарплату, Марина исчезла в неизвестном направлении и больше не появлялась.

Впрочем, я не сильно расстроился. Честно говоря, мы с ребятами даже слегка отпраздновали это событие (две «Столичной», банка шпрот и батон с майонезом). Ведь тяжело общаться с девушкой, которая, глядя на тебя, одним глазом почему-то всегда косит куда-то вверх. Из-за этой ее особенности все клиенты, разговаривав-

шие с Мариной, видимо, от непривычки постоянно оглядывались, думая, что кто-то стоит позади. Да и кофе она вечно расплескивала.

Другое дело — Катя. Одна из трех наших агентов. Агентов чего? Агентов по недвижимости, разве я не говорил, что у нас агентство недвижимости? Стерва она, конечно, та еще, но общаться с ней всегда интересно. Свой пацан в женском облике. Хорошая девчонка, в общем. Был бы я помоложе, я бы... Эх!

Но и без меня ей хватает мужского внимания. Даже вечно молодой после работы и по утрам уса́тый Лукич, наш водитель, на нее заглядывается. А чего уж говорить о молодых парнях?

Кстати, молодых парней у нас трое.

Бородатый Юра в прошлой жизни, наверное, был бардом. И где-то в сибирской тайге, меланхолично перебирая струны у костра, пел: «И ночами снятся мне недаром холодок оставленной скамьи, тронутые ласковым загаром руки обнаженные твои...» По крайней мере, ходил он всегда в девственно грязном свитере и носил бороду. Несмотря на бардовское прошлое, Юра был нашим фотографом. Он фотографировал объекты недвижимости, и никто в этом городе не мог так же удачно найти ракурс, чтобы убогая двушка превратилась в отличное жилье (двухкомнатная квартира после ремонта, все удобства, в центре).

А Петя и Федя — даже не родственники, хотя выглядят близнецами. Из-за этого все их вечно путают, как, например, Лукич. Скажем, Федя бежит за водкой, а Лукич, любитель оперативно догнаться, пристает к Пете с вопросом, почему тот еще тут, а не там.

Если вас интересует внешность этих ребят, то произнесите вслух по-английски полное Петино имя, и вы будете примерно в шаге от истины. Никакими любителями мужского общества Петя с Федей, конечно, не были, но выглядели именно так.

* * *

В тот день у Юры пропал фотоаппарат. Как и при каких обстоятельствах — непонятно. Посторонних, как любит выражаться наш участковый, в тот день в офисе не было. Понятно, все отлучались в туалет или покурить, но в конторе кто-то постоянно был. Впрочем, все это выяснилось потом.

А на тот момент все обстояло так, что все уже взволнованно поглядывали на часы и считали минуты до конца рабочего дня, у всех уже висело окно «выключить компьютер», а курсор замер над кнопкой «выключение». Юра собрал свой ноутбук и понял, что его фотоаппарата, стоившего каких-то безумных для него денег, нет. Где-то я слышал выражение «плач волчицы». В тот момент я понял, что примерно это означает.

Юра словно собрал всю свою бардовскую скорбь и излил ее на окружающих. Однако случилось это не сразу, сначала он, как говорит наш участковый, опросил присутствующих. Присутствующие во главе с Юрой обыскали все тридцать квадратных метров конторы, но фотоаппарат не обнаружили. После чего присутствующие ничего нового не сообщили, кроме того, что нет Лукича.

— Лукич! А где он? — обрадовавшись, спросил Юра. Лукич стал воплощением его тайных надежд.

— А ведь в обед Лукич один оставался в офисе... — задумчиво сказал то ли Петя, то ли Федя.

— Точно! — подтвердил я. — Вы уехали на объекты, я спускался вниз за свежими газетами, а за старшего тут оставался Лукич.

После ухода Марины мы старались всегда кого-то оставлять в офисе, чтобы было кому отвечать на телефонные звонки.

После «плача волчицы» Юра стал какой-то хладнокровный и целеустремленный.

— Значит, Лукич, — пробормотал он и набрал номер Лукича на мобильном. Лукич был недоступен.

— Все ясно, — сказал Юра.

— Вызовем милицию или подождем Лукича? — спросил я.

При слове «милиция» все насторожились, и я понял, что пора, как говорит наш участковый, брать вожжи в свои руки. Но только я так решил, как ко мне подошла Катя и попросила поговорить с глазу на глаз.

Я откашлялся и сказал:

— Ребята, будьте здесь, а мне надо поговорить с Катериной.

Мы зашли ко мне в каморку, заперлись. Я сел за стол, Катя осталась стоять.

— Валентин Николаевич, — не стала тянуть резину она. — Фотоаппарат взяла я. Вы все вышли покурить, а я его взяла. Хотела пофотографироваться для сайта знакомств. Потом захватила его с собой на встречу и где-то в дороге потеряла. Не надо милицию. Я Юре с зарплаты буду частями отдавать и верну все до копейки.

— Э-э-э... — то, что она сказала, стало для меня сюрпризом. — Хорошо, а что ты предлагаешь Юре сказать? Советую все, как есть. Юра — человек разумный, думаю, поймет, что ты не воровала, а взяла попользоваться. Просто... Э-э-э... Форс-мажор случился, и ты его вернуть не можешь. Так? А почему ты не попросила его просто, чтобы он сам тебя пощелкал?

— Валентин Николаевич, вы не в курсе, наверное. Мы с ним раньше были вместе, и, честно говоря, я не хочу лишний раз оставаться с ним наедине. Если вам трудно, объясните ему все сами, пожалуйста.

Я кивнул, и Катя вышла. Ничего себе, третий год вместе работаем, а я и не в курсе, что у меня тут служебный роман был. А Юра-то, Юра! Вот дает! Наверное, Катя любит бардовские песни, все эти «быть может, ни к чему мне вам шептать признания, быть может, ни к чему мне вас благодарить, быть может, это сон, и нет ему названья, но в этот вечер я рожден, чтоб вас боготворить...»

«В этот вечер я рожден», ага.

Пока я обдумывал нравы молодежи, в каморку влетел отчего-то мокрый Федя с круглыми от ужаса глазами.

— Валентин Николаевич! Я должен признаться! Это — я!

— Отдышись, Федь. Чего это с тобой? Что — «ты»?

— Это я... Украл... Фотоаппарат Юркин. Я... — Федя дышал шумно, и слова из него вылетали перед вдохами. — Вы на Катю не думайте, она специально на себя наговаривает.

— А ты-то откуда знаешь, что она наговаривает? Мы вообще-то о другом беседовали.

— Нет-нет, я знаю, догадался. Она от вас вылетела и бегом на улицу. Еле догнал ее, там еще дождь начался, она мне ничего не сказала, но я понял! Она все врёт, она меня покрывает.

— В смысле покрывает?

— В том смысле, что если Юрка узнает, что это я фотоаппарат взял, то кто-то из нас кого-то убьет.

— А зачем ей тебя покрывать?

— Как зачем? Так любим мы друг друга, понимаете? А она знает, что я фотографией увлекаюсь, а своего фотика нет. Вот она и поняла, что это моя вина.

— Постой... Постой, Федь. То есть ты, как говорит наш участковый, утверждаешь, что украл фотоаппарат, а Катя, поскольку любит тебя и не хочет, чтобы ты подрался с Юрой, взяла вину на себя?

— Да! Правда, я не знаю, любит или нет, но надеюсь, что любит. Она иногда так смотрит на меня... Ну, вы понимаете? А вчера обещала, что сходит со мной в кино.

— Хм... Хорошо, милый мой, тогда объясни: зачем тебе понадобился фотоаппарат, где он сейчас территориально находится?

— Ну... Я это... Я его взял и спрятал за батареей в мужском туалете, думал после работы унести. А потом кинулся за ним, когда вы про милицию сказали, а его уже нет. Кто-то забрал.

— Забрал, говоришь? Хорошо, допустим. И что ты предлагаешь делать?

— Давайте вы скажете Юре, что фирма возместит ему стоимость фотоаппарата. Только не говорите, что это я его взял. А я отработаю эти деньги. Я уже посчитал: как раз выходит моя зарплата за три месяца.

— Ты жить-то как будешь, первокурсник?

Федя покраснел и замялся:

— Выживу. Стипендия есть, родители помогают, все нормально будет.

— Ох, и достали вы меня своими подпольными играми. Ладно, договорились. Будем считать, что фотоаппарат украл кто-то из посетителей, и Юра сам к этому придет. Убыток фотографу возместит фирма. Доволен?

— Доволен, Валентин Николаевич! Спасибо большое!

Федя кинулся ко мне, пожал руку и счастливый ушел домой или в общагу. Где он там живет?

Я подивился запутанности межличностных отношений в моей конторе, разобрал бумаги и стал собираться домой. Выйдя из каморки, увидел, как Петя с Юрой жмут друг другу руки, а у Юрки очень довольное лицо, как будто он спел только что сорок песен, а довольные слушатели просят спеть еще сто сорок.

— Что такое? — спросил я. — Нашелся фотоаппарат, что ли?

— Нет, Валентин Николаевич! — бодро ответил несостоявшийся бард. — То есть да. Ну, как-то так. Это его Петька взял, оказывается. Взял сфоткать какой-то объект и потерял. Сказал, что с зарплаты возместит, так что все нормально!

Юра собрался, упаковал ноутбук и пошел, насвистывая что-то типа «из суеты мегаполиса сердце и шины несут, по деревушкам и по лесу мой неизменный маршрут».

— Петя! — строго сказал я. — Я точно знаю, что фотоаппарат брал не ты.

Петя смутился. Но, вздохнув, собрался и выпалил:

— Влентинниклаич, не знаю, что вам наговорил Федька, но фотоаппарат взял и потерял я. В общем, тут такое дело... Понимаете, я равнодушен к Федьке и...

Я начал кое-что понимать. Что у меня не офис, а латиноамериканский сериал. И что Петя, полное имя которого по-английски звучит нецензурно, именно этим словом и является.

— Стоп. Избавь меня от подробностей. С Юрой договорился?

— Да-да, конечно, мы решили, что я...

— Что ты будешь отдавать ему деньги за фотоаппарат с зарплаты. Я понял. Иди.

И Петя ушел.

Я зашел к себе, открыл сейф, вытащил початую бутылку коньяка и затвердевшую половинку плитки шоколада. Налил, выпил. «Ну и дела, — думал я. — Немудрено, что дела слабо идут, когда тут такие страсти кипят».

* * *

Когда бутылка опустела, голова стала легкой, а на душе сделалось хорошо и спокойно, пришел мой партнер. Он снял старую кожаную кепку, вытер платком лоб и присел.

— Ну, как дела? — спросил он.

— Нормально, Лукич. А ты знал, что Катька до тебя с Юрой-фотографом встречалась?

— Ну, так... — ухмыльнулся Лукич. — Он меня на ней и застал как-то. А я чего? Я — ничего. С... не захочет, старый конь борозды не испортит, как говорится... Хорошая девка, огонь!

— Понятно, — сказал я.

Потом, помолчав, вытащил из стола фотоаппарат и протянул Лукичу:

— Держи. Сдашь в ломбард, как раз на аренду хватит.

ЭТО РАДУЕТ

Вы когда-нибудь видели дворника с голливудской внешностью? Впервые такого дворника я увидел сегодня ранним утром, когда курил на балконе. Раньше двор подметал какой-то плюгавенький мужичок в телогрейке и ушанке. Новый дворник, одетый точно так же, отличался тем, что его лицо озаряла белоснежная улыбка.

Двигался дворник легко, метла весело взлетала, замирала на долю секунды и резко, приглаживая асфальт, уносилась в сторону.

После хорошей попойки со старыми друзьями я проспал сутки и проснулся только в шесть утра следующего дня. Голова ясная, но в теле какая-то заторможенность. Я докурил сигарету и собрался на работу.

В квартире — чисто и прибрано. Озадаченно почесал затылок: когда это я успел порядок навести? Но удивляться было некогда. Я решил реабилитировать себя за пропущенный день и явиться на работу раньше всех.

Вышел на улицу — безлюдно. Редкие прохожие, монотонно спешащие по каким-то своим делам, а транспорта на редкость мало. Я остановил такси.

Лицо таксиста показалось знакомым. Где-то я его видел, но вот где? Память давала сбои, и я решил не грузиться. По встречной ехали странные машины. Концептуально удивляющие дизайном и какие-то ретроавтомобили. А это... это же тачка из какого-то фантастического фильма! Офигеть! Похоже, наши местные воротилы устали от банальностей и решили потешить свое самолюбие.

Вывески тоже удивляли. Никогда не думал, что у нас в городе так много иностранных компаний. Надписи на русском языке чередовались с английскими, арабскими, китайскими, французскими... Много было вывесок с иероглифами. Да, похоже, мне надо чаще ходить на работу. Город совсем изменился.

Таксист довез меня до дверей офиса. В офисе тоже обнаружили изменения. Туда-сюда сновали улыбающиеся девушки, а одна из них, даю голову на отсечение, прямо двойник голливудской актрисы. Или сама актриса? Как же ее зовут?

Память ни к черту стала.

* * *

— Как вы знаете, земляне не терпят одиночества, — сообщил докладчик. — Мы учли опыт прошлых ошибок и в этот раз поступили по-другому. Воссоздали окружающую среду объекта.

Это стало возможно благодаря захваченному носителю информации и данным, полученным из его личной памяти. Наши робоморфы полностью имитируют особей данного вида, давая объекту иллюзию того, что он не одинок.

В его организм введены ферменты, специально разработанные нашими учеными, которые останавливают процесс старения клеток и тысячекратно увеличивают их регенерацию. Многократно усиленный иммунитет объекта с легкостью справля-

ется с любыми вредоносными вирусами и бактериями. Такие меры приняты, чтобы избежать случайной смерти столь ценного экспоната.

Объект пребывает в уверенности, что находится в естественной среде обитания!

Журналисты в восторге защелкали клювами. Их охватила гордость: на их планете теперь самый полный заповедник, населенный всеми разумными особями галактики.

* * *

— И тут я понял: что-то не так! Схватил первую попавшуюся тачку и рванул за город. Еду-еду, а город не заканчивается ни фига. Как в игрушке компьютерной, когда части пейзажа зациклены.

— Вот заливает, — усмехнулся Панкрат. — Ну, рассказывай дальше.

— Да ну тебя. Сбил меня с мысли. В общем, вышел я из машины и пошел дальше пешком. Дошел до горизонта и уперся в невидимую стенку, ну, как в фильме одном, помнишь?

— Ага, продолжай.

— Ну, я и пошел вдоль этой стенки. Шел, ведя рукой по стенке, часа два шел и наконец нашупал проход.

— Задний? — заржал Панкрат.

— Сам ты задний, — обиделся я. — Служебный. Закрыв глаза и вывалился в реальный мир. Огляделся: кругом тысячи воробьев! И все в панике куда-то разбегаются! Ты видел когда-нибудь бегающего воробья? Поймал парочку, поднес к лицу, чтобы лучше рассмотреть, и... отключился. Проснулся уже дома.

— Ну, ты сказочник! Не бывает бегающих воробьев! — категорично заявил Панкрат. — Пропал на месяц куда-то, теперь отмазки выдумывает. Короче, я устал ждать. Чтобы ты поторопился, мы отрубим тебе палец. Пусть это будет напоминанием о том, что играть в карты на деньги — чревато, а не отдавать долги — чревато вдвойне.

Поигрывая небольшим топориком, в комнату зашел лысый амбал по прозвищу Конь. Я был связан и не мог пошевелиться. Конь освободил мою руку, приложил средний палец к кромке стола и взмахнул топориком.

* * *

Это было последнее шоу, которое увидели Панкрат и его братва: у меня за считанные секунды отрос новый палец на месте прежнего. Они даже не успели удивиться, как умерли.

С тех пор я успел повоевать во всех горячих точках, лично ликвидировал пару десятков воров в законе, не говоря уже о более мелком криминале, стал главарем наркокартеля в Колумбии, перебил всех конкурентов и поехал в США.

Поработал каскадером в Голливуде. Соблазнил ту самую голливудскую актрису. Вы ее должны знать, она во многих фильмах снималась. Имя у нее еще такое, мужское — Камерон.

Встретил старого знакомого — дворника с лицом актера со странным именем Бред. Или Бреда с лицом дворника? Ну, вы поняли.

Жизнь моя полна событий. Сейчас задумываюсь насчет президентства в какой-нибудь банановой республике. Попрактикуюсь и двину на Родину.

К тому же, кажется, я стал бессмертным. И это радует.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

воскресенье — день неопределенности
ощущаешь себя туристом
потерявшим личные документы
безымянным и неуместным

Алмата в январе —
грязный огрызок яблока
рыхлая мякоть снега
искусана муравьиными тропами
следами обыденного изгнания

серый прокуренный город
ширится в глазах памяти
тридцатью годами дыма
серебряное солнце мерцает
монетой на дне облаков
тянется позвоночник гор
высится шприц башни
вколотый в мутное небо

можно зайти в кофейню
услышать как два женских голоса
обсуждают недавнюю смерть
чужого отца но это их не касается
они возвращаются к радости
и с легкостью мечтают о Венеции
которая как проститутка
отдается каждому встречному
но почти никого не помнит

* * *

автор читает вслух
слушатели думают о своем
сонное общество лиц
с густыми глазами

Заир Асим родился в 1984 году. Окончил механико-математический факультет КазНУ им. Аль-Фараби. Преподает математику в учебном центре. Публиковался в журналах «Знамя», «Новая юность», «Дружба народов», «Волга» и др. Автор книги стихотворений «Осиротевший крик сирени» (Алматы: Искандер, 2010), книги прозы «Письма в никуда» (Алматы: Эдит, 2013).

на стеклах ледяные татуировки
искрится горбатый город
монотонность пышных улиц
кусты в небесных мехах

стулья поочередно пустеют
как выпавшие зубы
зияют среди уцелевших
свободой отсутствия

это не встреча с другим
это разлука со всеми
вынужденная тишина
похороны вечера

* * *

из соседней комнаты где сидит поседевший папа
все больше похожий на моего сына чем на отца
доносится шум бесконечного телевизора
нарушая выпуклую неподвижность вечера
холод зрения пронизывает вещи
покрывая их тонким налетом сияния
безмолвным инеем мечты
рассыпчатым алфавитом стекла
лицо теряет связь с отражением
погружаясь в тени воздуха
язык черствеет как глина
высушенные немотой слова
хрупкие кусочки земли лопаются
при легком напряжении пальцев
рамки фотографий распахнуты форточками времени
семья корнями впивается в сердце
глота мутные соки сиротства
немыслимые люди от которых остались
только бесцветные полупустые воспоминания
нет не *«все проходит»*
мы проходим — все остается

* * *

лицо подперев себя кулаком
смотрит на человека
уходящего прочь
выдумкой пейзажа

темная кромка речи
отползает в тишину
увлекая за собой
молодость многозвучия

во дворе словно звери
железные сугробы машин
спят бок о бок
затаив дыхание

бессонный тростник надежды —
трещина в стене
поделила время надвое:
сейчас и никогда

* * *

ночной город как винный погреб
темно сыро безлюдно
пылает донышками бутылок
глазами перевернутых желаний
несбывшихся и закупоренных
в горло многолетнего стекла
слышу цветной крик вина

кустарные воробы
в ветвистых рукавах зимы
затерялись как детские варежки
шерстяными комочками тел

кошмары как шрамы
выступают на внутренней коже сна
кто разбудил меня
нарушив свободу от времени?

так проходят невидимые дни
ум подобен ребенку-левше который
учится писать под диктовку
очерчивает униженные слова
теряя из виду написанное
своим же локтем неопытности
отрицает связь с прожитым
все новое — чужеродное
и прошлое потеряно в собственных венах
язык созданный для праворуких
им не напишешь наоборот с конца
не родишься с начала

* * *

Субботняя кофейня полупуста.
Оранжевые светильники.
Жду человека,
опаздывающего на встречу.

Джаз, как прошлое,
незримо звучит отовсюду,
наполняя комнату
грустной радостью.

Улыбающиеся официантки
мелькают в прозрачном воздухе
сиянием подводных рыб,
увлеченных игрой течения.

Старый фотоаппарат
на книжной полке
в полусне, как монах,
сам себе пространство.

АСТАНА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Диалоги культур

Михаил Земсков — прозаик, лауреат Русской премии (2005). Живет в Алматы

1. Какие имена определяют сегодня литературный ландшафт Казахстана?

В русскоязычной литературе — Юрий Серебрянский, Павел Банников, Илья Одеров, Заир Асим, Елена Клепикова, Николай Веревошкин, Бахытжан Канапьянов, Данияр Сугралинов, Ануар Дюйсенбинов, Канат Омар, Дюйсенбек Накипов, Аслан Жаксылыков, Ауэзхан Кодар, Мария Вильковиская, Алексей Швабауэр, Ксения Рогожникова, Ольга Передеро, Максим Лагно. В казахскоязычной литературе, к сожалению, назову меньше имен, так как многие произведения не переведены на русский язык, и я с ними не знаком — Дидар Амантай, Смагул Елубай, Мухтар Шаханов.

2. Как построено взаимодействие национальной и русскоязычной литературы Казахстана?

К сожалению, такого взаимодействия почти нет. Русскоязычные и казахскоязычные авторы сейчас живут в обособленных мирах. Во многом это происходит из-за того, что в глубоком кризисе институт литературных переводов. Литературные переводы с казахского на русский и с русского на казахский зачастую делаются силами энтузиастов, по той причине, что не работают ни рыночные, ни государственные механизмы. Переводить, да и вообще издавать книги казахстанских авторов в Казахстане невыгодно, книгоиздания как отрасли бизнеса практически не существует. С другой стороны, государственные механизмы поддержки литературы, существовавшие во времена СССР, к настоящему времени тоже почти разрушены. Государство в большинстве случаев финансирует издание книг на казахском языке, почти не уделяя внимания переводам. Кроме того, государство финансирует только издание книг, но не их рекламу, что очень важно в условиях рынка, и часто выпущенные книги просто пылятся на книжных полках или на складах издательств и не доходят до читателя. Вторая причина отсутствия взаимодействия между национальной и русскоязычной литературами — в различных векторах их движения и развития. Большинство русскоязычных авторов в Казахстане ориентируются на «русский мир» — русскоязычных читателей, где бы они ни находились, и стараются либо опубликовать свои произведения там, где больше таких читателей, — в России, либо издать электронной книгой, чтобы она была доступна читателям в любой стране мира. Казахскоязычных писателей часто в большей степени волнует казахскоязычная аудитория, проблемы, история и события из жизни казахов. Иногда авторам достаточно небольшого числа верных читателей и поклонников из казахскоязычной среды, и они даже не стремятся к переводу своих произведений на другие языки.

3. Какое влияние оказала концепция нового евразийства на продолжение в новых условиях процесса культурного взаимодействия Казахстана и России? Какие конкретные формы обрела евразийская ментальность?

Я не вижу ни влияния концепции нового евразийства на процесс культурного

взаимодействия Казахстана и России, ни каких-то новых форм евразийской ментальности.

4. Влияют ли процессы, происходящие в России, на литературную жизнь Казахстана?

На мой взгляд, влияют несильно. В публицистике, журналистике, политологии влияние гораздо сильнее. В литературе же творчество некоторых авторов сфокусировано на том, что происходит в Казахстане. Другие — более космополитичны, но их космополитичность уже не ограничена двумя «центрами притяжения» — Казахстан и Россия, а характеризуется скорее многополярностью. И есть совсем немногие авторы, которые «живут на две страны», действие книг которых может происходить как в Казахстане, так и в России. Но влияние в целом на само литературное пространство, события литературной жизни совсем небольшое.

5. Какие проблемы существуют сегодня в журнальной жизни Казахстана?

Журнальной жизни в Казахстане почти нет. У читателей нет такой традиции читать литературные журналы, как, например, в России. Остались некоторые журналы с советской эпохи, но существуют они скорее по инерции. Было основано несколько журналов в постсоветский период, но часть из них уже прекратила существование, другие — на грани выживания, с аудиторией в несколько десятков человек — большей частью литераторов и профессионалов. Также журналы не оказывают какого-либо существенного влияния на литературные процессы, литературные премии, представляя интерес, пожалуй, только для профессионалов: литературных критиков, филологов и т. д.

6. Какие особенности отличают молодую литературу Казахстана?

Разнообразие и космополитичность, что является следствием разрыва с традициями советской и русской литературы после распада Советского Союза. Утратив эту преемственность, молодые казахстанские писатели черпают вдохновение в самых разных литературных традициях — европейской, американской, латиноамериканской, центральноазиатской, японской и китайской — наравне с традициями русской литературы, переставшими играть довлеющую роль.

Другой особенностью является тяготение к малой форме — рассказам, повестям, стихотворениям — возможно, из-за той же некоторой эклектичности в следовании различным литературным направлениям. Например, количество вышедших за последние годы романов можно перечесть по пальцам одной руки.

Еще одна особенность, которую можно отметить, — нечастое обращение к остросоциальным темам. Особенно наглядно это становится, если сравнивать молодую литературу Казахстана с молодой литературой России. И дело здесь, мне кажется, не столько в цензуре или табуированности определенных тем, сколько в определенных чертах среднеазиатского менталитета, оказывающего влияние и на писателей, живущих на этой территории, — вне зависимости от того, какой они национальности и на каком языке пишут. К таким чертам, например, относится традиция «не выносить сор из избы» и характерная для восточного гостеприимства привычка чаще хвалить и делать комплименты, нежели ругать или критиковать.

Рассказы. Повесть

ЖУЛДЫЗЫМ¹

— Давно это было. Когда именно — не помнят даже самые старые горы. Жил на белом свете один аксакал, и было у него три сына-батыра. Никто не мог тягаться в округе с ними ни силой, ни умом. Аксакал смотрел на них и не мог наглядеться. Старший был...

Дедушка не договорил. Словно что-то оборвалось внутри. Беспомощный и ищущий опоры взгляд старика остановился на керосиновой лампе и замер на мгновение. При ее тусклом свете лицо его приобрело выражение странной растерянности. Дедушка вздрогнул, будто очнувшись ото сна, вскочил со старого скрипучего дивана и нарочито сердито произнес: «Не хватало мне на поминках твоего отца сказки тебе рассказывать. Ты уже большая, ложись спать сама. Завтра дядя Магаш придет. Он тебе много чего расскажет. Про город расскажет. А мне к гостям пора». Он вышел из комнаты и громко хлопнул дверью, даже не глянув в угол, где, сжавшись в клубочек, сидела Аяна. Девочка заметила слезы дедушки, но продолжала безучастно смотреть, как игривые языки пламени лизали стеклянные стенки керосиновой лампы. Вокруг в дикой пляске резвились живые тени. Аяна не обращала на них внимания, потому что привыкла и к постоянному полумраку, и к высоким потолкам, и к предметам, которые в потемках выдают себя за демонов.

За дверью громко плакала соседка Мариям. Всю жизнь ругалась с отцом Аяны, а на поминках зарыдала о его кончине. Она часто посещала похороны. Ее иногда даже приглашали, когда не хватало слез.

Жоктау стих. И Аяна догадалась по столь почтительному молчанию, что на стол уже подано. Молда Омар затянул на бухарский лад, но, видимо, торопился — часто проглатывал последние звуки в словах. Главный молда на поминки не пришел, как не пришел и на похороны. Объяснялось все просто: отец Аяны покончил с собой. Пригласили молду Омара — человека сердечного и чувствительного, который, будучи не в силах нести бремя земное, частенько выпивал. Возможно, поэтому сейчас и торопился.

Застучали столовые приборы. Засуетился дедушка — он шумел больше всех, стараясь развеселить пришедших. Вскоре его перестали слушать, потому что каждому хотелось говорить. По большей части обсуждались дела житейские, а покойника никто уже не вспоминал. От общего гула девочке стало еще тоскливей, и безобразные мысли полезли в голову. Навязчивые огненные языки в стеклянном фужере приковывали взгляд и тянули в свой первобытный мир. В ушах гремели барабаны, и откуда-то издалека доносились непонятные пьяные слова.

Адилъхан Кажмуратович Сахариев родился в 1982 году в г. Сарканде Алматинской области. Окончил факультет журналистики КазНУ им. аль-Фараби. Выпускник литературного семинара ОФ «Мусагет». Участник Фестиваля молодых писателей Казахстана. Публиковался в журналах «Аполлинарий», «Аманат» и других казахстанских и зарубежных литературных изданиях.

¹ Жулдызым (каз.) — моя звезда.

Но вот открылась дверь, в комнату проник тусклый свет из кухни. Зашел дядя Амантай, достал из шифоньера несколько бутылок самопальной водки. Вышел, захлопнул дверь. Огонек в керосиновой лампе вздрогнул и потух. В комнате воцарился мрак...

Аяна не боялась темноты в отличие от детей ее возраста. Ночная фея — так называла ее покойная бабушка. Темнота была ее спутницей, помогала придумывать свой мир. Вмиг возникали легендарные дедушкины батыры, вампиры и оборотни дяди Амантая, взятые из американских фильмов. Но лучше всех прижились в душе девочки бабушкины герои: обычные жители станции, с которыми постоянно приключались какие-то таинственные истории. В фантазиях Аяна не выходила за пределы станции, потому что нигде ей бывать не доводилось, в ее придуманном мире обязательно была железная дорога, словно клетка для мыслей. Девочка не знала, куда ведет эта дорога, как и не знала, куда уходит солнце, когда устает от человеческих глаз... Когда бабушки не стало, ее сумасшедшие герои не только не стерлись из сознания девочки, но стали реальней. Никогда не веривший в истории своей супруги дедушка после смерти стал сам придумывать что-то для Аяны. «Говорят, что первый поселенец в этих краях был сумасшедшим. Он искал счастье в пустыне. Оно оказалось в безумии. Мы, наверное, его потомки. Потому что все здесь появляются на свет полоумными или становятся такими. А в последнее время никто не рождается. Ты была последней. Эта земля — дом только для мертвых и юродивых. Остальные — вечные изгнанники, как их предшественники — бывшие заключенные, изгнанные из тюрем и обосновавшиеся здесь... Мы живем на могилах изгнанников. Они, видимо, прокляли нас, мстят нам и не успокоятся, пока не исчезнет с лица земли последний из нас. А последняя из нас — это ты. Мы пытались убежать от вездесущего рока. Построили железную дорогу. Десятки лет она нас кормила, десятки лет мы ее грабили. Но и она создана на человеческих костях. Теперь никому не нужна. А мы вымираем. Молодежь дуреет. Больше не слышно детского смеха, потому что нет самих детей. Рок нас догнал. Ангелы покинули наши края. Осталась только ты — наш последний ангел. И если не будет тебя, то, наверное, не будет и этого хаоса, в котором мы живем. А значит, и нас не будет. Нужно беречь тебя», — говорил он в пьяном бреду, а наутро все забывал. Аяна знала, что он страдает, что он стал чужим, как и сотни других обманутых временем и никому не нужных людей. Медленно угасал в его глазах огонь. И только навязчивый огонь в керосиновой лампе продолжал жить.

Станция действительно была построена на могилах согнанных некогда сюда заключенных. Климат суровый, для жизни мало пригодный: летом пятидесятиградусная жара, зимой лютые морозы. К тому же много волков. Издревле местность считалась волчьей землей. Постепенно люд разъехался, и остались одни могилы. Когда появилась железная дорога, возникла станция...

Открылась дверь, и вновь вошел дядя Амантай. Он достал из шифоньера еще несколько бутылок, парочку спрятал под рубашку. Дверь закрылась, девочка опять осталась наедине со своими мыслями. «Скорей бы утро», — подумалось вдруг ей, но спать не хотелось. Она вышла из комнаты. На кухне шумели пьяные гости. Кто-то пел, кто-то размахивал руками и кричал. А дедушка плакал, отвернувшись ото всех. Почти все уже съели, а что осталось, Мариям сгребала себе в дорбу. Раскрасневшийся молда Омар пьяными кроличьими глазками разглядывал сидевших вокруг него и беспричинно улыбался. Никто не обратил внимания на босоногую девочку с длинными распущенными волосами, стоявшую на пороге и внимательно

разглядывавшую каждого из них. Появился дядя Амантай и велел идти спать. Аяна молча вышла на улицу.

Ночной воздух ударил в голову. Все вокруг мгновенно поплыло. Аяна смотрела вверх. Такими красивыми звезды ей никогда не казались. Она была последним ребенком. И как любое последнее существо, была одинока. Когда одиноко, звезды становятся лучшими друзьями и понимающе подмигивают с высоты. Но они так далеко, и от них веет холодом. Или это шальной ветер забрался под рубашку?

На скамейке сидел дядя Амантай с какой-то девушкой. Она плакала.

— Я тебе сотни раз говорил. Чего тебе еще надо?! Залетела — твои проблемы. Нет у нас будущего. Я ведь уже даже ложку нормально в руках держать не могу. Руки дрожат. Ну зачем я тебе такой сдался? А с ребенком я не знаю, что делать. Не могу думать. Уже не могу.

Девушка встала и вся в слезах убежала куда-то. Дядя Амантай поплелся за ней следом. Вскоре ночной мрак поглотил и его.

Стало тихо и уныло. Даже лай собак не было слышно, потому что многих из них уже съели, а те, что остались живы, прятались от посторонних и жали хвосты. В ночном воздухе веял еле уловимый запах свежескошенного сена. Вокруг царила беспросветная мгла, и только маленькие звездочки, словно сквозь щели душевной коробки, пробивались из мрака. Бабушка говорила как-то, что каждая звезда — это чья-то жизнь, а когда звезда падает, значит, кто-то умирает. Но Аяна не могла понять, почему звезды падают именно ночью. Ведь папа повесился утром, когда только прокричали первые петухи. Ей вспомнился один из его последних вечеров, когда папа, пьяный, покачиваясь, пришел домой. Дедушка усадил его на стул и предложил чай.

— Когда ты прекратишь свои запои? Устал повторять тебе. Ты ведь болен. Водка добьет тебя. Когда ты смотрелся в зеркало в последний раз? На тебя глядеть страшно. Себя не жалеешь, так хотя бы дочурку пожалел. Ведь красавицей растет. А растет среди пьяниц и наркоманов. Ты пропал, так не тащи за собой близких своих. Не губи ее, ей жить еще и жить. А ведь все из-за твоей этой... Говорил, брось ее. И что? Послушался?! Как всегда, все по-своему сделал. А теперь сама в болоте, да и тебя затащила. За бутылку водки к первому встречному в постель лезет. Сгубила тебя, сынок, сгубила.

— И без нее бы запил. Ни при чем тут она.

— Вот видишь, опять свою жену защищаешь, опять жалеешь. Да кто тебя пожалеет? Она хотя бы раз пришла, справилась о тебе, о ребенке? Нет. Как прощать после этого?! Бог простит, я не могу.

Папа смотрел задумчиво в окно и молчал. А потом произнес:

— Помнишь, когда слесарь Сашка первым уехал, словно почувствовал, что нет будущего на станции. Тогда никто не понял этого, и Сашке не простили. Ведь мог бы и я уехать, Аяну забрать. Не сделал этого, боялся, что предателем посчитают. Теперь на станции остались только те, кому деваться некуда.

Папа тяжело вздохнул и, опустив голову на стол, продолжил:

— Когда видишь постоянно угнетенные пьяные лица, когда видишь, что вокруг утопающие, а ты один на плаву и не знаешь, кому руку протянуть, страшно становится. Но самое страшное — привыкнуть. Утопающие отворачиваются от тебя, никому твоя помощь не нужна, ты один остаешься на поверхности болота. Других уже затянуло. Как и мою жену. Когда за твою руку никто не хватается как за спасательный круг, а если хватается, то чтобы потянуть за собой на дно, тебя вдруг начинает одолевает страх. А когда и он проходит, значит, всему конец. Дальше одна пустота. Теперь, когда тебя почти не осталось, на все наплевать. Одно гложет: до сих пор не могу смотреть в глаза дочурке.

— Ах, балам. Куда все проваливается, куда все летит? Для тебя теперь собаки ближе человека стали. С Актосом, помнишь, по пьяни как обнимался и в морду ему плакался?

— Он хорошим псом был. Глаза у него умные, понятливые.

— Так ты же его сам с друзьями на День железнодорожника съел!

На это папа Аяны ничего не ответил, а лишь тяжело вздохнул и, потупив взгляд, посмотрел в окно. После длительного молчания он произнес:

— Устал я, умираю, наверное...

...Вдруг чьи-то горячие руки обхватили хрупкие плечи Аяны, и знакомый пьяный голос что-то невнятно произнес. Она обернулась и встретила с помутненным взглядом дяди Амантая. «Иди спать», — произнес он тихо. Он напомнил папу. Аяне вдруг стало грустно, и она, уткнувшись в его грудь, тихо заплакала. Горячие руки нежно прижали ее к себе. Амантай стоял в недоумении и даже протрезвел...

Железные колеса застучали реже, и тяжелое дыхание тепловоза стало мерным. Встала длинная череда пустых товарных вагонов. На последнем вздохе гигантского двигателя машина остановилась.

Он сошел по черным от масла ступенькам машинного отделения и направился к центральному рынку. Станция пустовала. Только что прибывший товарняк был единственным поездом, стоявшим на железнодорожных путях. Молодой человек прошелся по торговому ряду и приблизился к бывшему хлебному магазину. Окна и двери были забиты досками, а в крыше зияла большая дыра. Многие дома в округе выглядели так же, лишь местами проглядывали те, в которых чувствовалось еще дыхание жизни. Он поморщился и поправил рюкзак на плече. Дул слабый сухой ветер и поднимал пыль, она попадала в глаза и ноздри. Губы его иссушились, во рту хрустели песчинки. Он почувствовал вдруг себя грязным, захотелось быстрее сполоснуться, но воды нигде не было. Колонки молчали. Впереди показалась бывшая столовая. Здесь, когда он был маленьким, отец его по утрам стоял в очереди за пирожками и сметаной. Отсюда постоянно приятно пахло. Мальчик часто останавливался возле столовой и принюхивался: сегодня готовят плов и уху. Наверное, будет салат: пахнет квашеной капустой. Малыш благоговейно вдыхал воздух, пропитанный свежим жареным маслом, и шел дальше, по дороге размышляя о том, что бы он выбрал из меню. Теперь в бывшей столовой жили состоятельные коммерсанты. Это был один из немногих домов, выглядевших благовидно. Рядом с домом был разбит яблочный сад. Молодому человеку подумалось, что, наверное, сюда временами делают набеги мальчиши-плохиши, однако детей на улице видно не было. И он решил: сад грабить некому. Раньше станция кипела жизнью, подобных садов было много. Каждую ночь он вместе с другими дворовыми мальчишками рвал запретные плоды. Запрятав наворованное в майки, они перелезали через забор и растворялись в темноте. Иногда вслед раздавалась разъяренная брань хозяев, а бывало и такое, что стреляли солью. Однажды один из таких выстрелов пришелся ему прямо в ягодицу, после чего он долго не мог сидеть, а спать приходилось на животе. Отец его долго ругал. У молодого человека от воспоминаний защемило сердце.

— Магаш! — послышался чей-то голос.

Молодой человек обернулся и увидел худощавого юнца, весело ковылявшего к нему в пыльной поношенной кепчонке и рваных штанах.

— Баурым, Есубай! Гляжу, нисколько не изменился, — произнес Магауя с ухмылкой.

Есубай был еще совсем молод, но иссохшее тело, серебрившиеся виски и обветренное морщинистое лицо придавали ему болезненно-старческий вид. Он был безграмотным, с трудом связывал слова, заикался. Но говорить любил. Постоянно размахивал руками, словно не знал, куда их деть.

— Я п-провожу т-тебя, — проговорил он, в голосе звучала с трудом скрываемая ребяческая радость.

Магауя ничего не ответил. Он снял обувь и пошел по горячему песку, ласково щекотавшему пятки. Лицо его преобразилось, как-то даже посветлело. Есубай не поспевал за ним, старался идти в такт, однако часто сбивался.

Вскоре на горизонте показались стены клуба — больше от него ничего не осталось. Из зияющих глазниц-окон неприветливо глядела немая пустота. Магауя остановился, пораженный. Перед входом стоял безголовый памятник Ленину, пафосно протягивавший руку в светлое будущее. А вокруг торчали корявые пни. Несколько человек сидели на ступеньках клуба. Один из них встал, пошатываясь, и приблизился к Магауе. Мальчишка лет шестнадцати, красные помутневшие глаза, в глазах — звериная злоба. С ужасом Магауя признал в нем своего младшего брата.

— Амантай, — произнес он с горечью, — я твой брат. Узнаешь?

Парень недоверчиво взглянул на него, потом сделал еще несколько шагов вперед и молча обнял...

Во сне Аяна видела Новый год. Елка, подарки и все-все знакомые в большом сверкающем зале клуба. Всюду горят золотые огни, а посередине — гигантская елка. Люди ходят вокруг нее, нарядные и веселые. Бабушка поет что-то в микрофон возле Деда Мороза (у нее красивый высокий голос), а потом целует его в красный нос. Дедушка смеется от души и грозит ей указательным пальцем. А вот и папа, высокий, статный, как сама елка, улыбается и что-то говорит. Аяна ничего не слышит из-за всеобщего шума и веселья. Папа наклоняется и берет ее на руки. Вдруг она взлетает выше всех, она расправляет крылья и парит, зал кружится вокруг нее в безудержном новогоднем вальсе. Она смотрит на люстру, большую и ослепительно-яркую, невольно шурится. На ней сотни маленьких лампочек, словно праздничные свечи, она тоже танцует.

— Аяна! Аяна! Гляди, сколько огней, успеешь их сосчитать? — кричит ей снизу дядя Амантай, он кажется таким маленьким с папиного плеча. Дядя Амантай тоже смеется и протягивает ей бенгальские огни.

— Сто миллионов! — смеясь, отвечает она.

— Сто миллионов плюс бенгальские огни!

В ушах звенит пианино. Оно стоит на сцене, и тетя Айбарша играет на нем какую-то праздничную мелодию.

Вдруг с треском раскрываются окна и двери, в солнечный зал влетает холодный ветер. Он сметает все и уносит в пустоту. Аяна стоит, ничего не понимает. Секунды — и ничего больше нет. Она посреди пустого серого зала, все окна разбиты, рамки выдернуты, нет ни люстры, ни новогодней елки, ничего — только пианино все так же стоит на сцене и что-то само играет. Людей уже нет, нет ни папы, на плечах которого она только что сидела, нет никого. Вокруг черные стены, а в пустые окна врывается мороз. Метет пороша. Становится холодно. Метель своим завыванием заглушает бессмысленные звуки пианино. Аяна поднимает голову. Нет потолка. Она одна в черном пространстве. Только тусклые звездочки ехидно подмигивают ей из пустоты...

Маленькая снежинка садится на ее бледную щеку и тает. Аяна почувствовала ее нежное умирание и открыла глаза...

Перед ней стоял высокий небритый человек, очень похожий на папу. Она хотела крикнуть: «Папа!», сказать ему, как долго его ждала, как ей было холодно, и много чего еще сказать, но беспомощный язык не поворачивался, Аяна не смогла выдать из себя ни звука. Она протянула руки к незнакомому мужчине, почему-то казавшемуся ей близким, крепко-крепко обхватила его шею. Его щетина ласково щекотала щеку Аяны. И она еще сильнее прижалась к нему.

— Смотри-ка, узнала, — произнес дедушка, — Магаш, она тебя узнала.

Дедушка грустно улыбался, а на глаза наворачивались слезы-предатели. Видно было, что он старался сдерживать себя.

— Как твои дела, малышка? — сказал незнакомец и откуда-то достал плюшевого черного щенка. — Это тебе. Нравится?

— Она не может говорить: она немая, — слышался из-за ее спины дедушкин голос.

Незнакомец несколько похмурил, но потом так же ласково обратился к Аяне:

— Этот песик теперь будет охранять твой сон.

— И скушать его никто не сможет, — продолжил дедушка. Возникла пауза. Дедушка предложил идти пить чай. Аяна не хотела отпускать небритого дядю, но, как обычно, повиновалась и разжала объятия.

Когда пили чай и оживленно беседовали, вошел дядя Амантай, чем-то встревоженный. Он некоторое время стоял в нерешительности у порога, потом смело шагнул и как-то надменно заявил:

— Айганым отравилась: вчера ночью она выпила кислоту. Ее отвезли в районный центр, в больницу.

Воцарилось молчание. Дядя Магаш недоуменно поглядывал то на хмурого отца, то на явно нервничавшего Амантая, не понимая, что происходит.

— Почему она это сделала? — спросил дедушка подозрительно.

Дядя Амантай, понурился, словно провинившийся ученик, еле слышно, с плохо скрываемой злобой в голосе, ответил:

— Не знаю. Захотела и выпила. Мне-то почему знать? Не пасу же ее.

— А что родители ее говорят? — продолжал дедушка.

— Дай мне денег на дорогу, нужно съездить к ней в больницу, проведать.

— Ты не ответил, сынок.

— Мне нужны деньги. Что еще объяснять?! — дядя Амантай стал нервно постукивать кулаком по стене. Он весь напрягся, словно хищник, готовящийся к прыжку.

— Ты их опять пропьешь или на свою дрянь зеленую потратишь.

— Не потрачу, вот увидишь. Дашь в конце концов денег или рожать прикажешь?! — уже почти крича, произнес дядя Амантай.

Он весь трясся и как-то даже посинел от напряжения. Вид у него при этом был вымотанный, взгляд совершенно безумный, под глазами — темные мешки.

Тут вмешался дядя Магаш.

— Сколько тебе надо? На возьми, — обратился он к брату.

Тот резко вырвал из его рук деньги и вышел вон, продолжая на ходу колотить стену.

— Зря ему дал, — спустя время проговорил дедушка. — Он не поедет к своей девице.

Вновь воцарилось молчание. Только назойливые мухи шумели и мешали пить чай. Аяна уже догадывалась, почему девушка, которая плакала вчера на лавочке, выпила кислоту. Она еще не понимала, что такое кислота, но полагала, что это что-то очень кислое и неприятное. А невкусное пьют, только когда очень плохо, чтобы вылечиться.

— Не знаю, что с ним делать. В школу не ходит, да и толку от нее немного. Бездельничает и дуреет день ото дня, — тихо произнес дедушка.

— Может быть, ему в армию податься или в училище какое-нибудь? — неуверенно сказал дядя Магаш.

— Для этого нужно кое-кому на лапу дать. А у нас, ты знаешь, ничего нет. Сейчас даже в армию без подарков не берут.

Дядя Магаш задумался и так же, как когда-то папа, стал смотреть в окно.

— Постараюсь что-нибудь сделать, — выдавил из себя он, — Пусть зиму здесь побудет. А если все успешно пройдет, попадет в весенний призыв. Кое-какие связи в военкомате районном есть.

— Балам, на тебя последняя надежда. Помоги брату своему. Обо мне не беспокойся. Мне немного осталось. Скоро пойду вслед за твоей матерью. Главное, чтобы похоронили по-людски. А большего не надо.

— Что за разговоры? Мы тебя еще женим, — нарочито весело произнес дядя Магаш, — найдем хорошенькую старушенцию и засватаем.

Дедушка на мгновение улыбнулся, но тут же стал серьезным:

— Сходим сегодня к брату твоему старшему. Землей бы посыпать на него.

И вновь в кухне стало тихо. И вновь стала слышна возня мух. Только, видимо, ни дедушка, ни дядя Магаш их уже не замечали. Они сидели молча, задумавшись о чем-то своем, а чай остывал...

Дедушка запер дверь, дядя Магаш набрал из ведра остатки вчерашней воды в бутылку, потому что в колонке ее не было; воду давали только по вечерам. Аяна взялась за руки дяди Магаша и дедушки, и они вместе пошли повидаться с папой. По дороге встретился Есубай. Он восторженно замахал руками, лицо его расплылось в широкой улыбке.

— Жулдызым! Я в-видел вчера т-тебя на небе, т-ты была с-самой яркой из них. К-когда ты с-спустилась н-на землю? — обратился он к Аяне.

Аяна всегда была рада видеть Есубая, но поскольку ничего не могла сказать, просто улыбалась ему в ответ.

— Почему ты называешь ее «жулдызым»? — спросил недоуменно дядя Магаш.

Есубай даже не обратил внимания на его вопрос и продолжал что-то быстро объяснять Аяне.

— Что ты хочешь от дурака? Он ее так всегда называет. Все уже к этому привыкли, — промолвил дедушка.

Есубай тоже пошел вместе с ними, хотя его пытались отговорить. Проходя мимо клуба, Аяна обратила внимание, как тихо было возле него. И тишина эта настораживала. Из глубины угрюмого, мрачного, полуразрушенного здания доносились бессмысленные звуки пианино. Аяна дернула за руку дедушку, но тот даже не обратил на это внимания. Аяна посмотрела на своих спутников и поняла, что музыки они не слышат. «Эта мелодия из моего сна», — вспомнила вдруг она.

— Т-тебе н-нравится, как звучит п-пианино? — вдруг произнес кто-то шепотом за ее спиной.

Аяна обернулась и встретилась взглядом с Есубаем. «Ты тоже это слышишь?» — хотела она сказать. Есубай, словно понимая беспомощное шевеление губ, ответил:

— Я его с-слышу п-постоянно, с тех пор, к-как л-люди стали топтать грязными н-ногами н-небеса.

Аяна не могла ничего понять. На мгновение ей показалось, будто Есубай совершенно здоровый человек. Но только на мгновение, так как молодой старичок вновь начал нести какой-то ясный только ему одному бред. Дедушка попросил его помолчать.

Когда они пришли к беиту, молда Омар уже сидел у одинокого зирата и, закрыв глаза, что-то говорил про себя. Здесь покоился папа Аяны.

Мужчины тихо приблизились к Омару и присели рядом. Аяна осталась в стороне, она прикрыла голову платком, как учила бабушка, и по-детски с интересом разглядывала полумесяцы на макушках кирпичных домиков. Она стала читать некрологи, читала медленно, и это ее немного раздражало. Но Аяна усердно дочитывала каждую букву, словно от этого что-то зависело. Неожиданно наткнулась на имя бабушки. Серебряными буквами было выгравировано несколько цифр, а между ними ровная линия — линия жизни между двумя датами. Вот и все, что осталось от человека. Аяна смотрела на эти белые домики и думала, что, возможно, в каждом из них обитают души, они ходят друг к другу в гости, беседуют о неземных делах, здесь, рядом, но не в этом мире. Аяне почему-то хотелось зайти в один из этих домиков и погреться, посидеть, отдохнуть, хотя она и понимала, что покой ушедших беспокоить не принято.

Дедушка сказал, что пора, а Аяне уходить не хотелось. Она посмотрела в его глаза и увидела в них свое отражение. Ей стало как-то неловко, и она вновь повиновалась.

После намаза молда Омар исчез. Они пошли домой одни. Надо было перебираться через реку. Вода была мутной и холодной. В эти дни уже никто не купался. Аяна сидела на спине у дяди Магаша и смотрела, как куда-то спешащие волны разрывались под его ногами. Река шумела, а люди молчали. На берегу росло огромное дерево с толстым стволом, увешанное разноцветными тряпочками.

— Это дерево старше меня, — сказал злобно дедушка, подходя к нему. — Оно отобрало у меня сына. Хоть его и называют священным, однажды я его срублю.

В его голосе звучала вся накопившаяся боль, собранная годами в единый комок, пропитанный ненавистью. Аяна прочитала во взгляде дедушки неудержимую злость раненого зверя. Она ранее не видела его таким.

— На этом дереве уже повесились трое. Мой сын был четвертым, — произнес он сквозь зубы, — Проклятое оно...

Вдруг дедушка, словно подкошенный, рухнул на колени перед молчаливым гигантом и весь затрясся.

— Верни мне сына! Верни мне сына! — прозвучали, как гром, его слова.

Но это было не требование, а мольба. Дедушка рыдал, рыдал громко и страшно, как не рыдала еще его душа.

Дядя Магаш увел Аяну. Она через плечо еще наблюдала, как два старика: один — человек, потерявший свое дитя, другой — растение без единого листочка, совершенно нагое и безобразное в своей наготе, увешанное какими-то лохмотьями, тонули за горизонтом. И когда уже эти две фигурки скрыли барханы, девочка продолжала смотреть назад, будто таила надежду, что песчаные волны расступятся и она вновь их увидит.

В этот день дядя Амантай так и не появился. На следующее утро прибежала соседка Мариям и взволнованно сообщила, что он пытался повеситься на священном дереве у реки. Но ветка, на которую он завязал веревку, оказалась гнилой и обломилась. Закончить Амантаю начатое помешали подоспевшие вовремя пастухи. Дедушка тяжело вздохнул и закрыл лицо руками.

Аяна подумала вдруг, что священное дерево специально не приняло дядю Амантая, потому что дедушка его об этом попросил...

Дома собрались все знакомые, соседи. Народу было так много, что не оказалось свободного пространства. Все шумели. Стало невыносимо. В этой суете дядя Магаш наклонился к Аяне и произнес:

— Я заберу тебя с собой. Завтра уезжаю. Поедешь?

Аяна недоверчиво взглянула на него, ей показалось, что перед ней папа. Она еще долго пристально смотрела на него, гладила его щетину. А потом кивнула. Дядя Магаш прижал ее к себе и нежно прошептал ей на ушко:

— Ты сможешь говорить. Только надо сильно в это верить. Все у нас будет просто замечательно. Ведь мы заслужили быть счастливыми. — Он поцеловал ее в щеку и прижал к сердцу. — Ты ангел, которого я искал столько бесцельных лет. Ты последнее мое убежище. Будешь оберегать меня. Мы начнем жизнь сначала.

Этих слов Аяна уже не слышала, потому что заснула...

— Ну что, все вещи взяли? Ничего не забыли? Кажется, все на месте, — дедушка сутился и очень волновался. — Аяна, веди себя хорошо. Слушайся дядю Магаша.

— Аке, все будет замечательно. Берегите себя. Пригладьте за Амантаем. Весной обязательно куда-нибудь его пристроим. Главное, чтобы не натворил опять глупостей. Пусть потерпит до весны, — говорил второпях дядя Магаш.

— Ладно, вам пора уже. Товарный скоро отъезжает. Не успеете.

Дедушка обнял сына и молча взглянул ему в глаза. Этот взгляд был красноречивее и точнее любых слов.

— Аяна, ты будешь теперь с дядей Магашем. Город увидишь, в школу пойдешь, у тебя будет много друзей. Дедушку не забывай, — обратился старец к девочке и погладил ее по щеке.

Аяне не давала покоя мысль о священном дереве. Так о чем же они с дедушкой договорились? Оно не приняло его младшего сына, хотя забрало старшего. Почему? Ведь за сотни лет на нем не сломалось ни единого сучка. А тут ветка сломалась. Дерево вернуло отцу сына, вернуло живого сына. И теперь Аяне казалось, что с дядей Амантаем вряд ли может что-то случиться. Аяна присмотрелась к дедушке и только сейчас поняла, что он отдал что-то взамен на жизнь сына. Возможно, свою.

Вновь послышались звуки расстроенного пианино. Аяна испуганно вгляделась в пустые глазницы клуба. Кто-то или что-то прощалось с ней, и только с ней. Сердце Аяны защемило, и по щеке скатилась единственная слеза.

— Ош бол, жулдызым! — произнес этот кто-то из пустоты. — Прощай, моя звезда!

Аяна помахала несмело ручонкой этому невидимому кому-то и пошла за дядей Магашем, который уже ждал ее у здания бывшей столовой.

Товарный поезд уносил ее куда-то в неизведанное, а Аяна продолжала смотреть на клуб. Она не могла отвести взгляда, даже когда станцию поглотили пески. В ушах все так же под нестройную мелодию пианино звучало таинственное, но такое родное:

— Ош бол, жулдызым.

БЛАЖЕННЫЙ

Бабая у нас на станции никто не боялся, даже малышня. Скорее, он их побаивался. Это был тихий добродушный мужик. Чудаковатый такой. Работал в пекарне.

Чудаки есть в каждом селе. Но у нас их было до непристойного много. Некоторые считали, что это из-за того, что ветер с Семипалатинского полигона гнал в наши края всякую заразу. Старики же поговаривали, дескать, все дело в местности: когда прокладывали железную дорогу, полегло здесь несметное количество строителей Турксиба. С тех пор якобы и люди на этой земле пошли не от мира

сего. Была и одинокая почтальонша Валя, не снимавшая валенки даже летом. Был и большой безобидный Русик, которого все обзывали Трусиком: целыми днями напролет слушал радиостанцию «Маяк» и беспричинно улыбался прохожим из глубины своего огорода. Был и контуженный в войну старик Бугы — им пугали непослушных детей. Много кого еще было. Не пересчитать. Каждый со своими странностями. Ведь чудaki, как и обычные люди, тоже бывают разные. Но Бабай для меня был и остается особенным. Может, потому, что жил по соседству и мы с ним частенько ходили на речку купаться, или оттого, что человеком он был по-особенному душевным.

Знал я его едва ли не с самого своего рождения. А вот впервые обратил на него внимание лишь после случая со спасением котенка. Мы, дворовая ребятня, возились у колонки — строили из мокрого песка очередной замок, когда кто-то сказал, что в туалетную дыру свалился котенок и что его пытается вытащить оттуда Бабай. И мы, конечно же, побежали к месту происшествия: для скучающей аульской детворы все, что хоть как-то выбивается из унылого однообразного ритма сельской жизни, уже событие.

Я не сразу смог увидеть Бабая: к тому моменту у туалета уже скопилось приличное количество народу — обступили со всех сторон и своими спинами загородили весь обзор. Пришлось потолкаться, чтобы протиснуться в передний ряд. Деревянная будка была свалена на бок, открыв взору зловонную яму с нечистотами. Бабай, оголив бледный торс, сплошь покрытый рыжими выющимися волосами, возился по колено в мерзкой жиже и все пытался выловить изворотливый комочек шерсти. А тот упрямо не хотел идти в его страшные ковшеподобные руки. Недоверчивость зверька была понятной: едва появился на свет, а его уже выкинули за ненадобностью. Бабай напоминал медведя. Медлительный, огромный. Только вот тело не богатырское, а какое-то несуразное, грушевидное: узкие плечи, дряблые обвисшие, как у старой женщины, груди. Губы у него тоже медвежьи: влажные, пухлые, с синевой, и глазки небольшие. И даже речь его, тягучая, жеваная, походила на медвежье ворчание.

Наконец Бабай поймал котенка и вылез из ямы. Народ стал расходиться, приговаривая: «Ой, жинды! Ой, жинды!» Он же как ни в чем не бывало зашагал к колонке, под которой потом с получаса отмывался песком. Я еще подумал: «жинды» — это значит «одержимый джинном». В Бабае мог сидеть кто угодно, только не злой дух. Злые духи из туалетов котят не вытаскивают.

Бабушка называла Бабая «помеченным Богом». Наверное, в младенчестве его уронили или сильно напугался. Девушки, конечно же, обходили его стороной. Когда же пришло время обзавестись семьей, родители нашли ему пару. Машка тоже была со странностями. Но хоть и было у нее в голове, как выражалась местная детвора, «девяносто девять шариков», считать она умела здорово. Недаром работала в буфете столовой: торговала пирожками, ватрушками и прочими вкусностями. К Машке тянулись целые очереди, особенно когда привозили с молочной базы свежую сметану. Так что отнюдь не последним человеком она была.

Жили они с Бабаем без любви, но и без крепких ссор. Последнее, думаю, было больше заслугой мужа, потому что Машка была ворчливой, охочей до ругани бабой. И глаза у нее были какие-то беспокойные и колючие.

Бабай, напротив, был прост и добродушен. И хлеб пек как бы под стать себе — добротный, вкусный (хотя после нашумевшего случая со спасением котенка некоторые сельчане на время перестали покупать изделия пекарни, пока не надоело печь самим). Он был работающий и верен своему делу. Машка частенько его бранила: «Все с работы домой таскают, а он из дома! Хотя б килограмм муки принес, что ли».

Что бы ни говорила Машка, а мужем Бабай был хорошим. То воду носит, то дрова рубит, то в своем захудалом покосившемся сарайчике возится. Бывало, идешь на речку, а он сидит на крыльце на ступеньках после тяжелого трудового дня, сигаретку потягивает — будто последнюю в жизни. Стрельнешь «Примы». Он не жадный, угощает.

— Айда на речку! — мы к нему обращались запросто, даже фамильярно, хотя он нам в отцы годился.

— Ма-а -ашка не пу-у-стит, — тянул он, сложив в трубочку и без того пухлые губы.

— Такой большой, а жены боишься, — подтрунивали мы над ним и брели дальше.

Бабай сразу как-то грустнел, тряс крупной мохнатой головой, как бычок, отбивающийся от назойливой мошкары, и продолжал курить. Только уже без наслаждения.

Мы любили ходить с ним на рыбалку, на нашу любимую заводь у моста, тихую, поросшую джигидой. Он мог сидеть с удочкой хоть целый день (загар, кстати, его не брал, он лишь краснел неестественно, будто ошпаренный, а потом через денек-другой снова становился бледным). Я же такой усидчивостью похвастаться не мог. Меня хватало от силы на час. Затем, отбросив в сторону удочку-самodelку, залезал в воду и начинал бесшумно, крадучись, искать рыбу руками. Так быстрее и урожайнее. Сунешь руку под корягу или подводную нору, а там гладкий, скользкий карась отдыхает. Его можно даже осторожно погладить. Схватишь цепко и резко на берег выбрасываешь. Потом после улова ходишь в зарослях и собираешь рыбу, как ягоды. Таким способом за пару часов я мог наловить с десяток — отборных, больших. А Бабаю приходилось довольствоваться одной-двумя, да и то попадалась ему всякая мелочь.

Как-то, сидя после удачного улова у костра и поедая уху, он сказал:

— Нельзя так рыбу ловить.

— Это почему же?

— Нечестно, — уплетая суп, Бабай сопел от удовольствия, пошмыгивал носом, — ты ее спящую ловишь.

— Ну и что?

— Так ты и половину не собрал. Остальные зря умерли. Могли бы еще пожить, — он говорил «умерли», а не «подохли» — так мягко, уважительно вытягивая первую гласную, словно речь шла о человеке.

— Уха-то нравится?

— Нравится.

— Дурак ты, Бабай. Ешь, пока не остыло.

— Я не дурак, — обиделся он.

Остатки улова понесли домой. Слова Бабая пристыдили меня, хотя я и виду не подал (да чтоб дурачок уму-разуму учил!). Действительно, ловить рыбу я любил, а искать, собирать ее — не очень.

На мосту встретилась заречная шпана. Они были старше меня. Я прикусил губу, не особо надеясь на благополучный исход. На Бабая рассчитывать не приходилось. Он не то что за меня, за себя не мог постоять. Бывало, обложат его интернатские дикари со всех сторон, как загнанное животное, палками в бока тыкают, матом кроют, а он даже рыкнуть как следует не может, состряпает виноватую улыбку и жметя беспомощно в угол до тех пор, пока детишкам не надоест. А потом отряхнется и как ни в чем не бывало идет дальше. Но трусом он не был, просто не умел вести себя в подобных ситуациях — терялся, робел. Он вообще стеснялся людей. И

злиться совсем не умел. Лишь однажды я видел его в гневе. Интернатские сказали ему что-то обидное о покойных родителях. Бабай раскраснелся от злости, запыхтел, раздул по-лошадиному ноздри. Я думал: вот наконец пробудился в нем праведный гнев, как махнет сейчас своими кулачищами и раскидает всех по углам. Но не тут-то было. Эмоции настолько переполнили его, что он захлебнулся в них. И без того скудный словарный запас его и вовсе сошел на нет. Вместо разящего наповал крепкого словца из его уст высыпалось невнятное, обиженное: «Елы-палы. Вы это чего, а?!» Обидчики разразились издевательским смехом. Бабай совсем растерялся и, не найдя что ответить, пустился бежать.

На сей раз пронесло: заречные бить не стали. Лишь отобрали улов. Но до боли обидными были их слова, брошенные напоследок:

- Два рыбака-дурака, — сказал один из них.
- Неразлучная парочка, — подхватил второй.

Застыдился я тогда: «А вдруг все узнают, что Бабай мой приятель». Слова оправдания полились из меня сами собой:

- Да он сам привязался! Ходит за мной по пятам!

Возможно, все бы на этом и закончилось — заречные, скорее всего, сразу же забыли о встрече на мосту. Но я не находил себе места, все накручивал себя и накручивал. Боялся, что они разнесут всем о моей дружбе с Бабаем и меня затем осмеют. Я стал сторониться Бабая. Избегал встреч с ним. Даже перестал покупать заводской хлеб, уговорив бабушку печь самой.

Между тем детская нелюбовь к Бабаю только крепла. А дети порой бывают очень жестоки. Особенно усердствовали интернатские: сироты, отпрыски чабанов с отдаленных отгонов, голытьба из многодетных семей. Те, кого жизнь не особо балует лаской. Сложно сказать, почему вдруг все ополчились на Бабая. Возможно, потому что он не умел давать отпор. В него швыряли камни, обзывали, а он молча терпел и, лишь когда становилось совсем невмоготу, обиженно ворчал вслед разбегавшейся с хохотом детворе.

Все изменил случай. В то лето стояла невыносимая жара. Мы не вылезали из речки и из-под колонок. Песок был настолько горячим, что на него не могла ступить даже самая закаленная босая нога. Хотя, возможно, вовсе не жара была повинна в пожаре в интернате, а какая-нибудь неисправная проводка или непотушенная сигарета.

Поглазеть на горевший интернат сбежались зеваки. Мы тоже носились вокруг полыхающего здания, возбужденные и радостные. Не каждый же день удается увидеть такое зрелище. Кто-то суетливо таскал воду, кто-то работал лопатами, тщетно пытаясь потушить огонь песком. А кто-то просто стоял и смотрел — и их было большинство. Перепуганные интернатские, обычно бравадные, лихие, теперь сидели, забившись в беседке, как куры в темном курятнике. Мы над ними злорадствовали, но украдкой. Мало ли, вдруг они решат отомстить.

Внезапно интернатский учитель начал истерично кричать:

- Где он?! Где он?!

— Кажется, там остался, — интернатские еще больше перепугались, растерянно захлопали глазами.

Учитель стал бегать взад-вперед и взывать о помощи. Затем плюхнулся на колени и в слезы. Странно было видеть плачущего мужчину.

Пламя меж тем набирало силу. Безжалостно пожирало балки, доски, оконные рамы. Вокруг стало тихо. Умолкли и мы — стояли оторопело и глазели на огонь. Слышно было лишь треск огня. Учитель перестал плакать. Видимо, смирился. Только глаза у него стали словно стеклянные.

И вдруг из толпы выбежал какой-то мужчина и прыгнул в пылающий дверной проем. Все зашущукались: «Кто это? Кто это?» А я почему-то сразу же подумал о Бабае — только он мог отважиться на такое безрассудство.

Ждали несколько мучительных минут. Начали уже поговаривать, что погиб смельчак. Но Бабай вскоре появился. Один, без ребенка. Обгоревший, красный, будто пережарен на солнце. Опалилась и его нательная мохнатость. Большой, страшный, еще не отошедший от шока, стал ходить кругами, не зная, куда себя деть, и по-медвежьи реветь. Но ревел он не столько от боли, сколько от отчаяния:

— Не нашел! Не нашел!

Люди принялись его успокаивать, говорили подбадривающие слова, каких сразу ему не говорили. А он даже их не слышал. Все ревел да ревел.

И вдруг донесся радостный крик:

— Да вот он, паразит! В сарае прятался!

Мы все разом обернулись. Со стороны интернатских пристроек шел сияющий учитель, вел за руку чумазого босоногого мальчугана. Люди обступили ребенка и начали терзать его расспросами. А тот был так напуган и растерян, что не мог вымолвить ни слова.

Когда наконец суета вокруг мальчика улеглась, вспомнили о Бабае. Он сидел на том же месте, на песке, притихший, размякший, и улыбался во весь рот.

— Горе-спасатель ты наш! — крикнул кто-то, — И чего туда полез?

— Звезду героя, наверно, захотел! — подхватили весело в толпе.

— Не расстраивайся, может, в следующий раз получится кого-нибудь спасти.

— Да ему только котят в туалетах вылавливать!

Толпа разразилась хохотом. Бабай не сдержался и тоже засмеялся.

После пожара у него резко ухудшилось зрение. На теле навсегда остались следы от ожогов, так сказать, на память. Зато над ним больше никто не издевался. Оставили в покое. Но мне было как-то совестно напрашиваться к нему снова в друзья. Так что на речку вместе мы больше не ходили.

Наступили 90-е, болезненные, лихорадочные. Родители мои в поисках лучшей жизни перебрались в город, ну и, конечно же, забрали меня с собой. На станцию мы наведывались редко, да и то ненадолго. Видел пару раз Бабая — постарел, осунулся, оброс щетиной. И почернел. И вовсе не от загара. По примеру многих сельских мужиков он слонялся без дела и глушил водку. Летом же батрачил на чужих огородах. Машка от него ушла. Переехала в другие края. А потом и сам Бабай куда-то исчез. Одни поговаривали, что родственники забрали его в Россию, другие — что помер.

Как-то в очередной мой приезд бабушка предложила сходить в новую мечеть. Ее возвели на месте сгоревшего интерната. Вряд ли в память о пожаре. Просто пустырь располагался на самом видном месте, в центре села, и нужно было чем-то его застраивать.

Ворота оказались заперты.

— А что, без молды? — поинтересовался я.

— У него времени на нас нет, — освобождая проушины ворот от проволоки, бабушка иронично улыбалась.

Впереди нас ожидало еще одно препятствие: на дверях мечети висел замок. Но и это не остановило бабушку. Она с силой дернула за него, и замок поддался. Видимо, висел просто для виду. Мы вошли в священную обитель. Бабушка натянула на голову платок и, припав на колени, принялась читать единственную заученную ею суру Корана. Она всегда ее читала, когда молилась за покойных родственников.

Я никогда не отличался набожностью, но тоже стал молиться: за деда, за других родных, которые ушли из жизни. И за Бабая. Хотя глупо, наверное: он ведь другой веры и, вполне возможно, еще живой. Да простит меня Бог за такую дерзость. Уж очень хотелось попросить для Бабая мира и покоя. Жил человек среди нас, жил одиноко, неприметно, чтобы не быть никому в тягость. Словно стыдился своего существования. Зла никому не желал и вреда не причинял. А когда ушел, то стало как-то пусто на селе. Может, и сейчас ходит он где-то в морозной сибирской глуши, простодушный, стеснительный и в то же время открытый миру. И очень хочется надеяться, что никто его там не обижает. Я молился за Бабая, как умел. Многие могли бы и лучше. Хотя, пожалуй, блаженные в молитвах не нуждаются.

ВОЛЧЬИ ПЛЯСКИ

Повесть

Неподалеку от станции волки напали на сельчанина. Наутро, когда буря стихла, всего в нескольких шагах от дороги нашли его окоченевшее тело. Оно было почти не тронуту, только вместо горла зияла рана. Степь безмолвствовала. Молчали и люди. Лишь холодный, пронизывающий ветер пустыни о чем-то шептал. Но жители станции не знали языка ветров. Тишину нарушил самый сильный и самый старый, аксакал Аю. Мерно поглаживая запорошенную бороду, он сказал, что волки убили человека не ради добычи.

В километре от тела обнаружили и застрявший в сугробах внедорожник покойного. В кабине старенького авто было пусто: годовалый ребенок, которого отец вез домой из районной больницы, исчез...

То было обычное пасмурное зимнее утро, такое же, как и все остальные в этих краях. Тогда еще никто из горстки сельчан, собравшихся у бездыханного тела соплеменника в бескрайней снежной пустыне, не задумывался о том, что их ждет, когда настанет завтра. И только мудрый охотник Аю, долго вслушиваясь в тишину, все пытался понять, что ему хочет поведать таинственный голос степи. Когда ветер, пришедший с запада, стих, охотник молвил: «Грядут большие перемены».

Шли годы, на станции про тот трагический случай забыли или просто не хотели вспоминать. Потому как с тех самых пор волки стали нападать на людей почти каждую зиму и, словно дань, уносили в степь по дуногому, оставляя от них только кисти и стопы.

* * *

Он появился в последние дни лета, когда уже поспели плоды джигиды и закончился сенокос. Его подобрали путейцы в одном из пустых товарных вагонов железнодорожного состава, проезжавшего через станцию транзитом. Он был без сознания — с простреленным плечом и переломанными ребрами, на месте, где должно было находиться лицо, багровое месиво грязи и крови. Путейцы отнесли его к кочегарке Марияш из ШЧ², женщине угрюмой и неразговорчивой, но чуткой к чужому горю. Так на станции появился первый за последние годы новый человек. У него было странное волчье имя Арлан³.

² ШЧ — шнуровая часть, одно из подразделений по обслуживанию железной дороги.

³ Арлан — матерый волк, вожак стаи (каз.).

Всю ночь он бредил. Его бросало то в озноб, то в жар. Никакие лекарства и настойки не помогали, а в районную больницу (местную железнодорожную лечебницу год назад закрыли в связи с оптимизацией), единственную на сотни километров, везти больного никто не согласился, опасаясь, что тот может помереть по дороге. Поэтому рано утром Марияш пошла за старухой шаманкой, жившей отшельницей по ту сторону реки, и за мешок картофеля уговорила ее помочь вылечить незнакомца.

Два дня и две ночи старуха колдовала над ним, на третьи сутки сказала, что теперь надо ждать. Дух человека дальше должен бороться сам, ибо только он способен побороть смерть.

«Абсолютная мгла и абсолютная тишина — вот что по-настоящему страшно», — подумал Арлан, ненадолго вернувшись из небытия. Хотя в какой-то момент ему показалось, что он продолжает там находиться. Отличие только в том, что теперь он это небытие осознает. Сплошной мрак, от которого колет в глазах, и начинает казаться, будто он постепенно впитывается в зрачки и поедает глазное яблоко. Ни единого звука, ни единого шороха, и вскоре послышалось, как едко зашипела в ушах сама тишина. В голове Арлана внезапно возникли странные образы: будто его запаковали в душный тесный ящик для посылок и по почте выслали в неизвестность. Он попытался нащупать тряпку на глазах в надежде, что, может быть, их ему завязали, но, не обнаружив ее, с ужасом понял: он лежит с открытыми глазами и при этом абсолютно ничего не видит. От такого неожиданного открытия его бросило в странный удушливый озноб. Он в испуге хотел было закричать, чтобы услышать хоть какой-то звук, но из своей воспаленной глотки смог выдавить только невнятный тихий гул, больше похожий на предсмертный хрип животного, нежели на человеческий крик. Он собрался было встать, но не почувствовал ног. Он не чувствовал даже собственного тела, и ему стало казаться, что в этом мире от него осталось только его сознание. Но кто мог поручиться, что вся эта сплошная мгла без звуков и запахов и есть настоящий мир?

Тусклый свет подступал все ближе и ближе. И вот перед глазами уже танцевали молчаливые тени демонов: они кружили на потолке, на стенах — всюду, медленно подкрадываясь к беспомощному Арлану. В ушах продолжала шуметь тишина; повеяло еле осязаемым запахом гари, быстро пожиравшим остатки кислорода в помещении. А молчаливо плясавшие демоны стали приближаться, протягивая к нему свои острые длинные когти. И, теряя сознание, уже почти в бреду Арлан успел понять, что он задыхается — наверно, именно так приходят за падшими душами. Появился лысый мальчик с огромным животом — это он принес свет в своих хрупких ручонках. Приложил к голове Арлана что-то холодное и мокрое. Раскаленная кожа юноши мгновенно впитала в себя живительную влагу, словно иссохшая земная гладь, соскучившаяся по долгожданному дождю. Он, едва сдерживая тяжесть век, смотрел в бездонные гигантские глаза ребенка, на то, как в них отражалось зловещее пламя керосиновой лампы, словно тихое иссиня-черное озеро посреди бушующего огня, и не заметил, как это озеро поглотило его. И там, где-то в глубине глаз ребенка, он увидел Вселенную...

А потом больной вновь потерял сознание.

Высокий грязно-серый потолок, с которого осыпается штукатурка, — это было первое, что увидел Арлан, придя в себя. Затем его взгляд соскользнул на стену — оттуда, с посаженных на канцелярские кнопки открыток, приветливо улыбались индийские кинозвезды, с пухлыми пунцовыми губами, в ярких пестрых нарядах.

Мебели в комнате было немного: сервант времен Второй мировой, большой дубовый стол, несколько старых покосившихся стульев да кровать, на которой он лежал. Зато было где разгуляться эху. Сквозь заколоченные досками окна просачивался дневной свет. Юноше захотелось их выбить. Он попытался было подняться, но резкая боль в плече вернула его в прежнее положение.

Пришла грузная мужеподобная женщина. Она устало посмотрела на Арлана, и в ее взгляде на мгновение юноша уловил что-то легкое и нежное. Но только на мгновение.

— Здравсьте, — тихо произнес он, смущенный после длительного пребывания в одиночестве внезапным появлением незнакомого человека.

Она ничего не ответила, поднялась и направилась к двери.

— Можно хотя бы убрать доски с окон? Здесь темно, — выдавил он, едва оправившись от смущения и робости.

— Могут украсть стекла, — произнесла она, уходя, и ее голос звучал тише его собственного. По крайней мере, ему так показалось.

Время шло медленно, раны заживали плохо, а боль никак не хотела уходить. Он пил какие-то травы с неприятным приторным запахом. Пища была скудной и безвкусной, а вода отдавала машинным маслом и ржавчиной. Если к еде он быстро привык, то воду пил мало: от нее с непривычки крутило живот. Он потерял счет дням, однако чувствовал, что лежит очень долго. Любоваться большеглазыми индианками на открытках ему давно уже опостылело. Их беззаботные счастливые лица вызывали в нем лишь тоску и зависть — тяжело смотреть на чужую радость, будучи прикованным к постели.

— Наверно, здесь жутко воняет? — виновато произнес он, когда в комнату с очередной кисейкой зелья вошла Марияш. — Что сейчас происходит на улице? — продолжил он, не дождавшись ответа.

— Ничего, — наконец сухо молвила женщина.

— Я хочу выйти.

— Пока нельзя.

Арлан хотел было еще что-нибудь сказать, но женщина спешно удалилась, оставив его в полном одиночестве.

За время своего постельного режима, кроме Марияш, он не видел ни одной живой души. Даже тараканов. Иногда по ночам слышал, как наверху кто-то ходит. Изредка раздавался далекий гудок тепловоза. Все остальное время — сплошная тишь. Человеку, привыкшему к огням большого города, к непрерывному движению, суете на улицах и в душе, хаосу звуков и цвета, этот мир, полный безмолвия и статичности, казался мертвым. Словно однажды взорвалась атомная бомба, и никто не вышел — только он со своими страхами и навязчивой болью и эта угрюмая молчаливая женщина.

Наконец как-то утром он почувствовал в себе силы встать. Осторожно, с опаской поднялся. Затем попробовал сделать пару шагов. И когда это у него получилось, по-детски обрадовался.

— Никогда не думал, что буду учиться ходить заново, — произнес довольный Арлан.

Окрыленный успехом, шаг за шагом он добрался до подоконника. Ему очень хотелось вдохнуть свежего воздуха. И он не смог устоять от соблазна открыть окно и выбить доски.

За окном возвышались величественные песчаные волны. На мгновение ему показалось, будто он в безбрежном океане, плывет запертый в своей душей почто-

вой коробке. Он даже ощутил, как его укачивает, как подбрасывает на волнах. Закружилась голова. Боясь упасть, Арлан уперся обеими руками в подоконник.

— Куда они меня несут и принесут ли вообще куда-нибудь?

За спиной послышалось чье-то дыхание. Юноша обернулся. И замер. Пред ним стоял лысый мальчишка из его дурного сна. И первая мысль, возникшая в голове: он до сих пор в бреду, и за ним снова пришло это таинственное молчаливое дитя из мира абсолютной тьмы и тишины.

Но, отойдя от шока, он осторожно взгляделся в ребенка и заметил, что тот напуган не меньше его самого — стоит, выпучив глаза, босой и маленький, и только огромный живот придает мальчику вид мифического существа.

Ребенок молча подвел его к кровати, уложил и дал горячего чая. Руки подростка нежные и теплые, от него веяло наивностью и чистотой.

Когда он впервые смог выйти, на улице сгустились сумерки. В небе висела дугообразная луна. Такой ее Арлан еще не видел (а может быть, просто не замечал): бледно-желтая, с неправильными контурами. Тысячи лет назад ею любовались предки-кочевники, и, вероятно, будут любоваться оседлые потомки — люди появляются, исчезают, сменяются целые эпохи, а она такая же первозданная, словно ее только что нарисовал своей неумелой рукой ребенок. Арлан подумал, что, возможно, Бог и есть ребенок, ибо только дитя способно творить с таким трепетом и искренностью.

В ветхом, построенном еще в сталинские времена двухэтажном доме, доме, в котором приютили Арлана, жизнь обитала лишь на первом этаже одного из подъездов, остальная часть здания выглядела бездыханной и мрачной. Квартиры были покинуты людьми, и сейчас пустые черные глазницы окон смотрели на Арлана как-то обреченно и обиженно. Подобный взгляд юноша встречал у бездомных собак, брошенных хозяевами на растерзание судьбы: они уже не могли доверять человеку, но почему-то иногда пристально и с надеждой взирали вслед прохожим. Крышу нежилой части дома уже успели разобрать, остались одни стены. «И кому это в Богом забытом селе понадобились стройматериалы?» — мысленно вопрошал Арлан. Но кому-то они были все-таки нужны. Здание напоминало тонущий корабль, брошенный экипажем и пассажирами погибать в песчаном океане.

Вслушиваясь в тишину, Арлан услышал громкое учащенное дыхание. Он кинул взор в сторону доносящегося звука и увидел сидевшего на лавочке мальчишка. Арлан сначала подумал, что это призрак. Но, сощурив глаза, чтобы лучше разглядеть силуэт, понял, что мальчик настоящий. Справившись с испугом, юноша сделал несколько осторожных шагов по направлению к лавочке. Ребенок, заметив движение, приподнялся.

— Привет, — произнес Арлан как можно дружелюбней.

Но вместо ответного приветствия мальчик, невзирая на тяжелый живот, бросился бежать.

В следующую ночь Арлан снова встретился с таинственным ребенком — он сидел на прежнем месте и разглядывал аспидное небо. Только сейчас, всматриваясь при лунном свете в черты лица подростка, Арлан с изумлением открыл для себя, что мифический ребенок с гигантским животом на самом деле девочка.

Ей было лет двенадцать. И она была беременна. Было в ней что-то дикое и тревожное, но не от хищника, а от маленького пугливого песчаного зверька, волею судьбы вынужденного существовать в вечном напряжении и страхе.

Она лихо свистнула в темноту. Между косыми полуразваленными сараями про-

мелькнуло приземистое существо. Крадучись, озираясь по сторонам, выбежала дворняга. Вилля хвостом, собака беззвучно приблизилась к подростку. Девочка поднялась и наложила в миску остатки ужина.

— Как зовут твою собаку?

Увидев Арлана, девочка испуганно попятилась назад. Но, наткнувшись на лавочку, остановилась. С несколько секунд она, казалось, что-то обдумывала, наверно, решала, бежать ей или остаться. Затем робко ответила:

— Она не моя, — голос ее звучал высоко и мягко, хотя как-то не по-детски серьезно. Говорила она без охоты. — Бывшие хозяева бросили ее, когда уезжали. Теперь она кормится на помойке.

— Ну, ты же тоже ее подкармливаешь.

— Да от моей еды ей пользы мало. У нее малые детки где-то здесь спрятаны.

— Как зовут-то ее? — не унимался Арлан. Так велика была потребность слышать чужой голос.

— У нее нет имени. Просто Собака. Людям нужны кобели, а с девочками возиться никто не хочет. Обычно их топят или оставляют в степи. А ненужным животным имен не дают.

— Назови ее как-нибудь сама.

— Глупо давать имя взрослому.

Арлан вдруг услышал чей-то вой. Но это была не Собака — она была занята едой. Девочка между тем, на удивление и радость юноши, смущенно склонив голову, продолжала говорить:

— Собак, как и людей, здесь почти не осталось.

Какое-то странное противоречие таилось в этой девочке. Словно плохая актриса, которая никак не может войти в образ: в движениях была подвижна, но глаза выдавали человека спокойного и сдержанного, могла подолгу без остановки говорить, но при этом ее трудно было назвать общительной.

Снова раздался вой, на сей раз уже громче. Собака насторожилась. Затем жалобно заскулила и убежала в темноту. Заторопилась и девочка.

— Не стоит долго смотреть на луну, — сказала она, уходя.

У Арлана вновь скрутило в животе. В ветхом деревянном туалете он нащупал отсыревшие спички и не без труда зажег. Достал из прибитого к двери жестяного кармашка какую-то книгу — от нее осталось около десятка страниц. Приблизил ее к догорающей спичке и прочитал на поблекшей обложке надпись: «Абай жолы»⁴. Сверху за ним наблюдали тусклые равнодушные звезды. Там, в покинутом им мире, шумном, суетливом, ему никогда не доводилось смотреть в ночное небо, он даже забыл о его существовании, и сейчас, когда он взирал на далекие звезды, они казались ему какими-то удивительно мудрыми.

В помоях рыскал крупный зверь. Арлан подумал, что это Собака роется в поисках пищи, и свистнул в темноту. Зверь поднял морду. Пара холодных желтых глаз уставилась на юношу. Они будто гипнотизировали его. Арлан не выдержал и отвел взгляд. Осторожно, бочком, стал продвигаться в сторону дома. А когда до подъезда остались считанные метры, бросился бежать изо всех сил. Но волк и не думал его преследовать — проводив любопытным взглядом Арлана, он продолжил копать в мусорной яме.

О случившемся Арлан поведал Марияш, она пришла с работы пьяная и была явно не в духе. Женщина, нахмутив брови, сказала, что зимой «ит-кусы»⁵ в селе не

⁴ «Путь Абая», произведение М. Ауэзова о поэте и мыслителе Абае Кунанбаеве, является одним из главных романов казахской литературы.

⁵ Собирательное название хищников, нападающих на домашний скот (каз.).

редкость. Арлан хотел было расспросить о них подробней, но Марияш оборвала его на полуслове. Такой резкости юноша раньше в ней не замечал. Он сделал для себя вывод: в этом доме беседы о волках нежелательны.

В нетрезвом состоянии Марияш выглядела еще более угрюмой. Сидела, навалившись всем своим грузным телом на стол, отсутствующе смотрела на догорающую свечу. Распустила длинные седые волосы, доселе скрытые под платком, и теперь, несмотря на свое могучее тело и крупные мозолистые руки, выглядела старой и немощной. Хотя, возможно, это просто тусклый свет придавал ей столь противоречивый вид. Из-за пазухи Марияш достала распечатанную бутылку, разлила по полной в стаканы и предложила Арлану. Юноша хотел отказаться, но, взглянув в мрачное суровое лицо женщины, не посмел. Водка была отвратительная, худшая из всего, что он когда-либо пробовал. Арлан осилил лишь половину. Марияш же выпила все без остатка и даже не поморщилась. Похоже, ей было абсолютно все равно, что пить.

Странной казалась эта женщина: жила одиноко, в полуразваленном доме, едва сводила концы с концами, но при этом приютила совершенно незнакомого человека, ничего не требуя взамен. Казалось, ее совершенно не интересовало ни прошлое, ни будущее юноши. Как, впрочем, и настоящее. Она ведь даже не заметила, что Арлан уже может ходить без посторонней помощи.

Однажды после небольшой прогулки по окрестностям Арлан застал Марияш на кухне, в одиночестве распивающую водку. Так, методично, в полном безмолвии, словно что-то доказывала кому-то, пила она всю ночь в угрюмой пустоте дома, в окружении пляшущих теней. Со стороны казалось, что она выполняла монотонную работу. Временами впадала в забытие, но, очнувшись, вновь продолжала стакан за стаканом вливать в себя алкоголь. А юноша сидел рядом и тоскливо взирал на странное самоистязание.

Ранним утром, когда над барханами едва забрезжил рассвет и первые солнечные лучи только начали золотистыми красками описывать их контуры, подул пыльный ветер. Он принес с собою дождь. Тот в свою очередь резво застучал по крышам утопающих в песке домов, выбивая ритм известной только ему мелодии. Дождь лил безостановочно. А когда ветер наконец угнал его дальше, по округе разнесся аромат утренней свежести и влажного песка.

Арлан проснулся от странного звука — то ли стопа, то ли рычания. Он, продрогший и разбитый, огляделся по сторонам, обнаружил, что сидит на полу, прислонившись к остывшей за ночь печи. Рядом, обняв ведро с углем, лежала скрюченная Марияш. Ее лицо было синим, в уголках рта скопилась пена. Поняв, что женщина отравилась, юноша вскочил и побежал звать на помощь.

На лестничной площадке наткнулся на обтянутую войлоком дверь. Он вспомнил, что это квартира беременной девочки, и принялся изо всех сил стучать. Никто не отзывался. Юноша дернул за ручку — дверь гулко отворилась. Арлан даже растерялся от неожиданности.

В квартире царила тишина. Он крикнул в пустоту, но ответа не последовало. Заглянул в ближайшие комнаты — они были пусты. В глубине коридора темнела еще одна, последняя. Он приблизился к ней и осторожно, крадучись, просунул голову в открытую дверь. Увидел металлическую кровать, над ней — ковер с изображением стаи оленей на фоне живописных гор. Комната была значительно теплее остальных. Стоял какой-то странный резкий запах — то ли «Тройного» одеколona, то ли бальзама. Арлан, собравшись с духом, шагнул вперед. В дальнем углу, в том, что доселе был скрыт от его взора, чернело кресло, и оно не пустовало.

— Извините, мне помощь нужна, — вяло произнес Арлан.

Человек продолжал сидеть без движения. К юноше подкрался страх, стал на-шептывать, что лучше вернуться назад. Но острое предчувствие беды: если не по-может женщине, она умрет, удерживало Арлана от позорного бегства.

— Вы слышите меня?!

Раздался сухой кашель. Кресло, в котором покоилось тело, сонно скрипнуло и подалось назад. Человек встал, опираясь на трость, и направился к юноше. С его покатых плеч скатился клетчатый плед. Тусклый утренний свет, просачивающийся через окно, вырвал из тьмы сомнамбулическое лицо старика и его бесцветные стеклянные глаза. Они равнодушно взирали на Арлана, вернее, сквозь него, словно его и не было вовсе. Юноша принялся объяснять старику, что его соседка отрави-лась и что надо срочно вызвать «скорую». Однако старик продолжал молчать. Ар-лана начало раздражать его поведение, захотелось схватить деда за плечи и потря-сти изо всех сил, как, бывает, трясут сломанную куклу, чтобы извлечь из него хоть какой-то звук, но он все-таки сдержался.

За спиной раздался скрип двери. Арлан обернулся — это была Ия. Девочка сва-лила в угол принесенные с улицы сухие ветки и коровьи лепешки, смахнула со лба невидимый пот. В ее взгляде читалось удивление, но уже не страх.

— Марияш плохо, — произнес Арлан.

— Сейчас, — беззвучно произнесли губы девочки.

Она прошла в глубь комнаты, бережно, но быстро усадила старика в кресло, ук-рыла его пледом и снова убежала. Арлан, немного помявшись, последовал за ней.

Когда он вернулся к Марияш, кухня была уже прибрана. Оставалось только удивляться, как это девочке удалось так быстро навести здесь порядок. Ия мягко вытолкала юношу из комнаты. Арлан стянул с вешалки старенькую телогрейку, ко-торая оказалась ему впору, и вышел.

В аул пришли холода — предвестники скорой зимы. Над головой с криком про-неслась стая ворон. Несмотря на то, что солнце поднялось уже достаточно высоко, кое-где еще виднелись звезды. Доносилось беспокойное сердцебиение локомоти-ва. Арлану подумалось, что пора бы уезжать отсюда. Раны почти зажили. Сил, что-бы проделать путь до перрона и сесть в первый попавшийся товарняк, хватило бы. Но бросать в такой сложный момент тех, кто спас ему жизнь, было как-то со-вестно. Да и куда вообще ехать? Вернуться в город он не мог: там его наверняка поджидали. Уехать в другой регион, к знакомым или родственникам тоже небезо-пасно: у его бывших партнеров по «бизнесу» длинные руки. Так что пока разумнее всего оставаться на станции, где искать его, вероятнее всего, никто не станет. Но сколько еще предстоит томиться в этой убогости и серости? А может, ему суждено остаться здесь до конца своих дней? Неопределенность пугала и раздражала. Хотелось суеты, хотелось забыться. Однако морозный пронизывающий ветер, проби-вающий даже сквозь плотную материю телогрейки, действовал отрезвляюще, на-стойчиво напоминая юноше о реальности мира, в который его забросила судьба. Между тем невидимый поезд начал отъезжать. Стук железных колес тоскливым эхом отзывался в груди Арлана.

Несколько лет назад он вернулся из армии, где занимался чем угодно, только не службой: копал огороды начальству, драил туалеты и даже пару раз сидел на гаупт-вахте, потому что не хотел терпеть унижений от «дедов» и старших по званию. Ра-боту на гражданке так и не нашел и от безысходности подался к бандитам. Впро-чем, работа была непыльной. За все время рэкетириства ему довелось применить свои боксерские навыки лишь пару раз. В основном же занимался тем, что собирал дань с мелких торговцев и сопровождал таинственные грузы. За это получал при-

личные деньги. А в качестве «компенсации за вредность» — дорогие автомобили, красивые девушки и головокружительное чувство собственной крутизны. Так что Арлан довольно легко смирился с участью бандита.

Так продолжалось до тех пор, пока босс не поручил ему и его товарищам выбить долг у одного коммерсанта. Найти должника не составило труда — он прятался у любовницы. Выждав, когда жертва выйдет из дома, они прямо на глазах у перепуганных прохожих скрутили его и, затолкав в машину, повезли на окраину города. Это был рыхлый мешковатый мужик, с красноватым, опухшим то ли от болезни, то ли от постоянных запоев лицом. На фоне зажавших его с обеих сторон суровых мускулистых парней он казался маленьким и жалким. Всю дорогу пленник просидел тихо — не сопротивлялся, не рыдал и даже не задавал вопросов. Во взгляде его, тусклом, мутном, читались безмерный страх и обреченное смирение, какое бывает у овец, которых везут на убой.

Беднягу пытали несколько часов. Избивали, ломали кости, жгли паяльной лампой пятки, а он, полуживой, едва способный говорить, все твердил, что у него нет денег и расплачиваться нечем. И ему очень хотелось верить. Но босса слова его не тронули — обозленный, отчаявшийся выведать хоть что-то полезное, он приказал бросить несчастного в яму, видимо, вырытую специально для таких случаев, и закопать живым.

— Зачем же так?! — не выдержав, произнес Арлан.

— Будешь задавать такие вопросы, вместе с ним зарую, — пригрозил босс. И он не шутил.

Мужичок, скорченный, с перебитыми конечностями, лежал на дне ямы и слабым охрипшим голосом умолял о пощаде. Он до последнего надеялся, что над ним смилуются. Закапывали его молча. Арлан старался не смотреть в яму: глухие стенания, доносившиеся оттуда, выворачивали его всего наизнанку. И, стоя на краю могилы и пытаясь унять дрожь в руках, он вдруг поймал себя на мысли, что однажды может закончить точно так же. Ему захотелось швырнуть куда-нибудь подальше проклятую лопату, бросив зло: «Да пошли вы!», сесть в машину и уехать. Но он понимал, что на такой шаг не решится, не хватит духу и вся его хваленая внутренняя свобода на самом деле самообман. Он не способен ни воспрепятствовать казни, ни отказаться от участия в ней, все, что может — успокаивать себя тем, что просто выполняет приказ, которому нельзя не подчиниться.

Дело было сделано. Никаких надгробных камней, никаких молитв, никаких минут молчания. Будто и не было человека. Братки, переговариваясь друг с другом о своих будничных делах, направились к машинам. Арлан задержался. Стоны под землей давно стихли. Он не был знаком с жертвой, не знал, кто он такой, как жил и чем заслужил такое наказание, зато понимал другое: отныне ему не забыть мученический лик заживо погребенного.

В ту ночь он не смог заснуть. И в последующие ночи тоже. Едва закрывал глаза, как видел лицо несчастного. Покойник тянул к нему изрезанные в кровь руки и силился что-то сказать, похоже, что-то очень важное, но всякий раз, когда он открывал рот, оттуда сыпался песок.

Мысль о бегстве, дерзкая и безрассудная, возникла у Арлана спонтанно. Это случилось в день сбора дани. Он вместе со своими товарищами, как обычно, объездил все точки и собрал деньги. Последним объектом в их графике значилось придорожное кафе. Они всегда оставляли его напоследок. Потому что там готовили отменные шашлыки и для своих держали качественную водку, а хозяин заведения так расстилался перед гостями, что казалось, получал удовольствие от уплаты дани. Братки любили засиживаться в этом кафе до позднего вечера. Но в тот день

Арлан был не в настроении, а потому заходить внутрь не стал. Решил поехать домой и попробовать заснуть. Товарищи его, то ли из лени, то ли из желания поскорее снять с себя груз ответственности, попросили по дороге завезти к боссу выроченный навар. И он согласился. Уже подъезжая к дому шефа, Арлан, сам не зная зачем, заглянул в пакет. От увиденного у него даже перехватило дыхание. Таких больших денег он еще никогда не держал в руках. Дальше все произошло как-то само собой. Он надавил на газ и понесся прочь из города. Позже, пытаясь дать себе отчет в совершенном, юноша так и не смог разобраться, что же подвигло его на столь опрометчивый поступок: алчность ли, навязчивые страхи ли или пробудившаяся совесть.

Кутил Арлан около месяца, кочуя из гостиницы в гостиницу, из города в город. Жил так, словно это были последние его дни: рестораны, казино, ночные клубы. Сорил деньгами направо и налево, оставлял чаевые официантам размером с целую зарплату. Но на одном месте надолго не задерживался и никогда не возвращался туда, где уже раз побывал. То были меры предосторожности, впрочем, наивные и малоэффективные. Он и сам понимал, что разумней было бы уехать куда-нибудь далеко-далеко и там, в глуши, затаиться до наступления лучших времен, а не транжирить чужое добро у всех на виду. Но вера в свою счастливую звезду и юношеская беспечность оказались сильнее здравого рассудка. Впрочем, была и другая причина: если он еще как-то надеялся спастись от гнева братвы, то в спасение души своей не верил — сколько ни глуши алкоголем память, сколько ни беги от себя, рано или поздно придется расплачиваться за все. А потому Арлан спешил. Спешил успеть насладиться этой жизнью сполна.

С деньгами он расстался очень скоро и без сожаления. Даже машину и ту проиграл в карты. И когда братки нашли его, их ждало глубокое разочарование: от бывших денег остались лишь гроши.

Арлан стоял на вокзале какого-то захудалого провинциального городка, названия которого уже и не вспомнить, готовясь шагнуть в вагон и навсегда распрощаться с криминальным прошлым. Он так хотел поскорее уехать и начать все с чистого листа, что совсем забыл о бдительности. Напали на него сзади. Прежде чем Арлан понял, что произошло, он, осыпaeмый градом ударов, уже лежал на перроне и корчился от боли. Вчерашние друзья избивали его с таким наслаждением и неистовством, будто он был их злейшим врагом. Впрочем, он давно для себя уяснил: там, где деньги, нет места дружбе. Поначалу Арлан еще как-то пытался защищаться, прятал лицо, лягал ногами, но многочисленные всеокрушающие удары быстро выбили из него всякую способность сопротивляться и вместе с нею надежду на спасение. Он представлял себе, как его поднимут, как потащат к машине, как бросят в багажник и повезут убивать. Однако страха почему-то не испытывал. Видимо, чтобы бояться, тоже нужны силы. А их у него почти не осталось.

— Что за беспредел?! Сейчас милицию позову! — донеслось вдруг.

Удары прекратились — голос отвлек их. Арлан услышал, как завязалась словесная перепалка. Кто бы ни был тот отважный незнакомец, кондуктор ли, охранник ли вокзала или случайный прохожий, его устами говорил Ангел-хранитель. И юноша был ему бесконечно благодарен. Правда, лица своего спасителя разглядеть он не смог, о чем впоследствии сожалел: уж очень хотелось когда-нибудь отыскать его и пожать ему руку. Но в тот момент Арлану было совсем не до разглядывания лиц. Нужно было срочно вставать и бежать. И он, преодолевая боль, сполз в темнеющий проем между вагоном и перроном, пролез под поездом и, выбравшись с обратной стороны, заковылял через рельсы, к проезжавшему мимо товарняку.

«Точно родился под счастливой звездой», — думал Арлан, подбираясь к мед-

ленно проползающему перед ним железнодорожному составу, и мысленно улыбался (ртом, вспухшим, онемевшим, улыбаться он уже не мог).

Но радость оказалась недолгой. Едва он успел ухватиться за косяк раздвинутой вагонной двери и взобраться на лестницу, как раздались бранные крики его преследователей. Почти сразу же загрохотали выстрелы. Что-то очень острое, жгучее вонзилось в спину, и какая-то невидимая могучая сила толкнула его в зияющую пустоту вагона. Последнее, что он помнил, липкий дощатый пол и кислый запах протухших овощей...

Вышла Ия. Сказала, что Марияш уснула и что нужно сходить за лекарствами в магазин. Арлан в ответ лишь пожал плечами — он ведь совсем не знал местности. Девочка поняла его; запахнувшись глубже в свое пальто, она направилась в сторону дороги, затем вдруг остановилась и жестом позвала за собой.

Шли они медленно. Девочка периодически останавливалась, чтобы отдышаться; юноша сочувственно поглядывал на свою спутницу — на ее непомерно большой живот, выпиравший даже через пальто, на хрупкие ножки, которым еще было рано носить столь тяжелую ношу, — и тяжело вздыхал.

Впереди замаячила одинокая женская фигурка — она стояла на обочине дороги и что-то кричала. По мере приближения вырисовывались более четкие ее контуры: это была сухая сутулая женщина в синем старомодном платке, в потертой тулупке и калошах, натянутых на валенки. Ее образ, словно сошедший с кадров военной кинохроники, приковал взгляд Арлана.

— Ты приезжай скорей. Как только устроишься там, дай знать! — надрывала горло женщина, обращаясь в пустоту.

— С кем она разговаривает? — спросил удивленный Арлан.

— Это Нина, — равнодушно молвила Ия, — она сама с собой...

Когда они поравнялись с женщиной, Арлан украдкой стал всматриваться в нее. Та даже не обратила на них внимания и продолжала громко разговаривать. Лицо у нее было серое, морщинистое, лицо семидесятилетней старухи, хотя на самом деле ей было не больше пятидесяти (на станции все старели раньше времени). Из-под платка свисали жирные русые пряди волос. В паузах она безобразно кривила рот и очень быстро беззвучно шевелила губами, словно читала молитву.

— Она умом тронулась. Ее единственный сын уехал на заработки. И больше не вернулся, — девочка говорила как-то по-взрослому рассудительно, — Каждый день она выходит на дорогу и часами сама с собой разговаривает. И до сих пор ждет.

Подошли к привокзальной аптеке, единственной на все село. Арлан остался снаружи. Он не любил запаха лекарств. Юноша удрученно разглядывал окрестности и все надеялся задержать взгляд на чем-нибудь ярком и броском. Но все вокруг было серо и уныло. Или это оттого, что солнце спряталось за тучами?

Раздался протяжный гудок приближающегося тепловоза. Однако о прибытии состава сообщения не последовало. Потому что заниматься этим было некому: диспетчеров, как и многих других работников железной дороги, сократили. Впрочем, наверное, станция в диспетчерах и не нуждалась, ведь местные жители знали расписание поездов наизусть. Доселе пустынный перрон в мгновение ока заполнился народом. Со всех углов к нему сбежались женщины, с тазиками, с детскими колясками, доверху набитыми напитками, сигаретами и пирожками. Расшумелись, как чайки на морском побережье, засуетились, заволновались в ожидании поезда.

Наконец синяя лента, скрипя тормозами, медленно проползла вдоль перрона, зашипела и замерла. Из дверей вагонов вышли хмурые проводники, следом потя-

нулась длинная череда сонных пассажиров. Сельские женщины бросились к ним навстречу. Кто-то предлагал отведать копченой рыбы, кто-то, горлая, размахивал над головой домашними лепешками, а малыши носились вдоль вагонов с картонными коробками и предлагали живых ежей и черепах.

Небольшая группа торговков, пользуясь суматохой, попыталась проникнуть в вагон. Но бдительный проводник преградил им путь. Женщины виновато заулыбались и потянулись за деньгами в висевшие у них на бедрах дерматиновые кошельки. Собрав дань, проводник пропустил их внутрь. Арлану вдруг подумалось, что вовсе не крутые парни в кожаных куртках и даже не дельцы на «мерседесах» с зеркальными номерами герои этого времени, а вот эти хрупкие женщины с загорелыми обветренными лицами и клетчатыми китайскими сумками наперевес.

Возвращаясь обратно, он обратил внимание на костер, разведенный посреди развалин сельской библиотеки. По официальной версии, она сгорела от удара молнии. По другой, более правдоподобной — ее подожгли, потому что кому-то понадобились стройматериалы. Все, что можно было разобрать, было разобрано за пару ночей. Исчезли и книги, которые, впрочем, и так никто не читал. Скорее всего, они пошли в топку. Новую библиотеку власти, конечно же, строить не стали — строить было просто не на что. Таким образом, на станции остались без работы еще несколько человек: библиотекарь, уборщица и сторож.

На развалинах сидела группа молодых людей. Поглядывая на Арлана и Ию, они о чем-то переговаривались. Один из них, щуплый, чернявый юнец, резво соскочил с насиженного места и засеменил к идущим.

Арлан заметил это, но с напускным безразличием продолжил шагать дальше. Ия, напротив, замедлила ход, а затем и вовсе остановилась. На ее бледном личике застыл страх. Она стояла в нерешительности посреди улицы, будто забытая взрослыми, и боялась сдвинуться с места. Убежать девочка на своих маленьких ножках с непомерно большим животом никуда не могла.

— Салам аллейкум, — обратился к Арлану с еще ломающимся голосом подростка чернявый и преградил путь.

— Аллейкум ассалам, — отвечал юноша. Он уже понимал, что навязчивого знакомства не избежать, и теперь напряженно выжидал.

— Курить дай.

— Нету.

— Спортсмен, что ли?

— Нет, просто нету.

— А если найду, мои будут?

Чернявый был до странности подвижен. Особенно руки — не знающие покоя, быстрые и ловкие, как у карманника. Им обязательно нужно было что-нибудь потрогать, пощупать. И взгляд у него был суетливый и до непристойности любопытный.

— Рискни.

Чернявый непонятно отчего оскалил свои мелкие желтые зубы, поглядел в сторону, где его ждали приятели, и еще сильнее заулыбался. Начать обыск сигарет он так и не рискнул.

— Там ребята сидят. Ну, пообщаться хотят. Ты тут живешь, а никто тебя не знает, кто ты, что ты. И вообще, — затараторил юнец, словно куда-то спешил. Говорил он обрывисто и так, словно рот был набит слюной. Так что понимал его Арлан весьма смутно.

— Зачем? Я иду своей дорогой, и вы идите своей, — после услышанной словесной пулеметной очереди собственные слова казались Арлану сонными и медлительными.

— Странный ты парень. Объясняю же, пообщаться люди хотят. Потолковать надо. Раз ты новенький здесь. Да что трепаться, пошли, говорю, — голос у юнца стал раздражительный.

— Ну что ж, вежи, — едва скрывая волнение, сказал Арлан.

Когда они подошли к развалинам, ожидавшие встали. Только один, по-видимому главный, не сдвинулся с места.

— Чего надо? — сквозь зубы процедил Арлан, обращаясь преимущественно к сидевшему.

Но тот не отвечал. Он, будто не замечая вопроса, продолжал хмуро смотреть на огонь и подкидывать туда сухие ветки. Остальные заговорщически переглянулись и нехорошо заулыбались.

— Здраваться не учили? — рявкнул стоявший справа узколобый детина с маленькими свинными глазками.

— Тебя как зовут? — молвил сидевший.

— А тебя?

Незнакомец наконец поднял на Арлана взор, вероятно, удивленный такой дерзостью, и ухмыльнулся. Арлан не мог определить, что таилось под этими тяжелыми веками, и пристально взирал на сидевшего в тайной надежде прочесть в его взгляде хоть что-нибудь. Но лицо его не выражало ровным счетом ничего.

— Ну, Чапаям меня зовут, — протянул он лениво.

— Так вот, Чапай, скажи своим красноармейцам, чтобы стояли на своих местах, — выпалил Арлан, заметивший, как его начали обступать сзади.

Чапай еще раз ухмыльнулся, вытащил из кармана мешочек насыбая⁶, неспешно высыпал содержимое на ладонь и закинул себе за нижнюю губу. Было ему лет двадцать с небольшим, и был он статен и красив. Но обладал не бравадой, как у холеного актера, красотой, а какой-то своей, неприметной. И почему-то напоминал завязшего в непрерывной партизанской войне разочарованного революционера. Обветренная поджарого цвета кожа, резкие, даже несколько суровые черты неподвижного лица придавали ему не по годам взрослый вид. Он казался полной противоположностью чернявому. И велико было удивление Арлана, когда, уже гораздо позже, узнал, что эти двое — родные братья.

Не дождавшись ответа, Арлан шагнул в сторону — так, чтобы видеть перед собой всех противников и не пропустить удар. Он по собственному опыту знал, что первый удар самый важный и самый болезненный, к остальным то ли тело привыкает, то ли боль притупляется. Он уже понял, что драки не избежать (его предчувствие в таких случаях подводило редко), и, сжав крепче кулаки, приготовился к бою. «Главное — не упасть», — твердил он себе. Арлан осознавал, что сейчас очень слаб и против четверых вряд ли продержится и минуту. Но в голове назойливо крутилось: «Хоть одного, да сломаю!» И эта яростная упрямая мысль странным образом придавала ему сил. В качестве жертвы Арлан выбрал Чапая, потому что считал его за главного. Однако в его усталых черных глазах юноша не увидел ни желчи, ни лицемерия, столь присущих людям злобным и завистливым, ни даже тупого самолюбия.

— Я иду своей дорогой, и вы идите своей, — все еще не оставляя надежды на мирный исход, повторил Арлан.

— Кончай базар, — рявкнул чернявый и размашисто ударил Арлана в область солнечного сплетения.

Но юноша успел отпрянуть назад, и кулак лишь скользнул по груди. Арлан реф-

⁶ Вид некурительного табачного изделия.

лекторно ответил на выпад противника. Под тяжестью нанесенного удара тело чернявого внезапно обмякло, и он, подкошенный, рухнул у ног Арлана. Двое других бультерьерской хваткой вцепились в юношу. Перед ним вырос Чапай — он с каким-то усталым и даже сонным видом двинул Арлану в переносицу. Юноша взвыл — не столько от боли, сколько от резко подступившего к горлу чувства горечи. Он даже не заметил, как его гулко повалили, как стянули с него телогрейку, как чернявый, поднявшись на ноги, присоединился к избиению и старался больше остальных.

Били Арлана молча. Юноша тоже не издал ни звука. Он уже не чувствовал ни боли, ни бешенства в крови, пыльный и жалкий, просто лежал, скрючившись на холодном песке, и ждал, когда же все это закончится. Предательские слезы ярости на собственное бессилие запеленали ему глаза. Арлан даже не мог стряхнуть их с лица. Его мучила мысль: как это, наверное, безобразно и глупо выглядит со стороны и как же стыдно будет ему теперь смотреть в глаза девочке.

— Все, — сухо произнес главарь.

— Он у меня сейчас кровью мочиться будет! — захрипел чернявый.

— Я сказал: все!

— Чапай, ну, ты чего? — обиженно взвыл юнец.

Дождавшись, когда его приспешники отдышатся, глядя на стоявшую в стороне перепуганную девочку, с прежним спокойствием Чапай продолжил:

— Он знает язык молчаливых детей?⁷ Это не каждому дано.

При этом слово «он» прозвучало так, словно Чапай говорил о старом знакомом или даже о друге.

— Надо вставать, — тихо сказала Ия в тщетной попытке поднять Арлана. — Теперь они не будут больше приставать.

Молодых людей уже не было. Арлан медленно поднялся, стараясь не смотреть на девочку. Принялся стряхивать с себя пыль:

— Это почему же?

— Потому что... — Ия замаялась, не находя, что ответить, — потому что вы теперь своей.

Он заметил, что в речи Ии впервые появилось обращение. Раньше она строила предложения так, что не было до конца понятно, для кого предназначены ее слова. Нарочно ли Ия избегала таких оборотов, или это выходило у нее случайно, Арлан так и не понял.

— Чего им от меня надо было? — спросил он, вытирая рукавом спекшуюся на губах кровь.

— Да им просто делать нечего, — девочка обхватила Арлана ручонками, чтобы помочь ему идти.

— Веселые ребята, ничего не скажешь.

Ия почему-то раскраснелась — то ли от холода, то ли от тяжелой ноши.

* * *

Похоронив односельчанина, жители станции вновь отправились на поиски пропавшего ребенка. Отряд добровольцев во главе с Председателем, вооружившись ружьями, дубинами и плетками и взяв с собой недельные запасы сухого пай-

⁷ Искаженная строка из песни «Синоптики» рок-группы «Nautilus Pompilius» на слова И. Кормильцева.

ка, выступил задолго до рассвета. Разбились на группы и разбрелись по степи. Одни взяли курс на Волчий холм, другие двинулись в сторону Большой воды.

Старый охотник Аю от участия в походе отказался, сославшись на плохое самочувствие. Он-то знал: вовсе не желание отыскать ребенка движет сельчанами, а страх, закравшийся в их души, и жаждут они лишь одного — отмщения. Но спустя пару дней, измученный тревожными думами и бессонницей, он все-таки решил отправиться вслед за отрядом, который к тому времени уже ушел далеко в степь. Седлать свою кобылу охотник не стал, опасаясь завязнуть в сугробах или, того хуже, искалечить ей ноги, потому что снег в долине лежал хотя и глубокий, но после предвещающей скорое приближение весны внезапной оттепели уплотнился и покрылся острой коркой наста.

Аю был лучшим охотником в округе. Разбирался в звериных повадках и умел читать следы. Никто так хорошо не знал долину, как он, — исходив ее всю от края и до края, он знал каждый куст, каждую ложбинку в этой пустынной однообразной степи. Долгие годы Аю наводил ужас на все волчье племя Прибалхашья. Он обладал такой неимоверной силой, что рвал им пасти голыми руками. Прозвище свое охотник получил еще в юности, когда однажды, блуждая в далеких горах Джунгарского Алатау, куда уходил каждую весну собирать лечебные травы, схлестнулся в рукопашном бою с медведем и одолел его, вонзив длинный охотничий нож прямо в сердце. И прозвище это так прижилось, что вытеснило имя, данное при рождении, которое со временем и вовсе стерлось из людской памяти.

Мать вынашивала его одиннадцать лун, тяжело, мучительно. Семь дней и ночей длились ее предродовые схватки. Ни ритуальные пляски шаманов, ни молитвы мулл, ни бой посуды над ее ухом — ничто не помогало ей разрешиться. Дитя в утробе было слишком большое. И тогда старая опытная повитуха вспорола женщине живот. В тот же миг поднялась встревоженная вьюга, будто кто вспугнул ее спящую, закружилась в диком танце, разразилась звериным воем, понеслась по степи, возвещая о рождении батыра. Но сам младенец не издал ни звука: огромный, с пятимесячного ребенка, с крепко сжатыми кулачками, взгляд его, не видящий еще, был настолько пронзительный, что напугал даже родную мать. Он родился в год Мыши, с началом нового цикла, с началом нового века.

Мало было ему молока одной матери. Кормили его по очереди все женщины аула, имевшие грудных детей. И он выпивал все до капли. Рос стремительно, словно спешил куда-то: в два уверенно сидел на лошади, в семь стрелял так метко, что попадал в глаз летящей птице, в двенадцать мог уложить на лопатки любого взрослого. Смотрели на него женщины и радовались: растет жених на загляденье для их дочерей, смотрели мужчины и радовались: растет надежный защитник рода. И лишь старики обеспокоенно перешептывались между собой: «Неспроста появился на свет такой батыр. Для какой войны он ниспослан?»

Смутные времена не заставили себя ждать. Потянулась череда потрясений и войн, жестоких, кровавых, без пауз, без передышек, что порою казалось, будто это длится одна бесконечно долгая война. Всю свою молодость провел Аю в боевых походах: устанавливал в степи советскую власть в годы революции, сражался с отрядами Черного Атамана⁸ в Гражданскую, мерз в окопах в Финскую, скакал с шашкой наголо на немецкие танки в Великую Отечественную. Уходил почти ребенком,

⁸ Черный Атаман — прозвище Б. Анненкова, атамана Сибирского казачьего войска, командующего Отдельной Семиреченской армией. Воевал на стороне белогвардейцев и отличался крайней жестокостью.

воротился седовласым воином, весь в орденах и медалях. Длинным и тернистым выдался его путь домой.

Весть о его возвращении мгновенно разлетелась по степи. Стал съезжаться к нему люд — кто за советом, кто за помощью, а кто просто поглядеть на легендарного батыра. Все ждали от него новых подвигов — что примется поднимать истощенное село, пустится в гонку за перевыполнением планов. Но Аю отстранился от мирской суеты и зажил прежней жизнью охотника, так, будто и не было в ней никаких войн.

Аю шел очень долго. Усталость давала о себе знать — тяжелее налегал он на палку, реже стал его лыжный шаг. Времена, когда он мог бродить по степи сутками напролет без сна и отдыха, давно минули. И сердце его, уже не такое сильное и выносливое, подсказывало, что пора уходить на покой. Он и сам бы не прочь оставить свое ремесло, да некому доверить степь.

Волчьи набеги участились с осени. Будто почуяли они, что охотник состарился и уже не так грозен, как в былые годы. Мало волкам было дикого зверья и скота на отдаленных отгонах. Настолько они стали дерзкими и бесстрашными, что проникали уже на сельские подворья и набрасывались на любую домашнюю живность, не гнушаясь даже курами. Только в прошлом месяце жаловался Председатель, что хищники, прорыв отверстие в камышовой крыше, залезли к нему в сарай, перерезали овец и ушли безнаказанно. И случилось это среди бела дня, в тот самый послеобеденный час, когда хозяева имели обыкновение вздремнуть. Будто поджидали волки подходящий момент, будто знали о привычках обитателей дома.

— А мои-то псы, даром что породистые, попрятались по углам и даже голоса не подали! Был бы Вулкан, он бы постоял за мою честь, — сокрушался Председатель.

И подумал тогда Аю:

— Не могли они отважиться на такое без посторонней помощи.

Увидев следы, охотник замедлил ход. Следы принадлежали волчьему семейству и... одной очень крупной собаке. Пес не убегал от стаи и не преследовал ее, он шел вместе с ней, а значит, был своим. Аю задумчиво склонил голову над отпечатками лап на снегу. Нет коварнее врага, чем собака, ушедшая в стаю. Хоть не так она сильна, как волк, и не так хитра, но знает человеческий мир изнутри и не испытывает перед людьми страха. Каждая ее охота в союзе с диким племенем оборачивается настоящим бедствием для скотоводов.

Следы были свежие. Волки прошли совсем недавно — видимо, скрывались от погони, устроенной жителями станции. Усталость и раны одолевали зверей. Они уже не писали кругов, чтобы запутать преследователей, не рассыпались на пары и на тройки, а шли кучей, медленно и тяжело, припадая на задние лапы и волоча животы по снегу.

Спустя какое-то время охотник набрел на одинокое тело животного: пес лежал на боку, поджав под себя передние ноги, а задние откинув далеко назад — будто застыл в прыжке. Чуть выше брюха багровела огнестрельная рана. Это был волкодав Председателя.

Аю помнил его еще щенком. Редкой отваги был пес, бросался на любого зверя. Многие на станции завидовали хозяину Вулкана, на что тот, с довольным видом почесывая пса за ухом, приговаривал: «Он или совсем дурак, или у него вместо сердца кусок железа». Но со временем Вулкан состарился, утратил былой нюх и хватку. Хозяин перестал брать его на охоту, подыскал себе других любимцев. Все чаще покрикивал на пса, мог и зарядить по спине каким-нибудь увесистым пред-

метом, если, случалось, тот путался под ногами. Посадил было на цепь, но из волкодава, привыкшего к вольной жизни и погоне за ветром, домашнего сторожа не вышло. Надоело Председателю держать бесполезного пса, и он, не найдя в себе решимости пристрелить верного друга, прогнал прочь. Все считали Вулкана давно помершим — либо от старости, либо от клыков хищников. А он, оказалось, до сей поры жил среди волков, держа глубокую обиду на весь людской род, и мстил кровавыми набегами на домашний скот.

Собака казалась бездыханной. Но волки умели притворяться мертвыми, и пес наверняка научился их уловкам. Аю осторожно приблизился к телу, на расстояние вытянутой палки, и ткнул пса в бок. Животное не шевельнулось. Охотник надавил на рану сильнее. Бросок Вулкана был молниеносен. Однако старец был готов к этому и встретил пса хлестким размашистым ударом палки. Затем, отшвырнув сломавшееся деревянное оружие в сугроб, снял с плеча ружье и направил его на собаку. Но сил на второй прыжок у Вулкана уже не осталось. Он больше не обращал внимания ни на палача-охотника, ни на приставленный к голове ружейный ствол. Вяло отвел морду в сторону, объял взором, полным боли и тоски, заснеженную даль и повисшее над нею тусклое зимнее солнце, словно прощаясь, и стих в ожидании конца. Всю свою жизнь он служил верой и правдой и хозяину своему был предан до самоотречения, а на старости лет оказался не нужен и теперь помирал собачьей смертью. Как, наверное, и положено любому псу. Охотнику вдруг подумалось, что это не собака вовсе лежит у его ног, а он сам, дряхлый и немощный, ждет, когда его избавят от мучений. И стало ему от этой мысли горестно.

— Прости нас, если можешь, — произнес Аю и нажал на спусковой крючок.

Широко разнесся по степи гул одинокого выстрела. Помчался по равнинной глади, по буграм, по заснеженным верхушкам джугунов и саксаулов и воротился эхом. Затем на мгновение все снова замерло. И вдруг где-то совсем недалеко отозвалось протяжным звериным плачем. Охотник прислушался. Окинул взглядом долину. Все та же степь, все то же раздолье. Но что-то было в ней утрачено, что-то совсем неприметное, но очень важное. А что именно, Аю и сам еще не знал. Только почувствовал, как качнулись весы равновесия.

* * *

Хотя юноша отделался лишь ссадинами и отеками, последующие несколько дней ему вновь пришлось пролежать в постели. На этом настояли женщины дома. Поскольку девочка стала чаще навещать Арлана, его времяпрепровождение не было столь унылым. Она часами просиживала у его изголовья, с серьезным видом рассказывая байки-страшилки, некогда, вероятно, услышанные ею от кого-то. Но почему-то эти сказки, полные абсурда, зараженные языческим суеверием, в ее устах звучали как откровение. Постепенно перед Арланом стал открываться странный пугающий мир Ии — мир, в котором время сжимается, а пространство эфемерно и не люди правят тенями, а тени людьми.

Как-то Арлан сочувственно изрек, что, наверное, грустно и тяжело жить в бедности где-то на периферии жизни. В ответ Ия обдала его таким взглядом, каким смотрят на умалишенного. Лишь позже он понял, как глупо было затевать подобный разговор с человеком, который другой жизни, кроме как развалин в окрестностях да железной дороги, ведущей в неизвестность, ничего и не видел и которому свою жизнь не с чем сравнивать.

Иногда они играли в карты. Арлан часто жульничал, но не из желания выиграть, а чтобы понаблюдать за реакцией девочки. Ия не сердилась. Ее забавляло то,

как ловко мог Арлан проделывать с картами разные хитрости. Арлан видел в ее глазах азарт и детский восторг, и в нем самом просыпался ребенок, ровесник Ии, радостный и беззаботный. И в такие редкие часы мертвый дом тоже словно оживал, в нем, вечно холодном и сером, вдруг становилось тепло и уютно, будто он вспоминал старые добрые времена, когда был полон детского смеха и веселья.

А однажды Ия вытащила из серванта несколько рваных альбомов. Она, раскрывая их один за другим, стала показывать на незнакомых людей, улыбающихся с потертых страниц, и рассказывать о них. Пришла Марияш, села рядом. И Арлан впервые видел, как она улыбалась, и улыбка была ей к лицу.

— А это тетя Марияш, — сказала Ия, указывая своим маленьким тоненьким пальчиком на черно-белое фото женщины с младенцем на руках.

Она была здесь совсем молодая, в легком кружевном платье, с прической в стиле конца семидесятых, умиротворенно, с материнской нежностью взидала куда-то вдаль — и совсем не была похожа на грузную, хмурую Марияш, которую знал Арлан.

— Да, были времена, — протянула она своим низким прокуренным голосом.

А потом был чай, за которым они походили на дружную семью, собравшуюся вечером — кто с работы, кто с учебы, чтобы поговорить о всяких пустяках, поделиться впечатлениями о прошедшем дне и просто наслаждаться древним ритуалом духовного сближения. Правда, Марияш, как обычно, все больше отмалчивалась и лишь изредка вставляла реплики. Пожалуй, это были единственные за последнее время светлые мгновения в ее тусклой, монотонной жизни.

Изредка давали свет. И этот свет приносил праздник в души обитателей дома. Арлан поспешно включал старенький черно-белый «Рекорд», который не показывал, но звучал, и с упоением слушал чужие голоса — от них веяло теплом и комфортом. Ия садилась рядом и тоже слушала.

Как-то глубоким вечером Арлан сидел на лавочке, потягивая сигарету. Ия кормила Собаку.

— Говорят, когда человек умирает, там его встречают кошка и собака. Чтобы попасть в иной мир, он должен перейти через шаткий хрупкий мост, — неожиданно заговорила девочка, — Кошка делает вид, будто не замечает его, а собака, если при жизни человек относился хорошо к ее сородичам, помогает перебраться на другую сторону.

— Поэтому ты кормишь бездомных псов?

— Нет, конечно, — девочка смутилась.

— Знаешь, а я тоже кошек как-то не очень, — словно извиняясь, молвил Арлан.

— Кошки хорошие. Просто они... забывчивые.

— Это как?

— Ну, говорят, если собаку кормить три дня, то она сделанное ей добро будет помнить три года. А если кошку кормить три года, то помнить она это будет всего три дня. А чтобы она не забывала, перед тем, как кормить, надо ставить ей по лбу щелбан, — Ия немного помолчала и продолжила: — У нас соседка была, так она, когда ее кошка рожала, котят в реке топила. А потом она ослепла... Вообще, думаю, нельзя животных обижать. Они... они лучше людей ведь.

— Да, наверное. Такая маленькая, а говоришь как взрослая.

— Разве чтобы иметь свое мнение, нужно быть старухой?

Арлан лишь усмехнулся и не нашелся, что ответить.

— А ты знаешь, что у вас по помойкам волки шастают? Сам недавно одного видел.

— Нельзя их так называть, — очень тихо, чтобы никто не услышал, молвила девочка.

— Это почему же?

— Беду можно накликасть.

— А как же тогда?

— Их называют «ит-кусами». Или уважительно «касеке»⁹.

— Ладно. Так что они делают у вас на помойке?

— Им зимой есть нечего. Вот и ходят сюда, — спокойно ответила девочка.

— И не страшно вам?

— Страшно. А что делать?

Вдруг Собака насторожилась, устремила взор в темноту и залаяла. А потом убежала.

— Нам надо домой, — с мольбой в голосе прошептала Ия, когда заметила приближающийся силуэт.

— Ты иди. Я догоню, — сказал Арлан.

Ия быстро направилась к подъезду, но на полпути остановилась в нерешительности — то ли зайти, то ли дожждаться Арлана. Так она и стояла.

Когда человек, пошатываясь, подошел ближе, юноша узнал в нем Чапая. Молодой человек повалился на мерзлый песок. От него разило спиртным.

— Чего надо?! — прорычал Арлан.

Чапай протянул юноше телогрейку — ту самую, которую несколькими днями ранее снял с Арлана.

— Все?! Теперь проваливай! Этим не отмажешься. Я с вами с каждым... поодиночке.

— Раны зализываешь?

— Слушай, чего тебе надо?! — спокойствие Чапая начало раздражать Арлана. Он встал.

— Да ладно.

— Я тебе сказал: проваливай!

— Бить хочешь? Бей, — так же спокойно продолжал Чапай.

Арлан ударил его ногой в челюсть. Голова Чапая откинулась назад, и он, не удержав равновесия, упал наземь. Что-то сплюнул, видимо, кровь. И неожиданно засмеялся. Арлан нанес еще несколько ударов, но уже слабее; злость сменилась недоумением.

— Псих, — буркнул обескураженный Арлан.

Чапай приподнялся, сунул руку во внутренний карман куртки, достал бутылку.

— Чуть не разбил пойло-то.

— Ну, ты и псих, — повторил Арлан, но уже без злобы, — вы что, здесь все с ума посходили?

— Давай бухнем.

— Да пошел ты! Иди со своими бухай.

— Ну, тогда покурим, что ли? Трубку мира.

Арлан помолчал немного. Затем вынул из кармана сигареты, одну взял себе, другую сунул в окровавленный рот Чапая.

— Иди спать, — сказал Арлан девочке, все еще стоявшей у подъезда.

Она замаялась, но все-таки зашла в дом. Чапай проводил ее взглядом:

— И как ты достучался до нее?

— А тебе-то что? — голос Арлана несколько смягчился.

⁹ Касеке от слова «касқыр» (каз.) — волк.

— Жалко ее. Бедный ребенок, — Чапай поднялся, отряхнулся и сел рядом на лавочку, — Такой маленький человечек, а навидалась уже. Несправедливо это. Хорошим людям вечно не везет.

Чапай вскрыл бутылку, вытащил все из того же внутреннего кармана пластиковые стаканчики, подул на них, налил спиртного. Выпили молча.

— Так что там с Ией?

— Да что может быть? Мать была. Уехала на заработки в город. Да с концами. Отца нет. С дедом живет. Так не он за ней, а она за ним ухаживает. В этом судьбы у нас похожи, — последняя фраза Чапая скорее предназначалась самому себе. — Ему-то куда уже? Одной ногой на тот свет. Хорошо, хоть Марияш рядом. Да и та — еще та алкашка. Ну, а кто здесь не пьет? Только те, кому есть что терять.

— А откуда у нее такой живот?

Выпили еще.

— Откуда, говоришь? Никто не знает. Только вот, однажды вернувшись домой, замкнулась в себе, сбрила голову и от всех мужиков шарахаться стала, как помешанная. Ты первый, кого она к себе подпустила.

— Вот почему, по-твоему, людям слабым и хорошим не везет, а всяким там проходимцам фартит за каждым поворотом?

— Сильных все боятся, даже судьба.

— Ты тоже хочешь быть сильным, да?

— А кому не хочется?

— Все вы хотите быть сильными. А потом на каждую силу находится другая сила. И шлеп! — Арлан хлопнул в ладоши, получилось так громко, что гулкий звук еще долго висел в воздухе, — Всем хочется быть сильными. Это, наверно, самый главный вопрос в наше время. А со слабыми что делать? Им ведь тоже жить.

— Да. И хочется быть сильным, а приходится быть слабым¹⁰.

— Откуда это?

— Не помню, из какого-то стихотворения, кажется.

— Значит, любишь поэзию? — лицо Арлана искривилось в улыбке.

— Ненавижу.

— А что любишь? Людей избивать?

Чапай пристально взглянул на своего собеседника — то ли с обидой, то ли с укором. Бутылку допивали уже молча. Чапай встал и, не прощаясь, удалился во мглу. Арлан подумал, что он просто свернул за угол по нужде и скоро вернется, но он не вернулся. Зачем приходил этот молодой человек, для Арлана так и осталось загадкой. Но зла на Чапая он уже не держал и почему-то хотел, чтобы тот пришел еще.

Утром станция уже утопала в снегу и стала еще более безмолвной и таинственной. Все замерло, будто погрузилось в спячку. Ия вышла на улицу и, запрокинув голову, стала любоваться небом. Ее бледный лик излучал безмятежность.

— Что ты там увидела? — поинтересовался Арлан.

— Ничего. Просто наблюдаю.

— За чем?

— За тем, как плывут тучи. Вон одно — как гигантская черепаха с разинутым ртом — вот-вот солнце съест.

— А мне вот вечно мертвецы снятся, — юноша тоже устремил взор в хмурый небосвод. — На днях приснилось, будто все вокруг превратились в зомби. Все стали на одно лицо. Гоняются за мной. А я убегаю от них и думаю: зачем это мне от них убегать?

¹⁰ Строки из стихотворения поэта А. Абишева.

— И что, поймали?

— Не знаю. Сон обрывается на одном и том же месте.

— А мне бабушка снится. Зовет меня.

— А где она?

— Умерла.

— Что за глупости. Ты же еще ребенок, а говоришь как старуха. Тебе всего двенадцать...

— Скоро тринадцать, — перебила девочка.

— Ну да, скоро тринадцать. А как будто триста.

— Во мне живут все женщины нашего рода, — вдруг совершенно другим голосом молвила Ия, и на миг в ее черных зрачках юноша словно увидел десятки других женских глаз. Пораженный, он отпрянул от нее.

— Не ходите с ними. Они вас за собой утянут, — произнесла она, уходя.

Арлан подумал, что девочка говорит о его сне.

Чапай появился снова. И уже в компании своих друзей. Веселые, подвыпившие, на двух стареньких «Уралах», с хвостами-прицепами, ворвались они в стылую тишину двора и мгновенно наполнили ее шумной болтовней и грохочущим хохотом. Чернявый юнец сунул пальцы в рот и переливчато засвистел.

— Твои явились, — буркнула Марияш, глядя в окно.

Арлан, не доев, встал из-за стола.

— Вот он какой, не успел оклематься, опять приключений ищет, — бросила Марияш ему вдогонку.

— Чего рассвистелся? — недовольно произнес Арлан, выходя на крыльцо.

Чернявый готовился выдать очередную соловьиную трель, но, завидев Арлана, передумал. Хмельная компания встретила его как закадычного друга. Лишь чернявый натянуто процедил «салам» и руки не протянул.

— Вы, кажется, хотели заставить меня кровью мочиться.

— Ну, брат, извини, мы по-другому знакомиться не умеем, — загалдел веселый узколобый здоровяк Бека.

— Поехали, поехали, — заторопил Чапай, заводя мотоцикл.

— Никуда я не поеду.

— Тебе бабки нужны?

— А тебе-то что?

— Так нужны или нет?

— Кому ж они не нужны.

— Тогда залезай. Дело плевое. Объясним по ходу.

Арлан топтался на месте в нерешительности. Он, конечно, мог бы обругать их на чем свет стоит и, схватив что-нибудь увесистое и помахав им, прогнать всех прочь, имел полное право, но в свою компанию местные звали явно неспроста: то ли это своеобразный вызов, то ли проверка характера, то ли что-то другое, еще неподвластное его пониманию. Если откажется — могут подумать, что трусил. Он бросил беглый взгляд в сторону окна, словно проверяя, не наблюдает ли за ним Марияш: совестно сидеть у нее на шее, а тут возможность принести в дом хоть какие-то деньги. Женщины в окне видно не было. Юноша запрыгнул на один из мотоциклов, и «Уралы», нервно зарывчав, понеслись.

Дорога заняла несколько часов. Сначала ехали по трассе, затем свернули на извилистую проселочную дорогу. До места добрались лишь во второй половине дня.

— Ну, и что мы тут потеряли? — насторожился Арлан, увидев перед собой заброшенную ферму.

— Вот, — Чапай указал на электрические столбы, — будем собирать урожай.

— А я-то вам зачем? Могли б и сами.

— Могли б, — язвительно подметил чернявый, — Да Чапай так не считает. Говорит, лишние руки не помешают.

Снимать провода с электрических столбов оказалось делом отнюдь не из легких. Ни кошек, ни лестницы у компании при себе не имелось. Единственный способ добраться до заветных проводов — спилить столбы. Основания у столбов были бетонные — высокие, с человеческий рост опоры, и до деревянных стволов просто так не дотянуться. Была и еще одна проблема: даже если бы и удалось срезать столбы, предугадать направление их падения было практически невозможно. Но команда у Чапая оказалась опытная и смекалистая. Подкатали мотоциклы. Двое — это были братья — взобрались на них и принялись пилить ствол, остальные, обвязав его канатом, стали тянуть веревку на себя.

— И сколько за это дадут? — поинтересовался Арлан.

— До трех лет, если поймают, — сострил Бека, — но ты не бойся, ловить нас здесь некому.

— А если серьезно?

— На бухло хватит.

— Ну, продадите эти провода, столбы на дрова пустите, а потом без света сидеть?

— А мы и так без света сидим.

— Да это же бесхозное, — подхватил татарин Риза, — нам чужого не надо.

— Да ладно втирать! — насмешливо выпалил Бека. — Кто по ночам с соседнего аула кабеля таскал, а?!

Первый столб наконец был спилен и повален. Покатали мотоциклы ко второму.

— А почему не найдете нормальную работу? — продолжал донимать своими расспросами Арлан.

— Где, в нашем ауле, что ли?! Рассмешил, — произнес Бека. — Ладно я — неуч, вон Чапай — неоконченное высшее. И что? Оба сидим, кукуем. Перебиваемся случайным заработком. Среди нас только Риза имеет постоянную работу, да и тот уже третий месяц без зарплаты.

— И на что живете, на это, что ли?

— Как придется. А в основном сидим на шее у предков и сосем им кровь.

— А когда весь этот металл кончится, что тогда?

— Ей-богу, как ребенок — зачем да почему, — Бека принял от Чапая эстафету в виде двуручной пилы и взобрался на «Урал», — Много думать вредно, брат. Подымайся-ка лучше сюда, пилить будем.

Обратный путь показался Арлану короче — вероятно, сказывалась усталость. На трассе их уже поджидал грузовик. Из машины вышел незнакомый мужик и деловито зашагал к мотоциклам. Обменялись рукопожатиями. Затем началась оценка «товара».

— Ржавое пойдет за полцены, — сказал незнакомец, — и за опоздание тоже вычту.

Чернявый начал было возмущаться, но, встретив суровый взгляд брата, притих. Чапай отвел оценщика в сторону и долго с ним спорил. Но незнакомец был непреклонен. В итоге Чапай взял деньги и дал команду разгружать прицепы.

— Чего это ты такой добрый? — произнес сердито чернявый, когда грузовик укатил прочь, — Мы тут пашем-пашем, а ты все спускаешь.

— А ты хотел бы вообще без бабок остаться? — ответил спокойно Чапай. — Нам с ними еще работать.

— Братья, заройте топор войны! — вмешался неугомонный оптимист Бека. — Нас ждет Огненная вода!

Приехали к железнодорожному мосту. Здесь было меньше ветра и не так холодно.

— Тут кое-что припас, — сказал, потирая от удовольствия руки, Бека и побежал в кусты. Вышел он оттуда уже с целым пакетом водки. — Холодненькая, хорошо пойдет.

— Что отмечаем? — спросил Арлан.

— Днюху Гудка, — ответил Риза, мотнув головой в сторону чернявого.

Арлан, Чапай и Риза принялись разводить костер, Бека занялся сервировкой импровизированного стола, а чернявый просто слонялся без дела и швырял камешки в воду — по случаю своего дня рождения он был освобожден от работы.

Пили оголтело, без закусок, без тостов, без пауз. Словно в последний раз. В самый разгар пьянки все это время державшийся особняком Гудок вдруг подкрался к Арлану и, указывая пальцем на Чапая, сказал:

— Вот посмотришь, скоро он стихи начнет читать, — вид у юнца был хитрый, заговорщический. — Он, когда напьется, всегда читает.

Арлан лишь рассеянно покачал головой, потому как из-за разразившегося в этот момент хохота Беки (здоровяк, вообще часто смеялся, душевно, заразительно) ничего не расслышал.

Очень скоро все захмелели. Все, кроме Арлана, который в бытность свою рэкетиром научился пить так, чтобы не развезло. Он был начеку, терпеливо выжидал удара в спину. Но чтобы не вызывать подозрений, держался так же вальяжно и развязно, как и остальные, и в своем стремлении изображать пьяного, возможно, даже слегка переигрывал. Впрочем, никому до него не было дела и фальши в его игре никто не замечал. Компания веселилась, как умела. И стихами в тот вечер совсем не пахло.

— Может, хоть ты скажешь, чего вам от меня надо? — обратился Арлан к Гудку, не выдержав томительного ожидания.

— Мне лично ничего. Мне вообще до тебя по барабану.

— А другим?

— Ну, сам погляди. Вокруг такая тоска, хоть вешайся. Стоит кому-нибудь пернуть — уже событие. А тут появляешься ты — новый человек, никому не известный, тем более их ровесник, тем более с темным прошлым. Вот им и интересно, — чернявый юнец говорил на удивление вяло и как-то без желания. Возможно, это алкоголь действовал на него усыпляющее, а возможно, он просто скучал, — А Чапай, тот вообще. По ходу нашел в тебе родственную душу...

И вновь раздался раскатистый смех Беки, и вновь он своим ревушим голосом заглушил речь Гудка.

— А слабо нырнуть в реку? — крикнул пьяный здоровяк кому-то.

— Да раз плюнуть, — неожиданно откликнулся Гудок, хотя слова предназначались вовсе не ему. Весь он сразу же как-то встрепенулся, оживился, будто подзарядил в себе невидимые батарейки.

— Давай на спор. Ловлю на слове!

— Да без проблем.

— Вы что?! Декабрь на дворе. Хватит дурить. — Чапай, совсем не ожидавший такого поворота событий, обеспокоился.

Пьяная компания не вняла его уговорам и резво понеслась к реке.

Река была глубокая и холодная, у берегов кое-где уже образовался лед. Один только вид темной мутной воды действовал отрезвляюще.

— Да ладно, я ж пошутил, — Беке явно не хотелось лезть в студеную воду и схватить воспаление легких.

— А я нет, — произнес решительно Гудок и, быстро скинув с себя одежду и позвериному оскалив зубы, с криком «Моя днюха, что хочу, то и делаю!» прыгнул в воду.

С минуту его не было видно. Мгновенно отрезвевшая молодежь застыла на берегу в напряженном ожидании. И только Чапай носился вдоль берега и истерично ругался.

Наконец Гудок выплыл. Щуплого, продрогшего юнца поспешно вытащили из реки, усадили в мотоцикл и укутали в завалявшееся на дне люльки грязное замасленное полотенце. На этом праздник закончился.

Проснулся Арлан позже обычного. Но чувствовал себя тем не менее усталым и невыспавшимся. Организм его оказался еще не готов к длительным прогулкам и уж тем более к физическим нагрузкам. Ему захотелось скорее смыть с себя эту усталость, и он поспешил к умывальнику. Однако кладовая, где находился умывальник, была занята Ией. Девочка брила голову. Послonyaвшись по дому и не найдя, чем себя занять, он вышел на улицу и, сам не зная зачем, отправился к братьям.

Квартира была двухкомнатная: в одной лежала их больная мать, в другой — Гудок, бледный и кроткий: после вчерашней своей выходки он простудился и слег. Отец семейства был в отъезде, он работал на узловой станции, расположенной в сотне километров отсюда. У него был вахтовый метод работы: полмесяца — дома, полмесяца — на дежурстве.

Чапай провел гостя на кухню, угощал чаем и не очень свежим печеньем.

— А сколько Гудку вчера стукнуло? — сказал Арлан, усаживаясь на табурет.

— Да не было никакой днюхи. Просто нужен был повод бухнуть. Пить без причины — признак сам знаешь чего.

— Ну, и сколько у вас таких днюх бывает?

— Как придется.

— Странное прозвище у него какое-то — Гудок.

— В детстве он любил садиться к отцу на колени и читать по слогам название газеты: «Гу-д-д-ок. Гу-д-д-ок». А еще ужасно плаксивый был. Ревел, как тепловоз. Вот с тех пор и привязалось к нему. Но он был славным ребенком. Маленький такой живчик. Очень привязан ко мне был. Ни на шаг не отпускал. А потом я уехал учиться. А когда вернулся, он уже отдалился от меня, какой-то чужой стал.

— Похоже, вы с ним не очень-то ладите.

— Я и сам понять не могу, почему так происходит. Может, обиду какую-то на меня держит. А может, разочаровался во мне.

— Если ты с ним вместе водку жрешь, о каком уважении можно говорить?

— Лучше уж со мной, у меня на глазах, чем неизвестно с кем. Я ж за него в ответе.

— А зачем ты универ бросил?

— Мать заболела. Кому-то же надо было за ней смотреть. Отец неделями на работе, Гудок — так за ним самим приглядывать нужно. Да и потом, город, он деньги любит. А у меня какие деньги? Хотя ты прав — зря я вернулся. Засосало меня здесь конкретно.

— Но ты еще можешь уехать обратно в город.

— Да кто меня там ждет? — молвил удрученно Чапай, — Странно, вот и новое тысячелетие через недельку-другую, казалось бы, все должно быть по-новому. Но все так же, как и раньше. Только в календаре девятки на нули поменяются. А ведь хочется другой жизни. Очень хочется.

- Я думаю, все изменится. Только надо потерпеть, подождать чуть-чуть.
- Дальше будет только хуже. Потому что люди озверели. Хороших становится все меньше.
- Но они есть. На них и держится мир. Худо-бедно, но держится. Уж ты мне поверь. Не будь их, гнил бы я в какой-нибудь канаве с перерезанной глоткой.
- Ну, надо же. А ты оптимист, однако.

Гудок довольно быстро пошел на поправку. Уже спустя несколько дней он встал на ноги и присоединился к пьянкам Чапая и его друзей. Впрочем, выздоровление Гудка в самой компании восприняли без особой радости. Вздорные выходки паренька и его беспокойный неуживчивый характер порядком всем надоели. Терпели его лишь потому, что не хотели обижать старшего брата. Арлан тоже недолюбливал Гудка. Но в то же время и жалел, как, бывает, жалеют получивших дурное воспитание детей. Сидела в этом щуплом чернявом юнце некая неуправляемая разрушительная сила, от которой он сам же и страдал — съедала она его изнутри, убивала все положительное, что в нем имелось.

— Знаешь, почему Марияш с тобой возится? — как-то в самый разгар очередной вакханалии спросил он у Арлана.

— И почему же?

— Да потому что ты ей сына напоминаешь. Сейчас ему было бы примерно столько же, сколько и тебе.

— Надо же. А где он?

— Так ты не в курсе? — Гудок изобразил на лице удивление, — Ее мужа и годовалого сына загрызли волки больше двадцати лет назад. Она по ним до сих пор траур держит.

— Но сына-то так и не нашли, — вмешался простодушный Бека.

— Ну, так вот, она его тобой заменила, — смакуя, продолжал чернявый юнец.

— Очень интересно, — Арлану стало обидно. Но не за то, что Марияш нашла в нем утешение, а за то, с каким злорадством говорил об этом Гудок. И юноша решил сменить тему разговора, — Вообще, я заметил, здесь «ит-кусов» много развелось.

— Почуяли, что люди ослабли, вот и беснуются, — заговорил отмалчивавшийся все это время Чапай, — А ведь когда-то они нас боялись и станцию стороной обходили.

— Ну, тогда Аю был, — сказал Бека.

— А кто это? — заинтересовался Арлан.

— Охотник-призрак. Гроза всех хищников, — пояснил Чапай. — Говорят, вылавливал волков, сдирал с живых шкуру и прогонял. Так сказать, в назидание остальным. А те, опозоренные, не убегали в степь, а бродили возле аула, стыдясь показаться на глаза своим соплеменникам, пока Аю не сжаливался и не добивал их. Такой вот был охотник.

— И что с ним стало?

— Никто не знает где он и жив ли вообще.

— Эх, не хватает нам сейчас таких, как Аю, — заключил Бека. — Вот у моего дядьки только на днях пять баранов в сарае зарезали. И ладно, если б съели. Так нет же, только глотки перегрызли и все.

— В этом они похожи на людей, — сказал Чапай. — Азарт. Увлекутся — остановиться не могут. Забавы ради режут и скот, и людей.

— Так они же умные какие! Это вам не какие-то лисы или кабаны. Они умнее нас даже, — заметил татарин Риза. — Мне знакомые чабаны рассказывали, как они охотятся. Зароют своего собрата в сугроб, а потом гонят к нему жертву. А если тот

промахнется и добычу упустит, то ему такую взбучку устроят, что мало не покажется. Ну, прямо как у людей, а?! Как такому не удивляться!

Приятели так увлеклись беседой, что забыли допить бутылку. Они даже не заметили, как за окном забрезжил рассвет. Скучно было лишь Гудку — уныло наблюдал за ними со стороны и время от времени зевал. Но вдруг среди всеобщего шума и развязного веселья Чапай молвил:

— Если мы волки, кто же тогда Ия?

* * *

Волки издалека почуяли приближение людей и загодя покинули насиженные места. И потому большинство волчьих логовищ, найденных сельчанами, были уже пусты. Но порой везло, и джигитам удавалось нащупать в глубине темных нор мягкие теплые тельца притаившихся щенят. Их вытаскивали на снег и давили копытами. Щенята, еще слепые и совсем беспомощные, сбившись в кучку, тыкались друг в друга мордочками и жалобно скулили, и их тонкий слабосильный визг ласкал слух палачей. Волчата же постарше встречали смерть ошетинившись и непокорно оскалив пасть, как учили родители. С такими расправлялись с особой жестокостью.

Охота на взрослых волков давалась тяжелее. Долго и упорно выслеживали джигиты хищников, гнали их к засадам, зажимали с разных сторон в кольцо, да всякий раз упускали. Хитры и проворны были волки — рассыпались по степи, как горошинки по полу, заманивали своих преследователей в непроходимые сугробы, а сами убегали прочь по насту. Тщетны оказались попытки угнаться за быстроногими хищниками. Выбились из сил кони, до хромоты изрезали себе ноги о затвердевший снег. Даже собаки, обычно шумные и беспокойные, уже не бежали далеко впереди, а, высунув языки и тяжело дыша, понуро плелись за всадниками. Зароптали джигиты, стали уговаривать своего предводителя повернуть назад. Но тот был непреклонен и продолжал гнать отряд все дальше и дальше от аула.

Несколько дней шел Аю по следам отряда. Самые худшие его опасения подтвердились. Отряд был вовсе не поисковым, а карательным — всюду оставлял за собой черные, спаленные рощи и задранные туши животных. И чем глубже уходил охотник в степь, тем больше «кровавых следов» он видел и тем сильнее вскипала в нем злость.

На исходе четвертого дня он заметил поднимающиеся из-за горизонта черные клубы дыма. Дым шел со стороны Большой воды. В воздухе запахло паленой шерстью и порохом. Донеслись выстрелы. И охотник ускорил шаг.

Добравшись до места, он взобрался на холм, с которого открывался вид на побережье обледеневшего озера. И увиденное оттуда заставило его содрогнуться. Прибрежные камышовые заросли полыхали огнем. Джигиты кружили вокруг рощи с гиканьем, с задорными возгласами, подобно первобытному племени, празднующему удачную охоту, и стреляли без разбору во всех выбегавших оттуда зверей. Всюду лежали туши, их кровь окрасила снег в склизкий желто-красный цвет. Угрюмо взирал Аю на бойню. Всколыхнулись со дна памяти воспоминания об ужасах давно минувших войн: сожженные дотла селения, разлагающиеся тела, которые некому хоронить, слезы осиротевших детей. Больно кольнул под сердцем старый осколок, засевший в его груди с последней войны и с тех пор в минуты сильного волнения дававший о себе знать. «Опоздал», — с горечью подумал старик.

Предводитель отряда величаво восседал на гнедом красавце и, подобно воево-

де, наблюдал за происходящим со стороны. Время от времени, перекрикивая выстрелы и лай собак громким властным голосом, давал указания джигитам и затем снова умолкал. Широкое скуластое лицо его выражало напряженную сосредоточенность. Испокон веков его род властвовал на этой земле, и в царские времена, и при советской власти. А потому он считал себя полноправным ее хозяином. К волкам Председатель ненависти не питал, да и овец, задранных ими, было не очень-то жалко, поголовье можно было бы восстановить и за год, но они посягнули на его собственность и тем самым бросили ему вызов, вызов его абсолютной непререкаемой власти. А это, по его убеждению, должно караться. Он давно мечтал устроить над ними расправу, просто не было подходящего повода. Теперь этот повод имелся — гибель односельчанина. Дело оставалось за малым: дожидаться, когда загнанные в камыши волки выбегут оттуда, и тогда джигиты встретят их шквальным огнем из ружей. Но время шло, камыш почти весь сгорел, а они так и не вышли. И это вызывало серьезное беспокойство. Мысль о том, что волки сгорели, не приносила Председателю особой радости. Ему хотелось не просто истребить их, а содрать с них шкуры и воротиться домой с трофеями — доказательством своей победы.

Поглощенный думами предводитель отряда не заметил появления Аю. И когда охотник вдруг вырос перед ним словно из-под земли, он вздрогнул от неожиданности. Однако Председатель очень быстро овладел собой.

— Аксакал, а нам как раз не хватает опытного следопыта, — с наигранным радушием произнес он и, не спешиваясь, протянул руку.

Аю крепко, до хруста в кости, сжал его ладонь и одним могучим движением скинул с лошади. Затем, усевшись на растерявшегося Председателя верхом, несколько раз окунул его голову в окровавленный снег, с каким-то странным наслаждением выговаривая: «Крови захотелось?! На, ешь!» Его огромные сильные руки еще не забыли, как расправляться с врагом в ближнем бою. Сами потянулись они к хрупкой податливой шее Председателя, все сильнее и сильнее стали сдавливать ее. Но охотник сумел вовремя сдержаться.

— С войной покончено, и негоже начинать новую, — сказал Аю и разжал тиски.

Он поднялся. Вокруг столпились перепуганные джигиты. Зная его медвежью силу и крутой нрав, они не осмелились вмешиваться в драку и все это время молча наблюдали за тем, как он истязал их предводителя. Охотник обвел их лица суровым пристальным взором, словно запоминая, хотя знал каждого едва ли не с рождения, и с презрением произнес:

— В погоне за «ит-кусами» сами стали такими же.

Долго смотрели джигиты вслед уходящему батыру, пока тот не скрылся за грядой холмов. Пристыдили их слова старого охотника, и теперь многие из них подумывали, а не повернуть ли лошадей домой. Их предводитель уже пришел в себя — взъерошенный, помятый, утративший всю свою былую величественность и как будто бы уменьшившийся в размерах, пряча воспаленные раскрасневшиеся глаза, стряхивал с одежды прилипший снег.

— На власть руку поднял. Отвечать будешь! — зло прошипел он, вытирая мокрое лицо рукавом.

— Ит-кусы! — раздалось вдруг.

Все произошло стремительно. Не успели джигиты опомниться, как Председатель уже неся галопом по ледяной озерной глади. Сельчане бросились было вдогонку, но их утомленные, измученные ранами лошади бежали вяло, без охоты, и никакие плетки, никакие крики не могли заставить их бежать быстрее.

Обезумевший от ярости Председатель, до крови исхлестав своего гнедого, про-

должал погоню в одиночку. Волки, как и ожидалось, рассыпались в разные стороны. Но он был готов к этому. Выбрал в жертву самого крупного, матерого, вероятно вожака, и погнался за ним. Приблизился на расстояние выстрела, прицелившись, нажал на курок. Однако попасть не смог. Он решил гнать волка до тех пор, пока тот не выбьется из сил. Перекидывая ружье через плечо, случайно оглянувшись назад и увидел, что берега уже нет, лишь далекая тонкая полоска дыма, маячившая на горизонте, напоминала, что где-то там, за горизонтом, осталась земля. На мгновение Председатель подумал было: «Если что случится — не докричаться», но тут же отменил тревожную мысль и пришпорил гнедого.

Матерый заметно устал. Председатель быстро настигал свою жертву — еще немного и догонит. В предвкушении скорой расправы он занес над головой дубину, чтобы обрушить ее на спину зверя, но вдруг услышал звучный треск разламывающегося льда, затем ощутил, что лишается под собой опоры и стремительно куда-то падает. В падении успел схватить взглядом убегающую фигуру волка. «Ах, не успел!» — вспыхнула досадная мысль. Еще через миг Председатель беспомощно барахтался в ледяной воде.

Джигиты подоспели лишь спустя час, когда над озером уже нависла ночная мгла. Найти в кромешной тьме полынью, в которую провалился их предводитель, удалось с большим трудом: та успела затянуться тонкой коркой льда. Ни Председателя, ни его коня там уже не было.

* * *

На станции пошла молва, что из зоны вернулся некий авторитетный зэк. Говорили, что он рецидивист, бандит с большой дороги и что в тюрьме был важной фигурой среди «блатных». Еще говорили, что на воле вряд ли задержится надолго: следующая сидка должна поднять его статус в иерархии уголовного мира. Новость о возвращении «братана» не обошла стороной и приятелей Арлана. По их реакции он понял, что приезд зэка для них большое событие. Особенно радовался Гудок. Он так настойчиво упрашивал ребят навестить «уважаемого человека», что те поддались его уговорам.

Все хлопоты Гудок взял на себя. Ничем не обременял он друзей, даже денег не просил. Сам закупил водки, сам приготовил сырне¹¹. Правда, мясо, которое он неизвестно откуда раздобыл, отдавало странным запахом.

«Братан» встретил гостей сдержанно, с плохо скрытым высокомерием. Однако, увидев, что те пришли не с пустыми руками, несколько смягчился.

— Ну что стоите? Стелите поляну, — скомандовал он.

Молодые люди поначалу держались скованно и робко, но по мере увеличения количества выпитого стали вести себя свободнее и даже позволяли себе шутить. Правда, шутя, постоянно озирались на хозяина дома, словно хотели убедиться, что их юмор ему по душе. «Братан» в ответ лишь загадочно ухмылялся. Краснощекий, упитанный, весь пышущий здоровьем, он совсем не был похож на человека, только вышедшего из тюрьмы. Ведь оттуда возвращаются обычно исхудавшими и больными. Арлана поразили его глаза: холодные, суровые — такие же он видел у волка, которого не так давно встретил у помойной ямы. Говорил бывший зэк взвешенно, с расстановкой, каждое слово вбивал в слушателей, словно гвозди. Молодежь зачарованно внимала ему — рассказы о тюремной жизни вызывали в них и ужас, и восхищение.

¹¹ Национальное блюдо из мяса свежезарезанного ягненка.

— Вот что вам скажу, мелкота. Все, что сейчас происходит, мимолетное. А там один день — вечность. И там реально понимаешь, что такое настоящее. Законы твердые. Кто их нарушит — либо князь, либо в грязь, а точнее, в парашу.

Товарищи Арлана не выдержали алкогольного поединка. Один за другим впали в забытие. Да и сам Арлан, хоть и умеющий пить, держался с невероятным трудом. «Братан» же все еще выглядел трезвым, казалось, алкоголь на него совершенно не действовал. Из носа его, большого, мясистого, периодически шла кровь. Он вытирал ее рукавом и как ни в чем не бывало продолжал пить дальше.

— Говорят, в бегах? — поинтересовался он у Арлана.

— Можно и так сказать.

— И от кого?

— Сам от себя.

— Не бзди. Я не стукач и стукачей не люблю.

— А я и не боюсь.

Ответ Арлана не понравился уголовнику:

— Не хочешь общаться, тогда проваливай. И своих заberi.

Арлан, опасаясь гнева хозяина дома, принялся спешно будить заснувших приятелей. Те, как назло, вставать не хотели — отмахивались от него, сонно ворчали, дескать, не дает поспать. «Братан», брезгливо взиравший на эту нелепую сцену, вдруг поднялся со своего места. Первый пинок пришелся, кажется, в Гудка.

— Пошли вон, сявки!

В последние дни Арлан стал замечать за Ией странные приступы тревоги. Настроение ее менялось, как погода в горах: то ходила вся напряженная и взволнованная, раздражаясь по малейшему поводу и порой даже сквернословя, что было ей совершенно несвойственно, то становилась подавленной и рассеянной. Сначала Арлан подумал, что внезапные перепады настроения связаны с беременностью, и потому не стал придавать им значения, но когда однажды увидел ее плачущей — она сидела на лавочке и, закрыв лицо ладонями, тихо рыдала, — всерьез забеспокоился. Он стал выпытывать, что ее тревожит. Девочка долго упиралась. Однако Арлан умел быть настойчивым.

— Собака исчезла, — был ее ответ.

— Разве это повод плакать? — юноша едва сдержался, чтобы не прыснуть от смеха. — Вернется.

— Не вернется, — произнесла она, давась слезами, — она же не могла бросить щенят. Значит, с ней что-то случилось.

Логика девочки была железной. Арлан пообещал найти Собаку и своим обещанием немного успокоил ребенка. Но тяжелое сомнение закралось к нему.

Пробираясь через сугробы на задний двор дома братьев, запущенный пустынный участок, Арлан очень надеялся, что его подозрения ошибочны. Однако чутье, как известно, подводило его редко. Не подвело оно и в этот раз. Первое, что бросилось в глаза, — огромное пятно крови на снегу. Юноша поискал другие улики — искать их долго не пришлось. На дне уличной печи, на которой Гудок на днях готовил сырне, он обнаружил голову Собаки. Внезапная ярость охватила его, и он, вытащив из печи голову, понесся в дом к братьям.

Заходить в квартиру, впрочем, не стал. Не захотел скандалить на глазах у больной женщины. Вызвал Гудка на лестничную площадку.

— Что это?! — зарычал он, тыча в нос чернявому юнцу свою находку.

— Сам же видишь, башка, — спокойно ответил тот.

— Что она делает у тебя в огороде?!

— А что, по-твоему, мы ели у «братана»? — сказал юнец, не скрывая злорадства.
— Ты же знал, чья это псина! — Арлан схватил паренька за горло и прижал к стене. За дверью раздался встревоженный женский голос.

— Давай бей! — Гудок гадко осклабился. — Из-за какой-то суки!

— Ты это специально сделал!

— У меня мать больная. А собачий жир хорошо помогает.

— Что, другой не нашлось?!

Лицо Гудка сделалось багровым, он начал задыхаться. Арлан сжалился над ним и отпустил. Чернявый упал на колени, истерично закашлял.

— А сырне-то тебе понравилось! — проговорил он сквозь кашель.

Домой Арлан шел понурый и растерянный. Имел ли он право осуждать Гудка, будучи так или иначе причастным к смерти Собаки Ии? «Теперь уж точно не пройду по мосту в рай», — иронично подумал юноша. Девочке он решил ничего не рассказывать — погорюет да забудет.

Но Ия не забыла — пугливый ранимый ребенок, в котором были еще так свежи воспоминания о том, как ее грубо вырвали из детства и, не дав никаких объяснений, бросили в суровую взрослую жизнь. Сначала уехали родители, затем умерла бабушка. И вот еще одна утрата, пусть всего лишь Собаки... Слишком много боли накопилось в ней, слишком много для маленькой девочки. И когда приходит новая, даже самая незначительная, то непременно пробуждает остальные. Терять близких, конечно, всегда тяжело. Но когда тебе только двенадцать...

В канун Нового года компания собралась у Чапая. Родни его дома не было. Отец, как обычно, находился на дежурстве. Мать, немного оправившаяся от болезни, ушла к родственникам, дабы не мешать веселью молодых. Гудок тоже где-то пропал. «Видимо, снова повздорили», — решил про себя Арлан. Он знал о конфликте между братьями и, чтобы не портить настроения Чапая, расспрашивать о Гудке не стал. Зато весельчак Бека, похоже, только и ждал подходящего случая поддеть друга.

— А где твой братец?

— Ушел поздравлять своего уголовника, — процедил сквозь зубы Чапай.

— Что-то зачастил он к нему, — на лице узколобого здоровяка появилась ироничная улыбка, — променял он тебя.

Чапай мрачно молчал. Отношения с Гудком и раньше были далеки от идеальных, а с приездом авторитетного зэка и вовсе разладились. Сойдясь с «братаном», он сделался дерзок, заносчив и совершенно перестал считаться с родными. У него появились «блатные» замашки. Но Чапай понимал, что винить в этом следует только себя. Не смог он стать для младшего брата примером, не смог стать той путеводной звездой, в которой тот так нуждался. Потому что сам сбился с пути.

— Мужики, скоро полночь, а мы еще трезвые! — Бека, вероятно, догадался, что затеянный им разговор Чапая не нравится, и решил исправить ситуацию.

Празднование Нового года ничем не отличалось от обычной попойки. Те же пустые пьяные разговоры, те же пересказанные в сотый раз байки и анекдоты, те же дворовые песни под бречанье расстроенной гитары. Разве что тосты были новогодние. Да и те были настолько банальны и предсказуемы, что нагоняли тоску. Вскоре водка кончилась, и Бека и Риза вызвались съездить за новой партией. Видимо, они тоже заскучили и решили немного размяться. Чапай, оставшись наедине с Арланом, отчего-то вдруг разоткровенничался:

— В нас вдалбливали идеи коммунизма. Говорили, что коллективизм — хорошо, а эгоизм — плохо, что все люди равны и приходится друг другу братьями. А

когда система развалилась, оказалось, что все это блеф. И только одно настоящее — закон выживания. А это, пожалуй, единственное, чему нас не учили.

Речь Чапая звучала ясно и внятно. Будто он и не пил вовсе. Впрочем, на такую искренность он вряд ли был бы способен в трезвом состоянии.

— Каждый стал сам за себя. Верить никому нельзя. Даже тем, с кем пьешь. Все предадут. И ты предашь, — Чапай внимательно взгляделся в глаза друга, будто ища в них подтверждение своим словам. — Просто у каждого свой непреодолимый порог, свой экзамен на вшивость.

С обезумевшей жадностью утопающего прильнул он к сигарете, словно к трубке кислородного баллона, и глубоко затянулся. На мгновение замер. Затем медленно выдохнул из себя дым. Арлану показалось, что с этим дымом вышло из Чапая что-то еще, возможно, остатки надежды.

Бека и Риза вернулись не одни. С ними был Гудок. Они встретили его на дороге одиноко бредущего домой. Завидев младшего брата, Чапай хмуро сдвинул брови:

— Чего так рано? Бедненький, за дверь тебя выставили?!

— Тебе-то что?! — огрызнулся тот.

— Да хватит уже! — вмешался Бека. — Достали со своими семейными разборками!

Чернявый налил себе водки и, подняв высоко рюмку, неестественно весело заверещал:

— Прощай, двадцатый век! Выпьем за упокой его души!

И они снова стали пить. С еще большим усердием, с еще большим остервенением. Будто хотели скорее забыться...

Допив последнюю бутылку, друзья переглянулись в надежде, что, может быть, у кого-нибудь остались деньги, чтобы купить еще водки: их молодые, разогретые алкоголем организмы требовали «продолжения банкета». Однако денег ни у кого не оказалось. Зато у Гудка появилась «гениальная» мысль.

— А если хлопнут? — возразил Чапай.

— Там сторож — глухой старик, — сказал Гудок, — его даже пушкой не разбудить.

— Мы только пару бутылок возьмем, — поддержал чернявого Бека, — никто и не заметит.

Товарищи Арлана скрылись за углом магазина — там имелось окошко, через которое можно было проникнуть внутрь. Сам Арлан остался стоять на «атасе». Он переминался с ноги на ногу и напряженно всматривался во мглу. Холодный январский воздух действовал на него отрезвляюще. Юноша слышал едкий запах собственного тела — первый признак похмелья. Совсем скоро должны были появиться головная боль и тошнота. Впрочем, его больше беспокоило слабование, которое он, будучи пьяным, допустил, позволив втянуть себя в эту авантюру. Нет, он не боялся, не совестился — нарушать закон для него было делом привычным, он просто не хотел участвовать в такой глупой мальчишеской затее, как кража из продуктового магазина. Мерзнуть на морозе и рисковать ради нескольких бутылок дешевой поддельной водки казалось неоправданным безрассудством и нелепостью. Но, увы, он опомнился слишком поздно.

В темноте появился чей-то силуэт — он медленно двигался к Арлану. Юноша принял его за одного из ребят и вышел из укрытия. Но это оказался сторож — дедушка Ии. Старик тоже его узнал: он стоял в оцепенении, не зная, как реагировать на неожиданную встречу. Во взгляде старика читался не страх — этому усталому пожилому человеку, видимо, уже нечего было бояться, а некая смесь тоски и

растерянности. К счастью, в этот самый момент Арлана окликнули, и он побежал на зов.

Пить Арлан отказался, сославшись на плохое самочувствие; ушел в другую комнату и там заперся. Сон долго не шел. Ему мерещилось, что стены ожили: глядят на него глазами старика сторожа и ждут, когда он сомкнет веки, чтобы раздавить своими холодными бетонными телами. Юноша успокаивал себя тем, что это не более чем галлюцинации и что ему просто нужно проспать. Но даже во сне — забыться удалось лишь после двух бесконечно долгих часов маеты — он не обрел покоя. Снился все тот же дурной сон: его преследуют мертвецы, хотят превратить в себе подобного, а он убегает от них и никак не может убежать.

Его разбудили крики, доносившиеся из зала. Арлан заставил себя встать и пойти узнать, что произошло. В зале царил беспорядок. Стулья были опрокинуты, всюду лежали осколки разбитой посуды. Братья были одни, они громко ругались. Увлеченные ссорой, они даже не заметили Арлана.

— Тебе дорог кто угодно, только не я! — негодовал Гудок. — Нашел себе дружка, возишься с этим чужаком, таскаешь везде с собой, будто он тебе родной.

— Не твое собачье дело!

— Вот я уже собака для тебя!

— Не цепляйся за слова!

— А эта недоразвитая. Что ты к ней приклеился?! Думаешь, не вижу, как ты ее глазами хаваешь?!

— Она же ребенок!

— Ребенок, говоришь? А может, это ты ее обрюхатил?! — гневно кричал Гудок, в глазах его застыли слезы.

— Эй, угомонись. Хватит гнать, а!

— Да кто ты такой, чтоб меня затыкать?! Неудачник! Вернулся, поджав хвост. И не говори, что из-за матери вернулся. Сюда никто не возвращается! Никто!

Чапай с размаху ударил Гудка по лицу, но потом, спохватившись, попытался обнять. Тот резко отстранился. Схватил со стола какой-то металлический предмет и с яростным «С...!» бросился в распахнутые объятия брата. Чапай всхлипнул и застыл, как статуя. Так они и стояли с несколько секунд, прильнув друг к другу. Затем старший брат медленно сполз на пол. Из живота его торчала рукоятка ножа. Гудок в ужасе попятился назад, споткнулся обо что-то и плюхнулся на зад.

Явился участковый (его вызвали соседи). Он страдал похмельем и явно был недоволен тем, что его побеспокоили в праздники. Сонно оглядел помещение и, брезгливо отстранив от себя рыдающую хозяйку дома, умоляющую не забирать младшего сына в тюрьму, подошел к Чапаю. Разрезав бинт, долго и внимательно изучал рану, затем — орудие преступления. Наконец, покончив с осмотром, сел за стол и принялся составлять протокол. Но авторучка не хотела его слушаться, лишь царапала бумагу. Участковый решил, что она замерзла от холода, и стал усиленно дышать на нее перегаром. Та продолжала упрямиться. Возмущенный милиционер швырнул ручку в угол. Любопытные соседки, стоявшие на пороге, растерянно переглянулись, одна из них тут же куда-то убежала.

— Шел бы ты отсюда, — буркнул Гудок.

— Ой, да сидел бы тихо. Нормальные люди отдыхают, а вам, свиньям, приспичило резать друг друга именно в Новый год. Только людям праздник портите. Да поскорей бы перерезались уже. Ух, если бы я не знал вашего отца... — участковый оборвал себя на полуслове, потому что только сейчас обратил внимание на сидевшего в углу незнакомца.

— Кто такой? — фыркнул он на Арлана, подозрительно всматриваясь в него.

— Арлан, — заискивающе произнесла соседка, — он здесь недавно. У кочегарки Марияш живет.

Вернулась вторая соседка, протянула милиционеру обгрызенный карандаш.

— Я с тобой позже разберусь, — сказал участковый. А затем уставился на протокольный лист, будто видел его впервые. — Ну и чего писать, если нет состава преступления?

— А что, он не помрет? — робко спросила та, что принесла карандаш.

— От этой царапины, что ли?! Да он еще нас с вами переживет! — злобно ответил участковый. — Не умеешь убивать, чего лезешь-то? — рявкнул на Гудка.

Все заметно оживились. Обрадованная мать вспомнила, что «праздник все-таки», и, невзирая на свою хворь, побежала на кухню и принесла остатки водки и оливье. Женщины разом обступили участкового, стали его обхаживать и уговаривать выпить. Впрочем, долго его упрашивать не пришлось. Арлан, воспользовавшись моментом, выскользнул из квартиры.

У дома Марияш юноша встретил Ию — она с тревогой взирала на дорогу. Он заметил, что волосы на голове девочки слегка подросли и образовали голубоватую щетину.

— Чего стоишь? Замерзнешь же.

— Дедушки нет. На работу к нему ходила, там не знают, где он.

— Вернется. Пошли в дом.

— Я еще чуть-чуть подожду, ладно?

— Можно и дома подождать, — утомленно молвил Арлан, — Марияш где?

— Ее тоже нет.

— Пошли, — повторил он, — Погода портится.

За окном уже смеркалось, а дедушка Ии все еще не вернулся. Арлан выключил телевизор (подача электроэнергии на станцию стала своеобразным праздничным подарком властей) и, поднявшись с кресла старика, нервно зашагал по комнате. Тревога девочки, похоже, передалась и ему. Но волновался он не за деда. Ему не давала покоя мысль, что, возможно, милиция узнала о краже в магазине и теперь удерживала старика, чтобы выбить из него показания. Если это так, то Арлану несдобровать — за ним скоро придут. А значит, пока не поздно, нужно бежать из села.

Внезапно из соседней комнаты донеслись стоны. Он поспешил туда. Девочка сидела на корточках и держалась за живот. Лицо ее было искажено страдальческой гримасой. На лбу проступили бисерные капли пота. «Отъезд придется отложить», — подумал Арлан с сожалением.

— Где же он? — умоляюще вопрошала Ия.

— Скоро придет, — успокаивал юноша. — Что, началось?

— Кажется, да.

— Потерпи. Я скоро, — Арлан накинул телогрейку и выбежал на улицу.

Шквальный морозный ветер нещадно бил в лицо. Как ни прятал Арлан голову, как ни закрывался от него руками, спастись от хлестких, обжигающих ударов не мог. Он чувствовал себя боксерской грушей, отданной на растерзание профессионалу-тяжеловесу: не увернуться, не дать сдачи. Юноша успокаивал себя тем, что до кочегарки, где он сможет отогреться, осталась самая малость и что на обратном пути ветер будет дуть уже в спину.

Кочегарка оказалась заперта. Свежих следов у входа он не заметил — значит, Марияш здесь не появлялась. Арлан стал усиленно думать, как быть дальше: продолжать поиски Марияш не имело смысла: она никогда не рассказывала, куда уходит и где проводит свободное от работы время, можно было бы попросить помо-

щи у Беки и Ризы, но, к сожалению, он не знал, где они живут. Оставалось лишь одно — снова идти к братьям.

Однако и там его ожидало разочарование. Едва Арлан ступил за порог дома Чапая и Гудка, как их нетрезвая мать обрушилась на него с бранью и требованиями оставить детей в покое. Она даже не дала ему возможности высказаться — вытолкала из квартиры и захлопнула за ним дверь.

Около часа носился он из дома к дому, бился, как ночной мотылек, в желтые окна, взывал о помощи. Но лишь однажды ему отворили. Обрадованный Арлан начал было сбивчиво объяснять ситуацию, рассказывать о своей проблеме, однако, встретив недовольный взгляд хозяйки, понял, что лишь зря тратит время.

— Что же вы за люди такие, а?! — взревел он в отчаянии.

— Пошел отсюда, пока собак не спустила!

— Кто там? — донеслось из глубины дома.

— Да шляются всякие, — женщина ушла смотреть повтор новогоднего огонька, оставив юношу в совершенной растерянности.

Понурый и усталый, побрел Арлан домой. Ни шквальный ветер, ни холод его больше не пугали. Он их просто не замечал. Гневные слова женщины убили в нем последнюю надежду. Он все еще продолжал стучаться в двери, встречавшиеся на пути, но уже без запала, а как-то больше по инерции. Ему хотелось бросить все, сесть в поезд и умчаться куда-нибудь подальше от этих неуютных, неприветливых мест. Да что-то сдерживало. Наверное, это и была совесть.

На крыльце одного из домов, прячась от ветра, курил невысокий круглолицый мужик.

— Помоги, брат, — произнес Арлан без особой надежды, — там родить должна.

— Кто?

— Ия.

— Какая Ия? — мужик растерялся, и лицо его будто стало еще круглее.

— Соседка Марияш.

— Какой Марияш?

— Ну, кочегарки из ШЧ.

— А, этой. Ия, да. Девочка, что ли?

— Ну да, ну да, — обрадовался Арлан.

— Заходи в дом, а то замерз совсем. А я пока машину разогрею.

— Спешить надо! Она там уже рожает! — Арлан взволнованно замахал руками, указывая в сторону дома, где его ждала изведенная родовыми схватками Ия. Его голос перерос почти в крик: — Прошу, очень прошу.

Мужик печально посмотрел на Арлана, потом на смурое небо, вероятно, раздосадованный, что ему даже не дали времени докурить сигарету, и зашел в дом. Спустя мгновение вновь появился, уже тепло одетый и с ключами от машины.

— Куда намылился?! Метель же, — донесся следом женский голос.

— Собирайся, поехали, — бросил нервно мужик.

Из темноты подъезда выкатилась такая же, как и муж, низенькая круглая женщина, очень на него похожая. Арлан поначалу даже подумал, что это его сестра.

Всю дорогу она тихо причитала, жалуясь на плохую погоду, на испорченный праздничный вечер, на то, как неудобно будет, когда придут гости, а хозяев не окажется дома. Но, увидев Ию, женщина смягчилась, голос ее стал вкрадчив и доверителен.

— У меня тоже дочка на сносях. Даст Бог, бабушкой скоро стану. Вот годы-то летят.

Ия в ответ тихо стонала.

— Ничего, алтыным¹², сейчас приедем к доктору, — успокаивала женщина. — Она моя подружка.

Однако доктор оказалась вовсе не доктором и даже не медсестрой. Некогда она работала в больнице санитаркой, но затем, с закрытием лечебницы, переквалифицировалась в торговку ширпотребом. Завидев беременную, она вся как-то напряглась, надулась, руки ее сошлись крестом на груди, наподобие противотанкового ежа.

— Почему на учет не вставала? Я лично не собираюсь брать на себя такую ответственность. Тем более у нее роды преждевременные. Везите в больницу, — заявила она официальным тоном.

— Какая больница, милочка?! — возмутилась супруга водителя. — Пурга на дворе. А что в степи творится, и подумать страшно!

— А я что могу поделоть?!

— Ну, родная, ну, помоги ребенку, — взмолилась женщина. — Я в долгу не останусь.

— Извини, но какой из меня акушер? Я даже уколы боюсь ставить, — оправдывалась бывшая санитарка. — Езжайте в больницу, здесь вам никто не поможет.

Круглолицый мужик развернулся к машине.

— Ты куда, Газиз? — закричала ему вслед супруга.

— В больницу поедем.

— Да ты что, свихнулася?! — запротестовала та. — Хочешь застрять где-нибудь в дороге?!

— Тогда оставайся.

— Ну, уж нет, — женщина засеменила за ним, — не хватало мне еще в Новый год остаться без мужа.

Как только они выехали из села, их поглотила плотная снежная пелена, очень похожая на густой туман. Не разглядеть ни трассы, ни дорожных знаков, ни огней станции. Свет фар, неспособный пробиться сквозь эту белую стену, отражался в ней и слепил глаза. Круглолицый мужик тем не менее вел машину уверенно — видимо, он хорошо знал дорогу, даже периодически заглядывал себе за спину, в темноту заднего салона, чтобы справиться о самочувствии девочки. Ия, пересиливая себя, отвечала, что у нее все нормально. Хотя, конечно же, она говорила неправду. Чтобы понять это, достаточно было услышать ее голос, дрожащий, болезненный, готовый сорваться на стон. Рядом с девочкой, крепко сжимая ее руку, сидела супруга Газиза. Она уже перестала ругать мужа, понимая, что сейчас не самое подходящее для этого время и что склоки можно отложить и до приезда в больницу, но все еще не могла отказать себе в удовольствии повздыхать о своей нелегкой женской доле.

Близилась ночь, а районного центра все еще не было видно. Будто его перенесли в другое место, на сотню километров дальше. Метель меж тем даже и не думала стихать, напротив, только набирала обороты, готовясь взять кульминационный аккорд. Она напоминала певца, долго и упорно распевавшегося перед тем, как выйти на сцену и показать всю мощь своего голоса. Рев ветра заглушал гул мотора. Машину кренило на бок — казалось, что она вот-вот опрокинется, — и водителю стоило немалых усилий, чтобы удерживать «ниву» в равновесии. Встревоженный Арлан оглянулся на своего соседа — тот намертво вцепился в руль, словно боялся его лишиться. Лоснящееся от пота лицо его (хотя в салоне было далеко не жарко: водитель экономил топливо, включая печку лишь при крайней необходимости) больше не излучало уверенности. Заподозрила неладное и супруга. Но она никак не могла

¹² Золотце мое (каз.).

решиться спросить, что не так, и, будучи человеком импульсивным и несдержанным на эмоции, закрывшись от мира ладонями, начала едва слышно роптать.

— Молчи, — зарычал Газиз.

— Говорила же тебе, давай останемся. Нет, тебе, как всегда, надо делать все по-своему, показать, вот, дескать, я мужик.

— Да уймись ты!

— Скажи, что мы не заблудились, — женщина говорила очень тихо, словно боялась собственных слов. — Скажи, что...

Закончить ей не удалось. Внедорожник внезапно загрохотал, затрясся, как в лихорадочном припадке, и стал стремительно куда-то скатываться. Водитель принялся усиленно выравнивать руль, пытаясь вернуть машину на дорогу, но было уже поздно — автомобиль, съехав по инерции вниз, ухнул в сугроб. Всех, кто в нем сидел, всколыхнуло невидимой волной и подбросило вперед.

Арлан не сразу понял, что произошло и откуда вдруг на лобовом стекле, прямо напротив него, появилась паутинная сетка. И в слова перепуганного мужика смог вникнуть не сразу. Лишь получив от него увесистую оплеуху, он стал понемногу приходить в себя. Боли, впрочем, не почувствовал, видимо, организм еще не оправился от шока. Рука его машинально потянулась к голове, будто проверяя, на месте ли, где-то в области надбровья нащупала опухлость величиной с куриное яйцо.

— Просил же пристегнуться. А ты не послушался. — Арлан наконец смог разобраться то, что говорил ему Газиз, — снег надо приложить.

— Я в порядке, — произнес он, едва ворочая онемевшим языком.

Обернувшись в салон, водитель спросил, все ли целы, — оттуда отозвалось: «Целы». Ответ пассажиров несколько успокоил его, и он занялся машиной. Подергал ручку коробки передач, надавил на газ, ничего не добившись — «нива» так и не сдвинулась с места, вышел поглядеть, что там случилось. Арлану было совестно отсиживаться в уютном, прогретом им кресле, и он, преодолевая головную боль и тошноту — полученная травма уже давала о себе знать, — последовал за круглолицым мужиком.

Дела их оказались плохи. Машина съехала в овраг и увязла в снегу по самый бампер, всеми четырьмя колесами. Мужчины растерянно переглянулись: без посторонней помощи так просто не выбраться, а надеяться на нее в безлюдной глуши да в такую беспросветную пургу наивно.

— Что теперь делать? — Арлан принялся перекрикивать ветер.

— Придется роды здесь принимать! Но хватит ли до утра бензина, вот это вопрос?

— Может, за помощью сходить? — это была, конечно же, глупая идея, но других у него не имелось. — Где мы находимся?

— Я и сам не знаю. Кажется, с пути сбились. Только им не говори, — от крика голос Газиза сделался тонким и визгливым, как у ребенка. — Понять не могу, сто раз ездил по этой дороге и вдруг сбился. Наверно, не там свернул.

— Лопата есть? — Арлан старался не терять оптимизма, хотя после слов круглолицего хотелось рыдать.

— Совок только. В багажнике.

Битый час выгребал Арлан снег из-под машины, но все еще не мог откопать даже заднюю ось. Руки его ооченели, ноги тоже — в сапогах навязчивое хлюпанье воды. Впрочем, заболеть он не боялся. Он ведь и так был уже болен. Голова раскалывалась на части. Однажды, в самом начале, он даже вырвал мерзкую желтоватую жижу — это ему напомнило, как давно он, оказывается, не ел. «Что за напасть?!» — Арлан прислонился к машине, чтобы перевести дух. Перед глазами все плыло и раздваивалось — то ли последствия свежеполученного сотрясения мозга,

то ли пресловутая слабость, не отпускающая его уже который месяц, а может, и то и другое. Ему бы сейчас отлежаться, отоспаться, и все бы пришло в норму, но при сложившихся обстоятельствах он не мог позволить себе такую роскошь. «Успеется», — успокаивал себя. Внезапно юноша услышал (так ему показалось) протяжный звериный вой, прорвавшийся сквозь шум ветра. Он обернулся и увидел медленно надвигающиеся на него силуэты волков, глаза их горели слабым, едва заметным светом. Его окутал внезапный страх — вот он стоит слабосильный и беспомощный посреди бушующей степи, окруженный голодной стаей, и безвольно ожидает своего смертного часа, как тот самый мужичок-коммерсант, которого он собственноручно закопал в яму. Мелькнула мысль, что что-то подобное как будто бы случилось уже когда-то — возможно, с ним, в далеком раннем детстве, которого он почти не помнил, или в сновиденьях, а быть может, с кем-то другим, кого он совсем не знал, но почему-то чувствовал. Но юноша был не в том состоянии, чтобы копаться в темных, неизведанных глубинах своей памяти.

— Оставьте меня в покое! — зашелся он в истошном крике.

Подбежал Газиз и потащил его в машину.

— Там волки! — кричал Арлан. — Там волки!

— Нет там никого.

Посидев в теплоте салона и приняв просроченного анальгина и валерьянки — они нашлись в водительской аптечке, — Арлан начал понемногу приходить в себя. Вспомнились нервный срыв, который случился с ним несколькими минутами ранее, и стало совестно. И неважно, видел ли он на самом деле волков, или просто разыгралось его большое воображение. Он повел себя как истеричная девчонка, и это факт. За спиной раздавались громкие, надрывные стоны Ии. Она больше не могла сдерживать себя. Воды у нее отошли, и задыхающийся в утробе младенец яростно рвался наружу. Арлан принялся подбадривать девочку, говорить, что все будет хорошо и что уже завтра они вместе посмеются над сегодняшними приключениями, однако выходило неубедительно.

— Родишь малыша, назовешь Бораном¹³ или Кантаром¹⁴, — голос его дрожал, оттого и шутки звучали как-то нелепо.

В заднем стекле снова появились таинственные светящиеся глаза. Только в этот раз всего одна пара. Арлан подумал было, что кошмарные видения продолжают его преследовать, но, протерев веки и всмотревшись внимательнее, понял, что они настоящие. Он бросил встревоженный взгляд на водителя — тот сидел, уткнувшись лицом в руль и, конечно же, ничего не видел. Мерцающие точки меж тем становились отчетливее, яснее. Юношу вдруг осенило, что это горят вовсе не глаза зверя — ведь они не могут излучать свет, они лишь отражают его (как можно было забыть вещи, известные любому школьнику?!), — а вероятно, автомобильные фары. Он, обрадованный и сразу же как-то воспрянувший духом, оторвал водителя от руля, похоже, смирившегося с участью провести ночь в безлюдной глуши, и что есть мочи надавил на сигнал. Огоньки не слышали зова о помощи — ветер заглушал его. Недолго думая, Арлан выскочил из кабины и побежал, проваливаясь в сугробы, навстречу далекому свету...

Девяностодевятилетний слепой старик лежал, прикованный к постели. Кровать была большая, крепко сколоченная, однако едва выдерживала его исполинское, но дряхлое тело, при малейшем движении начинала дрожать и жалобно скрипеть. Старик лежал на боку, поджав ноги, вытянуть их мешала спинка кровати. Костля-

¹³ Боран (каз.) — буран. Мужское имя.

¹⁴ Кантар (каз.) — январь. Мужское имя.

вая рука его безжизненно свисала над полом. Но она еще могла напоследок сжаться в кулак, да так, что и десятерым не разжать. Вид акакала был суров и спокоен.

Огромная бычья голова старика слегка приподнялась, когда он заметил у порога размытые силуэты вошедших. Ноздри его, словно ожившие пещеры, степенно расширились и проглотили очередную дозу сдавленного комнатного воздуха.

— Табаком пахнет, — морщась, произнес он.

Арлан пробормотал смущенные извинения и, не в силах сдержать невидящий, но пронзительный взгляд старика, отвел глаза в сторону. Чутье слепого поразило его, ведь последнюю сигарету он выкурил еще на станции.

— Подойди ближе, — старик протянул вперед руку, пытаясь нащупать лицо Арлана.

Юноша дал себя потрогать. Длинные скрюченные пальцы скользнули по разгоревшейся от мороза щеке Арлана, поднялись по переносице ко лбу и, повозившись в волосах, вернулись обратно.

— Неместный, — сделал неожиданный вывод старик.

— Гости пожаловали, Аю, — сказал Богданч, тот самый седобородый старик, который вызволил Арлана и его спутников из снежного плена и привез сюда.

Вот он, подумал Арлан, герой минувшей эпохи, тот, кого боялись не только волки, но и люди — грозный Аю. Поговаривали, что он знал язык ветров и мог разговаривать с животными. А еще его считали сошедшим с небес. Одни называли его дьяволом в человеческом обличье, другие — ожившим степным аруахом¹⁵, призванным охранять пустыню, и те, и другие почтительно склоняли перед великаном головы. Но кем бы ни был Аю, он умирал. Последний из батыров, никогда не знавший поражения, переживший свою эпоху, друзей, врагов и даже собственных детей, умирал бесславно и буднично, в душевной комнатенке где-то на краю земли, поверженный самым грозным своим противником — временем.

Недуг свалил его еще лет десять тому назад, внезапно, исподтишка, когда однажды жарким августовским днем, гоня скот на водопой, он почувствовал, как силы покинули его, и рухнул с лошади. С тех пор он больше не вставал. Никто толком не знал, чем он болен и как его лечить. Возили по докторам и по знахаркам, да проку от этого было мало — те лишь разводили руками: видимо, старость пришла. Внуки и правнуки, на чьи плечи легло бремя забот о немощном старике, уговаривали его перебраться ближе к благам цивилизации, где ухаживать за ним было бы гораздо легче, но тот наотрез отказался. Так и жили они большим тихим семейством в глухой безлюдной степи, в доме, построенном некогда самим охотником, утомленные дикой отшельнической жизнью и втайне желавшие скорейшей смерти старика (не потому, что не любили его, а потому, что устали). Они еще не понимали, что их союз держится только благодаря Аю и что после его ухода распадутся на маленькие семьи, разбредутся по городам и селам, чтобы раствориться в них, и лишь изредка будут собираться по праздникам да по очередным похоронам и будут все больше отдаляться друг от друга. Никто из них не перенял от легендарного охотника ни внешних, ни, самое главное, внутренних качеств. Старый великан покидал этот мир, так и не дождавшись новой смены, так и не передав ни могучей своей силы, ни знаний, ни степной мудрости. Нить, тянувшаяся сквозь века из поколения в поколение, обрывалась на нем. Потомки Аю вполне могли выживать в степи, но уже не были созданы для жизни в ней.

Женщины, спешно накрыв на стол и позвав гостей за дастархан — не то поздний ужин, не то ранний завтрак, — удалились в соседнюю комнату принимать роды. Ушла вместе с ними и жена Газиза, ничего в акушерстве не смыслившая, но очень

¹⁵ Аруах (каз.) — дух предков.

хотевшая быть полезной. Так что компания, собравшаяся за столом, получилась исключительно мужская. Арлан сел с краю, вполоборота к входной двери, чтобы удобней было выходить и в случае чего быть первым на подмоге. Есть ему не хотелось. Бешбармак, хоть и согретый, но вкусный и сочный, из вяленой конины, в него не лез, несмотря на то, что уже больше суток во рту не было ни крошки. Бездеятельное ожидание утомляло и угнетало. Он напряженно вслушивался в происходящее за стеной, силясь расслышать в тихом невнятном гуле голос Ии — так, по крайней мере, он бы знал, что девочка в сознании, однако ничего разобрать не мог. Время от времени женщины, то одна, то другая, забежали на кухню, за тазиком или за аптечкой, Арлан хватался за них взглядом, безмолвно вопрошая: «Как там она?» — те лишь неопределенно пожимали плечами и, извиняясь, убегали. И снова тянулось томительное ожидание.

— Голодные они. Им, как и нам, тяжело нынче, — глухим эхом донеслось вдруг до его сознания. Арлан поднял глаза. За столом шла какая-то дискуссия (впрочем, довольно вялая, видимо, затеянная, чтобы как-то заполнить время). Поглощенный тревожными думами о девочке, он, оказывается, совсем забыл о сидящих рядом людях. Юноша поискал взглядом говорившего — это был Богданыч, его спаситель. — Думаешь, по своей воле они к нам суются, по сараям нашим лазают? Они нас не боятся, потому что нужда заставляет. А голод — это такая штука, и страх забывает, и себя забывает.

— А что вы их защищаете? — иронично заметил один из внуков Аю.

— Да я не защищаю. Просто объясняю, отчего они такие наглые.

Арлан вспомнил, что во всей этой суматохе, связанной с вызволением машины Газиза из сугробов и родами Ии, он даже не сказал Богданычу «спасибо» за спасение. А благодарить его задним числом, да еще прилюдно, было как-то неловко. И юноша подумал, что, поддержав старика в споре, сделает ему приятно и тем самым как бы косвенно выразит свою признательность.

— Да, волков развелось много, — вставил он, воспользовавшись короткой паузой в беседе, — я сам видел одного, как он по станции разгуливал.

Старик словно ждал этих слов. Весь сразу как-то оживился, расправился, и речь его сделалась такою же:

— Это оттого, что некому их отстреливать. И вот приходится мне с седой-то головой гоняться за ними.

Он принялся зачем-то рассказывать (обращаясь преимущественно к Арлану) о своей дикой кочевой жизни, о странствиях по стране и охоте за волками, то и дело ворча, дескать, платят за шкуры в приемных пунктах мало, едва хватает, чтобы сводить концы с концами, потому-то и нет среди молодежи интереса к этому промыслу. Затем, оборвав вдруг самого себя на полуслове, стал сожалеть по поводу нездоровья Аю, с которым знаком чуть ли не с детства и которого любит как старшего брата, и невозможности поболтать с ним, как прежде, за чашкой горячего чая, потому что легендарный охотник так сильно сдал, что не всегда даже его узнает. А закончил Богданыч свой длинный путаный монолог пространными рассуждениями о скоротечности времени и тоской по славному прошлому, когда они с Аю были молоды и полны сил и держали в страхе все волчье племя. Хозяева дома слушали его без особой охоты, едва сдерживая зевоту, видимо, слышали все это по многу раз. Но Арлану рассказ старика был вновь и оттого интересен, к тому же, внимая ему, юноша немного отвлекался от тревожных мыслей о роженице.

— Возьмите меня с собой, — вдруг сказал он.

Просьба Арлана застала Богданыча врасплох. Несколько секунд старик внимательно всматривался в него: с одной стороны, парень вроде бы неглупый, держит себя достойно, и неплохо было бы на склоне лет иметь при себе такого помощни-

ка, с другой — на своем веку он уже не раз разочаровывался в людях и не хотел разочаровываться снова.

— Я как-то один привык, — протянул старик.

— Ну, вам же нужен напарник?

— Нужен-то нужен. Да вот выдержишь ли? — молвил Богданыч, нагоняя на себя важности. — Охота на волков — это тебе не в тире по банкам стрелять. Тяжко придется.

— А мне терять нечего.

— С оружием обращаться хоть умеешь?

— Доводилось.

Настойчивость юноши нравилась охотнику. Еще больше нравилось его умение слушать, что для одинокого пожилого человека, любящего поговорить, каким являлся Богданыч, было как бальзам на душу.

— Ну что ж, сынок, поколесим до весны, — старик лукаво сощурился, — а там видно будет.

Согласие охотника не то чтобы обрадовало Арлана (он был почему-то уверен, что Богданыч не откажет — уж очень добрые были у старика глаза), а как бы успокоило: теперь он был, можно сказать, пристроен и за свою дальнейшую судьбу мог не волноваться, по крайней мере, на ближайшие месяцы. Но вместе с тем он испытывал и какое-то неприятное саднящее чувство то ли вины, то ли стыда: какой же он все-таки бездушный эгоист: в соседней комнате изнывает в родовых муках Ия, которая так много для него сделала и к которой он так привязался, а он занят тем, что кланчит для себя работу!

Беседа меж тем продолжалась — говорили о непогоде, разбушевавшейся так неожиданно и так некстати, о дороге, которую замело и которую придется поутру расчищать, о других неотложных делах на предстоящий день, — но уже как-то по инерции. Арлан, пристыженный самим собой, в основном отмалчивался, лишь изредка для приличия вставлял какие-то малозначительные реплики. Да и старик, похоже, уставший от своей болтовни, говорил уже без огонька, то и дело скатываясь в сонное монотонное бормотание. Но вскоре пришла жена Газиза, вся какая-то всполошенная и растерянная, и сказала, что Ия родила мальчика...

Он родился под утро, когда за окном уже стихла метель. Родился, не издав ни звука. Женщины, помогавшие ему выйти из чрева матери, пришли в замешательство, увидев, с какой серьезной сосредоточенностью, казалось, взирал он на них, потому как не мог новорожденный, только появившись на свет, видеть и тем более различать лица.

— Глазки мамины. Но взгляд какой-то тяжелый, — робко заметила одна из них, стирая с младенца кровавую слезь.

Впрочем, любовались им совсем недолго. Почти сразу же после родов у молодой роженицы началось кровотечение. Запеленав малыша на скорую руку в простыню и в банное полотенце (пеленок в доме не нашлось), они положили его на кушетку и кинулись откачивать девочку. Там он и лежал, тихий и кроткий, приходя в себя, словно после тяжелого затяжного боя, в шаге от истекающей кровью матери, пока голод не дал о себе знать и чьи-то крепкие руки не унесли его, ревушего, в другую комнату.

Ему так и не суждено было познать вкус материнского молока. Ия умерла спустя пару часов. Женщины дома не смогли ее спасти...

* * *

После трагедии, случившейся на озере, поиски исчезнувшего ребенка были пре-

кращены. Было решено считать его мертвым. Между тем ходили разговоры, будто малыш еще жив, будто волки унесли его с собой, чтобы воспитать его вместо погибших щенят, по другим, по звериным законам. Кое-кто даже уверял, что видел у подножия Волчьего холма человеческого детеныша, беззаботно резвившегося с волчатами. Впрочем, утверждавшие это были людьми чудаковатыми, авторитетом на станции не пользующимися, а посему словам их значения не придали.

Председателя нашли лишь весной, когда лед на Большой воде растаял. Тело, заиленное, опутанное тиной, обглоданное рыбами, прибило к противоположному берегу. Лицо было настолько обезображено, что хоронить покойника решили в закрытом гробу. А затем были проводы, в сельском клубе, самом высоком здании в округе, макушку которого, кровавого цвета крышу-пирамиду, в ясную солнечную погоду можно было разглядеть даже с Волчьего холма. Проститься с Председателем собралось все село, многие, впрочем, пришли из любопытства. Приехало и высокое районное начальство, с гигантскими венками, с заготовленными речами о выдающейся личности покойного и его правом деле, которое будет жить всегда. Многочисленная родня усопшего была безутешна, но и очень горда тем, как проходила церемония прощания. Это были самые пышные и торжественные похороны, которые когда-либо видела станция.

Охотник Аю покинул станцию тою же весной. Никто его в гибели Председателя, конечно же, не винил, никто из села не гнал, к нему относились так же уважительно и с благоговением, как и прежде (разве что при встрече отчего-то прятали глаза), но неуютно стало ему среди людей, тесно как-то и одиноко. Ни с кем из соседей и знакомых он не попрощался, ни с кем не обмолвился об отъезде ни словом. И даже домочадцы узнали, что им предстоит уезжать, лишь накануне, когда Аю велел им не выпускать утром скот на выпас. Однако это не было бегством. Он покидал родной аул в разгар светового дня, на глазах у удивленных односельчан. А когда у него спросили, куда он держит путь, он, не тая, ответил: «На Край земли».

До Края земли охотник и его семейство добрались на закате. Это было крутое скалистое побережье озера, место, где заканчивалась земная твердь и начиналась водная гладь, уходившая далеко за горизонт и там, за горизонтом, сливавшаяся с небом. Это место прозвали так оттого, что если сесть на обрыве, свесив ноги вниз, то казалось, будто на самом деле сидишь на краю земли. Аю спешил и подошел к самому обрыву. Балхаш был спокоен и величественен. Охотник бывал здесь сотни раз, с тех самых пор, когда его, маленького мальчика, сюда впервые привел дед и научил читать следы на земле. Многие дали ему это место. Степь научила жизни, а Большая вода — мудрости. И здесь, вдали от людской суеты, он собирался доживать свой век.

Далеко не все его домочадцы были рады переезду, но возражать грозному авторитетному главе семейства не решились. Охотник это понимал. И, наверное, поэтому, едва сойдя с лошади, сразу же подозвал к себе старшего из детей. Словно отвечая на вопросы, которые боялись в семье ему задать, стал говорить:

— Люди и волки — братья. Они рождены от одной матери Природы. У них одна земля, один воздух и пища одна. Так уж сложилось испокон веков, что живут они в вечной вражде. И эта вражда будет длиться всегда. Когда одни слабеют, другие становятся сильными. Но ни у кого нет права истреблять весь род.

— Но вы ведь тоже убивали.

— Я лишь стараюсь сохранять равновесие, не дать одной чаше весов перевесить другую. Если этой гармонии не станет, мир рухнет.

Сын его ожидал услышать что-нибудь еще, например, ответ, как и чем им теперь дальше жить, однако охотник, больше ничего не сказав, отвернулся и пошел разгружать арбу.

* * *

Все утро, вплоть до полудня, Арлан разгребал снег. А когда двор был расчищен, взялся рубить дрова, хотя запасов древесного топлива было заготовлено в сарае по самый потолок. Так, изматывая себя трудом, он пытался хоть как-то притупить душевную боль, которая была настолько сильной и острой, что он ощущал ее физически. Боль эта была вызвана не только горечью утраты, но и чувством вины за смерть Ии. Никогда раньше он не испытывал такой ненависти и презрения к себе, как сейчас. И, пожалуй, впервые в жизни жалел, что родился под счастливой звездой. Потому что его счастливая звезда оказалась и его проклятием. Если бы на том железнодорожном вокзале незнакомого городка чей-то голос не отвлек брата, если бы путейцы не нашли его тело в пустом вагоне товарняка, если бы старуха шаманка не смогла вытащить его из мира мертвых, если бы (таких пресловутых «если бы» было много)... то не натворил бы столько зла. Сначала его жертвой стал заживо погребенный коммерсант, теперь вот ни в чем не повинный ребенок. Будь его воля, он с удовольствием отдал бы свою жизнь взамен на жизни тех, кого погубил — ведь они заслуживали ее гораздо больше. Но, видимо, его жертва небесам не нужна. Видимо, его миссия в том и заключается, чтобы шествовать по темному лабиринту жизни, совершая по пути ошибку за ошибкой, вопреки своей воле сеять вокруг зло и от содеянного зла страдать.

Вернулся Газиз, но уже не на своей «ниве», а на стареньком грузовичке. Ранним утром он уезжал на станцию, чтобы попросить у друзей подходящий транспорт для перевозки тела Ии, и, как оказалось, ездил не зря. Арлан, издали завидев машину, отложил работу и вышел ей навстречу.

— Ребят попросил, они сейчас могилу роют, — сказал Газиз, вылезая из кабины.

— Спасибо, — уныло молвил Арлан, — хороший вы человек.

Вместе с Газизом приехала и Марияш. Лицо ее было, по обыкновению, хмуро и не выражало абсолютно никаких эмоций. Лишь усталые, воспаленные глаза свидетельствовали о том, что ночь она провела в бдении. Молча, без слез и причитаний прошла она в дом, где ее ждали объятия и слова соболезнования и поддержки его обитателей. Но и там, в окружении пусть незнакомых, но, безусловно, сочувствующих ей людей, она вела себя на удивление сдержанно. Ничем не показала Марияш своего горя: ни истошных рыданий, ни тихих слез, ни даже печальных вздохов. И дальнюю угловую комнату, в которой лежала мертвая девочка, она, казалось, не замечала, пока женщины дома сами не завели ее туда. Но и увидев тело Ии, она сохраняла невозмутимое спокойствие, только сощурилась нервно, будто ослепленная резким светом.

Значительно позже, под вечер, когда все приготовления были сделаны, Марияш незаметно ушла в степь. И там, уткнувшись головой в снег, трясясь всем своим большим грузным телом, безмолвно рыдала в одиночестве. Лишь изредка откуда-то из глубины ее дыхательных путей прорывался странный хриплый звук. И от этого звука содрогалась утомленная, изведенная ночной метелью степь. А потом вновь все вокруг затихало. И страшна была эта тишина...

— Тебя искали. Чужаки, в кожаных куртках, — обратилась она к Арлану, вернувшись из степи, вся раскрасневшаяся и как-то внезапно еще сильнее состарившаяся, — тебе больше нельзя на станцию.

Он воспринял слова Марияш спокойно и даже с каким-то фатальным безразличием. Возможно, если бы он услышал эту новость несколькими днями ранее, его реакция была бы несколько иной. Он наверняка стал бы допытываться, откуда эти самые «чужаки в кожаных куртках» узнали, где он прячется, сколько их и как скоро они будут здесь, или затрясся бы от волнения и растерянности, не зная, как

быть и куда себя деть. Но смерть Ии, похоже, наложила отпечаток на его отношение к себе.

— Что с дедушкой Ии?

— Магазин его обокрали. Ну и хозяева продержали его под замком пару суток, думали вытянуть что-нибудь. Но ничего не добились и отпустили.

Подошла одна из женщин дома с ревущим младенцем на руках и, извиняясь, оправдываясь, что у нее много работы, протянула его Марияш. На самом же деле она просто устала убаюкивать охрипшего от плача малыша. Та сначала немного растерялась, но затем осторожно, бережно приняла ребенка. И, глядя на него, в его глаза, две черные влажные пуговицы, совсем как у Ии, вдруг едва заметно, уголком рта улыбнулась. И в этот миг она напомнила Арлану ту себя, что со старой пожелтевшей фотографии — молодую, улыбающуюся и, кажется, счастливую.

— Уродливый какой, — молвила она с нежностью. — Ишь, кушать хочет.

Она обнажила грудь и протянула ее малышу. Тот жадно прильнул к пустой груди, за десятки лет уже отвыкшей от младенческих губ, и, обманутый на короткое время, успокоился. А может быть, он понял, ощутил каким-то своим загадочным младенческим неразумным чутьем, что находится в объятиях женщины, которая отныне заменит ему мать.

— Отвыкла-то как. Тьфу на тебя, некрасивый.

— Как назовете?

— Пока не знаю. Может, как сына, — Марияш взглянула на Арлана своим прежним хмурым взглядом. — Забылась я совсем. И про Ию забыла, и про всех забыла.

— Не вините себя. Это я во всем виноват.

— Знаешь, если бы он был жив, то, наверно, был бы похож на тебя.

Перед самым отъездом Арлан зашел к Аю. Старик, казалось, кого-то ждал — пристально вглядывался своими невидящими глазами в сторону двери. Но не Арлана он дожидался и не своих внуков. А ту самую... с косой. Много было в его жизни: и войны, и победы, и слава. Однако все это было уже давно позади. Осталось только одно — терпеливо ждать. Но костлявая пока еще к нему не спешила, видимо, была очень занята.

— А, это ты, который пахнет табаком, — произнес немощный великан. — Езжай. Степь тебя заждалась.

Слова старца не удивили его — с недавних пор он перестал чему-либо удивляться, но почему-то порадовали. Возможно, Аю узнал о его намерении стать охотником и тем самым продолжить его дело от своего старого друга Богданыча. А может быть, он просто догадался. Но Арлану очень хотелось верить, хоть это и было по-детски наивно, что слепому старику об этом шепнул странствующий ветер...

Усталое солнце уже почти исчезло за горизонтом, когда узик Богданыча, долго петлявший по заснеженному бездорожью, наконец выбрался на трассу. Проезжая мимо Волчьего холма, Арлан оглянулся — там, на склоне, в кровавой дымке заката резвились две звериные фигурки. Это была молодая волчья пара. Ночью им предстояло выйти на охоту, чтобы прокормить своих волчат и прокормиться самим. А пока они беззаботно плясали, наслаждались последними отблесками уходящего солнца, впитывая в себя всю его энергию. И в эти мгновения степного затишья и неги не было на всей холодной пустынной земле Прибалхашья ничего прекрасней, чем их дикий, необузданный, но такой пленительный танец.

Владимир ШЕМШУЧЕНКО

КАРАГАНДА

Дождь прошел стороной, и вздохнул терриконики —
Сводный брат нильских сфинксов и сын пирамид.
Смерч подбросил листву на беспалых ладонях,
Уронил чей-то зонтик на мой подоконник
И умчался в притихшую степь напрямик.

Вечер сыплет крупу антрацитовых пыли
На усталых людей, доживающих век.
Город мой, ведь тебя никогда не любили!
Сказки здесь так похожи на страшные были,
Что кровит под ногами карагановский снег.

Утопает в грязи свет немывших окошек.
Ночь троллейбусу уши прижала к спине.
Город кормит с ладони остатками крошек,
Прячет в темных дворах издыхающих кошек,
Но «собачники» утром приходят ко мне.

На сожженную степь, на холодный рассвет
Дует северный ветер — гонец непогоды.
На дымящие трубы нанизаны годы...
В этом городе улицы в храм не приводят,
Да и храмов самих в этом городе нет.

* * *

Родиной пахнет ковыль.
Степь — без конца и без края.
Падают звезды, сгорая,
В карагандинскую пыль.

В русле убитой реки
Вольно петляет дорога.
Верим в Аллаха и в Бога,
Да в головах сквозняки.

Владимир Иванович Шемшученко родился в 1956 году в Караганде. Окончил Киевский политехнический, Норильский индустриальный, а также Литературный институт им. А. М. Горького. Работал в Заполярье и Казахстане. Автор нескольких поэтических книг. Член СП. Живет в г. Всеволожске (Ленинградская область).

Страшно, но нужно идти —
 Степь утопает в закате...
 Я задохнусь в каганате.
 Я уезжаю. Прости.

* * *

Снятся мне по ночам человекособаки,
 Что меня убивали у всех на глазах,
 Снятся мне по ночам прибалхашские маки,
 Джезказганские степи и старый казах —
 Он отца моего не считал иноверцем
 И пришел его в вечный покой провожать...
 Просыпаюсь от боли, сжигающей сердце,
 Словно нужно опять в никуда уезжать.

Разорвали империю в клочья границы,
 Разжирили мздоимцы на скорби людской.
 Там, где царствует ворон — веселая птица,
 Золотистые дыни сочатся тоской.
 Южный ветер хохочет в трубе водосточной,
 По-разбойничьи свищет и рвет провода...
 Все назойливей запахи кухни восточной,
 Но немногие знают — так пахнет беда.

* * *

Коль написано на роду
 В Петербурге мне быть поэтом,
 Не воспользуюсь я советом:
 Да пошел ты в Караганду!

Жил я бражно. Плавил руду.
 Не облизывал вражьи миски.
 И не крал у детей сосиски
 В перестрочную страду.

С бабой русской живу в ладу.
 Народились дети и внуки.
 Я бы вырвал по плечи руки
 Тем, кто сбросил с Кремля звезду!

ПЕТЕРБУРГ

На озябшем перроне и пусто сегодня, и гулко.
 Милицейский наряд прошагал безучастный, как снег.
 Точно так же глядел на меня, выходя на прогулку,
 Насосавшийся крови, двадцатый, сдыхающий век.

Ахты, память моя!

Я прощаю, а ты не прощаешь!

Отпусти же меня, помоги мне обиду забыть.

Ничего не даешь ты взамен, даже не обещаешь,

Кроме ветхозаветного — быть!

Славный выпал денек, с ветерком, до костей пробирает,

Гололедец такой, ну, совсем как у Данте в аду...

Я всем мозгом спинным понимаю — меня забывает

Полусонный вагон, убывающий в Караганду.

Он забудет меня, одиноко ржавея на свалке,

Как забыли меня все, кому я тепло раздарил...

Здесь, в несломленном городе, люди блокадной закалки

Отогрели меня, когда жить уже не было сил.

Смейтесь, братья мои!

Нам ли нынче стонать и сутулиться!

Смейтесь, сестры мои!

Вы затмили достойнейших жен!

Посмотрите в окно... Кто метет и скребет наши улицы? —

Это дети оравших в безумии: «Русские, вон!»

* * *

Неладно со времен царя Гороха

У нас — долдонят все, кому не лень.

А между тем — не так уж все и плохо:

И ночь как ночь, и день как будто — день.

Куда ни глянь — увесистые негры

Буклетики прохожим раздают,

И никому не действуют на нервы,

И потому у нас их редко бьют.

И среднеазиатскому меньшинству

Дозволено на улицах кричать,

И «русскому невиданному свинству»

Своих детишек в школах обучать.

А говорили — мы баранов съели,

И зверски распахали целину,

И с кровью кровь мешали, как хотели,

И (вай, уляй!) ломились в чайхану.

Все так, как говорится, жили-были,

Варили в чугушке тупой топор...

А мы ведь их действительно любили

И, как ни странно, любим до сих пор.

* * *

Когда лязгнет металл о металл и вселенная вскрикнет от боли,
 Когда в трещинах черных такыров, словно кровь, запечется вода, —
 Берега прибалхашских озер заискрятся кристаллами соли
 И затмит ослабевшее солнце ледяная дневная звезда.

И послышится топот коней, и запахнет овчиной прогорклой,
 И гортанная речь заклоочет, и в степи разгорятся костры, —
 И проснешься в холодном поту на кушетке под книжной полкой,
 И поймешь, что твои сновиденья осязаемы и остры.

О, как прав был строптивый поэт — Кузнецов Юрий, свет, Поликарпыч,
 Говоря мне: «На памяти пишешь... (или был он с похмелья не прав?)
 Хоть до крови губу закуси — никуда от себя не ускачешь,
 Если разум твой крепко настоян на взыскующей памяти трав.

От ковыльных кипчакских степей до Последнего самого моря,
 От резных минаретов Хорезма до Великой Китайской стены —
 Доскачи, дошагай, доползи, растворяясь в бескрайнем просторе,
 И опять выходи на дорогу под присмотром подружки луны.

Вспомни горечь полыни во рту и дурманящий запах ямшана,
 И вдохни полной грудью щемящий синеватый дымок кизяка,
 И сорви беззащитный тюльпан, что раскрылся, как свежая рана,
 На вселенском пути каравана, увозящего вдаль облака...»

* * *

Я не страдаю от режима
 И не меняю баш на баш.
 Пишу без всякого нажима —
 Я экономлю карандаш.

Меня не били смертным боем
 За дилетантские стихи.
 Меня водили под конвоем
 За настоящие грехи.

Валерий КУКЛИН
Александр ЗАГРИБЕЛЬНЫЙ

БЕЛЫЙ ОСЕЛ

Страницы повести¹

Где наш радостный смех?
Абай Кунанбаев. Слова назидания

История эта при всей ее необычности и даже нелепости произошла действительно, а свидетелями описанных ниже событий были жители южноказахстанского села Каскелен и расположенного рядом с ним не менее многолюдного военного гарнизона доблестной Советской армии во главе с высоким, широкоплечим, крепким телом и рассудком, почти не пьющим, аккуратно подстриженным, выбритым и одетым в чистую, тщательно отглаженную форму, в ярко надраенные, безупречные сапоги и при золотых на левом запястье часах с гравировкой «За победу в социалистическом соревновании ТуркВО» полковником войск связи Антоном Петровичем Расторгуевым.

История неоднократно рассказывалась прямым участником событий, Бауржаном Абдугуловым, ныне покойным, а в те давнесоветские времена — обычным аульным мальчишкой, сыном знаменитого чабана колхоза имени Сталина Умурзак Абдугулова и жены его Айши, матери пятерых детей. Историю эту, всякий раз звучащую с некоторыми вариациями, также можно было услышать от жителей расположенного на берегу чистого горного ручья у подножия хребта Жеты-Жол славного села Каскелен.

Общий друг главных героев акын Клышбек по ее мотивам даже написал песню, которую в сопровождении домбры исполнял на айтысах² и смотрах художественной самодеятельности в Чуйском, Курдайском, Красногорском и Мойынкумском

Валерий Васильевич Куклин — прозаик, драматург, публицист. Родился в 1952 году в Кызыле, долгое время жил в Казахстане, ныне проживает в Берлине (Германия). Окончил Московский лесотехнический институт и Литературный институт им. Горького. Автор более двух десятков книг: рассказов, повестей, романов и пьес, изданных в Казахстане, России и Европе. Лауреат премии имени Льва Толстого СП России.

Александр Павлович Загрибелный — журналист, переводчик, прозаик. Родился в 1954 году в Казахстане, окончил Институт иностранных языков и аспирантуру по теории художественного перевода. Собкор российского журнала «Журналист» в Казахстане. Руководитель литобъединения и редактор литературного альманаха «Оазис» в городе Таразе. Печатался в журналах «Простор», «Дружба народов», «Знамя». Награжден дипломом Британского совета и Американского посольства за стихотворные переводы на русский язык английских и американских поэтов.

¹ Повесть «Белый осел» создана А. Загрибелным на основе одноименного романа В. Куклина, давшего согласие на оригинальную трансформацию исходного текста.

² Айтыс — соревнование импровизаторов-песенников (акынов), одно из особо почитаемых развлечений степных народов.

районах. Публику песня изрядно веселила, но членов жюри она заставляла хмуриться, укоризненно качать головами и к наградам не представлять.

Словом, оснований не верить в то, что все произошло именно так, а не иначе, ни у кого не должно оставаться. А потому можно начать повествование, достаточно правдивое и точное, хотя и услышите вы его уже не из первых уст...

Глава первая

БАУРЖАН ПОЛУЧАЕТ НЕОБЫЧНЫЙ ПОДАРОК

В детстве мы были лучше.

Абай Кунанбаев. Слова назидания

Бауржан получил ослика на свое пятилетие. И случилось это потому, что отец его, бывший чабаном и депутатом Алма-Атинского облсовета, заработался, мотаясь между столицей социалистического еще в ту пору Казахстана и киргизскими горными джайляу, где паслась летом его отара и жила в юрте большая часть семьи в лице жены, дочерей-близняшек и новорожденного сынишки.

В те годы шла склока между высшими органами власти по поводу того, кто из них главнее и кого надо чабанам слушаться, чтобы выполнять планы мясозаготовок правильно. Как читатель правильно догадался, речь идет о времени существования в СССР, кроме обкомов, облисполкомов, еще и совнархозов, то есть о моменте, когда хрущевские «орлята» пытались отобрать власть у засидевшихся на административных постах «сталинских соколов».

Депутаты всех Советов трудящихся, как слуги народа, были загружены общественными делами по самые макушки, помогая людям решать их насущные проблемы, как свои собственные. Потому ответственный Умурзак-ага месяц почти не навещал свой сельский дом и даже забыл о дне рождения старшего сына и любимца Бауржана, оказавшегося среди лета в пропыленном и прокаленном на солнце Каскелене под опекой занятой хозяйством тринадцатилетней сестры Гульнар.

А как выпали депутату пара свободных дней, так и приехал он на сине-белом автобусе с усатым шофером и клюющей носом кондукторшей в родное село. Вышел на остановке возле сельпо, дошел до своего двора, но внутрь не заходить не стал, а снял сапоги, скрутил портянки прямо у калитки, допрыгал босиком по раскаленной земле до текущего вдоль улицы арыка, сунул распаренные в жару и от долгой дороги ноги в журчащую горную воду и лишь потом присел на выеденный овцами бережок с похожими на колкую щетину остьями осоки. Поерзав, устроился поудобнее и застыл в блажестве, спрятавшись от немилосердного солнца, под сенью мелколистого вяза, зовущегося также карагачом.

Вода была чистой, прохладной, полной запахов гор, с которых она стекала сначала в распоженный выше села пруд, а потом в канал, из которого поливались поля, сады да огороды, а уж потом остатки ее, собиравшись за околицей в другой канал, добежали до нижних малых аулов, где и расходились до конца.

Одной из забот депутата была как раз необходимость получать каждый квартал разрешение из Алма-Аты на сброс воды из пруда, где какой-то ученый советовал каскеленцам воду держать и разводить в пруду зеркальных карпов для продажи в столичном магазине «Живая рыба», который только собирались строить. Вчера Умурзак-ага убедил-таки председателя комиссии не включать в дополнения к семилетнему плану заготовку рыбы в Каскелене — и победой своей был весьма дово-

лен. Ибо времена разумных сталинских планов в СССР уже прошли и наступили новые — хрущевские.

Так говорили аксакалы. А старики глупости говорить не будут.

Потому Умурзак-ага хотел сначала слегка отдохнуть, попить у арыка чаю, а уж потом сообщить односельчанам, не желающим заниматься незнакомым рыбоводческим делом, о своем успехе и даже придумал к такому случаю речь:

— Семь лет — срок большой. За семь лет многое может случиться: Хрущев умрет, совнархозы упразднят, на место Брежнева в Алма-Ату казаха назначат. А казахам рыба ни к чему, казахам нужны бараны. В Каскелене одиннадцать отар сейчас. А будем рыбу разводить — кто станет овцами заниматься? Если рыбу в нашем пруду разводить, это значит, что мы пять отар потеряем. И рыбы как следует не выловим. Русские ее всю по ночам из пруда повытаскают. Потому что баран — он в каждой отаре на глазах, а рыба — она в воде прячется, она общая, ее не поделишь, не пометишь, тавро не поставишь. Кто успел поймать — тот и хозяин.

Мысль эту простую сказать землякам за общим достарханом можно. Это в Алма-Ате нельзя так говорить. Хотя каждый это и там знает. А в Москве про степь вообще ничего не понимают. Но руководят, приказывают, заставляют. А казахи — что? Казахи — люди умные. Они соглашались с Москвой, но делают по-своему. И собирают бакшиш³ для подарка проверяющим. Всегда так было. Дед рассказывал, что так жили и при ханах, и при царях, так будут жить казахи и при Хрущеве, и при его наследнике. А прижмет Москва, можно и рыбу завести в пруду, да потом по весне может непогода дамбу размыть, всю рыбу на поля выпустить. А непогоду в тюрьму не посадишь — на такое даже у Москвы кишка тонка.

Так размышлял о будущем родного села депутат Умурзак Абдугулов, сидя у арыка и зная, что Гульнарка⁴ его уж заметила из окна, выскочила из дома и за спиной отца принялась хозяйничать, ожидая, когда он обернется к ней и протянет руку за пиалой с горячим чаем, налитым из уже вовсю гудящего самовара.

Но вдруг всегда благоразумная и заботливая дочь, нарушив привычный уклад жизни абдугуловского дома, повела себя непочтительно: обошла отца, перепрыгнула через арык и, стоя на противоположном берегу, огорошила Умурзака-агу, глядя ему прямо в глаза:

— У Бауржана сегодня день рождения, — сказала она по-казахски. И тут же объяснила, почему она так ведет себя.

У мальчика первый в жизни юбилей, а денег на покупку приличного подарка дома нет. В смысле, на муку да на сахар имеется припрятанная уехавшей с младшими детьми в горы матерью заначка, остальное для праздничного стола как-нибудь само приплодится, а вот какой-нибудь пятерки (речь идет о деньгах «по-старому», до реформы 1961 года) на покупку хотя бы нескольких конфет или горсти сушеного урюка в сельпо⁵ у Гульнарки для братика нет. А солнце уже в зените, с минуты на минуту дверь в магазин закроется, а откроет Юсуп-завмаг ту дверь до конца дня или нет, никому не известно.

— Потому что ты приехал, — дообъяснила она. — Юсуп тебя будет проведывать, водку пить. А пьяный он никогда магазин не открывает. Это только Юсуп-скотник на работу пьяным ходит. На ферме навоз — там все равно воняет.

³ Бакшиш — взятка деньгами или овцой.

⁴ Русифицированное добавление к казахскому имени «-ка» вовсе не является в сознании казахов унижительным, оно лишь указывает на молодость обладателя этой приставки в сравнении с говорящим о нем.

⁵ Сельпо — магазин сельского потребительского общества.

Умурзак-ага не стал даже лезть в карман за кошельком и хлопать по пустым карманам. Он и так знал, что взятые им месяц назад из колхозной кассы деньги под будущий расчет по трудодням полностью израсходованы, что у него сейчас нет даже на автобусный билет до Алма-Аты. А председатель колхоза, главный бухгалтер и кассир, которые могли бы выделить ему какую угодно сумму из кассы, уехали, как сказал ему водитель автобуса, на джайляу будто бы на проверку, а на самом деле свеженькой бараниной полакомиться да водкой ее запить, а потому неизвестно, когда вернутся — могут завтра, а могут и через неделю.

Аппетит у колхозного начальства всегда был отменным, брюха — лужеными, а причин для задержки в пути всегда находилось в избытке: то лавина рухнет в горах, засыплет ущелье, то хлынет дождь, закроет перевалы, то появятся волки, от которых надо охранять находящиеся на высокогорных пастбищах стада, то трудные роды случатся у кобылы, которую надо либо спасти, либо зарезать и съесть. Словом, забот у начальства на джайляу было много, причин для задержки еще больше, и возвращение их домой зависело лишь от количества бутылок, взятых ими из дома, и от того, сколько водки осталось у самих чабанов из весенних припасов.

А водки, сообщила отцу старшая дочь, только сам председатель взял в сельпо у Юсупа-завмага два ящика, и остальные начальники прихватили по ящику в счет трудодней, которые получают они в ноябре или декабре. То есть пока сотня бутылок совместно с живущими на джайляу чабанами и их помощниками не будет выпита, колхоз останется без начальства.

— А нам тут без них хорошо, — добавила девочка, всегда бойкая на язык, отличница в школе и красавица. В будущем она окончит университет, станет ведущим экономистом в одном из НИИ, а после перестройки и распада СССР возглавит процветающее агрообъединение, которое после ухода ее на пенсию тут же обанкротится и разворует. Но пока еще она — просто старшая сестра Бауржана, решившая сделать братишке праздник, и рассуждала здраво даже о взрослых.

— Люди в Каскелене сами на работу ходят. Никто их не погоняет, никто на них не кричит. Каждый сам делает, что ему положено.

Но Умурзак-ага дочь не слушал. Мнение недавно переставшей быть сопливой девчонки о порядках в колхозе его мало занимало. Придет время, знал он, станет Гульнар комсомолкой, приспособится жить, как все казашки, поймет, что главное для казаха — не работать, а именно жить. Вот сам Умурзак-ага живет хорошо: в Алма-Ату каждый месяц за государственный счет ездит, останавливается там в обкомовской гостинице по два человека в номере, ест в столовой настоящие супы и блюда с непонятными казаху названиями, двух собственных коней имеет, двадцать овец, козла, четырех коз, жеребую ослицу, мотоцикл в прошлом году получил премией. Еще на облсовете вчера сказали, что всем депутатам на будущий год выдадут по «победе», а депутатам Верховного Совета республики — даже по «Волге». А русский помощник Умурзака-аги Виктор Сидоров все лето пропасет скот на джайляу — и ничего, кроме трудодней, не получит. Значит, Умурзак-ага работает хорошо, а помощник его — плохо. Потому что кто как живет, тот так и работает.

У русских все наоборот: кто не работает, тот не ест. Потому-то никто из русских не живет в Каскелене так хорошо, как Умурзак-ага. Все время обижаются они в конце года, когда по трудодням получают меньше, чем казахи. А жили бы по-казахски — и обижаться было бы не надо.

Глупый народ — эти русские: не понимают, что на земле казахской надо жить по законам казахским, а не по-московским. Вон Акмолу ихний Хрущев переименовал в Целиноград, хотел даже туда столицу перенести. А зачем это казахам? Казахи —

народ вольный, им города не нужны, им степь нужна, и чтобы не было там ни высоких домов, ни деревьев, а видно было все от горизонта до горизонта. Тогда и скот на таких просторах тучнеет, и мяса в котелке довольно и для семьи, и для гостей. Но сейчас в степь пришел московский закон, города стали строить, заводы вонючие, детей казахских принялись из аулов увозить. Гульнарка только сопли утирать перестала — а уже в сторону Алма-Аты смотрит, говорит, что там жить лучше. И сейчас не говорит вслух, а ведь думает: в городе у отца деньги на подарок сыну были бы, а дома, как русские говорят, только вши у него на аркане.

Можно, конечно, Умурзаку-аге обратиться в расположенную рядом с селом воинскую часть — тамошний начфин капитан Гоберидзе всегда выручал депутата в подобных случаях. Но, как назло, начфин был в отпуске и улетел в Тбилиси. Так Умурзаку-аге шофер автобуса рассказал. Он все про всех знает и со всеми своими знаниями охотно делится. Потому все знают его и зовут просто: Шофер. Хотя имя его Уразбек. А без Гоберидзе никто в воинскую кассу руку не запустит, даже полковник Расторгуев, командир гарнизона. Солдат в помощь хоть сотню, хоть две даст, продуктами на той⁶ поможет, а денег — ни-ни.

Соседи же при новом доме Умурзака-аги, построенном прошлым летом, — сплошь новоселы-целинники⁷ из России, потому все они — приезжая гольтыба, живущая от зимы до зимы на авансы в счет трудодней. Половина баб у них — безмужние, а потому бесправные, у них каждая копейка на счету, лишней ни у кого нет, даже у замужних. Попросишь займы — дадут. Только вот просить нельзя. Не годится, чтобы каскеленцы видели, что уважаемый человек денег свободных не имеет. Уважаемый человек должен займы брать не менее тысячи, а не пять рублей. А откуда у сельской русской бабы тысяча? У них даже скота настоящего нет. Так, корова с теленком какие-нибудь, десяток кур, пара уток или гусей — и все.

Да к тому же негоже депутату и Герою Социалистического Труда, получающему от государства — минуя колхозную кассу — за высокое звание по девять тысяч рублей в месяц, занимать пять рублей у какой-нибудь там учительницы с зарплатой в четыреста семьдесят рублей на то, чтобы купить подарок старшему сыну. Тем более что старший — это наследник не Умурзака-аги, а приемного отца его. Хотя тот в дом свой алма-атинский Бауржана по рождению мальчика не взял, но по законам казахским все равно считается отцом своего старшего по крови внука. Русским этого не понять, но Умурзак-ага твердо знал это, едва только появился Бауржан на свет. То есть Бауржан Умурзаку-аге хоть и сын, но одновременно и старший брат. А младший брат должен оказывать старшему почтение и дарить ему богатые подарки. Или хотя бы малость какую за пять рублей...

Почтения к сыну было у Умурзака-аги, как говорят русские, навалом, но в карманах после посиделок с депутатами в гостиничном ресторане и покупки десятирублевого билета на автобус до Каскелена оставалось тридцать копеек медной мелочью.

— Нет денег, — ответил он дочери строгим голосом, каким следует говорить старшему с младшим, тем более с дочерью. — Потерпит.

Потому что на самом деле Умурзаку-аге было стыдно перед Гульнарой и за то, что денег у него не осталось, и за то, что забыл о дне рождения сына, то есть о празднике, за отмечание которого широким застольем русские люди уважают казахов особенно. А русских в селе было больше половины — и все они голосовали за фронтовика, бывшего старшего лейтенанта Красной армии, танкиста Умурзака-агу,

⁶ Той — большой праздник с пиршеством (каз.).

⁷ Статус целинных в Казахстане имели повсеместно множество колхозов и совхозов, созданных на новых территориях усилиями молодых энтузиастов.

когда райисполком выдвинул его депутатом на место умершего от инфаркта Алибека-аги, пришедшего с фронта майором-минометчиком.

У Алибека-аги было три боевых ордена, а у Умурзака-аги — два. Потому пока жив был Алибек-ага, Умурзаку-аге быть депутатом не светило. Умер бы до выборов Умурзак-ага, депутатом бы стал умерший два месяца назад Ерлан, у которого был лишь один боевой орден. Таков закон казахский — один из немногих, которые по-настоящему понимают русские: почет надо заработать. Потому что далеко не каждый даже старик в Каскелене становится аксакалом и получает приставку к имени своему «ага». Есть старики, которые до самой смерти остаются просто стариками, потому и зовут их так: «Эй, Пашка!» или «Эй, Данька!» Хотя на самом деле их звать Павел и Данияр. Умурзаку же вон только тридцать девять лет — а он уже четыре года из них «ага». Потому что законы казахские справедливы, а законы московские справедливы не всегда.

— Ата, — прервала размышления разомлевшего от жары и от прохлады арыка отца Гульнар, — а у нас осленок родился. Может, его подаришь?

Именно после этих слов, по рассказу самой Гульнар, ни раньше, ни позже, разродившаяся накануне ослица Валька, на которой с весны еще семья Абдугуловых перевозила с железнодорожной станции дрова и уголь, вдруг резко и продолжительно проорала, прервав готовившиеся вырваться из уст хозяина дома слова о том, что пять лет от роду — возраст солидный, пора сыну и самому понимать, какие можно позволить подарки, а какие нельзя:

— И-а-а-а!

Умурзак услышал ослиный крик, оглянувшись, успев окинуть взглядом нерадивого хозяина свой запущенный из-за отсутствия мужского присмотра двор. Все здесь лежало и стояло по-прежнему, как он бросил месяц назад, когда торопился на колхозном грузовике ГАЗ-51 в горы к своей отаре, чтобы, побыв там пару дней, отправиться в Алма-Ату на очередное заседание облсовета, где собирался возразить по поводу укрепления дамбы и зарыбления каскеленского пруда.

Умурзак-ага был против поднятия старой дамбы. Ведь когда русские что-то строят, они уничтожают вокруг всю траву и всю живность на десятках километров. Вон строили воинскую часть в Каскелене — так степь до самой Алма-Аты испохабили глубокими автомобильными колеями⁸. По весне потом можно было добраться из города только на тракторе.

Лишь через три года проложили асфальт до забора части, сделав после взятки председателя колхоза начальнику строительства полукилометровый отводок к селу. Оказалось, что ширина дороги в восемь метров вполне достаточна, чтобы разминуться редкому встречному транспорту. А степь по колеям заросла травой, но стала такой бугристой, что ни байги не устроишь, чтобы коням ноги не переломать, ни баранов без козла непустишь — идут, тупые, в сторону гор и там ложатся, не понимают, что старые колеи надо переступать и идти следует не только в одну сторону, но и кругами. Да и трава стала другой, типчака почти не осталось, появился ранее не виданный тут репей, больше стало мышей, а с ними и змей. Один разор чабану от русских строек.

Говорил обо всем этом Умурзак-ага на облсовете вчера, но его опять не поняли. Сказали, что Москва уже утвердила проект и с будущего года начнется реконструкция дамбы. Так зачем было тогда спрашивать мнение Умурзака? Вопрос этот вер-

⁸ Строительство подобных радиополей связи началось в СССР сразу после запуска первого космического спутника, знаменитые «бип-бип» которого периодически пропадали, когда он оказывался в тени Земли.

телся на языке депутата, но произнести вслух его он не решился. Потому что главный московский закон гласит: прав не тот, кто умный, а тот, кто покорный. В войну соседний полк отбил у немцев высоту двести шестьдесят три без приказа — и всем численным составом полег под артогнем своих...

Мысли депутата вновь прервал голос дочери:

— Смотри, какой смешной! — сказала она и указала в глубь большого, слепого из самана, всякого рода палок и обрывков железа сарая, который служил одновременно и дровяником, и ларем для угля, и конюшней, и овином в стужу, и, как оказалось, родильным домом для ослицы Вальки, серый контур которой и шевелящиеся уши разглядел Умурзак-ага сквозь залитый солнцем двор в сарайном полумраке проема распахнутой двери. Рядом с ослицей можно было различить большого светлого ослика на хлипких ножках, переступающего остеренными копытцами по осыпавшейся с сеновала трухе от просушенного клевера.

— Как его назовем?

Клевер этот все лето косил серпом по утрам, выискивая его на колхозных полях и вдоль арыков, ставший сегодня пятилетним Бауржан. Косил, забивал им мешки из-под сахара, грузил на старый трехколесный велосипед, доставшийся ему от сестры, довозил до сарая, а потом затаскивал, вынимая из мешка охапками, наверх, укладывал под хлипкий с виду навес на сарае. И набрал сена без отца мальчик никак не меньше, чем две арбы, то есть пудов десять. Потому труд такой требовал пощрения особенного.

— Пусть Бауржан сам назовет, — тут же решил мудрый Умурзак-ага, вынимая ноги из арыка и подставляя их для просушки теплему степному ветерку, тянущему вечером со степи в сторону гор. — Будет у Бауржана свой ишак. И что хочет малыш, пусть то с ним и делает. Скажет, что ишак по хозяйству должен помогать — будет помогать, скажет, что играть хочет с ним — пусть играют. У меня в детстве у самого ослик был, он мне дважды жизнь спас.

И тут Умурзак-ага, пряча глаза от дочери, стал пересказывать порядком поднадоевшие всем его родственникам и знакомым истории о том, как еще до войны с Гитлером молодой Умурзак верхом на осле удрал от конного отряда басмачей, предводителем которых был родной отец его будущей жены Айши — матери Бауржана, и о том, как еще раньше его собственный отец — красный командир, посадив единственного сына своего на ишака, отправил их по горной тропинке вниз, в Каскелен, а сам принял неравный бой с дунганскими повстанцами из аула, который теперь стал мирным селом Масанчин и находится в соседней Джамбулской области.

Дочь терпеливо и с виду внимательно слушала отца, отойдя от него к низкому круглому столику-достархану и, одной рукой подкладывая сухой кизяк в насадно гудящую трубу самовара, а другой высыпая на блюдо из старой наволочки впрок заготовленные баурсаки⁹, прикидывала, как ей незаметно от появившегося вдруг на крыльце дома заспанного братишки¹⁰ достать припрятанные в потайное место конфеты.

— Ата!¹¹ — радостно прокричал мальчик и с места прыгнул отцу прямо в руки.

Умурзак-ага поймал Бауржана в воздухе и, подбросив пару раз вверх, осторож-

⁹ Баурсаки — национальное блюдо, шарики поджаренного на растительном масле теста.

¹⁰ У казахов существует четкая возрастная градация как животных, так и людей, не имеющая аналогов в русской культуре, а потому переводимая весьма условно, таким образом, например: младшие брат и сестра зовутся всегда братишками и сестренками, а старшие — братом и сестрой.

¹¹ Ата — отец (каз.).

но опустил босыми ногами на раскаленную от солнца землю. Мальчик взвизгнул от мгновенного ожога, но отец его перебил:

— Твой ишак, — сказал, указывая рукой на серый дверной проем. — Подарок.

Крик Бауржана вмиг изменился на радостный.

Да, ему как старшему сыну дозволялось идти за отцом в дом либо в установленную на его задах юрту, сидеть там за достарханом вместе со взрослыми. А они уже начали заходить во двор Умурзака-аги и присаживаться в тени карагачей на корточки, дабы собственноглазно лицезреть своего депутата, послушать его рассказ о том, как он видел первого секретаря ЦК Компартии республики, то есть советского хана Казахстана, Леонида Ильича Брежнева, услышать про здоровье русского царя Никиты Сергеевича Хрущева, спросить о здоровье членов Политбюро, которых каскеленцы знали поименно, дать своему избраннику очередные наказания для обсуждения волнующих селян вопросов на облсовете, а главное — оказать почтение редкому в селе гостю и, поев плотно бешбармака, выпить за счет должного быть богатым и потому уважаемым хозяина по стаканчику «казенной белоголовки», как тогда называли водку за наличие белого сургуча на горлышке бутылки. Водку, кстати, гости принесли с собой — двенадцать бутылок. А заплатить за нее в сельпо Умурзак-ага может и попозже. Или может и вовсе не платить — Юсуп-заведующий не обеднеет.

Но все это было пятилетнему мальчику не интересно. Ему хотелось поскорее увидеть собственного ишачка. Ведь не у каждого дошкольника имеется свой. Точнее, во всем Каскелене даже у школьников и настоящих ремесленников, приезжающих домой из алма-атинских училищ лишь на каникулы, не было своих ишаков. Они здесь принадлежали только взрослым.

— Мой ослик! — заявил Бауржан гордо, не обращаясь при этом ни к кому, и помчался к сараю, где по-прежнему стояли, прячась от солнца, ослица Валька с большеголовым осленком, пять не отогнанных вместе с колхозным скотом на джайляу домашних белой шерсти овец и круторогий черный баран, привязанный крепко к столбу ввиду его буйного нрава и необходимости держать в хозяйстве как производителя. Содержала их семья Умурзака-аги на случай внезапного приезда гостей, членов проверочных комиссий из Алма-Аты, а также на случай поминок в доме или у соседей либо неурочного праздника наподобие дня рождения сына. И еще для дойки трех овец, дающих молока немного, но жирного, из которого сестра Бауржана заквашивала успокаивающий жажду айран¹².

Не знавший цепи дворовый пес Шарик, подаренный Бауржану в прошлом году нашедшим щенка другом Петькой, вскочил на лапы, удивленно взгавкнул в ответ на крик мальчика, выставил на него выпученными из-под длинных черных лохм желтыми глазами, а потом, задрав хвост, помчался вслед за ним к сараю.

Сам Петька, одногодок и ближайший друг Бауржана, худой и белобрысый, в длинных до колен трусах, служащих ему одновременно и штанами, с выставленным вперед голым в грязных разводах пузом и черным, угольным пятном на месте пупа, возник, словно ниоткуда, возле дома Умурзака-аги и спросил сразу за всех и по-русски:

— Разве ослы детские? Ослы — семейные.

— А вот и нет, — ответила ему тоже по-русски сестра Бауржана. — Ата его Бауржану подарил. Сказал, что хочет Бауржан — то и делать будет с ишаком. И никто не будет с ним ничего делать без Бауржана. Потому что Бауржан — хозяин.

Произнесла она все это быстро и так много только для того, чтобы все присут-

¹² Айран — овечье кислое молоко (каз.).

ствующие во дворе в очередной раз убедились в том, что русский язык она знает хорошо, считается в школе отличницей не потому, что у нее папа такой уважаемый человек, а потому, что она и на самом деле учится хорошо и прилежно, читает настоящие русские книги и очень чисто выговаривает русские слова. Ну, а по-казахски она и без того тараторит еще быстрее и еще чище. Но кого этим удивишь в Каскелене? По-казахски и Петька чешет будь здоров, и соседи взрослые как соберутся за общий стол на Первомайские или какие другие праздники, как начнут порусски, по-казахски, по-немецки да по-уйгурски спорить, кричать, каждый свое доказывать, так и не поймешь поначалу, где, кто и о чем говорит. Но так чисто, как Гульнар, никто из казашек Каскелена по-русски не говорил. Впрочем, далеко и не все каскеленские русские говорили так чисто. Петькин отец, к примеру, когда волновался, заикался, а сам Петька из-за выпавшего переднего зуба шепелявил. А старик Матвей Митрохин выдавал порой такие словеса, что ни в одном учебнике, ни в одной книге не найдешь, — и притом не матерные.

— Вот когда Бауржан разрешит, тогда и будешь на ослике кататься, — заключила Гульнар голосом строгим, каким всегда разговаривала с Петькой, хоть и был ровесником Бауржанки, но зато считался русским и знающим русский язык от рождения.

Возразить ей никто не успел, потому что вслед за Петькой во дворе появились четырехлетние соседки Мадина и Айгуль, которые славились на все село тем, что везде и всегда ходили вместе, даже по нужде присаживались на траву плечо к плечу, никогда не ссорились и говорили друг с другом лишь согласно. Хотя двойняшками они не были, даже сестрами приходились друг другу по столь далекому родству, что разобраться в нем не могли и все про всех знающие каскеленские старухи. Девочки ни с того ни с сего вдруг заголосили во всю мочь своих легких:

— Мама-а! У Бауржана ишак! Он не дае-от! — что означало, должно быть, что Бауржан не позволяет им кататься на своем ослике. Или что у Бауржана есть какая-то игрушка, которая должна быть или общей, или ничьей.

Бауржан остановился. От дверей со стоящим в сарае осликом его отделяло два шага, от рыдающих девочек — все тридцать. Соблазн плюнуть на крикух и броситься в сарай был велик, но девочки были младшими, были соседками, старшим же мальчикам положено по каскеленским законам заботиться о младших, защищать их. Тем более на глазах взрослых. Потому он, опустив плечи и понуриив голову, повернулся к ревам и пошел прочь от сарая с забежавшим уж туда Шариком и выглянувшим собственным его осликом.

Более десятка каскеленцев, усевшись в тени карагачей, в упор смотрели на Бауржана, оценивали его, желая знать, как поступит сын уважаемого человека при виде плачущих маленьких девочек, и то, что Бауржан предпочел их отцову подарку, вызвало у некоторых смятение, но у большинства согласие и улыбки на лицах.

«Не взрослым же заниматься малышкой, — думал между тем мальчик. — Вон их сколько собралось о важных делах поговорить с отцом».

— Кош! — сказал Бауржан, не доходя до девочек шагов около десяти. — Болды¹³.

Девочки плакать перестали. Младшая — Айгуль — и плакала-то лишь за компанию с Мاديной, русскую речь Гульнары не поняла, зато интонацию Бауржана уловила сразу: мальчик не гордился осликом, не сердился на нее с Мاديной, а потому ей следует радоваться — и Айгуль тут же, без перехода, с лицом в грязных потеках от слез, принялась смеяться, мгновенно заразив своим весельем и Мадину.

Взрослые тоже разулыбались. Принялись переглядываться, кивать друг другу:

¹³ Хватит! (каз.).

вот такой умный и правильный малыш растет в семье уважаемого Умурзака-аги, настоящий джигит, его женщины слушаются.

Бауржан, увидев это, не понял причин внезапного веселья среди взрослых, подумал, что смеются над ним, над его строгими словами, потому взорвался и, выругавшись по-казахски, пообещал побить девочек.

Но никто не поверил ему. Да и девочки не испугались. В казахских семьях не принято старшим братьям и сестрам, да и просто соседям, бить либо как еще наказывать младших, их надо только охранять и защищать. Поэтому девочки рассмеялись уже по-другому — так, словно оценили шутку Бауржана. А Петька сказал по-казахски:

— Что пристал к малявкам? Хочется подраться — у тебя вон свой ишак теперь есть — его и бей.

И всем стало понятно, что русский мальчик завидует сыну Умурзака-аги. Отец Петьки никогда не имел своих ишаков и не будет иметь. Потому сделать такой щедрый подарок сыну на глазах всего села не в силах. И это еще раз говорит о том, как мудры были каскеленцы, избирая своим депутатом Умурзака Абдугулова, а не, к примеру, Петькиного отца.

На самом-то деле никто не избирал старшего Абдугулова из рода Шапрашты, а просто в один день без понуждений все каскеленцы пришли в школу и бросили одинаковые бумажки в красную урну, что означало, что они проголосовали за Умурзака-агу. Это впоследствии стали голосовать они часто без всякого на то желания, а то и за деньги. А однажды в перестройку Каскелен стопроцентно проголосовал за горбачевского кандидата только потому, что тот привез на станцию Шамалган целый вагон дефицитного стирального порошка. Выдавали его по две коробки на каждого голосующего и никого не надули. А как потом развились избирательные технологии и достигался высочайший процент голосований «за», читатель и сам хорошо знает.

В конце же пятидесятих годов минувшего века покупать голоса избирателей никому еще и в голову не приходило. В те времена на избирательный участок в Каскелене женщины ходили в праздничных платьях, в туфлях, с красивыми прическами, мужчины — в начищенных сапогах с заправленными в них новыми штанами, в выходных костюмах, свежих рубашках, обязательно при часах и шляпах.

Словом, в райкоме партии решили, что депутатом от Каскелена и окружающих аулов должен быть казах, фронтовик, чабан в возрасте до сорока лет, член КПСС, женатый, имеющий не менее трех детей, — и таким на всю округу оказался лишь Умурзак Абдугулович Абдугулов. А раз начальство решило, то и народ не был против. Тем более что Умурзака все в Каскелене действительно уважали, добавляли к имени «ага» в знак признания за ним большого ума и права присутствовать на посиделках местных старейшин.

Иметь своего человека в Алма-Ате, способного попадать на глаза высокому начальству и выпросить у них льготы, всякому аулу выгодно. Умурзак с этими задачами справлялся хорошо. К тому же был он сыном красного командира Абдугула, устанавливавшего здесь советскую власть в 1918 году, и зятем бывшего курбаши¹⁴ басмачей Бахтияра Омарова, эту власть свергнуть не сумевшего. Оба эти уважаемые в ауле старики после Гражданской войны примирились, а позже закрепили дружбу браком Умурзака с совсем юной в ту пору Айшой.

¹⁴ Курбаши (тюркск.) — командир басмачей — участники национально-освободительного движения.

Вот об этом и беседовали тихими голосами с оглядкой на хозяина сидящие в тени карагачей на корточках взрослые жители Каскелена, для которых детский лепет о новорожденном ослике был на самом-то деле всего лишь докукой, моментом проходящим, задерживающим долгожданное чаепитие с конфетами и баурсаками, а затем и питье водки под вкусные блюда с бараниной и долгие умные разговоры о великих людях, живущих в Алма-Ате, Фрунзе и Ташкенте. Да и повод для законной выпивки был налицо: у старшего сына Умурзака-аги сегодня юбилей. И если уж депутат расщедрился на ишака для сопляка, то на хорошее застолье для соседей не поскупится и овцой.

Таковыми стали традиции в Каскелене после утверждения советской власти, за которую усердно воевал покойный Абдугул, арестованный НКВД еще до войны и расстрелянный по странному (по мнению каскеленцев) обвинению в хищении социалистической собственности после того, как он всего лишь раз на колхозные деньги устроил той на две тысячи человек в честь празднования двадцатилетия победы Великой Октябрьской революции¹⁵. Большой был той, последний такой в здешних краях, с двумя байгами¹⁶ по три сотни всадников, с кокпаром¹⁷, с национальной борьбой казакша-курпес, с игрой «кыз-куу», когда джигит верхом должен догнать девушку-наездницу и на полном скаку, пока она хлещет его камчой, поцеловать ее.

Старики по сей день помнят праздник, где от перепоя умерло шесть человек, а двенадцать джигитов передрались и порезали ножами друг друга так, что пятеро скончались прямо в поле, а двоих не довезли до больницы. Оставшихся в живых решили не отдавать в русский суд и спасли от милиции. А вот самого Абдугула не уберегли.

— Да, хорошие были раньше праздники... — хотел сказать каждый из них, вспоминая свою молодость. Но никто ничего не сказал.

Ибо то, что прошло, то уже прошло, а то, что в память о своем щедром отце Умурзаку-ага должен устроить хотя бы маленький той для соседей, было сейчас важнее смерти его отца. Овцу зарезать, на жилдыки¹⁸ правильно тушу раскромсать помощники есть, а с остальными делами и маленькая хозяйка справится — вон уж в тринадцать лет как вымахала, грудью увеличилась, в старину таких замуж выдавали, все хозяйство в руки им вручали. А что учится хорошо — то это так, чтобы Умурзаку-аге русским угодить. Для нее важнее настоящей байбиче¹⁹ стать при богатом муже. Вот пусть и покрутится, покажет соседям, какая она хозяйка. Дабы разнесся слух о ней по степи, достиг ушей какого-нибудь владельца тайных стад, пасущихся там, где их никто не видит.

А богачей, из-за которых повсеместно нарушались принципы как плановой, так и рыночной экономики, в Великой Степи всегда было предостаточно, только речь тут не о них.

Каскеленцы, однако, понимали: раз главным виновником предстоящего торжества является ребенок, придется подождать, пока малыш получит свой длинный подарок и перестанет привлекать внимание их депутата. И уж тогда можно будет подняться с корточек и пойти вместе с Умурзаком-агой в невидимую отсюда

¹⁵ В 1937 году было немало расстреляно руководителей предприятий и хозяйств, потому что они искренне считали кассы организаций не государственными, а своими собственными. После XXII съезда КПСС они, в том числе и Абдугул-ага, были реабилитированы и названы жертвами сталинских репрессий.

¹⁶ Байга — конские скачки (каз.).

¹⁷ Кокпар — козлодрание (каз.) — одна из богатырских забав казахских джигитов.

¹⁸ Жилдык — двенадцатая часть туши и внутренностей животного (каз.).

¹⁹ Байбиче — старшая жена (каз.).

из-за большого кирпичного дома разбитую в запущенном саду юрту, чтобы опять сесть, но уже под сенью войлочного шатра, удобно уложив ноги колечком, устроившись вокруг большого гостевого достархана на положенных каждому по чину местах: во главе стола будет сидеть сам Умурзак-ага, рядом — гости попочтеннее, далее — менее почтенные, и так до конца. А раз главного начальства в Каскелене сегодня нет, раз уехало в полном составе оно на джайляу, то рядом с Умурзаком-агой сегодня могут посидеть ранее бывавшие за этим достарханом лишь в середине оставшиеся при свекольно-сахарных полях бригадиры и учетчики.

Бауржан после слов друга перенес взляд с утирающих сопли девчонок на ослика — и вдруг словно впервые увидел свой подарок, хотя и присутствовал при его родах, и уже гонял сегодня утром его вместе с ослицей на водопой, даже попробовал сесть на пока еще не очень длинноухого, да сестра согнала, объяснив, что так можно сломать хребет малышу — и придется просить соседей прирезать животное, отвести за село и закопать там.

— А тебе его что — не жалко будет? — спросила она.

И Бауржан, шмыгнув носом, согласился:

— Да, жалко, — хотя на самом деле про жалость он пока еще ничего не понимал, зато знал, что, если из-за него семья потеряет ишачонку, не миновать ему выволочки от отца, которого надо считать своим братом, но на самом деле отца настоящего, любящего своих детей не меньше, чем дети любят его самого.

А сейчас, глядя на прячущегося за ногами Вальки ослика, он подумал, что это хорошо, что дед Тимур с бабушкой живут в Алма-Ате и не взяли себе в дочери Гульнарку вместо него, не забрали ее совсем из Каскелена до окончания школы. Потому что кто бы сейчас подсказал отцу сделать такой замечательный подарок?

До этого сын Вальки был для Бауржана просто ослик — точно такой же, как другие маленькие четвероногие существа, появившиеся за последние две недели в селе, весело и бойко переступающие своими крохотными копытцами по пыли за помахивающими хвостами ослицами, то и дело подпрыгивающими и носящимися взапуски по лугу. Но этот ослик вдруг стал ему своим, собственным — и потому статус его в глазах мальчика сразу изменился.

— Мой ослик, — повторил Бауржан, обращаясь к затихшим с открытыми ртами девочкам. — Пойдем покажу.

И направился уверенным шагом хояина к сараю, откуда на него пялились из-под ног ослицы широко распахнутые огромные карие влажные глаза в окружении длинных, красиво изогнутых, как в нынешней ТВ-рекламе, черных ресниц. И стояли вертикально два белых ушка с красными прожилками и темноватыми контурами вдоль них.

Глава вторая

БАУРЖАН И ОСЛИК

О чем можно тужить, имея такого коня?

Абай Кунанбаев. Слова назидания

Прошло четыре года — срок для всякого осла значительный. Крупноголовый ушастый альбинос, подаренный Бауржану на пятилетие, превратился в рослого, крепкого ишака белой масти лишь с несколькими темными пятнами, угадываемыми под светлым волосом на его мощном крупе, делающем его отличным от других каскеленских сородичей, бывших много мельче размерами и всегда мастей серой,

черной или каурой. Про генетику никто из аульчан в те годы слыхом не слыхивал, и даже школьный учитель биологии, эвакуированный сюда в сорок первом из Ленинграда, путал ее с вейсманизмом и морганизмом.

Но аксакалы, глядя на бауржановского осла, говорили, что видели подобное белое чудо с розовым носом лишь однажды накануне революции под седлом у пишпекского²⁰ муфтия, приезжавшего в Каскелен на обрезание сына местного бая, и тот белый осел несколько раз в течение недели срывался с привязи и убегал в ночь, чтобы покрыть здешних ослиц втайне от муфтия, требовавшего от хозяев ослиц за всякую случку по два серебряных рубля — деньги в те годы немалые. И тут же рассказывали о том, что осла того потихоньку по ночам освобождал от привязи дед Бауржана Абдугул, тогда еще совсем юный озорник, ставший через несколько лет лихим красным командиром, пускал погулять с длинноухими красавицами Каскелена. Получалось, что не только отец, но и давно расстрелянный дед Абдугул подарили Бауржану осла необычной масти.

— Хороший ишак, — говорили люди о собственности Бауржана. — И кровь в ишаке хорошая. Продать если — большой той получится... — качали при этом головами и цокали языками. — Ай, негоже, что таким ишаком владеет ребенок. Такой ишак у серьезного человека должен жить.

Завистники дважды пытались украсть его, чтобы перегнать куда-нибудь в Талды-Курган или в Джамбул и там задорого продать. Даром что желающих приобрести неклеяменого²¹ осла было хоть отбавляй. Но всякий раз попытки эти делали люди пришлые — родом из кишлаков, расположенных рядом с Отаром²², и всякий раз безуспешно: осел от похитителей сбегал и возвращался домой с обрывками веревок на шее, освидетельствование которых и служило доказательством отарского происхождения злоумышленников.

Воров поименно не искали, ибо казнить законом человека за похищение ишака не принято среди казахов. Да и рода отарцы и каскеленцы одного — Шапрашты, а свой своему, как правильно говорят порой и русские, поневоле друг. Но результатом этих криминальных событий явилось то, что в Каскелене люди просто перестали покупать что-либо у жителей Отара и продавать им что-нибудь свое. Место отарцев на каскеленском базаре, расположенном рядом с дорогой от села к станции Шамалган, даже спускавшиеся сюда с гор киргизы стали обходить стороной.

А ведь еще с довоенных пор вытянувшийся вдоль дороги базар Каскелена был для отарцев местом, где они продавали своих овец, коней, коров, мясо, шерсть и овчину по ценам, практически равным алма-атинским, но без мзды базарному, участковому и столичным бандитам, которые вкуче отбирали у торговцев на своих рынках добрую пятую часть прибыли. Каскеленцы и жители ближайших к селу кишлаков просто покупали то, что им нужно, у отарцев по своим ценам, продавали им свои овощи, фрукты, вязанные носки, фуфайки, привезенные из Алма-Аты товары — и всем участникам такого обмена было выгодно, а главное, спокойно. Каждый знал: с кого можно, к примеру, спросить за гнилую шерсть в свитере либо за вонь, идущую от попавшей в дождь кошмы, за добавку мела в мешок с сахаром или

²⁰ Пишпек — уездный центр Ташкентского генерал-губернаторства, потом город Фрунзе — столица Киргизской ССР, ныне — город Бишкек, столица Республики Кыргызстан.

²¹ По законам Великой Степи скот с клеймом возвращался хозяину. Любой похититель мог считаться хозяином животного без клейма.

²² Отар — райцентр в Джамбулской области, не путать со знаменитым в средневековой истории героическим городом Отаром.

с мукой, за плохой курт²³ или невкусные кумыс, шубат и айран²⁴. И вдруг — какой-то ишак лишил Отар доходов, вынудил жителей этого села, гордящегося своей железнодорожной станцией и складом стратегических запасов саксаула, ездить дальше, и зарабатывать меньше, и общаться с грозными алма-атинскими урками. Ибо даже ворованный с воинских складов Отара саксаул перестали покупать каскеленцы у новых своих недругов, заменив его законно купленными на алма-атинской топливной станции карагандинским углем и привезенными из Восточно-Казахстанской области дровами.

Потому обиженные отарцы совершали даже покушения на жизнь бауржановского ишака.

— Как на Ленина, — говорили в таких случаях каскеленцы. Ибо в те времена ни о каких других терактах никто в Каскелене, да и во всем СССР, знать не знал и слыхом не слыхал. Разве что иногда в газетах мелькали сообщения об очередном американском покушении на жизнь Фиделя Кастро, к которым вскоре каскеленцы привыкли и даже тои по случаю чудесного спасения лидера кубинской революции устраивать перестали. Да и далеко эта Куба от Казахстана, а потому хотя и видели в киножурналах перед художественными фильмами в клубе и Фиделя, и Че Гевару, и Микояна рядом с ними, слышали по радио угрозы американского президента Джона Кеннеди стереть гордую республику в порошок, но все это походило на рассказанную бабушкой на ночь сказку про странное островное государство, бородатых дивов из залива Свиной, с женщинами-воительницами²⁵ и чеканной песней «Куба — любовь моя!».

А вот про отравленные пули Фаины Каплан знали все. Сестра Капланки (так звали здесь покусительницу на жизнь вождя мирового пролетариата) со сталинских времен отбывала ссылку в ближайшем после Алма-Аты городе Джамбуле, где она до последних дней на углу улиц Абая и Сулейманова торговала газводой и была убита позарившимся на ее копейки алкашом-сожителем, утверждавшим потом на суде, что он всегда хотел отомстить за Владимира Ильича. О ней знал здесь каждый. И верил в ее существование больше, чем в казавшуюся мифической Кубу, которую зачем-то очень хочет уничтожить какой-то мировой империализм.

— Хороший ишак. Великий ишак, — говорили люди и неизменно добавляли: — Как Ленин!

После неудачных попыток угона судебных исков от изрядно побитых копытами и покусанных ослиными зубами, попавших в больницу джигитов Отара не поступало ввиду принадлежности белого драчуна несовершеннолетнему сыну уважаемого человека и даже депутата. К тому же после каждого перелома отарского ребра или сотрясения отарской головы ослик вместе с Бауржаном и Петькой исчезал на неделю-другую из Каскелена, скрываясь от праведного гнева пострадавших то в горах, то в Алма-Ате, где числящиеся по законам Степи родителями Бауржана бабушка с дедушкой имели не только квартиру в центре, но и дачу, где мальчики жили, совершая втроем набеги на яблоневые и абрикосовые сады Пригородного лесничества. Там рос лучший в мире, а ныне известный молодому поколению лишь по картинкам, повсеместно выродившийся алма-атинский апорт. Ослик эти

²³ Курт — солоноватые творожные шарики, высушенные на солнце, удобная для хранения и транспортировки еда кочевых народов.

²⁴ Легкие хмельные напитки из скисшего молока кобылиц (кумыс), верблюдиц (шубат), овец (айран).

²⁵ Залив Свиной (Гуантанама) — место высадки в 1960 году разгромленного кубинскими революционерами американского десанта.

яблоки любил особенно, ел даже зелеными, громко хрустя плодами и поливая свой подбородок светло-зеленым соком вперемешку со слюной.

Когда Гульнар, окончив школу, поступила в институт и стала жить в Алма-Ате, то мальчишки вместе с белым осликом начали приезжать к дедушке с бабушкой вполне официально — привозя на арбе раз в месяц сельхозпродукты им и другим учившимся в столице каскеленцам и вечно занятому государственными делами и потому заработавшему язву желудка Умурзаку-аге. Отец Бауржана упорно не желал останавливаться и жить в доме своих весьма чтимых им стариков, предпочитая номера самой фешенебельной тогда гостиницы «Алма-Ата».

— Там и мне спокойней, — объяснял он приемному отцу, женившемуся на его матери после расстрела Абдугула-аги, — и вам тоже. Я ведь могу и поздно возвращаться с совещаний, и пьяным. А зачем вам эти беспокойства? За номер в гостинице мне государство платит, там за мной ухаживают, постель меняют два раза в неделю, одежду чистят, обувь. Мне талоны еще дают на еду: завтрак, обед, ужин. Все это — рядом с облисполкомом. И с другими депутатами я там всегда рядом. Что на сессиях не разобрали — в ресторане дообсудим.

Старик Тимур-ага в ответ сердито хмурился, качал головой, говорил, что казахи стали жить после войны по-государственному, а не по-человечески. Что неправильно, когда сын приезжает в город на две недели, но видится с матерью только один вечер. Говорил, что эти порядки привнесли в Алма-Ату во время последней войны беженцы из Москвы и Ленинграда, упоминал почему-то при этом поэта Сауила Маршака и тяжело вздыхал.

Но соглашался с доводами пасынка, которого любил как родного сына, чтя при этом память его отца Абдугула в виде фотографии, висящей в зале дома Тимура-аги на самом видном месте. С покойным мужем своей жены он вместе воевал против дунганских, а потом и узбекских басмачей, строил Большой Чуйский канал и только случайно оказался не замешанным в то дело по расхищению колхозной собственности, по которому был арестован и расстрелян его друг.

А случилось так потому, что Тимура Мырзагалиева — тогда еще не агу — отправил обком партии в Москву на двухгодичные курсы повышения квалификации политработников за месяц до ареста Абдугула. А как только вернулся Тимур домой и узнал о смерти друга, так сразу женился на его вдове. Потому как женщина не должна жить одна, от одиночества у женщин голова скисает. А со скисшей головой настоящего джигита из юного Умурзака не вырастить.

Каскеленская еда была вкуснее городской, к тому же бесплатной. Поэтому привозимая осликом в Алма-Ату провизия была хорошим подспорьем и старикам, и студентам, и ремесленникам, и депутату, а сам белый осел и его малолетние погонщики были признаны всеми каскеленцами:

— Хорошие ребята растут, — говорили о Бауржане и Петьке и в городе, и в селе. — Как братья. Всегда вместе. И какие помощники! Настоящие! Вырастут — станут завидными женихами.

На что Бауржан неизменно отвечал:

— Это что: ишак работает, а хорошие женихи — мы?

И от слов этих, от мысли этой было им с Петькой смешно.

Назвал Бауржан своего ослика Куаном — от слова «Куаныш», что по-казахски значит «Радость», — и ослик, словно в благодарность за такое ласковое имя, привязался к юному своему хозяину так, что стал с ним, что называется, «не разлей вода». А так как место первого друга возле Бауржана было занято все-таки Петькой, то стали они с тех пор дружить втроем — и дружба их была столь крепка и

столь заметна окружающим, что порой их называли тремя мушкетерами. Хотя что означает слово «мушкетер», никто в Каскелене толком не знал, пока спустя несколько лет не привезли в клуб французский фильм с таким названием и со ставшим немедленно знаменитым выражением: «Миледи — заклеянная проститутка».

Это состоящее из трех совершенно новых слов выражение оказалось тем не менее всем в Каскелене понятным. Даже старое привычное «тавро» в те дни каскеленцы окончательно переименовали в «клеймо». Доходило до того, что если один из «мушкетеров» был ловлен на какой-либо шалости, наказывали всех троих только потому, что все были твердо уверены, что в проделке участвовали и Бауржан, и Петька, и Куан.

И были почти всегда правы. Ибо даже в хищении яиц из курятника жадной и скандальной тети Дуси Потемкиной с улицы Крупской участвовали они втроем: Куан стоял на страже, хрупкий телом Петька лез в узкую дыру, вырезанную снизу низкой дверцы курятника, а многоречивый Бауржан отвлекал вредную бабу болтовней о том, что настоящих уток-атаек можно выводить дома, если им подрезать перья на крыльях, и мяса в них больше, чем у домашних уток, а жира меньше...

Яиц в курятнике оказалось всего четыре штуки, но даже эту недостачу тетя Дуса обнаружила, устроила такой дикий крик на все село, что от матерков ее у председателя сельсовета, как он сказал, уши завяли. А еще заявила она, что в следующий раз избирать «отца вора и бандита» в депутаты не станет, вычеркнет его из бланка для голосования, а «мушкетерам» велела больше на ее улице не показываться.

— Иначе, — заявила она, — я вам головы пробью вилами, — и добавила: — Всем троим.

— А Куану-то за что? — удивился Петька. — Он яйца не ест.

— Как соучастнику, — отрезала вредная баба, собирающая яйца для продажи на рынке в Алма-Ате и копящая деньги на настоящую стиральную машину «Памир», каких в то время в Каскелене была всего одна — у жены председателя колхоза у Мухтара-аги, а попросту Мухеке, — Он на стреме стоял. Я видела.

Так Бауржан впервые познакомился с воровским жаргоном, который ранее знал лишь в качестве литературного языка, каким говорили в Каскелене собравшиеся здесь со всего света русские и какой преподавал ему в местной смешанной русско-казахской школе старенький учитель — из числа ссыльных еще 1934 года. Учились они с Петькой вместе в одном русском классе «А» и отличались по успеваемости друг от друга только на уроках труда, где усердный Петька своими ловкими руками делал буквально все лучше всех в классе, а Бауржан получил прозвание криворукого — и принимал это прозвище как заслуженное. Потому что и сам знал, что из-за своей неусидчивости не может ничего соорудить как следует до конца.

Куан же, терпеливо пасущийся за школьной оградой все учебные часы в ожидании друзей, оценок не получал, но, как заметили Петька с Бауржаном, понимал русский и казахский языки равно, подчинялся приказам своих друзей, произнесенным на этих языках всегда правильно и с охотой. Но при произнесении их другими людьми — даже Умурзаком-агой — мгновенно тупел, делал вид, что не слышит и не понимает сказанного, поступал наперекор приказам, приводя человека порой в бешенство, принося скорее ущерб хозяйству, чем пользу.

Потому всю скотскую работу по хояйствам в домах Умурзака-аги и отца Петьки Федора Леонтьевича осел выполнял только под руководством своих друзей. С их помощью он возил дрова и уголь с топливной станции на нагруженной доверху двухколесной арбе, таскал на спине мешки с зерном на расположенную при входе в ущелье водяную мельницу и мешки с мукой назад, волочил с бахчи арбу с горой

арузов и дынь или с початками кукурузы с выделенных колхозникам земель, названных Москвой неудобьями.

Ну, и по частым гостям и многочисленным родственникам ездила семья Абдугуловых на все той же запряженной Куаном арбе, вычищенной по такому случаю и покрытой дорожной кошмой. Если мальчишки соглашались, то помогал Куан и соседям по хозяйству, и даже зловредной тете Дуси Потемкиной, сгоряча потребовавшей сдать ишака на живодерню, но потом смирившейся и подсунувшей ему половинку белой свежее испеченной лепешки, когда тот помог довезти из сельпо вожделенную стиральную машину. Еще за это известная на все село жмотка выложила мальчишкам круглую жестяную баночку с яркой картинкой настоящего ландрина, который дотоле видели они лишь в книжках на картинках, а Куану достался большой кусок желтоватого комкового сахара, привезенного тете Дусе старшим ее сыном, живущим в селе Мерке и работавшим мастером цеха на тамошнем сахарном заводе.

Ландрин и монпасье — леденцы, имевшие в качестве наполнителей вкуса разные пряности, а не современные химические ароматизаторы, — оказались жутко вкусными, а баночка бордового цвета, бывшая предметом гордости Бауржана, через пару лет досталась по наследству его сестренкам, которые хранили в ней свои фантики, тряпочки и прочие «сокровища», а потом перешла в пользование их матери Айши-апы, которая до глубокой старости держала в ней нитки и иголки.

Правды ради требуется сказать что «три мушкетера» приносили и немало огорчений каскеленцам и жителям окружающих сел, кишлаков и аулов. Ибо с шестилетнего бауржановского возраста прославились они своими набегами на бахчи в самое начало сезона, когда арбузы и дыни только лишь начинали зреть, а настоящей охраны на полях еще не выставлялось.

Куан розвым носом своим слышал запах готового лопнуть от соков плода чуть ли не за километр. Чуял — и тут же принимался молча подталкивать головой своей Бауржана в сторону бахчей. Первый раз произошло это во время их очередного бегства в Алма-Ату к дедушке с бабушкой, а потом стало ежегодной традицией. Ибо в перегонах колхозных отар в горы ни Баруржан, ни Петька, ни Куан не участвовали, а приезжали на джайлау только в шильде²⁶, когда арбузов и дынь на базаре становилось вдоволь и надо было везти их живущим в высокогорье и лишенным витаминов чабанам. То есть тогда Куана и еще пару ослов посильнее запрягали в груженные дарами бахчей и огородов арбы и отправляли в горы под присмотром оравы каскеленских мальчишек.

Ибо такова уж доля южноказахстанских детей в те времена — быть полезными в хозяйстве с малых лет. Каждый делал то, что мог, и все гордились сделанным. Бауржан с Петькой могли с помощью Куана принести колхозу пользы больше иного взрослого, к примеру, им доверяли самим отправляться в горы, когда прекращались оползни и сели в ущельях. Путь был дальним, двух-, а то и трехдневным в одну сторону, с ночевками в горах, но без разбойников, появившихся только после перестройки.

Каждый год в июне, когда на базарах Алма-Аты продавали еще лишь ташкентские да ошские фрукты и ягоды, а местных еще никто выносил, двое пацанов и ослик отправлялись на бахчи, найдя первые спелые арбузы да мелкие дыни сорта

²⁶ Шильде — пик лета, считающийся у казахов сорокадневным и заканчивающийся 2 августа, когда, согласно русскому поверью, святой Илья сует свой посох в воду и остужает ее. В этот день, как правило, резко холодает в горах, выпадает снег, и чабаны начинают готовить отары к спуску в нижние долины.

«колхозница», набивали ими мешки и, нагрузив на Куана, отправлялись с волшебным пахнущим грузом в ущелье за мельницей. И там съедали все, что можно съесть в один присест втроем. И уж потом с раздутыми животами возвращались в Каскелен, привозя остатки домой.

Куану эти набеги нравились особенно. И в течение добрых двух недель он наслаждался правом на разбой. А потом вдруг резко прекращал набеги, не слушался увещаний своих друзей, упрямо не хотел идти на бахчи — и, как правило, оказывался прав. Ибо наступала пора повальной зрелости арбузов и дынь, на бахчах появлялась охрана с заряженными солью дробовиками в руках, по ночам слышались выстрелы, порой переходящие в канонаду, ибо всякий держащий в руках ружье сторож считал нужным за ночь пальнуть разок-другой просто так, для остротки, а когда от безделья охранники напивались, то пальба куда попало шла до опустошения патронташей. И ни разу никто не попадал в человека, тем более — в вора.

Ибо испокон веков в Каскелене своих воров не было. Даже в военные годы, когда Алма-Ату заполнили московско-ленинградские беженцы и дезертиры, а знаменитые актеры, писатели, композиторы и кинорежиссеры, избавленные от фронта по броне, в этом теплом и сытом городе снимали боевые киносборники на местной киностудии, изображая героические сражения с немецко-фашистскими захватчиками на фоне картонных и фанерных декораций и горящей ветоши, в Каскелене люди не закрывали домов и калиток не только на замок, но и на крючок. И хотя все знали, что столица кишит прибывшими из России и Одессы преступниками, в Каскелене по-прежнему встречали путников приветливо, кормили, поили их, делились всем, что имели, спать укладывали в своих домах и отправляли дальше, вручая в дорогу кусок лепешки и глиняную баклагу с молоком.

Так жить повелось здесь издревле. Ворами почитали тут лишь конокрадов и барамтчи²⁷. Все остальные формы приобретения чужого имущества имели свойство взаимоприобретения: взял без спросу что-нибудь у соседа и не вернул, а тут сам глянул — что-то взял сосед у тебя, объяснились, забрали каждый свое — и через день о случившемся забыли. К примеру, у Федора Леонтьевича все время пропадали плоскогубцы, и он всегда их находил валяющимися во дворе у Умурзака-аги. Раз подарил он новые плоскогубцы депутату — и неделю спустя опять бросился искать свой инструмент да нашел его вновь во дворе у Абдугуловых брошенным в грязь. Что теперь — ругаться соседям? Поднял, почистил, стал работать.

Сам-то Федор всегда без спросу брал кетмень²⁸ умурзаковский, порой возвращал, а чаще за ним Бауржан прибегал. Потому как кетмень в крестьянском хозяйстве — вещь необходимая, а в дни полива — особенно. А сосед в Казахстане — это почти что родственник. Более того, сосед всегда рядом, всегда окажется первым в трудную минуту, всегда поможет. А иначе жить в ауле нельзя. Аул — не город, в ауле свои порядки, пусть даже аул давно стал называться поселком.

Потому налеты трех «мушкетеров» на раннелетние бахчи воспринимались каскеленцами не воровством, а как слишком ранняя для их возраста обычная юношеская дурь, которую пресекать надо, но в наказаниях переусердствовать тоже не следует. То есть родители ругали, а порой и пороли Бауржана и Петьку, лишали денег на кино или на мороженое.

Куан же отделялся выслушиванием нудных нотаций на обоих принятых в Каскелене государственных языках и делал вид, что не понимает сказанного. Но его не били. Ибо какой спрос с ишака? Ишак — существо подневольное, хоть порой и вздорное, и участие его в грабеже бахчи есть свидетельство ослиного соглаша-

²⁷ Барамтчи — похититель скота (каз.).

²⁸ Тяпка крупного размера, которой удобно переворачивать крупные куски земли и месить глину.

тельства, а вовсе не упрямства. Но как объяснить эту диалектику животному, никто не знал.

Если же кто из селян с досады переусердствовал в перевоспитании осла и решал ударить Куана, то тот брыкался и кусался столь яростно, что после двух обращений к местному фельдшеру за повязкой и одного сломанного копытом ребра телесные наказания депутатского осла сами по себе прекратились.

Ходили слухи, что Жирембай, стрелочник с железной дороги, приезжавший домой два раза в неделю, а остальное время живший в своей будке возле переезда, обещал прибить осла за то, что тот выел у него огромный клок просушенного клевера, выдергивая его из-под плохо прикрытого навеса, но, как показала жизнь, даже независимый от каскеленского начальства железнодорожник на драку с ослом так и не осмелился.

Хотя если признаться откровенно, дружбе мальчиков с Куаном мешали весенне-летние гоны, когда осел за два километра чуял оказавшуюся в течке самку — и потому устраивал столь дикий рев, что дрожали и готовы были лопнуть стекла в окнах домов. Не удерживали его на привязи не только веревки, но даже и волосяные арканы. Однажды железная цепь для сторожевой собаки, приваренная к забитому в землю на всю длину лому, лопнула под рывком мощного ослиного тела — и Куан с радостным ревом вырвался на волю. А когда осла пристегнули к забору цепью уже не самодельной, свитой из проволоки, а кованой, заводской, то осел мощным рывком выдернул толстенный тополевыи столб из земли и унесся вместе с ним прочь со двора.

Вернулся он спустя месяц уже без столба, хоть все еще и с цепью и болтающимся на ней замком, пришел изможденным, но счастливым настолько, что возмущенный вопль матери Бауржана, потерявшей вместе со столбом и любимую глиняную крынку для молока, повешенную на забор для просушки, ничуть не испугал его. Куан благодарно ткнулся ей мордой в живот, что-то пробормотал по-ослиному и отправился в сарай, который совсем не изменился после его появления там на свет. Разве что ослицы Вальки уже не было.

Мать Куана убил через год после его рождения младший сержант местной военной части. Убил сдуру. Во время учебных стрельб на местном полигоне, куда не умеющая читать ослица, бывшая почти на сносях, забрела, чтобы попасть на свежей осочке с пятнами молодого клевера и обдумать свои предстоящие материнские проблемы. Солдаты палили по мишеням, а командовавший ими младший сержант не нашел ничего более смешного, чем отвести ствол своего карабина в сторону и попасть пулей прямо под левую лопатку Вальки.

Ослица умерла мгновенно, даже не почувствовав боли. Так объявил консилиум, состоявший из двух гарнизонных врачей с сизыми носами и колхозной фельдшерицы Жанны, имевшей законного мужа, троих детей, но погуливающей с этими врачами, как говорили в Каскелене, при случае и на территории военной части, и у себя в медпункте. Все трое с умными выражениями лиц и в отсутствие местного ветеринара и зоотехника, а также без ветаптекаря по кличке Айболит заявили, что хотя они и не являются специалистами в области анатомии и физиологии ослов, но твердо уверены, что пуля попала именно в сердце, прошла его насквозь и вышла с правой стороны ослицы, вырвав большой кусок мяса.

Обмолвка медиков о незнании ими чего-то с употреблением незнакомых каскеленцам слов «анатомии и физиологии», а также заинтересованность фельдшерицы в добрых отношениях с медперсоналом военной части вызвали у сельчан недоверие к результатам экспертизы.

Не будь упоминания про «анатомию и физиологию», все бы решили: ну, убили ослицу — и убили; мало ли скота режут просто так, даже порой не на мясо, а ради профилактики. Бывает, что сибирская язва только погрозит из Киргизии, а скот в Южном Казахстане уже пускают под нож тысячами. А тут — осел. Пусть мертвую животину закопают солдаты, Гоберидзе выплатит депутату из воинской кассы штраф, Расторгуев выпьет с Умурзаком-агой бутылку за упокой Вальки не чокаясь, — и дело с концом.

Но услышав про незнание врачами ослиной анатомии, народ каскеленский решил, что Вальку убил младший сержант нарочно, чтобы стать старшим сержантом, а белого ослика лишить матери. Ведь не зря же после убийства стрелка перевели в другую часть — аж в Семипалатинскую область. А врачи, значит, решили прикрыть вину младшего сержанта. Жанка же по бабей своей слабости лишь помогла им.

Так решил народ — и в Алма-Ату направили по почте жалобу на сержанта, врачей и полковника Расторгуева с просьбой отомстить им за смерть ослицы Вальки, а Жанку пожалеть. Потому что без нее в Каскелене некому будет лечить людей. «Не пьянице же Айболиту отдавать нам себя», — было написано в бумаге, что свидетельствовало еще о полном в ту пору доверии народа советской власти.

Власть не подвела, и в ответ из Алма-Аты в Каскелен повалили всевозможные комиссии. Дело об убийстве одушевленной собственности депутата облсовета приобрело республиканский масштаб и чуть ли не политическую окраску. В газете «Вечерняя Алма-Ата» лишь случайно не вышел фельетон о том, что защитники Советской Родины на самом деле защищают не завоевания Октября на границе со вступающим в ту пору в полосу «культурной революции» Китаем, а совершают нечто иное, в чем стоит разобраться компетентным органам. По китайскому радио прозвучал гневный ответ жителей Синьцзяна в отношении «впавшего в ревизионизм Советского Союза» и расстреливающего назло безлошадным китайцам собственных ослиц. В США, забыв о Кубе, стали писать в газетах о том, что Казахстан и среднеазиатские республики СССР нуждаются в гуманитарной помощи и профессиональных советах всемирно известного американского специалиста по ослам. Каскеленцам казалось, что еще мгновение — и кто-то в Москве, Пекине или Вашингтоне, проливая слезы о безвременно ушедшей длинноухой Вальке, нажмет ту самую главную кнопку — и начнется Третья мировая война.

Но... опять чуть не убили Фиделя Кастро, случилось очередное наводнение в провинции Сычуань, и материал в «Вечерке» сняли из уже сверстанного номера в самый последний момент по спецзвонку, потому что срочно понадобилось место для репортажа о поездке первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Л. И. Брежнева по целинной Кустанайской области. Но о том, что статья о нехватке ослов в Китае и специалисте по ослам в США могла появиться в печати, знали в Каскелене все.

Вопрос поднимался даже в штабе Среднеазиатского военного округа, в Ташкенте и, как утверждали каскеленцы на перекурах между частями фильма в зале клуба, пока киномеханик менял ленты, находился под личным контролем командующего округом Героя Советского Союза маршала Гречко²⁹.

Скандал, вызванный смертью Вальки, бушевал в административных верхах почти год.

— А если бы там наши детишки гуляли? — возмущались русские и казахские жительницы Каскелена, встречая Расторгуева, Гоберидзе и других офицеров, любящих вкусить шашлычка, жарящегося в саксауловом дыму мангалов возле Центра

²⁹ Следуя исторической правде, признаем, что на самом деле министр обороны СССР и брежневский фронтовой товарищ А. А. Гречко не был тогда еще маршалом и никогда не командовал этим округом, но в рассказах каскеленцев о встрече с Куаном неизменно присутствовал именно он.

быта — длинного глинобитного строения со складом, приемным пунктом вторсырья и магазином сельпо, с колхозной пекарней, парикмахерской и рабочей столовой.

— Убирайтесь отсюда! Это наша земля! Мы вас сюда не звали! — кричали они.

Выборные бабы приходили с этим требованием и в кабинет к самому полковнику Расторгуеву, и к председателю бывшего колхоза имени Сталина, ставшего в тот период по приказу из Москвы вдруг совхозом «Каскеленский», к парткому Касымову, к профкому Асанову и к зависимому ото всех, но не вынимающему ни на минуту портфеля из-под мышки председателю сельсовета Жапару Остроглазову. Писали бабы в Алма-Ату едва ли не всем тамошним начальникам, давали наказы своему депутату и хозяину павшей смертью храбрых ослицы Вальки освободить село от московских оккупантов.

Но — как о стенку горох. Председательские права на военных не распространялись, алма-атинское начальство, периодически наезжая в Каскелен, охотно пило водку, угощалось бараниной, но приказов об освобождении Каскелена от соседства с воинской частью не выносило. Офицеры молча жевали шашлыки, согласно кивали каскеленкам и, выпив по пять-шесть штофов пива, отправлялись назад под прикрытием зеленого забора с красными звездами. Расторгуев радушно улыбался бабам и обещал выставлять отныне охрану вдоль границы территории совхоза, отторгнутой в пользу гарнизона для учебных стрельб. Умурзаку-аге в приемной Президиума Верховного Совета КазССР объяснили:

— Армией распоряжается только Москва. Как там скажут — так и будет. А за ослицу заплатят. Вот тебе письмо — передашь начальнику части.

Так Умурзак-ага получил в конце концов за убитую ослицу сумму, равную стоимости нового мотоцикла «Урал», чего хватило бы ровно на десять ослиц-пятилеток на алма-атинском конном базаре, а полковник Расторгуев вдруг проникся особым уважением к депутату, о котором раньше говорил, что «век бы не хотел его видеть», в чем сказывался, должно быть, долго существовавший антагонизм между отставными фронтовиками и служащими офицерами мирного времени.

Причиной изменения его отношения было то, что после урегулирования скандала в кабинет полковника позвонил сам маршал Гречко с выражением соболезнования по поводу смерти ослицы местного чабана, а потом знакомые штабисты конфиденциально сообщили Антону Петровичу, что не только в штабе округа, но и даже в Министерстве обороны довольны дипломатическими способностями полковника в деле взаимоотношений с местным населением и поставили Расторгуева в список первоочередников на получение генеральского звания.

— Блин, знал бы, что за ишаков звания повышают, — сказал Расторгуев на радостях жене, — я бы всех местных ослов перестрелял самолично!

Слова эти услышал помогавший по хозяйству жене полковника солдат, передал их сослуживцам — и мнение полковника о каскеленских ослах как-то само собой достигло ушей самых скандальных каскеленок.

И те, как ни удивительно, именно после этих слов успокоились. Потому что женщины Каскелена поняли, что стрелять в их детей солдаты Советской армии не собираются, а если будут стрелять, то только по ишакам, да и то только для того, чтобы стать генералами.

— Полковник у них один, — глубокомысленно рассуждали каскеленки, — генералом может стать тоже только он. Ослица убита одна. Больше полковнику стрелять незачем.

Так об этом и говорили несколько месяцев подряд каскеленские бабы — русские громко и слышно всем, казашки шептались о том же потихоньку, но столь же убежденно. А мужики радовались восстановленному миру с военными и тому, что

вновь можно у Расторгуева за бутылку-две водки брать по весне на работы на приусадебных участках солдат как бесплатную рабсилу. Про убитую Вальку забыли так плотно, словно ее самой на свете никогда и не было.

Осенью же председатель сельсовета со спокойной совестью направил в Алма-Ату письмо с благодарностью всей Советской армии, а заодно и Военно-морскому флоту СССР от имени всех каскеленцев за то, что солдаты местного гарнизона оказали шефскую помощь совхозу в деле сбора урожая с полей и организовали бесперебойную доставку зерновых на алма-атинский элеватор.

Когда же в ответ из благодарной за прекращение тяжбы Алма-Аты пришла в Каскелен премия за победу в социалистическом соревновании, то бывший председатель колхоза, а теперь директор совхоза Мухтар Алибеков выделил ее всем каскеленцам поголовно. Досталось даже по двадцать пять рублей новыми и Бауржану с Петькой. За то, что они на запряженном в арбу Куане все лето возили совхозное зерно на мельницу, а муку — в совхозную пекарню.

Куану же директор сам принес корзину, полную свежих кукурузных початков с висящими из них бахромой желто-зелеными рыльцами.

— Красивый ишак! — сказал Мухтар Алибекович, глядя на то, как осел уминает кукурузу. — Я раньше белых ишаков никогда не видел. Отец рассказывал про ишака пишкекского имама, да я не верил, — и далее поведал Куану и всем в Каскелене давно осточертевшую историю, как на обрезание засранца сына местного бая, имя которого все уж давно позабыли, приезжал муфтий из Пишкека и каким большим был той по поводу не то обрезания, не то самого приезда святого человека.

— Мухтар-ага. — спросил тут Бауржан, — а тот обрезанный засранец, кто он? Он все еще живет в Каскелене?

Директор покраснел, пробормотал что-то невразумительное и, не попрощавшись, ушел со двора Абдугуловых.

— Ты что, совсем дурак? — спросил Бауржана Петька. — Ведь это он и есть — засранец. Сын бая.

— Как он? — удивился Бауржан. — Он же директор.

— Потому и директор, — объяснил Петька, — что в совхозе все земли — алибековские. От дедов и прадедов, говорят, Мухтару Алибековичу достались.

— А что же он себя, получается, засранцем назвал? — продолжил удивляться Бауржан.

— А что же ему теперь на каждом шагу кричать: «Это мне обрезание делали! Это я — сын бая!»? Все и так знают. Но молчат. А вслух скажешь — Москва сразу же другого директора назначит, которому земля эта на фиг не нужна. Другой здесь такого натворит — весь Каскелен с голоду передохнет.

Петька лишь повторил слова, слышанные им от взрослых, но Бауржан, услышавший эту мысль впервые, посмотрел на друга своего с удивлением и уважением.

«А Петька, оказывается, не дурак! — подумал он. — Рассуждает, как взрослый!»

Уже гораздо позже, став действительно взрослым и возвратясь в Каскелен из поездки в далекие страны, Петр остро почувствовал, что родился именно здесь, что забота о земле начинается с принадлежности к родному месту, с памяти о своих предках и аруаках.

Он отчетливо осознал, что глубокое чувство родины и право обладания собственностью находятся в неразрывной связи, на которой произрастает и держится весь остальной смысл жизни. А лишенный такого смысла человек превращается в перекасти-поле.

Стоя на одной распухшей от любви к родине ноге, огромная страна однажды подкосилась и упала.

АСТАНА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Диалоги культур

Юрий Серебрянский, писатель из Алматы, лауреат «Русской премии» 2010 и 2014 годов

1. Какие имена определяют ныне литературный ландшафт Казахстана?

Прежде всего я бы хотел назвать имена коллег, активно сегодня пишущих и публикуемых в России даже больше, чем в Казахстане. Это Заир Асим, Павел Банников, Айгерим Тажи, Михаил Земсков, Ануар Дуйсенбинов, Илья Одегов. Имен больше, и я уверен, что мои коллеги назовут их. Я позволю себе в ответе на последний вопрос развернуто высказаться о творчестве Ильи Одегова, как одного из наиболее для меня актуальных казахстанских авторов.

2. Как построено взаимодействие национальной и русскоязычной литератур Казахстана?

Не построено никак. К большому сожалению. Переводы практически отсутствуют, и в этой ситуации казахскоязычные авторы в более выгодном положении, так как большинство из них превосходно владеют русским. Из современных русскоязычных книг, переведенных на казахский язык и вышедших в Казахстане, я могу назвать только свою повесть «Destination. Дорожная пастораль».

3. Какое влияние оказала концепция нового евразийства на продолжение в новых условиях процесса культурного взаимодействия Казахстана и России? Какие конкретные формы обрела евразийская ментальность?

Откровенно говоря, я вижу пока немало проблем с развитием этой самой евразийской ментальности. Что это, собственно говоря, означает? В Казахстане еще до развала СССР сложилась собственная ментальность, объединившая проживающие здесь национальности. За последние двадцать лет кто-то уехал, но те, кто остаются в расчете на будущее, уже казахстанцы. Я писал об этом в повести «Destination. Дорожная пастораль». Даже выезжая в Россию на постоянное место жительства, бывшие так называемые русскоязычные граждане Казахстана стараются держаться вместе, создавая диаспоры казахстанцев, к примеру, Калининградская область. Нужен самый настоящий культурный обмен между странами, если это интересно России. Не экспансия, спекулирующая общим языком, а уважительный взгляд на культуру другого государства и налаживание равноценного диалога. Не следует рассчитывать и на русскоязычных писателей в качестве проводников русской культуры. Другой менталитет позволяет говорить здесь об иностранных авторах, не требующих перевода при публикациях в России. Идея развития евразийства на основе только присутствия русского языка в странах, входящих сейчас в экономический союз с Россией, да еще и на фоне пока только экономических минусов от такого союза сегодня не состоятельна.

4. Влияют ли процессы, происходящие в России, на литературную жизнь Казахстана?

Несомненно. Как и любые другие интересные процессы, происходящие в иных зарубежных странах. Что касается литературных процессов в России и на всем русскоязычном пространстве, то здесь есть полная интеграция.

5. Какие проблемы существуют сегодня в журнальной жизни Казахстана?

Воздержусь от ответа, так как не слежу за делами литературного журнального пространства в Казахстане.

Елена ЗЕЙФЕРТ

ВНУТРЕННИЕ ВЕЩИ

Люди рождаются
с вещами внутри себя.
У этой девочки
язык колокола,
дневной свет окна,
текучесть черновика,
походка стрелки компаса.
Человек с внутренними
пепельницей, дверной ручкой и шейным платком
доверчив, двулик и избыточен.
Сколько во мне умерших надежд огарка,
пыхания горшка, старомодности чернильницы.
Но я жду пения ангела на млечном песке,
хотя ангел и песок, живущие внутри меня, —
лишь метафора ветра и пустых ладоней.

РЕБЕНОК

Не взрослые вокруг него, а белые лады.
Иль ландыши. Иль свежие рубашки.
Он умиление миром — не вчерашним,
а нынче созданным, как выдох из груди.

Пока он лишь своим рождением ранен
и, может, положением планет...
Как рисовать его, когда он, милый, равен
светилам, дереву, дождю в окне?!

Как брать его за ручку в сложном мире,
когда он столь простое божество?
...Малыш смеется (брать пример с него!)
и свой горшок таскает по квартире.

Елена Ивановна Зейферт родилась в Казахстане, в Караганде. С 2008 года живет в Москве. Профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук. Член Союза писателей Москвы и Союза переводчиков России. Победитель I Международного Волошинского конкурса в номинации «Стихотворение, посвященное М. Волошину и Дому Поэта» (Коктебель, 2003). Лауреат главной литературной премии федеральной земли Баден-Вюртемберг (Штутгарт, 2010). Стихи публиковались в журналах «Октябрь», «Волга», «Юность» и др.

* * *

Кем осталась я после нежной дружбы с тобой?
Деревом или косточками в его плодах?
Я уже никогда не узнаю, что значит боль,
Даже если как ценность ее никому не отдам.

Может (скажешь), я стала еще живей,
Тронешь пальцем меня, и рана кровоточит?
Из таких деревьев, как я, не строят церквей,
Потому что Слово в храмах таких горчит.

Посмотри, как прекрасна падалица моя!
Ей не нужно стремиться к небу — страх высоты.
И без спиля понятно: я старше, поблекла явь
И корней не пускают ни храмы мои, ни кресты.

Я отныне статична, мне некуда больше бежать,
Но я в силах носить в себе дупла и гнезда других,
Подставлять свое жесткое тело, снимать беспокойный жар
И тихонечко петь сочиненный с тобою гимн...

КУПОЛА

Ты ушел, улыбнувшись, оставив мне старой Москвы
панораму, в которой мне не было места живой...
Я смотрела вослед сквозь зачатки весенней листвы
с высоты златоглавой на облик исчезнувший твой.

Милый, нет литографий прекрасней, чем этот пейзаж.
Купола, купола, купола моих чувств до небес!
Ты уже не поможешь, ты все мне сегодня сказал.
Я и так благодарна, что вновь прикоснулась к тебе.

ВО СНЕ...

БЕЛАЯ МОЛИТВА SCHNEE

сон склоняясь в предложном скорее похож на снег
плавкий и незаконченный ангелов перистых пот
что стекая на землю становится легче пера
Schnee!¹ мой зыбкий не выпавший Schnee это имя идет
твоим белым рукам целовавшим меня до утра
талой влаге висков и всему что весомо во сне

ты закрой меня Schnee от людей от тепла и золы
и целуй пока рот твоих рук розоватый мотив не забыл
божество моих снов белый снег кисея моих снов

¹ Der Schnee (нем.) — снег.

не учи отучи меня знать как снежинок лучи
 оплавляются с болью
 в ладонях замерзли ключи
 водопады корзинка моих свежавыжатых слов

Schnee wer bist du прости что тревожит мой шепот но кто —
 снегобог снегочей снеговек снегомиг снегоснег
 ты присядь у постели осыпья несердцем
 пойму
 что не надо любить жаркий мир теплый шар шапито
 где снегурочка серною вновь начинает разбег
 ты приходишь зимой или ночью лишь в холод и тьму

Schnee приносит с собою толченное злое стекло
 снежно сыплет на волосы крошку растертых судеб
 в зорких белых глазах отражается детский мой рот
 это так безопасно щепотка и в мареве нот
 поцелуев блаженство
 но я выпрямляюсь иглой
 на иконах не Schnee я не верю не верю тебе

я беру его в руки о бог мой не выпавший Schnee
 я дышу тебе в уши любимый Неснег иль Веснег
 подари мне себя но эфирен как эхо как смех
 ты хохочешь так колко
 взвеваясь ветром
 поешь
 откликается блеском на песню зазубренный нож
 ты не пепел ты теплая белая кровь ты живешь

Schnee обмяк как под снежным покровом дышать и творить
 створки склепа захлопнулись я для тебя аналой
 проникаешь под веки меж пальцев за ворот в живот
 жить кричу я и ты разрешаешь небесный мне жить
 я ослепла от снега ты мертв снова лижет тепло
 ты был снег просто снег белых ангелов перистых пот

ПОЭТ

За званным ужином Он вел себя, как все.
 Но в поволоке глаз гнездились нечто —
 ночные тени и дневные свечи,
 и время шло: парсек, парсек, парсек...

Часы пробили полночь, как сигнал...
 Он встал, желая всем спокойной ночи.
 Из глаз Его, как из весенних почек,
 навстречу воле стрелы свет пускал.

...У настезь растворенного окна
 Он в комнате, как волк в глубокой яме,

втянул прохладу хищными ноздрями
и шкуру дня снял, словно тину дна...

Пот капал на пол с дикого чела...
И, обнаженный (хоть и был в костюме),
Он плыл вперед, скукожен в тесном трюме,
и, пенясь, был во рту Его жила.

* * *

дождь проник в сад
и полил клумбы
с распустившимися георгинами

как удивится вернувшись хозяин ветер

в жилище побывали вору
но ничего не украли
а лишь полили цветы
правда неосторожно расплескав воду

но все ли георгины на месте
и почему стали краше

ГРЕГОР КАФКА. ФРАНЦ ЗАМЗА

Грегор Замза, ты где похоронен?
У каких заржавелых труб?
Иль достался гигантской вороне
твой измученный, высохший труп?

Больно, больно, еще раз больно —
словно яблоко жжет в спине.
Боль бывает почти продольной
и сильнее, сильней, сильней...

Даже Кафке не дотянуться
до широкой спины твоей!
Звуки скрипки протяжно льются.
Недоступно небытие.

Жалко бледное слово «жалко»!
Толку-то, что его сказать.
Если пляшет отцовская палка
по твоим голове и глазам...

Нам, увы, не устать терзаться
и — жуком на спине — тужить.

Грегор Кафка, Франтишек Замза
в старой Праге в могиле лежит?

НО КАК МЫ МНОГО ЗНАЕМ ДРУГ О ДРУГЕ...

Я многого не знаю о тебе —
не розовым туманом ты подернут...
Пускал ли ты мальчишкой голубей...
небритости твоей новорожденной...
твоих душевных тяжб с самим собой...
мой мост к тебе, еще туманно-шаткий...
и тех, что взор твой бледно-голубой
не сохранил, прельщенный, на сетчатке...

И ты не видел девочки трехлетней,
что, бросив в лужу мячик, замерла
от серых брызг... И, вся белым-бела,
растила душу, чтобы не болеть ей...
Что в радужках моих — метеориты
и океанов полноводных залп,
и только Ледовитый и сердитый,
увы, никак не мог попасть в глаза...

Но как мы много знаем друг о друге!
Как будто знались долгие века...
И на твоём бедре, как на хоругви,
благоговев, спит моя щека...

РАССКАЗЫ

ЛЕЖАЧЕГО НЕ БЕРЕТ

Когда я был маленьким, я, наверное, как и всякий, кто рос в те времена, любил играть с соседскими ребятами в «войнушку».

Совсем недавно из Афганистана вывели советские войска, и вот уже снова из дребезжащих динамиков черно-белого телевизора «Весна» раздавались выстрелы и взрывы вперемешку с нохчийн мотт¹ и крепкой русской речью. Так что неудивительно, почему мы так страстно полюбили убивать друг друга из пальца.

Играли мы в заброшенном двухквартирном доме, каких было полно в нашей деревне. В те годы люди еще продолжали семьями, как писали тогда в газетах, «покидать тонущий корабль Советского Союза» и переезжать из Казахстана в Германию. Когда-то в нашем селе было много немцев, но почти все они уехали, а те, в чьих жилах не было ни капли арийской крови, чудесным образом оказались мужьями или женами немцев, шатко-валко заговорили на дойче и все равно покинули родину. Продать же оставленное жилище было практически невозможно, разве только отдать за бесценок на «разбор». Но возиться с таким нервотрепным делом да за сущие копейки никто особо не хотел, поэтому в нашем распоряжении было очень много заброшенных зданий. Моими напарниками по игре были в основном казахи, русские и украинцы, родители которых еще не успели выучить немецкий язык или просто не захотели уезжать.

Мы бегали по полуразрушенному дому и дурными голосами имитировали выстрелы из автоматического оружия. Из всех окон с выбитыми стеклами доносилось визгливое «убит!». Пахло от нас чесноком и луком, от тех, кто постарше, — еще и стянутыми у отцов сигаретами «Полет». Во что мы были одеты уже и не помню, как известно, человеческий мозг быстро забывает все плохое.

Мы делились на две команды, редко на три, обычно неравные по составу, потому что наиболее бойкие из нас умудрялись играть за таких же, как они, — вертлявых и сильных. Я уже не помню, за кого обычно играл я, но хочется верить, что в команде посильнее и повертливее.

Оружием, а вернее, его детским аналогом нам служили ветки кленов, которые росли рядом. Если бы в то время вы смогли взглянуть на эти деревья, то поняли бы, какие огромные партии оружия поставлялись в наши войска — почти все ветки были ободраны, и казалось, что клены систематически подвергаются атакам многочисленных оголодавших козлов, которые, как мне было известно из книжек, очень любят объедать деревья.

Наиль Рифкатович Муратов родился в 1988 году в поселке Иртышск, в Северном Казахстане. Окончил факультет филологии Павлодарского государственного университета. Работал сельским учителем, государственным служащим, журналистом. В настоящее время — копирайтер. В 2012 году публиковался в сборнике «Антология современной научной казахстанской фантастики», в 2013 году (под псевдонимом В. Пукин) выпустил сборник рассказов «О карточных играх и женщинах легкого поведения».

¹ Нохчийн мот — чеченский язык.

Я догадываюсь, почему наши родители не ругали нас за то, что мы так жестоко обходились с природой — в то время все вокруг рушилось и пустело с какой-то невероятно мистической пугающей силой, наверняка они думали, что деревья тоже попали в эту нелепую мясорубку эпохи перемен и разрушительных процессов.

У каждой из команд был свой штаб, в котором должны были обсуждаться планы военных действий, на практике же мы просто ели хлеб с чесноком, пили из железного ковшика принесенную младшими однополчанами воду и слушали всякие истории, которые рассказывали наши старшие товарищи. Я помню только одну, про девочку, которая целовалась с мальчиком, у которого отец был председателем, за блок жвачек. Целовались они так яростно, что, по словам рассказчика, губы у них становились красными, как свекла. Мне было неловко слушать про такие вещи, но я, подражая товарищам, только хихикал и ловко сплевывал на пол.

Наш штаб располагался в перевернутой на бок ржавой железной цистерне. После посещения этой цитадели наша одежда приходила в унылое состояние и была покрыта красной грязью, пахнувшей железом, сами же мы были похожи на краснокожих индейцев. Еще в полуденный зной бочка накалялась так, что после пяти минут военсовета в штабе становилось дурно и кружилась голова. Если сюда добавить чесночный перегар и пыль от ржавчины, то можно получить представление о наших суровых боевых буднях.

Наши соперники устроились несказанно комфортнее: под свою резиденцию они оборудовали бетонную ванну, врытую в землю. Она служила прежнему хозяину емкостью для воды, которую он использовал для полива огорода. Крышу своего штаба противники соорудили из гнилых досок, которые когда-то были полом в квартире. Так что условия у них были куда лучше наших, даже несмотря на то, что пахло у них сыростью и плесенью.

Правила у нашей игры были простые, то есть правил не было вовсе, или были они настолько размыты, что сейчас я не могу их вспомнить. Кажется, мы расходились в разные половины дома и по чьей-нибудь команде начинали выискивать противников по углам и отстреливать друг дружку, при этом стараясь не загнать себе в ногу ржавые гвозди, которые торчали отовсюду, как грибы.

Нет, все-таки правило было. Всего одно, но раздражавшее меня до чертиков и сбивавшее с толку. Пожалуй, стоит более подробно рассказать об этом правиле, которое смущало мою детскую душу и было непостижимым для моего юного ума. Было оно лаконичным, простым и звучало так: «Лежачего не берет». Это правило было единственным, нерушимым, непреклонным и твердым, как бетонная ванна наших врагов.

Если оформить его в более-менее вразумительное для взрослого предложение, то оно будет выглядеть так: «Во время игры участник, принявший горизонтальное положение, становится неуязвимым для вражеских пуль. Расстояние и угол стрельбы не имеет для лежащего никакого значения. Холодное оружие, взрывчатые вещества, химические и ядерные атаки также не могут нанести вреда лежащему игроку, равно как и любой другой вид оружия. В это же время участник, принявший горизонтальное положение, имеет право производить стрельбу/метание снарядов/атаку колющими предметами по врагам наравне с остальными участниками игры».

Другими словами, правило «Лежачего не берет» заключалось в том, что убить или ранить того, кто разлегся на полу, было никак невозможно. Хоть залезь на его спину ногами и приставляй ветку к затылку, бешено имитируя звук «катюши», хоть бросай гранату ему в штаны — бесполезно. Лежачий подлец становился неуязвим.

Ох, как я негодовал, как ругался я с товарищами по оружию! Можно предста-

вить мою обиду, когда, после того как я с яростным и одновременно радостным воплем выпрыгивал из-за угла, потому что вычислил месторасположение врага по тени и звуку шагов, вдруг натыкался на разлегшегося на полу Костю.

«Гра-та-та. Убит», — с ухмылкой произносит он, абсолютно не реагируя на то, что я спустил уже десять обойм, пять раз выстрелил в упор из подствольного гранатомета и даже проткнул его сердце ножом. «Лежачего не берет» — и все тут, а я, значит, стоячий — выбывай из игры.

Особо хитрые товарищи вообще с самого начала располагались на полу и преспокойненько отстреливали всех нападающих. Это раздражало так сильно, что я несколько раз затевал драку. Но самый отвратительный цирк начинался, когда два последних оставшихся игрока из двух команд одновременно падали на пол.

До сих пор вижу противную для меня картину: Костик и Олег лежат на пыльном полу, практически упираясь лбами, и «стреляют» друг другу в лицо, брызгая при этом слюной. Сколько это продолжалось, уже не помню, но, кажется, за это время мы успели натянуть на клен «тарзанку» и по пять раз на ней прокатиться. Закончили они свою лежачую войну только после того, как Олег объявил ничью. Но как только они встали, подлый Костя выстрелил Олегу в спину. На возмущения Олега он ехидно отвечал: «Военная хитрость». После этого, конечно, ему досталось в нос, и он убежал жаловаться бате.

Все мои попытки упразднить этот подлый и совершенно нелепый закон ничем хорошим не окончились.

Я размышлял так: коль скоро мы играем в «войнушку», то все должно быть почти как взаправду. Ведь самая лучшая эмуляция («эмуляция» — это я сейчас так пишу, а тогда говорил, конечно, иначе) — это та, которая наиболее приближена к реальности. Я приводил в пример книжки, советовал ребятам пересмотреть фильмы про Вторую мировую и про Вьетнам. Даже театрално смеялся и сплевывал сквозь щелочку между зубов для полноты образа, но все оказалось тщетно. Все в один голос утверждали, что такое правило заведено давно, что еще их отцы играли по таким правилам и не мне, приезжему (я родился в другой деревне), менять правила, заведенные старожилками. Дошло до того, что кто-то привел старшего брата, который авторитетно заявил, что «да, лежачего действительно не берет» и «да, этого неместного нужно пару раз стукнуть по голове, чтобы воду не баламутил». Никто, конечно, по голове меня не стучал, но намек я понял, смшелый был.

К «войнушке» я стал остывать, но хуже всего, что уже в столь раннем возрасте я стал много думать и оставаться наедине с самим собой и своими горестными мыслями. К примеру, в гордом одиночестве плавлю свинец на костре, чтобы потом сделать кастет и разрушать соседские заборы, а сам думаю, тихо так, грустно: «Отчего этот мир таков, каков он есть? Отчего ж не берет этого проклятого лежачего?» Или тестирую новые резиновые сапоги, которые мама купила в райцентре, измеряю лужи, а сам размышляю про это проклятое правило. Никак оно не шло у меня из головы, даже сны снились нехорошие, тревожные и все с этим правилом: трудовик Андрей Борисович лежал на полу, дрыгая ногами, и хохотал над криво сделанным мною скворечником, приговаривая: «Лежа нужно было мастерить, идиот, скворечники лежа делают!» В общем, тяжелые сны.

Заметив, что со мной что-то не так, мама стала меня расспрашивать. Мудро решив, что одному мне не справиться с такой тяжелой ношей, я ей рассказал про правило, которое не давало мне покоя. Нет, я не ябедничал на товарищей, а просто выразил свое недовольство по поводу игровой политики.

Мама немного подумала и сказала так:

— Странное правило, конечно, но раз так уж у них заведено, то придется с ним считаться. Если тебе не нравится такая игра, придумай другую, правила которой тебе будут по душе. А на ребят не обижайся, они не виноваты.

И после этих, казалось бы, простых слов всю мою хандру как рукой сняло. Я стал весел, перестал думать всякие глупости и принялся за свои озорства с удвоенной силой. Совсем скоро я подружился с ребятами с соседней улицы и стал играть с ними. Теперь в моем распоряжении оказался огромный двухэтажный заброшенный детский сад. Там мы стали играть в «войнушку», но теперь по моим, «правильным» правилам. Такая игра оказалась сложнее, но интереснее. Теперь «лежачего не брало» только с десяти шагов, а в упор — очень даже.

Став немного постарше и вспоминая все это, я кое-что начал подозревать. Даже не кое-что, а кое-кого. Там, в прошлом было что-то не так, было какое-то темное пятно, которое мама, обладающая большим и добрым сердцем, от меня скрывает. Видимо, боялась, что я у нее родился глупый.

Я снова погрузился в свое загадочное состояние, стал много думать и оставаться в одиночестве. Вроде бы и делаю что-то, а мысль сосредоточена на другом, на чем-то тревожном. Конечно, лужи резиновыми сапогами я измерять перестал, но озорства во мне меньше не стало. К примеру, пишу разгромную веселую рецензию на произведение моего друга, разделяю под орех, а сам думаю: «Отчего это мне кажется, что что-то вокруг не так? Что ж меня не устраивает?»

И если тогда, после игры в «войнушку», я мог сказать определенно, что меня беспокоило, то в зрелом возрасте осознать причину тревоги было очень затруднительно.

Но постепенно я стал понимать, как выглядит зерно моего сомнения, теперь, видимо, крепко-накрепко вросшее в мою душу.

Все дело в том, что, несмотря на прошедшие с тех времен два десятка лет, я по-прежнему слышу это бестолковое правило. Лежачего не берет! Только облечено оно уже в более грамотные с точки зрения грамматики и стилистики слова.

Включаю телевизор и вижу мальчишек, которые играют в ««войнушку» и кричат во всю глотку: «Лежачего не берет, товарищи!», только вместо веток в руках у них настоящее оружие и доказывать им, что правило это глупое, нет никакого желания.

Прохожу мимо мечети, а муэдзин поет: «Лежачего не берет. Аумины!», в храме священник опускает в купель младенца: «Возлежащего да не возьме», и родители ребенка со слезами радости на глазах отвечают: «Воистину не возьме», и попробуй тут поспорь с такими уважаемыми людьми.

Покупаю хлеб в магазине и слышу, как отец поучает сына: «Лежачего не берет, сынок, запомни», и потратить я хоть пятьдесят вымышленных обоем и тридцать две гранаты, изменить ничего не смогу.

Читаю в газете речь своего президента, а там крупными буквами да на двух языках говорится про то, что лежащему в горизонтальном положении человеку ничего не страшно.

Иду в кино, а там главные герои, сливаясь в финальном поцелуе, шепчут друг другу страстно: «Будем лежать вместе, и ничего не страшно!» — и покрывают друг друга слюной, как в свое время Костик и Олег.

Выпиваю со старым другом, вроде и хорошо, и весело! Былое вспоминаем, про искусство говорим, и вдруг посмотрит он на меня косящим хмельным глазом и захрипит мне в лицо: «Лежачего не берет, братан!» Хоть иди и жалуйся бате или зови старшего брата, которого у меня отродясь не было.

Ночью лежу в постели с женой, злой на весь мир, на глупое его правило,

чуть слышно матом ругаюсь, сжимая до боли кулаки, думаю: «Отчего ж меня-то берет, аж пробирает? Вроде же лежу?», а жена гладит меня по голове и ласково шепчет: «Странное правило, конечно, но раз так уж у них заведено, то придется с ним считаться. Если тебе не нравится такая игра, придумай другую, правила которой тебе будут по душе. А на ребят не обижайся, они не виноваты».

И понимаю, права она, тысячу раз права. Так что впору снова найти заброшенный детский сад с «правильной войнушкой», железную кружку воды и девочку, целующуюся за блок жвачки.

ОДИНОКОЕ ДЕРЕВО

Как-то после школьного субботника я играл на детской площадке позади школы. Я безо всякой цели лазал по железному «крокодилу» и весь перемазался пылью и ржавчиной. В таком виде меня и застал мой друг Денис. Он подошел к моим граблям, которые я бросил в траву у забора, взял их в руки и по-хозяйски попробовал пальцем зубцы на предмет остроты.

— Положь, — сказал я и спрыгнул с «крокодила».

Денис покорно отдал мне грабли и сказал с серьезным видом:

— Айда к одинокому дереву.

Предложение оказалось очень неожиданным, и я, признаться, слегка испугался. Чтобы как-то скрыть свой конфуз, я поднял грабли вверх и стал балансировать ими на одном пальце.

Пока я отвлекаю внимание Дениса, постараюсь вкратце рассказать об этом дереве и о том, почему я струхнул.

Одинокое дерево росло в степи, за деревней. Увидеть его можно было отовсюду, потому что вплоть до самого горизонта ничего выше степной травы не росло. Рядом с деревом полосой серого щебня тянулась трасса, которая пересекала границу и уходила куда-то в Алтайский край.

От одинокого дерева до российской границы было приблизительно километра два, огорожена чужая вотчина была хлипко: ржавая стальная проволока и красные, выцветшие на солнце тряпки. Но все-таки для нас, мальчишек, было ясно как божий день, что лазать за ограждение не следует. Каждый из нас был информирован о том, что кровожадные пограничники на вышках без промаха стреляют в каждую непутевую детскую голову, которая рискнет сунуться за флажки. И несмотря на то, что все до горизонта отлично просматривалось и никакими вышками там и не пахло, мы свято верили в безжалостность пограничников и исключительно в уважительной форме отзывались о функциональности снайперских винтовок системы Драгунова, которыми эти стражи границы должны были быть вооружены.

Наш дом находился на самой крайней улице, и, выйдя на задний двор, за которым сразу же начиналась степь, можно было увидеть это одинокое дерево. Тогда представлялось оно мне древним, огромным, разлапистым, с могучей кроной, и чудилось мне, что это не простой клен, а сказочный дуб, о котором я часто читал в сказках.

Я любил воображать себе об этом дереве. Кто-то его там посадил? Может быть, пролетал вертолетчик, который вез семена в далекую Кубу, зазевался, а желудь возьми да и выпадет из его кармана. Влетело небось пилоту. Хотя если дерево древнее, то какой тогда к лешим вертолет? Тогда, скорее всего, одинокий седой старец, может, даже волшебник взял да и ткнул палкой в землю, вот она и разрослась. Та-

кое очень может быть, потому что друг отца рассказывал про земли, до того плодородные, что случайно оставленный в земле черенок лопаты за пару дней начинал колоситься. Может быть, и эта земля была когда-то такой же плодородной, и вместо сухой, желтой от солнца травы тут росли пальмы, обвитые ядовитым плющом, и только это дерево уцелело с тех времен благодаря своим мистическим свойствам.

В моем воображении всплывал сундук, зарытый в корнях, а внутри — золотые монеты, которые я силой разума превращал то в зайца, то в утку, а то и вообще — в яйцо или иглу. Еще представлялся мне солдат в кирзовых сапогах, кителе и с переметной сумкой на плечах. Он сидел на самой макушке этого дерева и отстреливался от злых волков из пистолета марки ТТ. Видел я в своих фантазиях и умного кота, который мог заводить песни и сказки для русалки, свесившей хвост с ветки. Отчего-то приходил на ум Колчак, который, затравленно озираясь на огни машинно-технической станции, зарывает под деревом свое золото и думает, как бы не попасться мужикам, которые идут в ночную, наверняка навеселе и с увесистыми гаечными ключами под мышками.

В общем, много глупостей рождало в моей детской голове это дерево. Было оно окутано ореолом таинственности и мистической неизведанности, но сакральный смысл оно приобрело после одного случая, произошедшего в нашем доме поздней весной.

В то время у нас жил брат отца. Человеком он был веселым, «утопистом» и несерьезным, по мнению моего отца, но для меня он был самым лучшим другом. Потому что не гнушался играть со мной в машинки, строить халабуду² во дворе, слушать грустные песни на магнитофоне и смотреть фильмы про Вьетнам. Еще моему дяде приходили в голову разнообразные «прожекты». Он торговал водкой, закупая и разбавляя спирт, но потом, поняв, что огромные растраты сырья происходят еще на стадии производства и тем самым наносится большой урон собственному здоровью, он это дело забросил. Дядя писал рефераты об экономическом и политическом устройстве Португалии, днями и ночами пропадая в сельской библиотеке. Разрабатывал бизнес-проект по выращиванию сахарного тростника в Бразилии, одновременно с планом рытья тоннеля из нашей деревни напрямехонько в Рио-де-Жанейро. Он обещал забрать и отца вместе с нами, но после того, как отец в ответ на это ехидно спросил: «Быть рабами на твоей плантации и резать тростник?», дядя обиделся и перехотел нас забирать.

Для меня это были золотые деньки.

Но однажды с дядей что-то произошло. Сделался он хмурым, молчаливым и на все мои призывы поиграть в «войнушку» лишь странно отмахивался. Потом в одно холодное октябрьское утро он взял из оставшихся со времен неудачного предпринимательства запасов две бутылки водки, вынул из холодильника палку колбасы, нацепил на себя старую искусственную шубу моей матери и ушел из дома.

Я ходил сам не свой и, чтобы хоть как-то себя занять, допоздна возился со своей халабудой, выстраивая вокруг нее забор из стеклянных бутылок. Отец на все мои расспросы отвечал коротким:

— Скоро вернется.

И действительно, на следующее утро дядя вернулся. Похож он был на бездомного: обросший, лохматый, мамина шуба была сплошь в колючках, пыли и соломе. Но к моему сущему удивлению, дядя выглядел веселым и умиротворенным.

Мой отец ничего ему не сказал, лишь мама спросила о том, где он был.

² Халабуда — шалаш, маленькая лачуга, сделанная из подручных средств.

— Я беседовал с Богом, — серьезным тоном ответил дядя.

Отец мой только крякнул от смеха, а мама сделала несчастное лицо.

Я не знаю отчего, но это признание глубоко засело в моей душе. Никогда я еще не слышал, чтобы человек вот так — на короткой ноге взял бы да и поговорил с Богом. Даже священникам не удастся это сделать, а они ведь в монастыре живут и травой питаются, а тут дядя вот так запросто пошел и поговорил. Может быть, все дело в водке? — размышлял я. Иначе зачем ему нужно было именно две бутылки? Так и выходит: одну — себе, вторую — ему, Богу. Только, кажется, Бог запрещает водку пить, у мусульман тем более. И колбаса из свинины была. И где только дядя его нашел? Куда ходил? В общем, творилось у меня в голове черт-те что, а спрашивать было неудобно, несолидно как-то.

Но все-таки однажды я не выдержал. В тот день мы сбрасывали вес и бегали по комнате в шубах. Эту методику похудения дядя подглядел у какого-то известного боксера по телевизору. Конечно, мне худеть было ни к чему, даже наоборот — не мешало бы поправиться, потому что все родственники при встрече со мной поминали Кощя и делали несчастное лицо, но я решил поддержать дядю и поэтому тоже наматывал круги по гостиной.

Когда мы остановились отдышаться, я, обливаясь потом, спросил у дяди в лоб:

— Где ты был?

— С Богом беседовал, — отвечал дядя, заправляя шубу в трико.

— Это я понял, — серьезно сказал я, — мне важно знать, где именно ты с ним говорил.

— У одинокого дерева.

В этот момент меня словно молнией ударило. Как же я мог не догадаться? Где ж еще можно было найти Бога, если не у этого дерева? Не в сельском же доме культуры или в сельсовете! Ах, каким глупцом я был! Теперь все встало на свои места. Так вот почему дерево так меня манило, вот почему оно казалось мне таинственным и волшебным. Не зря я что-то в нем разглядел, сразу почувствовал, что не просто так растет оно в степи. Я так обрадовался тому, что интуиция меня не подвела, что, зазевавшись во время бега, я смахнул со стола графин с водой и расколотил его. Но в тот момент эта была такая пустяковина, что я даже не расстроился.

Теперь благодаря дяде виделось мне у этого дерева что-то до такой степени недостижимое и чарующее, что у меня кружилась голова и даже становилось немножко страшно. Всплывали в моем воображении великолепные картины и видения, заоблачность которых даже для детской фантазии была невероятной. Видел я бесконечно прекрасные и счастливые нескончаемые миры, наполненные неземным светом. Видел красивых, сильных и добрых людей, которые смеются и делятся шоколадом с каждым, кто его попросит, людей, которые умеют любить, дружить и играть по-настоящему, веря себя полету собственного воображения и фантазии. Я мысленно переносил туда всех, кого я знал: родителей, младшего брата, дядю, бабушку и друзей. В этом новом бесконечном мире они были счастливы и светлы. Не было глубоких морщин на дедушкином лице, и жил он в том большом доме, откуда выгнали его родителей, когда он был совсем маленьким. У бабушки не болели ноги, и уродливые ручейки взбухших вен навсегда исчезли. Отец мой больше никогда не грустил, а был весел и шутлив, как после рюмки водки. Мама не мерзла на ветру под дойной коровой, а вместо этого пила какао и читала мне вслух про Чебурашку. В общем, было все до такой степени хорошо, что даже мне, сопляку, казалось невозможным и делалось стыдно за такие мысли.

С тех пор я стал относиться к этому дереву с трепетом и благоговением, и отношения наши напоминали общение двух господ на светском рауте. Если одинокое

дерево попадало в поле моего зрения, я уважительно кивал ему, точнее, не ему, а Богу, который сидел на ветке, облаченный в вечерний фрак. Я, сохраняя на своем лице достоинство, снимал с головы воображаемую шляпу: мол, честь имею. Никакого панибратства. Я знал, что это дерево собой представляет, знал, какие секреты и силу оно скрывает, но виду не подавал, как и положено настоящему джентльмену.

Однако мысленно я все равно представлял, как подхожу к нему, прикасаюсь к его шершавой коре, и все меняется раз и навсегда. Все мы начинаем жить в том, счастливом и прекрасном мире. И лишь мне выпал шанс, благодаря которому все изменится, лишь от меня зависело счастье близких и родных мне людей, да и не только их, а счастье вообще всех людей, всего человечества!

Так что ответственность на мне лежала огромная, такая, что жутко становилось.

— Ну, так чего, идешь ты к одинокому дереву или забоялся? — солидно спросил Денис.

Я не смог удержать равновесие, грабли зашатались и, падая, звонко щелкнули меня черенком по голове.

— Идем. Сам ты забоялся, — сказал я грубо, потирая ушибленный лоб.

Каким-то образом с нами оказался мой младший брат, то ли он увязался за нами, и я не смог от него отделаться, то ли мы сами позвали его с собой. Так или иначе, но нас оказалось трое — трое спасителей мира, трое избранных, на которых возлагало надежды все человечество и бабушка с больными ногами. Взяв на перевес свое оружие: я и Денис — грабли, младший брат — жиденькую метелку (не оставлять же важные в хозяйстве инструменты на поживу вора), мы двинулись в самый важный в жизни каждого из нас путь.

Сейчас, предвосхищая все упреки и претензии ко мне, сразу оговорюсь: человечеству нужно было отряжать более опытного агента, с хорошей памятью, а еще лучше с видеокамерой или на худой конец с авторучкой и общей тетрадкой в клеточку, чтобы он вел в пути дневник и записывал все, что видел. Потому что лично я решительно ничего не помню о том походе. Не помню ни пути, ни дерева, ни даже разговоров, которые наверняка имели место быть. Многие могут подумать, что я хитрю, интересничаю или что-то скрываю, но факт остается фактом — я не могу вспомнить абсолютно ничего о том походе.

Поэтому я не могу утверждать о наличии Бога или Колчака и русалки с говорящим котом у того дерева. Как не могу утверждать и обратного. Было ли там что-то или не было — одному Богу известно, простите за угловатый каламбур. Не могу ничего рассказать и о перекрестном огне, который обрушился на нас, когда мы так близко подошли к границе. Так что об истинности рассказов о жестокости и зверствах российских пограничников, стреляющих в детей, остается только гадать.

Странная избирательность памяти сыграла со мной самую злую шутку, какую я только могу себе представить. Возлагать такие надежды на это путешествие и ничего не запомнить — что еще может быть обиднее?

А как же Денис и мой брат? — спросите вы.

Самое интересное, что они вообще не помнят этого похода. Так что вполне может быть, что все это я сам себе и придумал. Однако мы с братом помним кое-что еще из того дня, а именно тот отрезок времени, который приходится на момент нашего возвращения домой.

А было так: плачущая мама, хмурый и бледный отец, милиция на уазике и нервно курящий председатель в очках. Нас не было в деревне восемь часов.

Тот день памятен еще и тем, что именно тогда наш отец устроил нам первую и последнюю в нашей жизни порку ремнем.

Экзекуция произошла в нашей комнате. Отец принес широченный кожаный солдатский ремень с огромной бляхой, на которой красовалась звезда, и сказал:

— Ложитесь.

Первому, на правах старшинства, ремнем досталось мне. Отец хлопнул меня по заднице три раза, но до того слабо, что я подумал попросить маму о лишней порции каши для него. Брат вообще отделался такой символической поркой, что мне даже стало немножечко стыдно за отцовскую мягкотелость.

Вот такая награда за поиски всеобщего счастья ожидала нас дома. Тогда я ощущал себя мучеником, невинно пострадавшим за благое дело.

Куда подевались эти восемь часов? Что мы делали? Что видели? Я бы многое отдал за возможность вспомнить о том походе, чтобы восстановить тот отрезок из моей жизни, который навсегда для меня потерян.

Мне очень хотелось бы снова увидеть тот прекрасный мир, понять, что же такое важное хранило то дерево. Хотел бы так же, как и мой дядя, побеседовать с Богом, на худой конец с несчастным солдатом, отстреливающимся из пистолета марки ТТ. Но самое главное — я хотел бы иметь то мое детское незашоренное воображение, хотел бы снять муть и тину со своего разума и увидеть немножечко больше, чем вижу сейчас.

Я ездил к этому дереву. Не знаю для чего, может быть, из-за теплившейся внутри меня надежды, а может быть, из-за чувства вины и попытки хоть как-то реабилитироваться. На этот раз я даже взял с собой авторучку и блокнот, чтобы уж совсем наверняка.

Дерево осталось таким же одиноким, как и тогда в детстве, только стало чахлым и почти безжизненным. Будто превратилось в сухого старика, доживающего свой век на степном ветру под жарким солнцем. Таинственность и магический ореол тоже куда-то делись. И теперь на месте могучего дуба растет самый обыкновенный клен. Как будто какой-то злоумышленник выкорчевал то «мое» дерево из детства и заменил его другим, похуже:

— Авось не заметят пропажи.

И Бога там никакого нет. Ушел. Как нет его и в полуразрушенной деревне, в которой я прожил большую часть своего детства. Не знаю, может быть, он отправился в другое место, с более древним, могучим и красивым деревом.

Вот только я боюсь, что ушел он из-за того, что я забыл о нем и о той нашей встрече после субботника. Вот дерево-то и ссохлось, какому дереву захочется расти без такого жильца? И сколько бы я ни силился вспомнить, я не могу воссоздать его образ, этот фрагмент стерт из моей головы.

Вот и ушел он. Тут любой бы обиделся.

Чувство вины, которое поселилось во мне и иногда наваливается всем своим неподъемным грузом, накатывает и душит по ночам, подсказывает лишь один пошлый и приторно картинный выход из этой ситуации:

Взять грабли, позвонить Денису (брат сам привяжется) и долго идти пешком по безлюдной степи с желудем в кармане. И где-нибудь в самом центре этого огромного края посадить желудь в землю. Пусть разрастется во всю ширь и мощь, станет огромным и сильным, пусть придет к нему Бог в новом сверкающем фраке. Пусть это дерево сохранит свою тайну о том, кем оно посажено и для чего оно тут растет, чтобы с заднего двора в какой-нибудь деревушке кто-то маленький снимал с головы воображаемую шляпу и с лицом, полным достоинства, произносил про себя: «Честь имею».

Жадыра СЕРИМБЕТОВА

ПОЭТЕССА

у меня нет ни твиттера ни инстаграм и
ни фейсбука я просто прогуливаюсь по
улице и говорю незнакомым людям что
я ем и пью и как у меня дела дома и
на работе друзей нету но уже три
подписчика: врач и двое полицейских
следящих за мной смрад...

С ПОДРУГОЙ ПО ТЕЛЕФОНУ

1

чтобы избавиться от доллара надо
его чем то заменить, чем? рубль
само по себе рубленные деревянные
оправдывает свое название юань
это искусственная валюта курс тенге
определяется государством а не рыночными
правилами где замена еще 50 лет будем
торговаться долларами вот так вот

2

не так было на самом деле. то что придумали
журналишки — это от недостатка информации
и профессионализма. на самом деле РФ хочет только
то, чтобы санкционные продукты не попадали в РФ
и чтобы не было контрабанды со стороны открытых
границ. просто усилят контроль на границе.

3

путины с китайцами уже во взаиморасчетах отказались
а завтра они и цену за газ для всех в рублях сделают
на западе же понеслись вопли отчаяния и протеста
когда путин решил создавать газовую «ОПЕК»
создаст ведь если его от СВИФТа отключат
о чем разговоры в качестве санкций давно идут

Жадыра Серимбетова живет в поселке Тюратам, Казахстан. Пишет стихи на русском и казахском языках. Публиковалась в журналах «Звезда Востока», «Аманат», «Соз», «Казахстан айелдеры» («Женщины Казахстана») и на литературных сайтах.

и зачем тогда ему доллар?
он все равно им расплачиваться тогда не сможет

ПЕТИЦИЯ

обращались два раза к правительству
России с просьбой вернуть голову последнего
казахского хана Кенесары... собрали
100 000 подписей, а нужно собрать
1 000 000 подписей таковы требования законов
Российской Федерации для обсуждения этой
темы в правительстве России петиция
существует все это приурочено к 550-летию
казахской государственности символично

РЕСНИЦЫ

Моей любимой Елене Фанайловой

1

был огнестрел коллега затянул
жгутом это совсем неправильно...
я ему: если ты шнурки до сих
пор завязывать маму просишь
то не все такие идиоты меня в
боевом отряде неоднократно
обучали жгут нет смысла
накладывать только когда мозги
вытекли на наружу или кишки
на ветках запутались и за ними
лезть лень а в остальных случаях
бинты и прессующие повязки.
не умеешь тогда ставь жгут себе
на шею и мир станет лучше...
он с... обиделся...

2

«хочу всех поиметь!» —
заявил мой директор
на утреннем совещании
сегодня мои коллеги-
мужчины переглянулись
я крикнула: фу, м...!..
сейчас зовет меня в
кабинет не знаю что
сказать я никоим образом
не согласна

РАССКАЗЫ

ДЕД И СКОРПИОН

В небольшом ауыле всего от силы на три десятка дворов жили в основном люди преклонного возраста, несколько вдов и одиноких женщин, оставшихся по воле судьбы одни. Молодежи в селе практически не было, она давно убежала в город. Остались только те, которым уже идти некуда, как говорится, они уже пришли.

Ауыл стоял в небольшой ложине, можно сказать, в живописном месте. Кругом, куда падал взор, простиралась бескрайняя ковыльная степь. Постоянно дул легкий степной ветер. Небо всегда было чистое, только иногда ветер нагонял облака, правда, тут же их и разгонял. Ранней весной, когда природа оживала, все кругом цвело, остро пахло жусаном, было невероятно красиво. Пробуждению жизни радовались все и вся, даже старики оживали, чувствовали себя молодыми. Летом стояла жгучая жара, жизнь несколько увядала и замедляла свой бег, все прятались по домам. Осенью наступал бархатный сезон, старики опять вылезали из своих зимовок, опять немного оживали. Зимой опять все затухало. Так и текла незаметно жизнь. Все так бы и было, не случись одно заметное событие, нарушившее спокойный быт ауыла.

В ауыле жил со своей старухой такой неприметный аксакал, по имени Жетписбай. Ему уже стукнул восемьдесят один год, он, как говорится, достиг возраста пророка. Это был полусогнувшийся дед, ходивший только с посохом. Глаза его были полуслепы, длинные усы и борода седые. Борода редкая и облезлая, как у старого козла. Во все времена года он одевался неизменно одинаково. На голове в любую погоду красовался лисий малахай. Одет он был в желтый шекпен, из неокрашенной верблюжьей шерсти, ватные штаны, на ногах утепленные, с длинными, выше колена, голенищами сапоги, поверх — галоши. Из дома он выходил редко. С наступлением весны Жетписбай ставил юрту во дворе дома, точнее, в огороде, благо там у него ничего не росло, и жил там до наступления холодов.

Однажды весной, как только он перебрался в юрту, случилось непредвиденное. Как всегда днем, он лежал в своей юрте и, как говорится, никого не трогал. Лежал он на подушках, вдыхал свежий воздух и рассуждал о смысле жизни. В юрте было душно, и он скинул с себя теплые сапоги и одежду. На нем были лишь белые исподники. Ноги, естественно, босы. Его старуха в это время во дворе ставила самовар. И вдруг старик почувствовал сильную боль в ступне, по всему, его кто-то ужалил, так что он от боли аж подпрыгнул и схватился за ступню. В глазах у него потемнело, в какой-то миг он увидел убегающего скорпиона.

Марат Тулегенович Кулатаев родился в 1960 году. В 1983 году окончил санитарно-гигиенический факультет Карагандинского государственного медицинского института. Публиковался в журналах «Нива», «Книголюб», интернет-журналах. Автор сборников рассказов: «Сельские истории», «Из жизни санитарного врача», «Забавные истории», «Все из жизни», «Случай на охоте».

— Караул, помогите! — закричал он диким голосом.

— Что случилось? — закричала прибежавшая на крик бабка.

— Меня ужалил скорпион, все, я скоро помру! — только и мог ответить со страху побелевший старик.

— Что же мне делать: до больницы далеко, а у нас в селе даже фельдшера нет! — сказала испуганно старуха.

— Давай срочно набери полный казан молока и вскипяти его, я должен туда опустить ступню, молоко высосет весь яд! — закричал дед.

— А у нас-то и молока дома нет, сам знаешь, скотины-то у нас никакой отродясь не было! — ответила растеряннo старуха.

— Ты, дура старая, быстро пробеги по деревне и собери молоко, пока я ноги не протянул! Вон смотри, у меня уже холодеет ступня! — закричал он в страхе.

На крики старика сбежались все ходячие сельчане. Они быстро притащили из дома молоко, залили его в казан и начали кипятить. Дед, не дожидаясь, когда вскипит молоко, резво засунул в казан ступню. В общем, он держал ее столько, сколько хватило терпения.

После этой процедуры он успокоился и уснул в своей юрте. На следующее после укуса утро что-то случилось с Жетписбаем. Он с себя скинул всю старческую одежду, вырядился в одежду, которую ему еще прошлым летом привез сын из города, а он категорически отказался ее надевать. Теперь на нем был модный костюм, с брюками, рубашка с галстуком, на ногах туфли. К тому же он побрился, выпрямился и закинул куда-то свой костыль. В нем даже сельчане не признали старика Жетписбая. Они думали, что к старику приехал какой-то родственник из города. По деревне поползли слухи, что этот родственник старика Жетписбая по ночам бегает к одиноким женщинам, причем успевает за одну ночь посетить несколько домов. По всему, этому родственнику этих женщин мало, он еще успевает посетить женщин из соседних сел. Теперь ревнивые мужья стали на ночь закрывать на ночь свои дома на большой засов, чего раньше не делали, а возле кровати ставить ружье.

Когда страсти в селе накалились, все сельчане (мужское население) собрались толпой и пошли к дому Жетписбая разобраться с его родственником. Толпа довольно-таки бесцеремонно ворвалась в дом старика, там за столом сидел его родственник и пил чай с какой-то молодухой.

— Ты куда дел старика Жетписбая и его старуху! — закричали сельчане, наставив на него ружья.

— Я и есть старик Жетписбай! — ответил мужчина, глотая как ни в чем не бывало чай из налитой чашки.

— Не ври, ты, наверное, убил деда и бабу, признавайся, а то мы тебя здесь прикончим! — закричала в ярости толпа.

— Успокойтесь, — сказал мужчина, — сейчас я вам докажу, — и вышел в другую комнату. Через минуты три оттуда вышел дед Жетписбай, только без бороды, правда, в его одежде.

— Вот теперь убедились, что я и есть старик Жетписбай! — сказал он изумленной толпе.

— Не может этого быть! — ответили сельчане, все еще не веря своим глазам.

— После укуса скорпиона я как бы обрел вторую мужскую силу, причем такую, какой у меня не было в молодости. Моя старуха не выдержала и ушла от меня, мне пришлось привести из соседнего ауыла вот эту одинокую женщину. Она согласилась жить со мной и вроде довольна мной. Вот такие дела, — ответил Жетписбай, — все это, наверное, по велению Аллаха.

После этого все сельчане разошлись по домам, с собой унося слухи. В общем, слух об этом случае, как ком, покатился из одного ауыла в другой с такой силой, пока не облетел всю область, и перевалил дальше.

Спустя неделю после этого в местечко, где стояло село, стали приезжать незнакомые люди и ставить юрты, чтобы жить там, причем этот процесс протекал с такой скоростью, что через месяц вся лощина была буквально заставлена юртами.

— Что им здесь нужно? — спрашивали проезжающие.

— Да хотят, чтобы их скорпион ужалил! — отвечали сельчане.

— А зачем? — удивленно вопрошали они.

— Чтоб усилить потенцию.

— Чего-чего? — не понимали они.

— Да тут одного древнего старика ужалил скорпион, так он стал как молодой племенной бычок, всех в округе одиноких женщин удовлетворил! — отвечали, ухмыляясь, они.

— А-а, так бы сразу и сказали! — говорили они и бежали тоже занимать места.

Их одно время пытался согнать с места участковый, но все бесполезно, потом махнул рукой.

— Сдурел народ! — только и мог он сказать.

Прошел еще месяц, и всех как будто ветром сдуло, даже следа не осталось.

— А куда все делись? — удивлялись теперь проезжие.

— А тут одного лечащегося змея в юрте ужалила, так он, бедный, чуть ноги не протянул. Всех сразу как ветром и сдуло! — отвечали сельчане.

— Ну и дела! — говорили проезжие и быстро смывались...

ПОТЕРЯЛСЯ

В неприметном селе, что располагалось в степи, жил старик Жамбырбай со своею старухой Акерке. Село было небольшое, всего двадцать дворов. В основном здесь жили люди преклонного возраста. Молодежь вся давно уехала в города. Да и что им было здесь делать: работы не было, начальную школу давно закрыли, потому что учить было некого. Аким сельского округа жил в соседнем большом селе, здесь он был редким гостем. А про участкового вообще говорить не приходится — он здесь не появлялся, потому что здесь было тихо, старики жили мирно. Как говорится, преступностью здесь и не пахло.

Все двадцать дворов стояли как тополя. Кругом, куда падал взор, простиралась голая, выжженная степь, переходящая в пустыню. Постоянно дул ветер, поднимая тучи пыли. Небо было ясное, голубое, если даже набегала какая-нибудь тучка, то ее тут же сдувал ветер. Весной было хорошо, весна — она и в Африке весна. Кругом зеленела молодая травка, источая неповторимый весенний аромат. В это время года все, даже дряхлые старики, вылезли из своих домов и грелись на весеннем солнышке.

— Жизнь прекрасна, жалко, что она прожита! — говорил в восторге Жамбырбай своей старухе Акерке.

— Ничего еще не прожита, старик. Слава богу, у нас есть дети, внуки, и живут они в большом городе, а мы как-нибудь доживем свой век здесь, на родине предков, — отвечала Акерке.

У стариков были две взрослые дочери и два сына, они уже давно обзавелись своими семьями и жили в больших городах. Иногда они приезжали в отпуск проведать своих старых родителей, привозя с собой внуков.

— Отец, мама, давайте я вас заберу к себе в город, будете жить с нами в благоустроенной квартире, там все есть: и туалет, и горячая, холодная вода. Что вы здесь видите — своих баранов, корову и все. Людей-то в селе уже не осталось совсем. А там большой город, цивилизация, — говорил старший сын, когда приезжал проведать родителей.

— Спасибо, сынок, что ты о нас беспокоишься. Мы как-нибудь здесь, на родине предков, доживем свой век. А без скотины я не проживу, все мои предки ее держали, и я ее держу не оттого, что мне на жизнь не хватает, слава богу, пенсия от государства есть, это просто зов предков. Тебе этого не понять, потому что ты еще молод, проживешь с мое, потом поймешь. Тогда тебя тоже будет тянуть на родину, — говорил Жамбырбай своему сыну. Жамбырбай держал с десятков овец и корову. Бараны и корова паслись сами по себе, за ними никто не смотрел, так делали и все остальные жители села. Да оно и понятно, потому что вокруг никого, ни одной живой души. Волки тоже не водились. Так вот и жили.

Осенью природа увядала, готовилась к зиме. Трава желтела, как-то жухла. Дул холодный ветер. В воздухе уже не было весенних ароматов, а стоял запах, присущий осени. В вышине, временами жалобно курлыкая, пролетали стаи диких уток и гусей, на юг, подальше от надвигающейся зимы. От всего этого в душу стариков вселялась какая-то тоска, которую трудно было выгнать, вытравить. В это время года все жители села прятались по домам, со страхом ожидая приближения суровой зимы.

В одно из таких времен года, когда во дворе стояла поздняя осень и все жители села уже сидели по домам, вдруг налетел ветер, на улице потемнело, потому что небо затянуло черными тучами, полил холодный дождь. Так продолжалось неделю. На улицу было невозможно выйти из-за шквалистого ветра и холодного дождя. Да и не видно было ни зги.

— Чем мы это провинились перед Богом? Когда это прекратится? — говорил Жамбырбай, с испугом выглядывая в окно. Там было темно, и только завывал ветер.

— О Господи, вся наша скотина, наверное, разбрелась по степи! — стонала старуха. — И что мы в этой дыре делаем, сколько нас звал к себе наш сын в город, нужно было ехать к нему жить, ты же, как упрямый осел, уперся, скотину жалко, а теперь где она, твоя скотина, один только Бог знает? А тут помрешь, и некому будет и похоронить.

— Молчи, старуха! У тебя только черные мысли. Ничего, все это закончится, пойду искать. А в свой город можешь хоть сейчас ехать, тебя никто не держит, только там тебя никто не ждет. Сын со снохой целый день на работе, мы будем только квартиру охранять. От такой жизни с тоски помрешь. Нет уж, уважь меня, я лучше здесь помру, на родине предков. А это все временно, да и скотина, дай бог, найдется, — отвечал, разозлившись, дед. Он и раньше догадывался, что его бабка не против в город смыться, все скрывала от него, а теперь все ее мысли вылезли наружу. Да это старший сын ее втихаря уговаривал, ему, видишь ли, за внуками и квартирой некому смотреть. А так старики сдались ему, одна только обуза. Поедешь к нему, да и жди, когда сноха тебе чай даст или нет. Сколько он здесь живет, ни разу сюда сноха не приезжала: видишь ли, здесь пахнет коровами, а она городская. Нет уж, спасибо, здесь, в этой лачуге, хоть он сам хозяин.

Когда наконец утихла стихия, дед вышел на улицу и ужаснулся. Почти со всех домов снесло крыши. Несколько электрических столбов были повалены. Везде во дворах валялся разбитый шифер, мусор, прошлогодняя трава, в общем, картина, как говорится, радости и оптимизма не вызывала. Загон, где стояли его бараны,

был повален, а самих баранов как ветром сдуло. Корова, правда, стояла возле разбитого сарая и жалобно мычала.

— Старуха, выходи корову доить, а я пошел баранов искать! — крикнул в дверь дед.

— Где ты их сейчас будешь искать, плюнь на них. Лучше давай корову продадим да поедим к детям в город жить, — сказала старуха.

— Тебе бы только в город! — ругнулся дед и, накинув теплый плащ, на голову нахлобучив малахай, на ноги надев на меху сапоги, вышел со двора искать баранов. Вышел — и пропал.

С тех пор как он ушел, прошло пять дней, а от него ни слуху ни духу.

Акерке за это время извелась, не находила себе места. Он сбегала в соседнее село, обзвонила всех детей, в общем, поставила всех на уши. Приехали все дети, руководство района организовало поиск деда. В общем, все искали деда, хоть живого, хоть мертвого, а он пропал, как сквозь землю провалился.

— Пропади эти бараны пропадом, — стонала Акерке, — столько лет прожили со своим стариком, и на тебе — пропал, и было из-за чего — из-за баранов! Хоть бы живой нашелся! Лежит, наверное, бедный, где-нибудь и помирает, и некому воды подать!

— Предлагала я вам, мама, перебирайтесь к нас в город! — говорила сноха старшего сына, даже она приехала к старикам, чего с ней раньше не бывало.

— Да сколько я ему говорила! А все без толку, сдались ему эти бараны, теперь от них, наверное, и смерть принял! — продолжала стонать старуха.

Когда поиски прекратили (прошло как-никак десять дней, как он ушел), все родственники сидели в доме растерянные и не знали, что и делать. Заказывать молитву за упокой язык не поворачивался, грех, тело его никто так и не нашел. За здравие тоже было невозможно. Вот и сидела бабка с детьми и близкими родственниками в тоске. Как вдруг к дому подъехал УАЗ, на дверях машины было написано «геологоразведка», и из нее вышел какой-то бородатый мужик, и следом за ним вышел Жамбырбай, живой и невредимый. Все так и ахнули и высыпали во двор.

— Живой! Здоровый, а мы-то уже думали! — засыпали его вопросами дети и родственники. У бабки просто пропал дар речи.

Дед как ни в чем не бывало зашел в дом и, собрав всех за столом, сказал, показывая рукой на привезшего его мужчину.

— Отныне вот этот человек по имени Иван мой сын. Он меня спас от смерти. Я, когда искал баранов, заблудился и умирал от голода и жажды. И когда я уже лежал обессиленный и молил Бога о смерти, он, как добрый ангел, пришел ко мне на помощь!

Все обратили взоры на бородатого мужчину. Тот, смущаясь, сказал:

— Да я геолог, мы искали в степи полезные ископаемые и вдруг наткнулись на дедушку, он лежал без сознания. Мы тоже испугались, думали, он уже мертвый, но, слава богу, он дышал. Просто ослаб от голода и жажды. Мы его накормили, напоили, и он отошел. Вот мы, расспросив его, где он живет, привезли домой, сам он уже не мог ходить.

— Спасибо тебе, хороший человек, за твою доброту, теперь ты отныне наш брат и сын нашего отца! — сказали дети, обнимая новоявленного брата.

По случаю, что так все хорошо закончилось: нашелся живой и здоровый Жамбырбай, зарезали барана, делали кудай-тамак, прочитали за здравие молитву.

— Что я потерял всех баранов, я не жалею, зато я обрел еще одного сына! — сказал за столом прослезившийся старик.

Теперь каждое лето можно было видеть возле дома Жамбырбая машину с надписью «геологоразведка», все село знало, что к старику приехал его сын, и шли к дому поздороваться.

СЛУЧАЙ ИЗ ПРАКТИКИ

Хамит начинал работать врачом акушером-гинекологом в областном перинатальном центре. Тогда он был еще молод, полон сил и амбиций. Был он смазлив, черты лица правильные и даже благородные. Роста хоть и среднего, но строен. Самое главное — он мог располагать к себе женщин общительностью и способностью говорить комплименты. А потом, он знал множество анекдотов и был хорошим рассказчиком. В общем, женщины тянулись к нему, как пчелы к меду. Он, правда, никого не отвергал, всем уделял внимание.

Если про минеров говорят, что они ошиблись профессией, то это выражение совсем не подходило к Хамиту: профессию врача-гинеколога он выбрал правильно и, можно сказать, по призванию.

Как молодому специалисту, Хамиту поручали дежурства в праздничные дни, тогда, когда другие, пожилые доктора отговаривались, особенно на Новый год:

— У меня семья, дети, мне нужно Новый год провести в семейном кругу. А то есть такое поверье: как встретишь Новый год, так его и проведешь.

— А что, меня это поверье не касается, что ли? — возмущался Хамит.

— Ты еще молод, у тебя еще все впереди. Мы тоже с этого начинали, — отвечали, снисходительно улыбаясь, старшие коллеги.

— Да ну вас! — отвечал Хамит и соглашался.

Как-то дежурил он на какой-то праздник, и, как назло, как будто все женщины области сговорились именно в его дежурство рожать. Без конца привозили рожениц. Среди них была одна молодая курдянка, из близлежащего села, которая совсем плохо говорила и понимала по-русски. Как положено, всех поступивших рожениц укладывали в предродовые палаты, а оттуда уже по показаниям везли в родзал.

В палате в основном лежали лица коренной национальности. Курдянка, видя, что рожениц в основном коренной национальности везут в родзал и даже тех, кто после нее поступил, а про нее напрочь позабыли, сказала умоляюще ему:

— Доктор, давайте хоть рожать в порядке очереди.

— У вас еще нет показаний, чтобы вас везти в родзал, — ответил Хамит, глядя, улыбаясь, на пациентку: она была чертовски хороша, хоть и собиралась рожать. Про себя он даже подумал: везет же людям.

— Каких таких показаний? — ответила непонимающе курдянка, глядя на него большими черными глазами.

— Ну, это самое... — попытался объяснить ей Хамит медицинскими терминами, чего она, конечно, не поняла, а потом, махнув рукой, сказал, — ну, в общем, подождите, ваша очередь еще не подошла.

Спустя несколько часов ее тоже повезли рожать. Курдянка нормально родила мальчика, а потом, уже спустя сутки, увидев Хамита, сказала благодарно ему:

— Спасибо вам, доктор, что включили меня в очередь.

Однажды в летнюю жару его вызвал к себе заведующий отделением и сказал:

— Хамит, давай срочно собирайся, сейчас тебя «скорая» отвезет в аэропорт, полетишь на далекое жайлау, там женщина рождает, разродиться не может! Заодно проветришься, свежим воздухом подышишь, бесбармак поешь!

— Хорошо, я сейчас быстро, — ответил Хамит и побежал собирать все необходимое.

Хамит взял с собой медицинский чемоданчик со всем необходимым для принятия родов, переоделся и пошел в приемный покой, там его уже ждала «скорая помощь». Он сел в машину, «скорая», включив сирену, понеслась через весь город в аэропорт. В аэропорту он быстро пересел в самолет АН-2, и они полетели.

Через сорок минут полета самолет приземлился на окраине какого-то села, здесь находился местный аэродром.

На аэродроме Хамита ожидал уазик, в который он и пересел. Машина была старая, выдавшая виды, доверия не внушала. На ней, по всему, нужно было ехать в горы.

— Куда мы едем? — спросил Хамит, подозрительно глядя на молодого водителя.

— А на жайляу в горы, там и находится роженица, жена нашего чабана, — ответил водитель.

— А ты уверен, что эта машина туда доедет? — спросил Хамит, недоверчиво разглядывая машину.

— Вы, агай, не смотрите, что машина с виду такая неказистая, двигатель в ней просто зверь, мигом домчит! — ответил бодро водитель.

— Ну, мигом не нужно, главное — нормально доехать, — сказал Хамит, все еще с недоверием сядя в машину.

Водитель к такой дороге, по всему, привык, другой, наверное, и не знал, потому что всю дорогу что-то весело напевал себе под нос.

Дорога была каменистая и вся в ухабах, по ней, по всей видимости, редко ездили и совсем не ремонтировали. Машину так трясло, будто бы он ехал верхом на лошади. От такой тряски у него было такое ощущение, что все его внутренние органы вот-вот выскочат наружу. В душе уже он костерил всех, начиная от заведующего отделением, что отправил его сюда подышать свежим воздухом, и кончая роженицей, которую занесло куда-то к черту на кулички рожать.

— Долго еще? — спросил он, умоляюще глядя на водителя.

— Еще с полчаса потерпите, и приедем, — ответил он, потягивая сигарету.

Наконец машина заехала в ущелье и остановилась на красивой лужайке, недалеко от юрты.

Хамит вышел из машины и отряхнулся. Перед его взором предстала удивительно красивая природа.

Было начало июля. Если внизу стояла удушливая жара, то здесь, на жайляу, веяло приятной прохладой. Ущелье, где стояла юрта, природа щедро одарила пышной зеленью: здесь росли и березки, и ивы, и клены, и голубые тянь-шаньские ели, и другие деревья и кустарники, которые Хамит нигде раньше и не встречал. Но главное, что поразило его, — это удивительно чистый горный воздух, от которого появляется неповторимое ощущение праздника, которое потом долго тебя не покидает.

При виде всего этого на Хамита напало приятное чувство ожидания какого-то чуда, словно он его ждал всю пусть хоть недолго прожитую жизнь, а оно промелькнуло незаметно мимо — и все. И до сих пор не дает покоя. Глядя на красоту, он так задумался, что даже позабыл, где находится. Вывел его из этого состояния водитель.

— Ага, заходите в юрту, отдохнете с дороги, попьете чаю, — сказал он.

Тут только Хамит обратил свой взор на юрту. Юрта была небольшая, шестистворчатая, вся прокопченная и прожаренная на солнце. Возле нее возилась с

самоваром какая-то молодая женщина в широком платье, с белым платком на голове.

— Хорошо, — ответил Хамит и зашел в юрту.

В юрте было хорошо и уютно. Веяло легкой прохладой из искусственно созданного сквозняка за счет приподнятого войлока и открытого шанырака, воздух свободно перемещался по юрте. В центре юрты стоял столик, на нем были расставлены сладости, сметана, масло и свежеиспеченные баурсаки. Вокруг стола были разложены корпешки и подушки.

— Агай, садитесь к столу, — сказал водитель, показывая на тор.

Хамита не нужно было долго упрашивать, он с удовольствием прилег к столу, у него так сильно ныло все тело после плохой дороги, что он ни о чем не хотел и думать.

В это время женщина занесла кипящий самовар и поставила его к столу. Потом, сама присев на маленький стульчик, стала разливать чай. Чай из самовара, да еще в юрте на жайляу, был просто прекрасен. Такого замечательного чая Хамит никогда не пил. Его никак нельзя было сравнить с тем чаем, что пил он в городе. Разве то чай, когда вода вскипачена на газе. Тут совсем другое дело. С глотком чая ты вдыхаешь в себя все ароматы гор, не чай, а просто блаженство. Хамит, с таким наслаждением смакуя каждую пиалу, пил чай, что его душа витала где-то высоко-высоко в горах, для чего он сюда приехал, он напрочь позабыл. По мере того как уменьшалось количество воды в самоваре, его душа потихонечку возвращалась в грешное тело.

Наконец самовар был выпит весь, и тут вдруг он ужасом вспомнил, для чего он сюда приехал.

— А где роженица? — прокричал он в испуге водителю.

— А вот она! — показал он рукой на женщину, разливающую чай.

— Как это, она же лежать должна? — прокричал он удивленно, глядя на роженицу.

— У нее уже с утра начались схватки, она и лежала, рожала. Вот сейчас вас чаем напоит и дальше пойдет рожать, — ответил недоуменно водитель, допивая мелкими глотками чай из пиалы...

АСТАНА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Диалоги культур

Илья Одегов, писатель, Алматы

1. Какие имена определяют ныне литературный ландшафт Казахстана?

Литературный ландшафт Казахстана сейчас довольно плоский. Из писателей старшего поколения продолжают писать немногие. А нового поколения писателей так и не выросло. Появились отдельные интересные авторы, но можно ли назвать это поколением? Большой вопрос. Если говорить объективно, ориентируясь только на полученные премии, переводы на другие языки и количество публикаций в серьезных изданиях, то наиболее заметный поэт в Казахстане сегодня — это Айгерим Тажи. Из поэтов могу назвать также Ербола Жумагулова, Заира Асима, Каната Омара. Прозаики — Михаил Земсков, Юрий Серебрянский и я. Все более интересным становится Адильхан Сахариев. Из детских писателей наибольшего успеха достигла Аделия Амраева. Это еще не конец списка. Но конец близок.

2. Как построено взаимодействие национальной и русскоязычной литературы Казахстана?

К сожалению, русскоязычные авторы в Казахстане и авторы, пишущие на казахском языке, практически не знакомы друг с другом. Такова ситуация. И я даже не понимаю, как нам друг друга найти. Несколько лет назад ко мне обратился заведующий отделом прозы российского литературного журнала «Дружба народов» Леонид Бахнов с просьбой подыскать для публикации в журнале интересные произведения современных авторов, написанные на казахском языке и переведенные на русский. Я расспросил всех знакомых, разместил объявления в социальных сетях — в общем, старался, как мог, но так ничего и не выяснил. То есть проблема не только в переводах, но и в каком-то информационном вакууме.

3. Какое влияние оказала концепция нового евразийства на продолжение в новых условиях процесса культурного взаимодействия Казахстана и России? Какие конкретные формы обрела евразийская ментальность?

Для меня этот вопрос больше всего похож на описание страшного сна. Так и представляю себе: три мутные глыбы шевелятся в темноте — концепция нового евразийства, процесс культурного взаимодействия и евразийская ментальность. Вязкие, бесформенные, безучастные, бессмысленные. Очень хочется проснуться.

4. Влияют ли процессы, происходящие в России, на литературную жизнь Казахстана?

Если говорить о литературных процессах — то да, безусловно. В казахстанской

литературной среде знают российских авторов, читают их книги, следят за литературными премиями. Что касается других процессов — политических, экономических, культурных, — то они влияют в меньшей степени. А вообще, история и ландшафт Казахстана способствуют номадическому взгляду на мир. Поэтому и тематическая география казахстанских писателей довольно разнообразна.

5. Какие проблемы существуют сегодня в журнальной жизни Казахстана?

Главная проблема журнальной жизни Казахстана в том, что ее почти нет.

РАССКАЗЫ¹

СУДЬБИНА

Я случайно заприметил эту букашку.

Я сидел на скамейке рядом с бульваром, который она хотела перейти. Стояла чудесная летняя пора, бульвар был полон прогуливающихся, но храброй букашке это не мешало решительно двигаться вперед. Она проползла между ног первого прохожего, протащила под высокими каблуками молодой барышни, потом вдруг остановилась, тем самым избежав колес велосипеда. Как ни была она удачлива и отважна, я не мог избавиться от впечатления, что она обречена на смерть и что это лишь вопрос времени. Нравится нам это или нет, но в действительности *существует нечто*, называемое «судьбой», что предопределяет пути людей, животных, птиц и насекомых. Некое правило, закон, неизбежность — нечто, что направляет и незримо ведет, подталкивает или придерживает нас самым необъяснимым и непостижимым образом. Предопределена ли ее судьба вселенской и земной гармонией или просто представляет собой особенность всего живого — никто не знает. Одно лишь несомненно: мы не можем представить себе жизнь без судьбы. А букашка эта имела какую-то свою несчастную судьбину. Что-то толкнуло ее на этот самоубийственный шаг в самую гущу толпы смертоносных ступней.

Какой-то же она должна была иметь мотив?

Хотя способны ли мы вообще понять мотив какой-нибудь козявки в теплый летний день? Казалось бы, трава мягка. И цветы цветут по обе стороны бульвара. Но она, очевидно, так не думала. Во что бы то ни стало она должна перейти на другую сторону. Что это — некий неудержимый зов, инстинкт, желание?

Может быть, спешит она к своему любимому или любимой?

А может быть, к любимому цветку?

Может быть, ее зовет одной лишь ей известная, возвышенная идея?

Что может заставить рисковать своей хрупкой жизнью эдакую малявку? Немилосердная черная судьба.

Погруженный в свои мысли, я удивился, увидев ее уже на половине пути. Каждое мгновение над ней нависали черные тени, но она упрямо продвигалась к цели. Невероятная сила и упорство сквозили в этом маленьком существе. И она шла и шла напрямик.

Она была уже совсем близко. Успешно избежала солдатских сапог и каких-то тапок и доползла до меня. Она сделала это!

Я наблюдал за ней, — возможно, счастливой и усталой, — и уже готов был восхититься ею. Как вдруг... наступил на нее...

Слободан Симич родился в 1963 году в г. Ужице. Мастер афоризма и острой политической сатиры. Его рассказы переводились на венгерский, итальянский, немецкий, французский и другие языки. Живет в Сербии.

Предлагаемые вниманию наших читателей рассказы были опубликованы в книге «Приче без поуки» («Притчи без поучений»), за которую С. Симич был удостоен премии «Радое Доманович» Союза писателей Сербии за 1994 год.

¹ Перевод с сербского Кайрата Бакбергенова.

От судьбы не уйдешь...

КОРАБЕЛЬНЫЙ ДНЕВНИК

1-й день

Я — капитан корабля. Мне нравится это звание. Все слушаются меня и побаиваются. Сегодня прошелся несколько раз по палубе, отдавая приказания. Те, кто не слушался меня и не боялся, были выброшены за борт. Теперь все слушаются и боятся меня. Мне нравится мой чин.

2-й день

Мой корабль — это двухмачтовый парусник. Он ужасно стар и медлителен. Я должен что-нибудь придумать и ускорить движение судна. Эх, если бы у меня был пароход!

3-й день

Сегодня кок сказал мне: «Жаль, нет у нас парохода». Умнейший человек. Назначил его боцманом. Боцман взбунтовался — пришлось бросить в море. Это возмутило лоцмана, и я поставил его на место кока.

4-й день

Сегодня разработал план перестройки корабля. Из котла на камбузе сооружаем паровой котел, мачты пойдут на дрова, из весел делаем лопасти для загребного колеса. У моей идеи все больше сторонников. Иногда за целый день мы никого не бросаем за борт. Мне досталась на удивление дружная команда.

5-й день

Мачты срублены. По этому случаю я устроил большой праздник. Не каждый день ведь расстаешься с темным прошлым! Мы входим в новую жизнь. Очень скоро мы будем плыть по нашему спокойному морю на пароходе!

6-й день

Мы никак не можем сдвинуться с места. Может быть, надо было подвести воду к котлу, чтобы получать пар? Тяжело быть новатором.

7-й день

Кок сказал, что надо бы каким-то образом подвести к котлу воду. Прекрасный человек! Назначил его своим помощником. Поболе бы таких людей!

8-й день

Я нашел решение! Пробьем небольшую дырку в трюме, и через нее вода будет поступать в котел, превращаться в пар и вращать загребное колесо. Как я до этого раньше не додумался?!

9-й день

Чертова дыра: она чересчур велика. Корабль тонет. Команда встревожена, но я объяснил всем, что прогресс не знает границ и что вместо парохода мы можем сразу получить подводную лодку.

10-й день

Я прочитал главу Корабельного устава о случаях гибели судна. «Капитан последним покидает корабль». «Первыми спасают женщин и детей». Кок считает, что еще не все потеряно. Удивительный человек. Не теряет присутствия духа даже в самые тяжелые минуты.

11-й день

Сегодня я предложил назначить кока капитаном. Все согласились. Пора спасать женщин и детей. Поскольку лишь у одной шлюпки есть весла, мне остается только спасти свою жену и своих детей.

12-й день

Вода быстро прибывает. Надо браться за весла. Если посчастливится, то вскоре, может быть, нас подберет какой-нибудь пароход.

КОНЕЦ

Все началось совершенно неожиданно: моя правая рука потребовала независимости! Она заявила, мол, я всех содержу, на мне лежит вся работа, с меня довольно — хочу быть самостоятельной. Я попытался вразумить ее, сказал, что технически это невозможно, и что тело должно быть единым, чтобы существовать, и что она работает так же, как и всякая другая правая рука на свете, и что другие органы тоже делают что-то, что идет ей на пользу. Это не возымело действия. Правая рука в ультимативной форме настаивала на суверенитете и принятии срочных мер в этом направлении.

В разгоревшуюся дискуссию вмешалась левая рука. Она, мол, не может терпеть такое безобразие: как можно правую руку ставить выше левой и, вообще, чем была правая рука — не будь левой, и поскольку дерзость правой руки переходит все границы толерантности, левая рука не желает оставаться с ней ни в какой связи или союзе. Я в жесткой форме сделал замечание левой руке за то, что своим вмешательством она еще более осложняет ситуацию, на что она, оскорбившись, заявила, что хочет присоединиться к требованиям правой руки, чтобы и ей дали самостоятельность.

Я был предельно ясен: ни практически, ни теоретически это невозможно! Но тут дал о себе знать мозг, сказав, что я не прав и что теоретически это все-таки возможно. Он пояснил, что ампутация конечностей представляет собой рядовую хирургическую операцию и что никаких технических проблем не существует. Правая и левая руки встретили его выступление дружными аплодисментами.

Я вступил в полемику с мозгом и объяснил, что проблема не в технике отсечения руки, но в опасности последствий такого поступка. Ни руки не могут самостоятельно жить без тела, ни тело не может нормально функционировать без рук, сказал я в заключение. Мозг частично с этим согласился, добавив: что касается его, то руки могут отделиться хоть сейчас, так как он может блестяще функционировать и без них. Так даже лучше.

Это вызвало бурю негодования обеих рук. Мозг выслушал о себе много нелицеприятных слов, особенно за свою привычку ставить себя выше других органов, особенно рук, и все время отдавать команды, ожидая от остальных слепой покорности и подчинения. К моему удивлению, позицию рук поддержали все мышцы и обе ноги.

Внутренние органы были более сдержанны, они считали, что мозг сыграл огромную роль в жизни организма и нельзя так просто отказываться от него. Однако мозг был настолько уязвлен, что заявил, что больше никогда и никому не будет отдавать никаких команд и пусть все далее обходятся без него. Отставка мозга вызвала возмущение у внутренних органов. Сердце тут же потребовало для себя особого статуса. Печень жаждала автономии. Легкие предлагали кантонизацию. Желудок выдвинул лозунг: «Все органы пищеварения в единый союз!» Почки желали создать конфедерацию.

Наступил полный хаос.

Мне не оставалось ничего другого, как умереть.

О КРАСОТЕ

Я хорошо помню их.

На крошечном озере, окруженном зеленью парка, поселились лебеди.

Едва появившись, они вызвали огромный интерес, особенно у детей. Родители толпами приводили малышей поглазеть на дивных белых птиц. И тогда дети бросали им воздушную кукурузу, семечки, хлеб, крендельки — все, что они могли принести с собой.

Сторож догадался первым: при таком обилии пищи хорошо могли бы жить и другие. И он присоединил к лебедям своих уток.

Дворничиха тоже была женщиной разумной. И вскоре рядом с лебедями резвились ее крольчата.

Продавец цветов соображал медленнее, но не был глуп, и чуть позже в парке меж прочей живности появились его курочки.

Голуби и воробьи пришли сами.

Вскоре парк стал походить на маленький зоосад. Но в нем не было больше лебедей. Все они умерли от голода.

И никого это особенно не смутило.

ЗИМА 92/93

Труднее всего было с Достоевским.

Я не знал, с чего начать. То ли с «Униженных и оскорбленных»? Или, может быть, с «Братьев Карамазовых»? Конечно, символично было бы начать «Преступлением и наказанием». Но в конце концов я решил двигаться по порядку. Впрочем, Достоевского оставил напоследки. Сначала я добил кое-кого из наших, во главе с Крлежой и Чопичем, затем принялся за иностранцев: Фолкнера, Гессе... Интересно, что чужаки давались мне намного легче.

Вскоре настал черед Селимовича, Чосича, Киша, Павича и еще некоторых. Но — Иво Андрич! Над Андричем я обливался горькими слезами.

Однако труднее всего было с Достоевским. Когда я наконец решил взяться за него, в доме больше нечем было топить: полки, паркет, мебель, одежда — все давно уже ушло на растопку. Холод мог спокойно пощипывать, покусывать, грызть меня сколько душе угодно. Ему уже ничто больше не могло помешать.

Я сидел в ожидании белой смерти.

После сожжения Достоевского моя библиотека прекратила свое существование, и я был скорее мертв, чем жив.

ПРОВОДЫ

Сегодня я прощался со своей семьей. Пришли все: жена брата отца, жена брата матери, невестки, золовки, — все. Ей-богу, едва обнялись, тут же полились слезы. Я обязательно вернусь, говорил я жене, а она все плакала да причитала. Чуть погода я смог продолжить начатые сборы. Взял палатку, фляжку и все, что необходимо для приготовления пищи. Выбрал из гардероба летнюю и зимнюю одежду, так как погоду ну никак не угадаешь. Шурин забил свинью, чтобы я мог прихватить с собой немного свежего мяса, а жена приготовила сыр, сметану, копченую грудинку и прочую снедь. Потом я посвятил себя исключительно оружию: взял «калашника» и к нему пять рожков, пистолет с глушителем и три коробки с патронами, две ручные гранаты, пехотные мины, прозванные «паштетом из пяти кусков», и одну противотанковую. Сын напомнил мне, чтобы я прихватил с собой баллончик со слезоточивым газом. Сказал, на всякий случай, чтобы тебя не схватили и не ограбили, как в прошлый раз. Беспокоится ребенок...

Прежде чем выйти из дому, я встал на колени перед иконой святого Георгия и от всего сердца помолился: «Помоги, святой Георгий, помоги мне, грешному, пройти этот путь до конца и дай хоть немного удачи, чтобы вернуться домой живым и невредимым».

После молитвы в сопровождении домочадцев я вышел во двор и встретился взглядами с любопытными и озабоченными соседями. «Держись, брат! — кричали они из окон. — Не отступай! Будь стоек!»

И двор отзывался эхом.

«Если тебя не будет больше двух месяцев, я смогу заменить тебя», — сказал сын. А жена заплакала. И дочка за ней. «Тата возвратится скоро», — сказал я, лишь бы что-нибудь сказать. И почувствовал, как к горлу подкатился ком, и желудок свело судорогой. Итак, нужно было идти. Разведка донесла, что приближается цистерна. Я — глава семьи. И должен выстоять в этой очереди за бензином...

ПРИТЧА ОБ ИМЕНАХ

Капитан Живойин Йованович из Белграда, будучи лучшим офицером в своей категории, имел честь в далеком 1967 году участвовать в операции ООН на Синайском полуострове, где югославские «голубые каски» должны были разделять находившихся в состоянии войны израильтян и египтян. Во время прохождения службы он получил желанную, добрую весть: у него родился сын! Радость его была безмерной, поскольку у капитана долгое время не было детей. А тут еще и сын! Капитан был горд этим и решил дать ему имя египетского президента Насера, одного из основателей легендарного Движения неприсоединения и давнего сердечного друга товарища Тито.

Малыш Насер Йованович рос быстро и вскоре стал крепким и горячим парнем, любителем скоростных авто и легких заработков. Эти две любви и привели его в расположение «голубых касок», на этот раз втянутых в гражданскую войну в Югославии. Находившийся на пенсии, но по-прежнему влиятельный, ныне уже полковник Йованович выхлопотал, чтобы и сын его, как некогда отец, оказался на службе «голубых» в качестве водителя. Работа была связана с изрядным риском, но при этом сулила внушительную зарплату. Необходимо было возить гуманитарную помощь под флагом ООН в охваченную войной Боснию. Но для Насера главное — вкус приключений да шелест зеленых банкнот. И так он колесил месяцами в

конвое белых грузовиков ООН, лояльных ко всем воюющим сторонам, покуда однажды грузовик его не встал посреди Боснии. Конвой должен был проследовать дальше, а он остался в ожидании мастеров. Но вместо мастеров появилась пестро разодетая, вооруженная группа, которая больше походила на некую местную банду. Угрожая оружием, «воины» разграбили грузовик, а затем решили проверить у водителя документы.

— Ты только посмотри! Мусульманин!!!

— Я совсем не мусульманин, — попытался было объяснить Насер, но удар приклада прервал его.

— Ты — не мусульманин, да? А Насер — самое известное сербское имя, так, что ли?

— Люди, я из Белграда....

Серия ударов на этот раз была более продолжительной.

— Я серб!

— Как зовут тебя?

— Я серб!

— Как тебя зовут?

— Я серб!

— Как тебя зовут?

...Полковнику Йовановичу сказали, что Насер пропал без вести. Но полковник не поверил в это. Он обошел всю Боснию. И, говорит, нашел могилу. Велика она, говорит полковник, настолько велика, что может покрыть целую Боснию. Есть на ней и огромная надгробная плита. Почти до неба. С тысячью имен. Давор Мустафе Павлович, Желько Хрвоя Сеферович, Сеад Момира Билич, Марко Мирсада Хорват, Борис Неманье Хаджиабдиш, Мухамед Стипе Петровиш... И где-то в самом низу — Насер Живойина Йованович. А еще говорит полковник Йованович, что прямо у него на глазах плита росла и вписывала в себя все новые и новые имена. Так говорит полковник Йованович, говорит всем, кого повстречает, однако никто не верит ему.

ПОСЛЕДНИЙ РАТНИК

Многих товарищей я схоронил.

Оставались они на холмах, по обрывам-яругами, пропадали они на окольных путях и беспутье, исчезали во мраке лесов и в тени переулков.

Там, где мы проходили, там мы пропадали. Смерть таилась повсюду. Иногда мне казалось, что смерть всегда рядом, что она вместе с нами сражалась, но порою вдруг, оголодав, она жадно кидалась на рядом идущих. Да, голодная смерть была в нашем строю.

Путь наш было легко проследить — по могилам. Ими мечены наши дороги. Это мы выставляли дорожные, скорбные, знаки. Не за тем, чтоб направить на путь, а за тем, чтобы с этих путей отвратить.

Нет дороги туда! — говорили нам сбитые наспех кресты. Нет дороги туда! — говорили, бросаясь под ноги, свежие холмики влажной земли. Нет дороги туда и — оттуда обратной дороги!

Нас завораживала чужая смерть. Нас обманывали чужие могилы. Мы сеяли смерть, не видя того, как она дает всходы у нас за спиной. Мы ведь верили, смертью чужой попираем свою. Как мы были наивны!

Смерть несли мы и смерть принимали как судьбу и удел, как проклятие. Без смысла, без меры. Всё больше, всё дальше, всё тем же путем. Через свои и чужие могилы.

Это длилось чуть более года. Я точно не знаю, и об этом не знает никто. Это время ничем не измерить. Одно лишь я знаю: я остался один. Совершенно один.

Иногда я хочу, чтобы кто-то пришел и заплакал, оплакал, затеплил свечу и цветы положил. Только нет никого. Только ветер застонет порою — и всё.

Иногда я хочу умереть и примкнуть к нашей рати, уснувшей навеки. Только, думаю, некому будет ходить за могилами...

ПИСЬМО ИЗ ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Дорогая бабуля,

мы решили снова написать тебе письмо. На самом деле я говорю, а пишет мама, потому что письму нас еще не обучали. Дорогая бабуля, хотим поздравить тебя с Новым 1999 годом и пожелать всего наилучшего и чтобы все мы вскоре свиделись. Я тебя очень люблю и хотел бы, чтобы ты оказалась рядом с нами, здесь, в подземном убежище. Мама говорит, что ты всегда была упрямой и твердолобой и не захотела оставить свое родное село Кремну. И говорит, что ты сказала: «Я не желаю, дети мои, под землю, мне некуда торопиться». Я так хочу, чтобы ты приехала к нам, потому что чувствую, как непрестанно гудит и вздрагивает земля, и все говорят, что там, наверху, ой как тяжело кому-либо выжить. Бабуленька моя, береги себя!

А у нас все хорошо. Я хожу во второй класс и уже умею стрелять. За полугодие у меня пятерка по стрельбе из автомата и ручного гранатомета, а в метании бомб и установке пехотных мин я самый лучший. Учитель говорит, что я талантливый, и предложил мне записаться в секцию диверсантов. Папа обещал, что, если к концу года я стану отличником, он купит мне «магnum». Я стараюсь, но пока никак не могу исправить единицу по ближнему бою. Знаешь, нас тренируют на настоящих животных, а меня тошнит от крови. Об этом я только тебе говорю, бабуля, потому что здесь это считают позорным. Но я должен успевать, чтобы папа не разочаровался во мне.

Мне здесь хорошо, у меня полно друзей, и мы часто играем. Чаще всего играем в «сербов и врагов», но все хотят быть сербами, и поэтому мы никак не можем сыграть в нее. Иногда играем в «убей стражника» или «держи диверсанта». А я все больше люблю стрелять. Когда вырасту, бабуля, я бы хотел стать снайпером.

В нашем классе есть одна девочка, зовут ее Саня. Она мне нравится. Она говорит, что мы, мальчишки, очень глупые, что только стреляем и ничего не знаем о бинтах и перевязках. Она отлично накладывает повязки, лучше всех девочек, а еще умеет стрелять. Она нравится мне больше всех.

Мой лучший друг Мишко. Он — лучший в классе по рытью окопов. Он хочет стать танкистом, когда подрастет. Но танки учат только в средней школе. Мой друг Мишко говорит, что наверху над нами ничего нет и враги все сожгли. Я говорю ему, что у меня есть бабушка, а он говорит, что это невозможно, потому что, когда проходят танки, ничего не остается.

Бако, почему ты не ушла вместе с нами?! Мама говорит, что уже три года ты не подаешь о себе вестей. И она все время плачет, когда говорит о тебе. Вот и теперь плачет. Но я-то знаю, бабуля, что у тебя все хорошо и что ты хочешь прийти и рассказать мне, как когда-то, о битве на Косовском поле и о царе Лазаре. Поэтому мы будем все время писать тебе письма.

Бако, приезжай!

Любящий тебя всем сердцем внук
Марко

ПРАВОСУДИЕ

*Международному суду в Гааге
от рыболовецкого товарищества «Перуцац»*

Сообщаем Вам, что 15 июля 1994 года в верхнем течении реки Дрина, Республика Сербия, пойман сом, которого безуспешно разыскивали в течение длительного времени. Благодаря великой личной самоотверженности и мужеству члены товарищества после многочасовой титанической борьбы обуздали огромное чудовище и вытянули его на берег. Была сформирована комиссия, которая установила, что речь идет о соме, опознанном большим числом свидетелей и подозреваемом в том, что он активно и добровольно участвовал в поедании людей, погибших при трагических обстоятельствах во время гражданской войны в Боснии, а затем разными путями оказавшихся в реке Дрина. Подозреваемый с первых дней войны патрулировал на всем протяжении реки и использовал любую возможность для осуществления своей чудовищной деятельности. В качестве неоспоримого доказательства был принят и тот факт, что сом, по словам свидетелей, к началу военных действий весил не более 12 килограммов, а на момент поимки достигал уже 26 с половиной килограммов. Эксперты пришли к важному заключению, что такого килажа он не смог бы достичь законным и естественным сомовым пропитанием. Тем самым определенно доказано, что обвиняемый сом причастен к ряду тяжких злодеяний и военных преступлений и что его настигла заслуженная кара. Рыболовецкое общество «Перуцац» продолжит расследование, поскольку есть достаточные основания подозревать, что осужденный сом действовал не в одиночку, и речь идет о большой организованной группе. Запланировано, что в ближайший период мы, не жалея сил, переловим всех и представим перед лицом правосудия.

Vivat justitia!

И да восторжествует справедливость!

ПРИТЧА О ВЫМЕРШЕМ НАРОДЕ

Когда варвары пришли в мой народ, все немало подивились: они были совершенно не похожи на всех прежних завоевателей. Вели себя как дети, говорили как дети и делали все как дети. Впрочем, как и все другие завоеватели, они не преминули тотчас перебить всех мудрых и именитых мужей, порушить церкви и храмы, сжечь реликвии и святыни, разграбить дворцы и дома наши. И никого это особо не встревожило. Ибо стар мой народ, веками подвергался различным нашествиям, рабству и оккупации. Выдержим и это, думали мы, страдали и молчали. Но эти варвары действительно были очень необычными. Шло время, а они не выказывали ни малейшего желания уходить. Как видно, им нравилось у нас, и они хотели остаться надолго. И причин для беспокойства пока еще не было. Варвары все разрушили, осквернили и разграбили, и, казалось бы, так все и будет идти дальше. Но в один прекрасный день они вдруг начали строить. Они были такими смешными. Пели как дети, ссорились как дети, строили как дети. Мы украдкой посмеивались над ними и ждали, что не сегодня-завтра у них все развалится. Но нашим детям они ужасно нравились. И они начали с ними дружить.

Народа моего больше нет. Мы все стали варварами.

ВЫБОРЫ

Случилось это тогда, когда под давлением Неба и Земли Дьявол вынужден был объявить о первых демократических выборах в Аду. Как и следовало ожидать, со всех сторон съехались многочисленные кандидаты. Были здесь демоны и ангелы, проходимцы и святые, разбойники и пророки — все посу- и потусторонние силы. Каждый проводил свою кампанию, каждый что-то обещал и предлагал несчастному и измученному народу Грешному. Одни обещали погасить вечный огонь, другие — упразднить Девятый круг и впоследствии все до одного, третьи даже сулили Рай, говоря, что могут обустроить его в самом Пекле. А народ Грешный, привычный к всевозможным и каждодневным пыткам, стоически переносил все те кампании. Кандидаты говорили красно и умно, однако Небо и Земля все же сделали вывод, что у Дьявола нет достойного соперника. И упростили самого Господа Бога выдвинуть свою кандидатуру.

Бог долго колебался, по большей части из чисто принципиальных соображений. «Это безнравственно, — сказал Бог, — что я, самолично отправив грешников в Ад, теперь буду спасать их от адского огня». Тем не менее гуманность победила. И Бог поддался на уговоры.

Когда Господь появился в Аду, вечный огонь тут же погас и всех присутствующих озарило Божественное сияние. «Я хочу всем отпустить грехи, — сказал Бог, — голосуйте за меня, и все будет вам прощено». Церковная музыка заглушала бормотание воодушевленных, и большой огненный крест блистал над головами восхищенных. «Идите и голосуйте за свое спасение», — сказал Бог грешникам, провожая их на избирательные участки.

После подсчета голосов выяснилось, что на выборах вчистую победил Дьявол. Все были удивлены, кроме Дьявола. «В Аду всегда будет побеждать Дьявол, — сказал он, — потому что со мной нет неопределенности».

И огонь разгорелся с новой силой...

ПРЕСТУПЛЕНИЕ

С тех пор как я открыл частную лавочку, мне денно и ночью приходилось работать. Я не думал, насколько это тяжелое дело. То одно достань, то другое, то туда беги, то сюда, обязанностей куча — сплошной нон-стоп. Так уж получилось, что мне накануне нашего семейного праздника, Иванова дня, доставили отличный товар. Работа ждать не могла, и я должен был корпеть весь день. Вечером, когда вернулся домой и сел ужинать, кто-то позвонил в дверь. Я глянул в «шпионку»: два милиционера! Я начал перебирать в голове: не ошибся ли где-нибудь, но точно знал, что все в порядке. Я аккуратно вел книги, исправно платил налоги, мне нечего было бояться. И я открыл дверь.

— Ты — торговец Петар Петрович?

— Да, это я.

— Тебе придется пройти с нами!

Делать нечего, я взял пальто, попрощался со своей женой и пошел следом. Конечно, мне это было безразлично, и я спросил как бы между прочим, порядка ради:

— Не могли бы вы мне сказать, в чем дело?

Милиционеры, ясно дело, промолчали.

Когда мы пришли в участок, меня завели в какую-то комнату, полную картин с

видами монастырей и ликами святых, и оставили дожидаться прихода инспектора.

— Ты Петар Петрович?

— Я сам.

— Так, Петрович, зачем тебе это было нужно?

— Что?

Инспектор сделал обычную психологическую паузу, открыл папку, начал как бы читать что-то, но потом снова повернулся ко мне.

— Ну, хорошо, Петрович, тебе это нужно?

Опять что-либо спрашивать было глупо, и я решил подождать. Он тоже чего-то ждал. И тогда я все-таки решился.

— Товарищ инспектор, в чем дело? Я не понимаю, за что вы меня...

— Я тебе не товарищ! — заорал инспектор. — Посмотрите-ка на него! Товарищ? Это я тебе, что ли, товарищ?

Я онемел.

— Нет больше товарищей, господин Петрович. Нету товарищей! Прошли те времена, слава богу, — и он перекрестился.

— Извините, господин инспектор, — попытался я успокоить ситуацию, — я немного смущен...

— Я вижу, что ты смущен, и не мало, а много!

Инспектор что-то написал на скоросшивателе, а потом принялся снова ворошить папку с документами. Я уж подумал было, что он забыл обо мне, но тут его вдруг прорвало:

— Почему ты сегодня не справлял свой праздник?!

— Мой праздник?.. Ну, я отметил ...

— Не ври! Не ври, здесь все написано! Сегодня у тебя был праздник, а ты целый день работал, праздник не праздновал, в церковь не ходил, свечи не возжигал... Нам все известно!

— Ну, хорошо, сегодня у меня было много работы... Но я всегда отмечаю наши праздники...

— Нет смысла выкручиваться. Ты сегодня не праздновал наш праздник!

— Я отпраздновал его по-своему...

— По-своему?! Невозможно, Петрович, праздновать праздник по-своему! Видишь ли, он знает, как праздновать праздник!

С ним не стоило больше препираться.

— Молчишь? Значит, осознаешь свою вину!

— Какую еще вину?

— Вину, Петрович, большую вину. Ты не праздновал наш праздник, несчастный ты человек!

— Я хотел бы попросить вас, господин инспектор, сказать, зачем вы вообще вызвали меня, мне бы хотелось вернуться домой...

— Ты хочешь вернуться? Господин хочет домой? Ну что ж, если господин спешит, то дело за малым: надо только подписать признание, и все.

— Какое признание?

Инспектор вытащил из кипы какую-то бумажку.

— А такое: признаю, что я не праздновал праздник святого Иоанна Крестителя и не совершал никаких предусмотренных в этой связи церковных обрядов.

Я так разнервничался, что подписал бумагу, попрощался с *господином* и отправился домой.

Не прошло и семи дней, как мне вручили синий судебный конверт. И в нем приговор.

«За грубое нарушение сербских обычаев, неуважение к сербским традициям, пренебрежительное отношение к Сербской православной церкви, оскорбление религиозных чувств православных граждан и презрение к святому Иоанну Крестителю торговец Петар Петрович исключается из сербского народа, без права на обжалование».

Подпись неразборчива.

ЗОЛУШКА

Дворец блистал ярким фантастическим светом. Сквозь толпу полицейских и солдат пробились три шикарных черных автомобиля. Как только они остановились, их окружила толпа газетчиков и бесчисленные службы безопасности. Все замерли в напряженном ожидании.

Из первого автомобиля вышел Президент Красных, одетый в дорогой серый костюм, и помахал рукой собравшимся. Вспыхивали блицы, жужжали камеры, тянулись микрофоны. Президент Красных прошел легкой походкой и исчез в сиянии дворца.

Из другого автомобиля вышел Президент Зеленых, одетый в безупречный темно-синий костюм, и улыбнулся собравшимся. Вспыхивали блицы, жужжали камеры, тянулись микрофоны. Президент Зеленых прошел медленным шагом и утонул в сиянии Дворца.

Из третьего автомобиля вышел Президент Голубых, одетый в роскошный костюм, и поприветствовал собравшихся. Вспыхивали блицы, жужжали камеры, тянулись микрофоны. Президент Голубых бодрым шагом поднялся по ступеням и нырнул в сияние Дворца.

Журналисты толпились, ожидая результатов очередных мирных переговоров. Ждать пришлось долго.

И вот в глухую полночь на башне зазвонили колокола. Мир наконец-то был установлен. Но тут перед Дворцом вдруг все исчезло. На площади остались только три черные тыквы. А из Дворца выбежали три большие крысы и растворились во мраке ночи.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В СЕРБИИ

Я решил начать гражданскую войну в Сербии. Я взял старый дедов пистолет и позвонил в дверь прапорщика Ратко на пятом этаже.

— Пароль! — прокричал прапорщик Ратко через закрытую дверь.

— Дядя Ратко, дедушка послал меня, чтобы я попросил вас, если у вас есть немного времени, почистить ему пистолет. Он говорит, что никто не умеет чистить пистолет так, как вы!

— Положи перед дверью и медленно отходи! — скомандовал прапорщик после небольшой паузы.

Я быстро сбежал на четвертый этаж и позвонил к профессору Петровичу.

— Что такое, малыш?

— Дядя Петрович, дедушка спрашивает, не могли бы вы разменять сто марок, нужно вернуть сдачу соседу Ратко.

— Нет у меня, сынок, ни мелких, ни крупных. А скажи-ка мне, что купил сосед Ратко?

— Пистолет.

Петрович даже отшатнулся.

— Пистолет! Ратко купил пистолет? Я так и знал! Коммуняки начали вооружаться! Ну уж нет, не выйдет!

Петрович накинул летнее пальто и спустился по лестнице. На первом этаже проживал адвокат Вучкович, страстный охотник.

Вскоре в квартире господина Вучковича собралась довольно большая компания обсудить создавшуюся ситуацию. Умеренные твердили, что не следует преувеличивать и надо все тщательно проверить. С седьмого этажа сообщили, что прапорщик Ратко замечен на кухне за чисткой пистолета, из чего следовало, что коммунисты таки вооружаются, и мы не должны допустить никаких сюрпризов. Господин Вучкович раздал присутствующим все имевшееся у него оружие, а сам поспешил в Охотничий союз за новой партией. Вооруженным поручили нести караул на этажах, а остальным вести наблюдение.

Все это не могло пройти мимо консьержки госпожи Стоянович с первого этажа, которая высмотрела в «шпионку», как кое-кто из соседей покидал квартиру Вучковича с неумело скрытым под одеждой оружием. Она позвонила соседке Злате, Злата — соседке Руже, Ружа — соседке Цане... Через полчаса в квартире прапорщика Ратко заседал спешно сформированный Кризисный штаб. На повестке стоял один только вопрос: защита от оппозиции. Тут же собрали и поделили оружие. Все получили точные указания и рассредоточились по стратегическим точкам здания.

Еще во время проведения совещания вся улица гудела от слухов, что в доме творится нечто ужасное. Новости были противоречивы: по одним — «оппозиция» вооружилась и атаковала квартиру прапорщика Ратко, по другим — более скандальным — «коммуняки» ни с того ни с сего начали стрелять по жильцам от «оппозиции» и что уже есть убитые. В течение двух часов вся улица была мобилизована, организована, поделена и вооружена. Появились уже и баррикады перед магазином и мешки с песком на перекрестке.

Осталось только раз-другой выстрелить из окна.

О переводчике. Кайрат Саурбекович Бакбергенов родился в 1953 году в Алма-Ате. Поэт, переводчик, сценарист анимационного кино (Казахстан). Окончил Литературный институт имени М. Горького по специальности «переводчик художественной литературы». Член Союза писателей с 1987 года. Автор книг: «Пойманный ветер» (стихи), «Возвращение» (стихи), «Веретелка» (казахский фольклор для детей) и «Отраженные пространства» (книга переводов). В качестве переводчика издал повесть-сказку Отто Хофмана «Господин Тау и 1000 чудес» (с чешского), сборник стихов Юрия Хэжки «Поэзия малой каморки» (с верхнелужицкого), книгу Владимира Илича «СПИД: 100 вопросов — 100 ответов» (с сербского).

Переводы казахского фольклора, стихов М. Жумабаева, К. Мырзалиева, Г. Аутовой и других поэтов публиковались в журналах «Смена», «Дружба народов», «Аманат», «Простор», альманахе «Дом Ростовых» и др. периодических изданиях. Автор ряда публикаций казахского фольклора на сербском и немецком языках в журнале «Пломье» и ежегоднике «Was ist ein Glueck».

Автор сценариев анимационных фильмов: «Приглашение к игре», «Сезон бабочек», «Слепой», «То, чего не было», «Садовник и роза», «Муха», «Случай на улице N.», «Чей год лучше?», «Шел по дорожке воробей», в разные годы экранизированных на к/с «Казахфильм».

Стихи К. Бакбергенова переводились на французский, немецкий, сербский, казахский и корейский языки.

Уалихан КАЛИЖАНОВ

ПАМЯТЬ и НЕЗАВИСИМОСТЬ

Жившие на необъятных просторах Великой степи, где от дальних расстояний у куланов стирались копыта, а у орлов изнашивались крылья, наши предки отражали набеги врагов и мечтали о свободной и счастливой стране. Но тернист был путь через века испытаний к этой манящей сказочной цели, которая сегодня стала явью.

Есть понятие, что историю делают личности. Если обратиться к нашим тюркским истокам, то начиная с Аттилы в Великой степи было немало ярких личностей, вершивших великие дела и в трудный час становившихся щитом для народа. Этот гордый дух предков всегда был в сердцах казахского народа, унаследовавшего богатейшее культурное наследие, традиции и образ жизни кочевников, а также огромные просторы от Волги до Алтая. Многовековой процесс формирования казахской народности и ее этнической территории завершился во второй половине XV века, а в письменных источниках появилось имя «казах». В ту эпоху это слово среди жителей Великой степи означало «свободный скиталец» и очень точно отображало образ жизни неистовых кочевников.

В фундаментальном исследовании о казахском народе «Описание киргиз-казахских, или киргиз-кайсацких, орд и степей» известный писатель, ученый и государственный деятель А. Левшин писал, что в целях восстановления исторической справедливости по отношению к казахскому народу следует «вместо искаженного слова «кайсак» употреблять «казак».

Этот свободолюбивый народ 550 лет назад создал свое первое Казахское ханство.

Политическая и общественная значимость грядущего юбилея заключается прежде всего в том, что Казахское ханство было первым в Центральной Азии ханством, созданным ныне существующим народом, а не его предшественниками или историческими предками.

Казахи того времени, конечно, не имели пограничных столбов, но всегда с честью оберегали свои границы. Еще задолго до создания ханства казахи имели свою письменность. Науке известны под названием «таласские руны» Пятнадцать памятников древней письменности казахских племен, относящихся ко II веку до н. э. В VII–VIII веках усунями была создана эпическая поэма об Огуз-кагане, подлинник которой был уничтожен в 812–814 годах, а восстановленная копия произведения хранится в фондах Парижской национальной библиотеки.

В период Казахского ханства имелась собственная письменность на арабской графике и чеканились свои монеты. Кроме того, казахские ханы имели своды степных законов, наиболее известный из которых «Жеті жары», принятый при Тауке-хане, а также суды биев, трон и корону. Еще одним доказательством того,

Уалихан Калижанов Калижанулы — директор Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан, доктор филологических наук, член-корреспондент НАН РК.

что в середине XV века в казахской степи существовал полноценный субъект международных отношений, является наличие зарубежных связей.

В русских источниках московские цари казахских ханов называли «казацкий царь или государь». Кстати, есть письмо царя, в котором он просил узнать, кто остался правителем после смерти Касым-хана. Более того, персидский шах называл одного из наших правителей обладателем султанской власти, а крымский хан — родным братом.

Проходит время, меняются эпохи, и мы сегодня живем в независимом государстве, о котором мечтали наши предки. Празднование юбилея образования Казахского ханства должно раскрыть истоки нашей государственности.

Вековая цель наших предков о создании вечного народа, вечного государства сегодня получает новое звучание в идее Нурсултана Назарбаева «Мгілік Ел» — вечного государства казахов. Недаром еще Рашид ад-Дин писал: «Все тюркские племена, участвовавшие в походах Шынгысхана, для придания себе славы стали называться монголами (воинами вечного государства), хотя исторически они были тюрками». Эту мысль автор повторяет несколько раз.

Судьбу сегодняшнего Казахстана невозможно представить без Нурсултана Назарбаева. Именно с его именем связаны становление независимости и расцвет республики, признанной всем миром. В своей книге «В потоке истории» глава государства пишет, что в нашей истории нет ничего такого, чего могло бы стыдиться нынешнее поколение. История казахского народа написана копытами коней. Наши предки боролись за выживание, а мы должны бороться за то, чтобы стать великим народом.

Исследовавший историю тюрков в злополучный тоталитарный период и внесший новые идеи в науку Л. Гумилев говорил, что в период крушения советской империи на просторах Евразии начнется пассионарный взрыв. Это будет трудный и сложный период. Именно в эти годы в Евразии вспыхнули конфликты, заканчивавшиеся порой этническими схватками.

В смутное время перемен взявший в руки узды правления Нурсултан Назарбаев возглавил путь народа к независимости. Были восстановлены оборванные золотые нити веков и возрождены славные традиции, твердо заложены основы независимого государства. Под лучезарным казахстанским небом стало гордо развеваться голубое знамя с парящим золотым орлом. Нация воспрянула духом, установилось единство. Волею судьбы разбросанные по свету соотечественники стали возвращаться на материнскую землю.

Провозгласивший единство народа Елбасы дал понять всем казахам: где бы они ни были, за ними есть Отечество, которое станет опорой, и их тепло готовы принять соплеменники. Отказавшись от сокрушительного оружия, внося огромный вклад в сохранение мира и укрепление безопасности на планете, казахстанское государство стало островком стабильности и согласия.

Нурсултан Назарбаев не только стоял у истока и заложил основы развитого независимого государства, но и создал новую столицу — Астану, которая превратилась в прекрасный город, вызывающий гордость и восхищение. В Астане проходят встречи лидеров мировых религий, руководителей государств, деятелей культуры.

За Нурсултаном Назарбаевым твердо закрепилась репутация сильного и влиятельного лидера, уверенно ведущего свою страну по пути прогресса. Среди плеяды способных и талантливых руководителей современной эпохи он выделяется редким даром предвидения и умением сосредоточить усилия на наиболее приоритетных и важных направлениях государственной деятельности. Нельзя забывать, что именно Н. Назарбаеву удалось вывести страну из тотального хаоса в ряды наиболее успешных государств. Он напряженно работал, чтобы в корне изменить не

только государственную систему, но и ментальность народа, утратившего традиции демократии и собственной государственности. Он не просто руководит страной, а служит своему народу.

Нурсултану Назарбаеву было предписано историей стать у истоков независимости и поднимать родную страну на уровень современных государств. И сегодня видны результаты его последовательной политики и энергичных действий. Казахстан известен во всем мире, растет его авторитет. У Президента Казахстана есть неиссякаемая вера в свой народ, который он нацеливает на решение важнейших задач. И результаты налицо. Мы уверенно движемся к важной цели — войти в число тридцати самых конкурентоспособных стран.

Казахская земля всегда была привлекательна царившим здесь духом степной демократии. Хотя вся полнота исполнительной власти находилась в руках хана, важнейшие государственные вопросы — заключение мира, объявление войны, перераспределение пастбищ, маршруты кочевания — решал собиравшийся раз в год съезд султанов и представителей общин. В то время институт совета биев играл роль современного парламента.

Возвращаясь к высказываниям русского ученого А. Левшина, хочется привести его следующие слова: «Было время, говорят благоразумнейшие из киргизов Меньшей орды, когда и наш народ жил в покое, было время, когда и у нас существовал порядок, были законы и правосудие. Сей Золотой век, о котором вспоминают они со вздохами, есть царствование знаменитого хана Тявки (Тауке. — У. К.), который, если верить преданиям, был действительно в своем роде гений и в летописях казахских должен стоять наряду с Солонами и Ликургами. Усмирив волновавшиеся долго роды и поколения, он не только ввел в них устройство, порядок, но и дал им многие законы. Киргизы Большой и Средней орд утверждали, что народные законы их гораздо древнее хана Тявки».

«Есть великое понятие — Родина, — поделился сокровенным в своем прошлогоднем интервью в Улытау глава государства. — Поэтому надо знать свою историю. Будущее народа, который не знает и не чтит свою историю, весьма туманно». Эти слова Президент подкрепил образным сравнением: «Не будь глубоки корни у старого дуба, не устоять ему в бурю».

Размышляя о будущем страны, Нурсултан Абишевич считает, что оно будет обязательно светлым, потому что казахи — народ миролюбивый, мы не являемся врагами ни для кого и все вокруг нас не являются нашими врагами. Однако в любом случае мы должны думать о безопасности государства и целостности территории. Единство Казахстана — это единство нашего многонационального народа.

В мире всегда уважают не только крепкую экономическую состоятельность, но и богатый духовно-культурный потенциал. И если наша республика имеет все условия для ускоренного развития и процветания благодаря богатейшим недрам, природным богатствам, то духовный потенциал нации сокрыт в ныне здравствующих людях, чья жизнь посвящена народу и деяния которых множат его славу.

Нурсултан Назарбаев говорит, что иногда общество не может выйти на проторенную дорогу развития, не может сойти с привычной блеклой тропинки, народ впадает в сомнения. Выход из такой «растерянности» могут указать только одаренные и яркие выходцы из народа, самобытные и исключительные личности. Ими во все века была богата Великая степь, которая с древних времен служила звездным куполом всех тюркских народов, создававших могучие империи, ставших хозяевами на огромных просторах Евразии от Байкала до Балкан, породивших много выдающихся людей, которые внесли изменения в ход истории.

Идея «нового евразийства» Нурсултана Назарбаева способствовала возрастанию интеграционной, лидерской миссии Казахстана. Более двадцати лет назад, в

1994 году, Нурсултан Абишевич озвучил в стенах МГУ инициативу создания Евразийского союза равноправных независимых государств.

Преимуществом назарбаевской концепции евразийства является ее прагматичность. Президент Казахстана выдвинул не просто красивые лозунги, а показал реальное воплощение идеи. И строилась она на базе наших давних исторических реалий и связей. Сегодня Россия и Казахстан служат своеобразным костяком нового союза по многим параметрам. Во-первых, лишь эти два государства расположены на двух континентах и представляют собой тот становой хребет, который служит основой союза. Во-вторых, они занимают ключевые позиции по богатству недр и своему экономическому потенциалу. В-третьих, их сплачивают тесные многовековые связи.

И вот рожденный в сердце Нурсултана Назарбаева Евразийский экономический союз стал явью. Этот союз должен сплотить наши народы и служить им во благо.

С первых дней обретения независимости Казахстана наш Президент неустанно заботится о сохранении национального наследия казахов и дальнейшем развитии языка, культуры и традиций. По его инициативе была разработана и реализована программа «Культурное наследие», которая включает в себя ряд масштабных проектов. В рамках программы нашим институтом было выпущено 100 томов серии «Бабалар сзі» («Слова предков»). Этот не имеющий аналогов в мире труд обогатил духовность независимого Казахстана, стал подтверждением слов главы государства: «Только сильный духом народ может построить сильное государство».

Народ верит Лидеру нации и связывает с его именем расцвет государства. Об этом говорят итоги последних президентских выборов. И опять на своем высоком посту Нурсултан Назарбаев продолжает нацеливать народ на укрепление казахстанской государственности и вхождение в число 30 развитых стран мира. Именно с этой целью им выдвинуты пять институциональных реформ, затрагивающих госаппарат, судебную систему, промышленность, вопросы национальной идентичности и стабильности общества. Это огромный вызов и большая работа для страны. Успех таких реформ может быть обеспечен только при твердой воле власти и народа.

Одной из важных реформ Президент назвал дальнейшую консолидацию казахстанского общества. Все граждане республики должны пользоваться одним объемом прав, нести один груз ответственности, иметь доступ к равным возможностям. Таким образом, создается нация единого будущего, а пять институциональных реформ — это пять шагов, которые приведут общество и страну к единству и стабильности, выведут Казахстан в ряд успешных государств современности.

Завершить статью мне бы хотелось словами Нурсултана Абишевича: «Ошибается тот, кто считает, что Казахстан находился вдали от столбовой дороги истории. На его древней земле существовали многочисленные государственные образования, которые, подобно людям, переживали периоды детства, юности и зрелости, эпохи своего расцвета, крушения и возрождения из пепла.

Восстановление независимости — это закономерное возмещение жертв, принесенных нашими предками в многовековой борьбе за свободу. Торжество исторической справедливости, свершившейся волею самой судьбы. Заслуга наших дедов и прадедов, отстаивших эту необъятную землю острием копья и мощью разящего удара».

Почитая своих предков, мы уверенно идем вперед, черпая силу в свободолюбивом духе казахского народа, который он гордо несет от времен Казахского ханства до создания независимого государства. Историческая память помогла народу сплотиться вокруг лидера нации и ответить вызовам времени, а Казахстану — стать одним из ведущих государств современного мира.

ЛИТЕРАТУРА, ОБРАЩЕННАЯ К СВОЕМУ ВРЕМЕНИ

Казахская литература первой четверти XX века осмысливается сегодня как литература, обращенная к своему времени, непосредственно к своим проблемам. Это предопределило ее жанровую ориентацию, выбор художественно-изобразительных средств и в целом тематическую направленность. Казахская реалистическая литература явилась художественной летописью общественно-политических перипетий, ломки общественного сознания и психологии, драмы личности, новых идей и веяний. Вместе с тем она отобразила духовные запросы общества, возвела в ранг общенациональную проблему человеческой личности, проблеме гуманизма, став, по сути, литературой Возрождения.

Казахская литература как основополагающая часть духовной культуры казахского народа, имеющего богатые вековые традиции, детерминирует необходимость постоянного системного и многоаспектного изучения. Теоретическое осмысление различных периодов истории литературы позволяет определить роль и место духовных достижений народа в диахронном и синхронном аспектах в общей системе развития мировой художественной культуры, что дает возможность осуществить реальные шаги вхождения суверенного Казахстана в общечеловеческий научно-культурный процесс.

В мире наша страна стала узнаваемой после обретения независимости, стала уважаемой благодаря политике мира и согласия, воплощенных идей лидера нации Нурсултана Назарбаева и национальной интеллигенции. Имена первых наших просветителей, первых ученых, общественных деятелей стали известны лишь после принятия независимости. Период с декабря 1988 года — время окончательной реабилитации крупнейших казахских поэтов и писателей — предоставил колоссальную возможность и богатейшие факты для воссоздания целостности литературного процесса начала XX века, отсутствие которой не обеспечивало полноты познания и научно-объективной оценки историко-культурной жизни страны.

Кардинальное изменение исторического развития огромной державы, ее распад, образование независимых государств предоставили народам возможность изучения собственной истории. Для постижения истории художественной культуры и понимания современных проблем художественного творчества важны методологически определяющие, концептуально значимые вопросы истории казахской литературы, ее современного переосмысления.

Парадоксальность современного состояния общества состоит в том, что в начале третьего тысячелетия мы столкнулись с теми же вопросами и проблемами, что и в начале XX века: каковы пути дальнейшего развития человека и общества, каковы формы общественного устройства, что есть и какова ценность жизни индивида.

Бейбут Баймагамбетович Мамраев — доктор филологических наук, профессор, ректор Атырауского государственного университета им. Х. Досмухамедова, Республика Казахстан.

Среди этих глобальных проблем немаловажное место занимает проблема влияния художественной культуры и литературы на действительность.

На современном этапе мы можем более детально изучить подлинную биографию и бесценное наследие людей, названных врагами народа, чьи имена ушли в забвение. Возвращение творческого наследия Шакарима Кудайбердиева, Ахмета Байтурсынова, Алихана Букейханова, Гумара Карашева, Мыржақыпа Дулатова, Магжана Жумабаева, Жусипбека Аймауытова, запрещенных ранее некоторых крупных произведений Султанмахмута Торайгырова, а также других художников слова позволяет нам сегодня восполнить пробелы не только в истории литературы.

Проблема историко-духовной реабилитации воспринимается намного шире, поскольку начало века останется в истории народа как эпоха, выдвинувшая на общественно-политическую и художественно-культурную арену не только названных поэтов и писателей, но и историков, юристов, экономистов, ставших фигурами общегосударственного масштаба. Среди них Б. Каратаев, Р. Марсеков, Х. Досмухамедов, Ж. Акпаев, М. Тынышбаев, К. Тогусов и многие другие. Целостная картина исторической эпохи может быть представлена наиболее полно только с включением их имен и творческого наследия в историю культуры и общественной жизни страны.

Среди плеяды ярких представителей казахской национальной интеллигенции имя Халела Досмухамедова особенное. Блестящий педагог, глубокий мыслитель, ученый и врач, краевед Х. Досмухамедов показал себя истинным патриотом, достойным сыном казахского народа. Он стал образцом настоящего интеллигента, всего себя посвятившего людям, служению своему народу.

В 1990 году, в начальный период нового, научного осмысления истории казахского художественного слова, особенно периода начала XX столетия, академик НАН РК З. Ахметов обратил внимание исследователей на ряд важнейших теоретических посылок, среди которых наиболее интересной представляется следующая мысль ученого: «Понимание развития художественной литературы как процесса важно и в методологическом плане, ибо дает возможность в полной мере учитывать социальные, исторические параметры в художественном мышлении, рассматривать литературные явления и факты в соотношении с эпохой, социальными преобразованиями и в то же время с внутренними закономерностями самой литературы, ее художественным своеобразием, национальными литературными традициями. Своеобразие казахского литературного процесса начала XX века можно понять лишь в том случае, если рассматривать литературу в неразрывной связи с историческим развитием общества, важнейшими социальными событиями предреволюционных лет» [1, с. 30].

Однако только определение социальной детерминации художественных явлений не способно раскрыть всего их многообразия, хотя сама по себе данная проблема достаточно широка и ведет к уяснению такого важного вопроса гуманитарной науки, как литература и социология. В данном случае нас интересует идея социальной детерминации прежде всего как социально-политическая обусловленность, имеющая непосредственное отношение к истории литературы.

Художник, не познавший объективные законы действительности, не представляющий ясно историю развития человеческого общества, никак не может претендовать, с одной стороны, на создание подлинно художественного произведения, отображающего саму жизнь, с другой — вряд ли это творение повлияет на качественное изменение личности и общества. Иными словами, талант художника, как изначально природный дар, имеет возможность своего развития при соблюдении целого ряда объективно-субъективных условий, определяющим среди которых является знание глубинных законов жизни в равной степени как человеческого общества, так и отдельной личности.

Задача литературоведа в данной ситуации не менее сложна и ответственна. В первую очередь ему надлежит профессионально оценить художественное творение как явление духовное и социально значимое. Принципы этой оценки вырабатываются литературоведческой наукой исходя из основного постулата: то творение велико, в котором чувствуется жизнь и которое создано по законам высокой художественности.

Важно разграничивать такие понятия, как история литературы и история литературного процесса при анализе романтизма, символизма, реализма в отечественной литературе. Важна роль литературной критики. Именно литературная критика определила ряд существенных вопросов, имеющих приоритетное значение для своего времени. Прежде всего — это вопрос о роли и значении литературы, о состоянии и дальнейшем развитии литературного языка, о национальном своеобразии, об освоении мирового художественного опыта, о необходимости жанрового разнообразия и отношении к народному творчеству, которые в конечном счете преследовали благородную цель — пробуждение и развитие национального сознания, национальной гордости, без чего невозможно существование нации, во имя которой представители культуры и литературы отдали свои жизни. В жизни и творчестве писателей процесс восстановления разорванных связей, воссоединения оборванных струн приобретал отчетливый культурно-возрожденческий смысл.

Наивысшую ценность в казахской литературе первой четверти XX века обретает человеческая жизнь. Впервые так остро и зримо углубляется художник в человека, в себя, в свои чувства и переживания. При всем единстве целей и задач, стоящих перед писателями и поэтами, публицистами и драматургами, каждый из них оставлял за собой право собственного видения окружающего мира, и это всецело зависело от его таланта. Историко-литературное значение казахского романтизма заключается в том, что он послужил важной и необходимой ступенью дальнейшего развития национальной литературы на ее пути к реализму. Поэты романтического и символистского направлений, безусловно, внесли новое содержание в центральную тему литературы — тему личности, тему человека, его естественного права на свободу. Они приблизили поэзию к успешному решению задачи отражения реальной действительности. Творчеству крупнейших поэтов и писателей начала века — Султанмахмута Торайгырову, Магжану Жумабаеву, Берниязу Кулееву — присущи гуманистический дух, демократическое чувство, обостренный патриотизм — именно эти черты дают возможность воспринимать казахскую литературу начала столетия как особую эпоху в истории художественной мысли Казахстана.

Среди тенденций развития казахской литературы достаточно зримо проступает проблема ее отношения к славянской и западноевропейской художественной литературе и философской мысли. Состоявшаяся встреча Востока и России в судьбах русских писателей Дмитрия Мамина-Сибиряка, Михаила Пришвина, Георгия Гребенщикова привела к художественному отражению казахской тематики в их легендах, очерках, рассказах и повестях. Казахская тема органично включается в общую проблематику творчества русских писателей, высвечивая новые грани евразийских взглядов. Постоянство и интенсивность творческих и дружеских контактов литераторов сопредельных стран формировали другую оптику миропонимания, раскрывая потребность друг в друге. Г. Гребенщиков, самобытный талант которого расцвел на земле Восточного Казахстана, словно завершает художественное исследование казахской дореволюционной действительности, начатое Г. Державиным, А. Пушкиным, В. Далем, Т. Шевченко, Д. Маминым-Сибиряком, М. Пришвиным и другими. Прозаик пытался видеть мир глазами кочевника и влетал в русское художественное повествование степные узоры, неразрывно связав своей творческой

судьбой России и Казахстан. Тем самым, по мнению современных исследователей, «в самих основаниях русской культуры заложен бинарный код притяжения/отталкивания по отношению и к Западу, и к Востоку, что обуславливает ее имманентно пограничный характер» [2, с. 14].

В истории осмысления литературно-культурных связей казахов зарождение сравнительного литературоведения следует искать в трудах Ч. Валиханова. Вслед за ним выросла целая плеяда казахских исследователей, поэтов и писателей, которые в разной степени внесли свой вклад в разработку многих аспектов сравнительного литературоведения: переводы и разработка проблем художественного перевода, определение типологических схождений, анализ многоплановости литературных связей и влияний. Проблематика влияний и типологических схождений «при несовпадении отдельных исторических фаз и процессов» остается в центре научных интересов представителей современных научных филологических школ [3, с. 421].

Художественное исследование казахской литературы первой четверти XX столетия, возможностей человека, разбуженного («Оян, аза!» М. Дулатова) катаклизмами новой эпохи, способствовало дальнейшему развитию жанров и стилей, обогащению изобразительных средств миропонимания, поэтизации созидательного начала. В литературе усиливается философское звучание, происходит обогащение психологического анализа, возникают новые, нетрадиционные формы прозы и поэзии. Художественный процесс отмечен определяющей ролью фольклорного влияния, просветительно-романтическим симбиозом, слитностью романтического и реалистического художественного мышления.

Решающая роль в литературном движении первой четверти XX века принадлежала поэтам и писателям, жившим передовыми идеями века, стоявшим на почве прогрессивного общественного и художественного мировоззрения, — тем, кто стремился развить национальную литературу, способную ответить на насущные социальные и политические запросы времени. Углубление познавательных функций литературы нового периода казахской истории способствовало формированию социально и эстетически зрелой, духовной и мыслящей личности, осознающей свое предназначение на Земле.

Всматриваясь в многовековую историю казахов, мы можем определить общественно-художественный процесс начала XX века как период интеллектуальной реставрации. Воссоздание целостной картины истории казахской литературы начала XX века, определение основных тенденций ее развития позволяет ей в полной мере быть включенной в мировой литературный процесс.

Литература

1. Ахметов З. О своеобразии казахского литературного процесса начала XX века // Известия АН КазССР. Серия филологическая. 1990. № 2. С. 28–36.
2. Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы: Материалы конференции, Москва, ИМЛИ, 4–6 июня 2012 г. / Отв. редактор Земской В. Б. М.: Наука, 2013. — 150 с.
3. Широкова Л. Ф. От соцреализма до постмодернизма: Смена художественных направлений // Письменность, литература, фольклор. История славистики / XV Межд. съезд славистов. М.: Древлехранилище, 2013. С. 422–443.

Вера САВЕЛЬЕВА

Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра

Рассказ есть изначальная форма
литературной организации языка.

М. Веллер

Рассказ как первожанр

В статье «Писатели и пишущие» Р. Барт устанавливает разграничение между этими двумя социальными ролями и проявлениями через их отношение к языку. «Писатель выполняет функцию, а пишущий занимается деятельностью». «Писатель — тот, кто обрабатывает (хотя бы даже вдохновенно) свое слово, и его функции полностью поглощаются этой работой. В писательской деятельности есть два правила — правила искусства (композиция, жанр, письмо) и ремесла (терпение и труд, поправки, усовершенствования)» [1, 134–135]. При этом нарциссизм деятельности писателя заключается в том, что, «замыкаясь в своих заботах о том, „как писать“, писатель в итоге неизбежно приходит к самому открытому из вопросов: „отчего мир таков?“, „в чем смысл вещей?“» [1, 135].

Если следовать за смыслом слова, то первожанр в прозе — это сначала устное повествование, а потом уже его оформление. В таком случае рассказывающий опережает пишущего. Но нужно уметь вычленивать из единого потока жизни единицу сюжета. А это уже талант писателя. Рассказ рождается как ненаписанный текст для внутреннего уха писателя — взгляд на образ мира, а потом превращается в текст, написанный для глаз и слуха читателя, — художественное произведение.

Рассказ — это наиболее мобильный и свободный вид художественного произведения, главным признаком которого является факт письменного рассказывания кем-то (автором, рассказчиком, персонажем) чего-то всем. Средний рассказ — это повесть; длинный — роман; очень короткий — это случай, анекдот, притча, басня; рассказ в стихах — это баллада, поэма. Рассказ — это один из первожанров. Каждый автор ищет для своего рассказа адекватное тело текста. Именно потому, может быть, текстотворчество в рассказе определяет миротворчество. «Оперативнее про-

Вера Владимировна Савельева — филолог, критик. Родилась в 1950 году в Джамбуле. Окончила Казахский государственный университет, аспирантуру Ленинградского государственного университета. Автор книг «Художественный текст и художественный мир: проблемы организации» (1996), «Художественная антропология» (1999), «Художественная гипнология и онейропоэтика русских писателей» (2013), «Облака, сны, слезы в художественной антропологии А. Чехова» (2014), книги стихов «Четыре» (2007) и «Письма в складчину. Алматинский адресат Клары и Юрия Домбровских» (2009, в соавторстве), статей о русской литературе Казахстана. Живет в Алматы.

чих прозаических жанров рассказ реагирует на изменения в общественной жизни: во-первых, он попросту быстрее пишется, во-вторых, в нем труднее халтурить, выдавать желаемое за действительное, подменяя пристальный взгляд на вещи длиннотами описаний и перечнем событий» [2, 447].

Метажанровая природа рассказа заключается в его способности к постоянной трансформации и одновременному сохранению некоторых компонентов. Рассказ по своей сути не знает герметически замкнутого существования. В той или иной форме, в той или иной степени выраженности всегда заявляет о себе неустойчивость этой категории. И. Н. Крамов пишет: «Рассказ многолик, и в этом прелесть и обаяние жанра. Нельзя и не нужно ограничивать богатство жанровых возможностей рассказа какой-нибудь одной традицией, художественным направлением или сферой интересов» [3, 30]. Этому жанру присуща пластичность, дающая возможность мгновенно трансформировать уже отвердевшие и сложившиеся формы. Жанровая структура рассказа конца XX — начала XXI века не видоизменилась коренным образом. Но этот жанр, являясь одной из самых мутирующих форм, позволяет авторам создавать новые его разновидности, отражающие дух времени. В творчестве многих писателей рассказ приобрел новые очертания, появляются и синкретические и гибридные образования, совмещающие в себе элементы различных жанров — от анекдота, притчи и сценки до мелодрамы и повести. Меняется и объем рассказа: от короткого рассказа в 162 слова (short story) до большого текста, приближающегося по величине к повести. Писатель и эссеист Михаил Веллер, характеризуя размытые каноны жанра, определяет минимальный (одна-три страницы) и максимальный объем рассказа: «Представляется, что сейчас следует определять рассказ как законченное прозаическое произведение объемом до сорока пяти страниц. Почему именно сорока пяти? Это приблизительная величина, два авторских листа. Такая вещь читается на одном дыхании. Прозу более длинную по-русски следует назвать повестью» [2, 450–451].

В современной русской казахстанской прозе есть все жанровые модификации рассказа: рассказы классического типа (А. Арцишевский, С. Назарова, К. Гайворонский, М. Земсков), сюрреалистические рассказы (Г. Доронин), короткие рассказы (Е. Тикунова, Е. Терских, У. Тажикенова, Ю. Серебрянский), юмористические рассказы (Р. Соколовский, К. Воскобойников, С. Муминов), рассказы-притчи (У. Тажикенова, Г. Бельгер), рассказы-новеллы (О. Марк, О. Шиленко, В. Гордеев, И. Одегов), автобиографические рассказы (Н. Чернова, Г. Бельгер, Б. Канапьянов, К. Гайворонский), рассказы с элементами абсурда и гротеска (Н. Веревошкин, А. Рогожникова, М. Величко). Рассмотрим, какие стороны жанра рассказа актуализируют в своем творчестве казахстанские писатели.

Рассказ-ретро у Адольфа Арцишевского, или Пойманное время

Свои рассказы А. Арцишевский как бы выводит из жизненных впечатлений и воспоминаний. Автор-повествователь и он же часто рассказчик-персонаж пребывает в ситуации поисков утраченного времени. При этом нарастающая временная дистанция увеличивает ценность прожитых мгновений и событий. Рассказ «Чай с коньяком» начинается фразой: «Он проснулся от чувства утраты». Никаких причин для тревоги нет, жена и пятилетняя дочь мирно спят, но вдруг он вспомнил себя девятнадцатилетнего и восемнадцатилетнюю девушку с серыми доверчивыми глазами. Вечный кризис мужского возраста как бы впервые открывает для себя герой рассказа. В рассказе нет буинского надрыва, но есть тяжесть вины и убежден-

ность в бесценности пережитого: «Смешно и глупо все это, подумал он теперь в свое сорокалетнее утро. Но в сорок лет от себя, девятнадцатилетнего, отречься не будешь. Все, что было с тобой в безоглядные года, с течением жизни становится все более бесценным, как Парфенон или церковь Покрова на Нерли» [4].

Знание и описание быта представляется важной и существенной основой прозы, как художественной, так и документальной. Рассказы А. Арцишевского строятся на сопряжении двух начал. Прежде всего, умения описать конкретные, сохраненные в памяти реалии быта, зримо передать ощущение прошедшего времени. Второе — сопроводить жизнеподобную картину мира сегодняшними чувствами, настроениями, мыслями. Автор-рассказчик заявляет: «Я живу в мире тревожных ассоциаций». Лирический пафос, субъективный строй авторского повествования сопровождают читателя от начала до конца каждого произведения. При этом рассказы А. Арцишевского нельзя назвать лирическими, так как они насыщены событиями, персонажами и чужими судьбами. И, конечно, конкретными реалиями уходящего времени.

В рассказе «Брат» описан послевоенный быт, непременным атрибутом которого был примус. «На кухне беснуется примус. Перед ним, засучив рукава гимнастерки, стоит Ромашов с набором примусных иголок. Он сосредоточенно исследует шум пламени». В «Казанском вокзале» оживают мальчишеские воспоминания о Москве 1947 года, когда автор-рассказчик впервые оказался в столице. Семья ночует на вокзале, так как не получается «выдрать» в кассе билет. Уже проели все деньги, и отчим решает продать боевые ордена предприимчивому покупателю: «Покупатель был в поношенном, но еще крепком полупальто, называлось оно „москвичка“, сейчас такие не носят, и во рту у него поблескивала золотинка». «Отчим расстегнул китель, стал отвинчивать ордена — Отечественной войны третьей степени и Красного Знамени. Они отвинчивались плохо, будто вросли в китель, впечатались намертво, он не свинчивал их никогда. Он прикусил нижнюю губу и явно психовал, он всегда психует, когда не получается чего, и лучше под руку ему не попадаться». Для художественного видения А. Арцишевского очень важно визуальное, чувственное начало. Вот и появляется в его рассказе гастрономический натюрморт послевоенного времени: «Он увидел перед матерью на лавке колбасу ломтями, коричневато-розовую, с белыми крапинками жира, полбуханки хлеба с ноздреватым упругим мякишем, белые пластинки лука».

А это еще один этюд-фрагмент, только интерьера ушедшего века, из рассказа «Как в саду при долине»: «А в сорок третьем году была гитара новенькая, еще лаком пахла, к ее грифу был приторочен пышный бант темно-вишневого цвета, и висела она в простенке между репродуктором и шкафом». Память автора проявляет, как фотограф, портреты исчезнувших людей: «Почтальонша появлялась каждый день... На почтальонше был великоватый для нее, с мужского плеча форменный зипун, какие носили только связисты и железнодорожники, из грубого солдатского сукна, но темно-синего или даже черного цвета. Она появлялась бесшумно и быстро и не глядела по сторонам, тихая, напуганная письмами с фронта, которые носила в своей кирзовой сумке, тоже большой, тяжелой и не по плечу».

Реалии того быта ушли, но память осталась, и она возвращает ушедшее: «А потом вагон дернулся и поплыл невесомо, заставив сердце обмереть оттого, что часть жизни кончилась, уходит в прошлое, чтобы забыться навсегда, на веки вечные. И вдруг десятилетия спустя подняться на поверхность памяти и разбередить ее тревогой и болью, Бог ведает зачем и почему...»

В рассказе «Ищу наследство» рассказчик-персонаж бережно восстанавливает, как бы реставрирует, образ отца-художника. «Он умел писать холсты легко и быст-

ро. И несмотря на ранние запои, мог бы сделать многое. Работа в музее была его первым крупным заказом. Первым и последним. И дело тут не в отце. Просто шел 1941 год. Отцу тогда было 23 года. Ему так и осталось 23 года. Мне сейчас много больше. Я часто думаю, до чего же это нелепо, если дети взрослее отцов. Знаешь, отец, в моем представлении ты удивительно молод. И если я испытываю к тебе какие-либо чувства, то не сыновьи, а скорее отцовские». Выстраивая события дней детства и юности, рассказчик завершает произведение фразой: «У меня растет сын». Сюжет о вечном возвращении времени и невозвратности ушедшего оживает в композиционном кольце текста.

«Голос воды» — это тоже рассказ-откровение о том, как отец узнает себя в сыне. «И он увидел самого себя, мальчишку, в школьной форме по теперешней моде, с погончиками, при железных пуговицах, с портфелем, точь-в-точь как у сына. Он сидел у ручья под жиденькой вербой, принаклонившись, подавшись вперед, и поначалу непонятно было, что же он делает, зачем так сидит. „А ведь и я сижу так же, когда слушаю воду“, — подумал Олег Петрович, и не в силах остановиться, как замороженный, шел к самому себе». Тема взаимоотношений отца и сына развивается в прозе Арцишевского не по фрейдовскому сценарию. Писателю важно представить не отдаление младшего от старшего и не скрытую раздраженную ревность старшего к младшему. Где-то на заднем плане они есть, но не это становится точкой кипения сюжета, а иное — история сближения, узнавания себя в другом и открытие другого в себе.

Триптих «Дом», на мой взгляд, является сердцевиной малой прозы Арцишевского. Кажется, что он создан на одном дыхании. В нем три небольших рассказа: «Яшка» — об осле, купленном дедом в 1945 году, чтобы строить дом для всей большой семьи, на будущее для детей прежде всего. Второй рассказ — «Король», о «великом сапожнике» Ваське, который шил обувь всей улице и был калекой. Еще в нем сообщается о продаже Яшки, чтобы купить железо на крышу дома. Третий рассказ «Тарзан» — о последнем псе в семье и о переезде на новую квартиру. Дед перед переездом по уговору Короля решает продать пса скорняку, но мальчик не дает этого сделать. А потом Тарзан всеми собачьими способами пытается помешать сломать дедов дом. «Тарзан метался, как дьявол, он охрип и мешал всем работать. Они отмахивались от него ломami, пытались поймать или пришибить, а он увертывался и не уходил. Он защищал наш дом».

Что осталось от всего пыла кипевших когда-то страстей? Только память. Да и та подводит. «Рассказал я младшему сыну про деда, про дом, про Тарзана. Решили мы с ним провести место, где стоял дедов дом. Долго искали и никак не могли отыскать. Там столько понастроили... Сердце чуяло, он где-то рядом, клочок земли, освященный моим детством, смертью бабушки, жизнью деда».

Мировоззрение писателя можно понять через его отношение к неостановимому бегу времени. Что ему ближе: ощущение делимости времени и дробности промежутков или, может, конфликтности уходящего и наступающего ему на пятки нового времени. Сценарий поведения писателя Арцишевского я бы определила так: желание связать прошлое с настоящим или хотя бы минимально сократить дистанцию отдаления. Это алгоритм действий созидателя. Может быть, не случайно в рассказе «Ищу наследство» возникает описание звуков разных часов: «Вечером мы слушали с ним часы. Они шли по-разному, хотя показывали одно и то же время. Будильник был нетороплив и звучен. Ему почтительно поддакивали ходики, у них тусклый и дребезжащий звук. Ручные часы жили как муравейник, неслышно и торопливо». Современному человеку привычнее беззвучные электронные часы на батарейках, но звук часов детства незабываем. Так, балансируя между конкретикой

эпики и лирикой, А. Арцишевский создает свою форму рассказа-исповеди, рассказ-ретро о том, что осталось в памяти и душе навсегда.

Экзистенциальный герой в сюрреалистических рассказах Геннадия Доронина

Геннадий Доронин — автор более десятка книг, среди которых «Старый друг уезжает», «Четвертый десяток», «Жизнь и смерть Буратино», «Между пунктами назначения», «Бершарал», «Глагол прошедшего времени», «Я б в волшебники пошел», «Он и она», романов «Остров» и «Реальность номер один». Книги эти разные. Остановимся только на рассказах писателя.

Через многие и, пожалуй, лучшие рассказы книги «Временн(ы)ой роман» проходит один персонаж, носящий фамилию Иванов, но с разными именами, Иван («Юбилей»), Михаил («Любовь, ничего больше...»), Виктор («Везение на все времена»), Александр («Возвращение»), Женька («Жук времен»). Этот образ имеет двойную сердцевину, включающую равновеликие, но разнородные начала: шутовское и серьезное, реальное и фантастическое, глупое и умное, социальное и асоциальное. Герой Доронина то ли вечно явно пьян, то ли всегда мнимо трезв. Этаким маленький человек, раздавленный эпохой перемен, но и одержимый гамлетовскими вопросами. Он предстает как шукшинский чудик, или едущий в электричке Веничка Ерофеев, или вампиловский циник, маканинский интеллектуал, а может, мамлеевский монстр. Он наделен особым зрением, контактен, но и одинок во вселенной в своих перемещениях во времени, как экспериментатор братьев Стругацких. Этаким экзистенциальный герой сюрреалистических рассказов.

Дрейфуя между женщинами, он обещает быть в некотором смысле принцем, но оказывается проходимцем, не столько в негативном, переносном смысле, сколько в прямом, то есть проходящим через их жизни. Эти женщины меняются, но в памяти разных Ивановых они похожи и носят имена Светлана, Галина, Людмила, чаще всего они — Мария. Ампутированная жизнь их одомашнила, заземлила, лишила внутреннего света, они устали от Иванова. А он, этаким капризный Мастер, так и не нашедший своей Маргариты.

Каждый рассказ Г. Доронина состоит из эпизодов, лирических, смешных, порой нелепых. К примеру, рассказ «Везение на все времена» начинается так: «Иванов вышел из подъезда и сразу вляпался в огромную коровью лепешку.

— Так и знал! — сказал он. — Дерьмо все прибывает...

Вчера на этом месте его поджидали конские яблоки, он наступил на них, как сапер-новобранец на гранату. В понедельник его обгадили дикие голуби, птицы мира. „Откуда в центре города эти тучные стада и стаи? — думал он, страдая. — Все завалено говном, будто жизнь не дает позабыть, на чем все держится“...» [5]. Сюжеты многих рассказов построены на сочетании жизнеподобного, фантастического и абсурдного. Рассказ «Юбилей» — это история, которая произошла с Иваном Ивановым за 50 дней до его пятидесятилетнего юбилея. Это время, когда, по выражению героя, «страна раскололась, как зеркальце, ничего не рассмотришь в осколках — то налитой кровью глаз косит, то прыщ на носу». Оставшийся без работы, Иванов ходит к автовокзалу и продает взятые на реализацию товары: пакетики с соком, дешевые сигареты, резинки для трусов. Его жена Мария готовится достойно отпраздновать юбилей мужа. Но юбиляра начинает посещать один переходящий из ночи в ночь сон, в котором празднуют его дни рождения в обратном порядке, от 49 и назад в прошлое, и каждый раз вручают том Большой Советской энциклопедии, начиная с 49-го тома и по убывающей. Мария начинает замечать, что наяву он молодеет. Она недоумевает, раздражается, ревнует. Сам Иванов в беспокойстве. И в день

юбилея сбываются самые страшные его прогнозы: он исчезает, так как за день до этого во сне он только родился: «Он закрыл глаза и пропал. Растворился, как кусок сахара в черном кофе, утонул без боли и отчаянья. Чернота, безмолвие... Ни ширины, ни длины, ни тиканья будильника». А наяву: жена в горе, гости в недоумении, а в спальне на кровати, на полу, на столе множество огромных, с золотым тиснением энциклопедических томов. Но все собрались, еда наготовлено, и начинают пировать без Иванова.

Разноименные Ивановы из рассказов Г. Доронина имеют единую биографию, а истории их жизней как бы сливаются в одну, где есть радостное детство, бесшабашная юность, история счастливой любви, а далее жизненная катастрофа, неожиданно превращающая Иванова в скитальца, писателя и искателя приключений. Иванов-бомж появляется в рассказе «Возвращение», а далее в рассказе «Колодец» бомж Иванов уже и имени не имеет, а только прозвище — Кулема. И бродяжку, которую он прихватил с собой, зовут, конечно, Машка. Они планируют отсидеться во время весеннего паводка в богатом доме дачного поселка. Все идет отлично. Они сумели проникнуть в дом, осмотреть его, хлебнуть спирта и даже открыть подвал, чтобы достать привычную закуску — соленые прошлогодние прокисшие огурцы. И тут внезапно возвращается хозяйка забрать кошку и предусмотрительно закрывает люк забетонированного подвала. Дамба прорвана, и потоки воды быстро заполняют территорию дачного участка, а в подвале погибают двое, Филимон и Бавкида нашего времени. Так завершается один из вариантов жизни Иванова.

Но Иванов не только может исчезнуть («Юбилей»), погибнуть («Колодец»), утонуть («Везение на все времена»). Его может застрелить скучающий хозяин пневматического тира — рассказ «Прыщавая жизнь». Наконец, Иванов способен жить в нескольких измерениях, как в рассказе «День любви». А в рассказе «Тайна» Иванов заживо замуровывает себя в таинственной, забытой всеми комнате, а свою продает соседу. Наконец, этот виртуальный Иванов может дожить до старости, стать дедом и иметь внуков («Июль», «Жук времен»).

В прозе Г. Доронина важную роль играет диалог, именно он часто определяет сюжетную динамику, и тогда описания становятся стоп-кадрами, которые представляют читателю интерьеры, пейзажики, железнодорожные этюды или гастрономические картинки. Так, в рассказе «Прыщавая жизнь» возникает «город, похожий на дикобраза», утыканный закопченными трубами, — кочегарка на кочегарке. В «Тайне» описан другой урбанистический пейзаж: «Он давно уже не любил этот город — с той же силой, что прежде любил. Он ненавидел натянутые струны троллейбусных проводов — они казались проволокой, вдоль которой бегают на цепи собаки и люди. Он ненавидел вагоновожатых, которые всю жизнь притворяются, что управляют трамваями, а трамваи послушны только судьбе, которая называется у них рельсами. Он содрогался при виде памятников — конные и пешие, не улыбкающие, затекшие в напряженных позах, они строго следили бронзовыми глазами за оставшимися в живых, как стервятники».

В рассказе «День любви» появляется сюрреалистический натюрморт («на столе в тарелках с золотым ободком дымилась уха, ощеренная судачья варка с побелевшими глазами, увенчанная лаврами, покоилась на блюде, как голова Олоферна», апокалипсическая кукушка из настенных часов и фантазмагорический «сумасшедший глобус», который, как в «Мастере и Маргарите», оживает от прикосновения. «Я крутанул глобус и жуткая сила сбила меня с ног, швырнула к стене, придавила невыносимой тяжестью... С неимоверным усилием переставляя чугунные ноги, я двинулся к сумасшедшему глобусу. На его поверхности красными прыщами наливались очаги напряженности, разрастались мерцающие пятна радиоактивных по-

лей, синюшными отеками расползались наводнения. Что-то взрывалось и вспыхивало на раскрашенном картоне»).

Тема необратимого и исчезающего времени главная в книге рассказов. Предложенное двойное прочтение заглавия (временный — то есть не навсегда — и временной — то есть о движении времени) определяет философию и символику образного строя сюрреалистического цикла.

Писатель Аким Тарази так выразил свое впечатление от чтения произведений Г. Доронина: «Удивительный эффект содержится в его книгах: вроде бы рассказы его порой мрачные, но через какое-то время приходит впечатление от них светлое, жизнеутверждающее. Появляется как бы вопреки всему самое настоящее жизненное. Отчего это происходит? Автор любит копаться в душах людей «запредельных», находящихся как бы уже за чертой привычного бытия. Но эти люди второго плана — они и есть главные люди, характеризующие наше время. Их души разрушались вместе с эпохой, они сломаны вместе со старым жизнеустройством, они растеряны на ветру безвременья. Но души их живы, нет-нет и встрепенутся под обломками прошлого, потянутся к добру. И думаешь: если жизнь перестанет людей корезить, глядишь, они и выровняются, и заживут себе не хуже других».

Уходящее и сейчас в рассказах Светланы Назаровой

Три качества бесспорно присущи документально-художественной прозе Светланы Назаровой: автобиографизм, субъективность и эмоциональность. Ее рассказчик-повествователь смотрит на двудерный мир, стоя на порубежье: он удерживает отдаляющееся время и старается не упустить из виду настоящее.

Роль памяти, святость воспоминаний позволяют признать, что именно прошлое становится в творчестве Назаровой отправной точкой повествования. И когда воспоминания безмолвно, послушно свой длинный развивают свиток, тогда и начинает плестись ткань рассказа. «Бабушку я помню с тех пор, как научился крепко ходить. Или мне так кажется. Но помню ее раньше, чем свою мать» — так начинается один из лучших рассказов «Мой зеленоглазый аруах» [6]. Повествование от первого лица позволяет не только передавать события, но и комментировать их, соединить описательность и образность. Рассказчик — молодой человек, который ретроспективно восстанавливает моменты своей жизни, начиная с детства.

«Мою бабушку звали Мурсея, была она зеленоглазая, и дед втайне гордился этим, хотя и часто подшучивал над ней: „Кто дал тебе твои глаза, Мурсея? Может, русский замешан здесь? Может, у матери твоей была своя женская тайна? Или смотрела она на зеленоглазую степную рысь перед тем, как родить тебя?“ Бабушка напускала на себя сердитость и, пряча улыбку, замахивалась на деда посудным полотенцем. А на старой фотографии он бережно касался бабушкиного плеча: она сидела на стуле, как на троне, обтянутом белым чехлом, молодая, с черными косами, перекинутыми на грудь, в бархатной короткой жилетке, расшитой по бортикам кудрявым узором, в длинной юбке, из-под которой высовывались носки сапожек, с этими своими светлыми глазами на белом лице. И мне всегда казалось, что даже черно-белая фотография излучала зеленый цвет ее глаз. А дед стоял рядом, бравый усач с упрямыми скулами, уставившийся туда, куда велел фотограф. Даже взгляд у бабушки сильно отличался на этой фотографии: она смотрела строго и с затаенной надеждой и ожиданием чего-то хорошего, неведомого, а дед — просто замер с туповатым лицом».

С. Назарова плетет свой текст с любовью, не щадит слов. Любовь внука к бабушке одухотворяет и возвышает каждодневный быт, превращает мальчика в ху-

дожника: «Помню, однажды ночью я проснулся от тоненького прерывистого звука и не мог понять, что за птица его издает. Прислушавшись, я понял, что это храпит бабушка, и удивился тому, что она как будто пела во сне. Дед храпел по-другому, он как будто угрожал кому-то, отгонял опасность. Я обрадовался уюту нашего саманного домика...» И когда, уже взрослый, герой провожает бабушку в последний путь, то видит: «Белые, как снег, редкие облака были неподвижны в синем воздухе. Они не мешали солнцу. Облака были похожи на платок моей бабушки».

Казалось бы, на этом можно закончить рассказ, но автор приберегает для читателей еще один эмоционально значимый эпизод. Это разговор с дедом после поминок, когда они вместе идут в огород и старик указывает на старый эмалированный таз, обложенный вокруг камешками. «Подними его, Мади», — тихо сказал дедушка. Я убрал камни, поднял таз. Под ним были глубокие, чуть потрескавшиеся мои следы — те, что остались больше месяца назад, когда я в последний раз поливал бабушкин огород. «Она любила тебя больше, чем меня», — по-детски обиженно сказал дед, и губы его затряслись. Меня подбрасывало, как в лихорадке, сердце мое разрывалось. Я прижал деда к себе, и мы оба плакали в голос».

Автобиографизм С. Назарова и не скрывает и даже откровенно указывает на него. Из коротких рассказов, включенных в «СТОП-КАДР», мы узнаем подробности детства, юности автора. Это, конечно, первые воспоминания, образы отца и матери, которая постепенно стареет и уходит из жизни, оставляя свою неповторимую мудрость дочери: «А когда прошло много лет, я поняла, что вряд ли встречу за всю свою жизнь хоть одного человека из многих тысяч, кто заставлял бы своих детей отвозить в горы, „присыпать землей“ косточки от урюка, чтобы выросла новая роша...»

Даже воссоздавая вымышленных персонажей в остросюжетных рассказах «Клетка», и «Реквием падающей звезды», Назарова облагораживает и одухотворяет сферу их чувств и мыслей опытом своего внутреннего мира. Назарова описывает то, что переживала сама, что задело ее равнодушное сердце. Это не проза ума и рефлексии. Эмоциональность и субъективность в ней неразрывны. Как ни пытается автор сдерживать себя, не удается спрятать тенденцию, мнение по поводу описываемого. Потому то тут, то там на страницах возникают фразы-всплески, цель которых привлечь, расшевелить равнодушного, заставить задуматься и сопереживать, вспомнить. Эти интерактивные моменты позволяют судить о писательском и журналистском темпераменте Назаровой.

В рецензии на вторую книгу стихов С. Назаровой критик В. В. Бадиков писал о злободневности ее стихов и бескомпромиссной этической позиции: «Это социально-значимое лирическое слово, или лирический диалог, лирика вызова, если хотите. Вся ее большая как бы стихийная книга „Не оставляйте на потом...“ — это авторское буйство чувств и половодье мыслей» [7, 189]. Эта социальность тем более характерна для прозы С. Назаровой о нашем сегодняшнем дне. В жестком и динамичном рассказе «Клетка» показано, как ломается человек под влиянием обстоятельств, как он переступает через «вечные ценности», о которых твердили растерянные и такие нелепые и старомодные, с его точки зрения, родители. Игорь работает в службе секьюрити в одной фирме. Работа его устраивает. Неожиданно он получает задание пристрелить пару волков, которых шеф держит в клетке на своем подворье у красивой горы. «Собаки волнуются...» — «Ничего, сейчас все кончим, — сказал Андрей. Он повернулся к Игорю и объяснил: — Понимаешь, Игореша, тут волка с волчицей шеф взял... Вот там за домом клетка, надо их пристрелить...». Описание клетки и расстрела волков в упор оборачивается потрясением для Игоря, хотя после расстрела он заливает в рот коньяк и старается казаться героем.

Герои рассказов «Долго и счастливо...», «Свободная чайка баба Ариша» многое видели в жизни, но не изменили главному в себе. Для автора они носители нравственного начала в жизни. Ариша — это образ-архетип мудрой старухи, бабушки, ведуньи, знахарки.

В прозе С. Назаровой сочетаются динамизм и фрагментарность, пафосность, женская сентиментальность и мужская резкость. Это проза о двух концах. Один ее конец — это истоки, остался в XX веке, где навечно пребывают рай детства и единого братства большого многонационального государства, дачная и семейная идиллия. Другой конец — это настоящее, новый век и его апокалипсис. Какое он определит нам будущее? Это далеко не безразлично автору. А если говорить в целом, то оба эти конца в художественном мире С. Назаровой взаимосвязаны и неотделимы, потому что в нем передано ощущение потерянности ориентиров в настоящем и одновременно присутствует убежденность в незыблемости вечных нравственных законов: не убий («Клетка»), не прелюбодействуй («Долго и счастливо...»), не укради («Дача»), люби людей, и этим ты сделаешь их бессмертными («Свободная чайка баба Ариша», «Мой зеленоглазый аруах»).

Метафизическое и социальное в сюжетах Ольги Марк

В рассказах Ольги Марк несомненно есть черты психологической новеллы. Они остросюжетны, часто насыщены мистикой, фантастикой и мифологией. Метафизика, которая в них присутствует, не дистанцирована от обыденного быта, вернее даже, она вторгается в него неожиданно, удивляя, озадачивая, сбивая с толку героев.

Н. Д. Тamarченко отмечает такие черты новеллистического рассказа: «Новелле, как и анекдоту, к которому она, по общему мнению, восходит, присуща установка на „казус“ — странный случай или удивительный исторический факт. С помощью кумулятивного сюжета она осваивает неуправляемое и неподводимое под общий закон эмпирическое богатство жизни. Поэтому новелла создает новое видение житейской ситуации» [8, 63]. А «новеллистический пуант», так называют развязку новеллы, позволяет переосмыслить события сюжета.

Рассказы, включенные в две книги О. Марк, можно разделить на три группы. В первую группу я бы включила рассказы, в сюжетах которых герои оказываются в необыкновенной ситуации и им выпадает случай изведать непознанное. Трудно сказать, достойны они этого или нет, являются ли они избранными и могут ли оценить выпавший шанс. Скорее всего, судьба действует по принципу случайности, на авось выбирая испытуемого.

Вот рассказ «Оценка недвижимости». Некто Свиридов, сотрудник фирмы, получает задание оценить для страховки дом клиентки. Вместе с ней он приезжает осмотреть новый дом на склоне горы в престижном районе города.

Свиридов составляет акт, хозяйка почти безмолвно присутствует, и вдруг он замечает (его отвлекла от работы абсолютная тишина, стоящая в доме), что она куда-то отлучилась и он заперт в доме, из которого невозможно выбраться. Он узник этого дома, но комфортом и питанием обеспечен. Дни идут, его попытки изменить ситуацию бесполезны. Дом обследован досконально. Он смиряется. Однажды ему попадает незавершенный акт оценки, и он почти автоматически, с легкостью завершает его. И вот в этот момент вдруг появляется хозяйка, которая, по ее словам, отсутствовала 20 минут. Владелица дома отвозит его в город, и он заходит в кафе обедать. Избавление Свиридова от затворничества не сопровождается разъяснениями необычного происшествия. Да и он уже озабочен тем, «что надо не забыть

зайти к начальнику после обеда». Автор не дает ответа на вопрос, зачем герою было послано это испытание, что он должен был понять, избранный ли Свиридов, счастливчик ли он, или его ждет наказание за непонимание? В такой же ситуации оставлен читатель. Имеющий уши да слышит.

Рассказы с явно выраженной мифопоэтической основой: «Голос», «Та, что сидела справа». В «Голосе» представлены ритуально-архетипические ситуации ухода человека из этого мира. Смерть — не конец, а только начало нового путешествия. «Душа медленно выбралась из тела, не спеша осмотрелась. Большая комната, две немолодые усталые женщины... Одна из женщин наклонилась к кровати и тихо вскрикнула, быстро-быстро запричитала, заплакала» [9]. Душа тоже разглядывает лежащее на кровати «высушенное старостью» короткое, старое тело, ей жалко его, но она чувствует облегчение. Душа наблюдает обряд прощания, похороны, поминки, а читатель узнает, что хоронят краснодеревщика. Потом описаны полеты души и чудесная прощальная, неожиданная встреча с любимым творением мастера по дереву. И вот наступает прощание с землей, и душа, теперь уже послушная зову «неразгаданного голоса», устремляется вверх и прочь от земного бытия. Эсхатологические мифы и теории XX века о жизни после смерти — все это входит в метатекстовое поле рассказа.

В сюжетах рассказов «Свадьба», «Дождь», «Сюр» О. Марк нащупывает и подвергает художественной аналитике ситуации разрыва контактов и взаимонепонимания между людьми. Эта социальная диагностика настоящего особенно ярко проявляется в двух рассказах, представляющих современную урбанистическую антиутопию. Героями рассказов «Юродивый» и «Зажигалка» становятся дети. Рашид, мальчик-инвалид, большой ребенок, отправлен матерью вынести два ведра мусора. Наклоняясь над баком, он вдруг видит «еле заметное мелкое движение на поверхности мусора, молчаливое шевеление крохотных ручек и ножек». «Несколько минут Рашид пытался осознать увиденное. Ребенок, наконец, понял он. Там, внизу, ребенок» [10]. Оставив ведро, он пытается притянуть к баку соседа, но тот отмахивается: «Это дурачок с пятого этажа». Потом зовет с собой соседку, но и та ленится подойти: «Это кошка. Всего лишь кошка». Надо идти домой, но надо и что-то сделать. И тогда Рашид решается осторожно вынуть ребенка (хотя он помнит, замечает автор, что ему нельзя дотрагиваться до детей!) и даже «с тайной гордостью показывает его кошке». Зов матери сбивает Рашида с толку. Он прячет ребенка в багажник стоящей недалеко машины и поднимается на пятый этаж. Он тянет мать за собой, и та, обреченно вздохнув, спускается посмотреть, кто обидел сына. Машины у обочины нет, и мать сердится. «А Рашид опустился на бордюр, рассеянно собрал в ладони стоптанную в пыль землю. Кажущееся спокойствие вокруг уже не могло его обмануть — он знал, что случившийся беспорядок не был исправлен, и все теперь в любой миг могло измениться, вытечь сквозь трещину сломанного равновесия. Он уже замечал эти не видимые пока для других изменения: серый сумрак, затаявшийся в зелени листья, сетку мелких морщинок на небе, камень, с шевелящейся, кривляющейся тенью, скользящие по дороге пыльные смерчки с живыми лиловыми сгустками внутри, пробежавшую мимо веселую девушку, сжимавшую в руках второе, искаженное ненавистью и страданием лицо. Рашид чувствовал, что он не сможет существовать в новом страшном мире, да и никто не сможет, и бесильно заплакал, смачивая слезами лежащую на ладони пыль».

Рассказ «Зажигалка» принес О. Марк известность в России, был перепечатан в журнале «Дружба народов» (2007, № 6) и обсуждался в российской критике. Вот как определил значение этого рассказа российский критик А. П. Давыдов: «Бояться социальной темы — значит рано или поздно обнаружить себя на периферии ми-

рового литературного процесса. Лучшие литературные и кинопремии присуждаются за социальные обобщения. „Зажигалка“ наряду с другими работами в России прорывает „заговор“ боязни. Динамика героя О. Марк — это постановка темы переходного общества в широком смысле через видение проблемы формирования личности и выбор типа литературного героя. Рассказ находится в эпицентре общероссийского обсуждения проблематики социальных отношений. Рассказ „Зажигалка“, видимо, ждет сложная судьба. Он пройдет через замалчивание, побивание камнями и крики „Распни!“, чтобы потом стать свидетелем голосов, поющего осанну. Преодолев эти крайности, рассказ займет достойное место в современной казахской и русской литературах» [11].

Пройдя через испытание метафизикой или социальным злом, герои рассказов О. Марк, а значит, и люди должны стать иными, должны что-то изменить, переоценить и поправить (или, пользуясь авторским словом из рассказа «Юродивый», «исправить») в своем мире. Рассказы О. Марк тревожат воображение и сознание читателей. Но при всем этом перед нами элитарная интеллектуальная художественная проза, в которой найдены свои ритм и стиль для выражения мыслей и чувств автора.

Рассказ-идиллия Михаила Земскова

Рассказ Михаила Земскова «Ботаник и принцесса» [12] построен на симметрии темного и светлого. В нем несколько героев, которые напоминают персонажей современных сериалов: девятнадцатилетний сын Димка живет с матерью; отец-миллионер живет с любовницей Марией. Все начинается с поездки отца и сына в пригород, чтобы посмотреть и провести отданного на содержание боксера Пуфа.

Собаку когда-то взяли для сына, а потом получилась так, что сын с боксером только играл, а отец гулял и ухаживал. Семья распалась, развод, сын остался с матерью, а собака — с отцом. Бизнес отнимал много времени, и с собакой теперь гулял садовник Олег. Пес быстро старился, и его отвезли на жительство к родителям Олега. И вот с этого комплекса вины сына и отца перед животным и начинается рассказ.

«Димка сначала обиделся на отца, хотел высказать ему все. В голове уже прокручивался гневный монолог: „Как ты мог?! Мы же в ответе за тех, кого приручаем. Неужели из-за своего бизнеса ты стал таким бессердечным и жестоким? Для тебя теперь только деньги и собственное удобство имеют значение? Все неприятные хлопоты хочешь переложить на окружающих — пусть они в грязи возятся за твои деньги, а ты весь чистенький останешься?“

Но Димка так ничего не сказал отцу. Понял, что не имеет права говорить. Во-первых, отец платил за его учебу, хорошо обеспечивал их с матерью, купил им квартиру. Во-вторых — и что гораздо важнее, — Димка имел бы право высказать это все отцу, если бы сам забрал Пуфа домой и ухаживал за ним. Но он знал, что не сделает этого. У него и так постоянно не хватало времени — учеба, подработки, чтение специальной литературы, друзья. С засевшим где-то глубоко неприятным чувством приходилось осознавать, что он — такой же, как отец, и, возможно, на месте отца поступил бы так же. Поэтому все его возмущенные монологи ничего не стоили».

Сцену с собакой можно представить как отдельный рассказ в рассказе. Автор избегает комментариев и не выражает открыто своего отношения к героям, но читателю ясно, на чьей он стороне. М. Земсков очень точно воссоздает реплики людей и особенности паралингвистического диалога с ними собаки. «Димка откинул

щеколду, открыл калитку и прошел внутрь загона. Пуф — полуслепой, с поседевшей мордой — бросился к нему с облизываниями. Вилля маленьким хвостиком (обрубком хвоста, согласно стандарту породы) и всем задом, он уперся мордой в пах наклонившемуся к нему Димке.

— Пес... Хороший пес... — Подошедший Алексей Николаевич с улыбкой погладил Пуфа, потрепал его загривок, шею, передние ноги. Пуф плавно сдвинулся в его сторону, деля себя и свою любовь меж двух бывших хозяев — оставив Димке свой вихляющий зад с просаживающимися от слабости ногами и трясь головой о брюки его отца». После отъезда визитеров: «Подойдя к загону, Владимир Петрович бросил через забор кроссовки. Пуф радостно к ним подбежал, обнюхал и лег рядом, положив морду на обувь хозяина».

Далее все развивается по традиционному сценарию: мать недовольна сыном и раздражена его встречами с отцом; сын отдаляется от матери и заглядывается на девушек.

«Следующий день Димка провел в библиотеке. Читал книгу американского ученого Джеймса Уотсона об истории открытия структуры ДНК. Читатели за столами сменялись. Поднимая над книгой голову, Димка смотрел на них, останавливая взгляд на названиях книг, которые они брали. Почему-то в названиях большинства книг фигурировали слова, связанные с финансами, экономикой и менеджментом.

Через стол от Димки села красивая девушка с длинными вьющимися волосами соломенного цвета. Димка отвернулся, но тут же снова перевел на нее взгляд. „Если у нее голубые глаза — подойду познакомлюсь“, — пришло неожиданное решение. Девушка повернула голову и посмотрела на него каким-то не то задумчивым, не то растерянным взглядом. Димка быстро отвернулся. В груди тревожно похолодело, сердце забилося чаще. Он украдкой посмотрел на корешок книги, лежавшей на столе девушки. „Финансовый учет“. ... Почему она читает „Финансовый учет“, а не о жизни животных или птиц, например? Или какой-нибудь хороший роман? В мире ведь столько вещей, гораздо более интересных, чем финансовый учет... Девушка бросила на него быстрый равнодушный взгляд. Теперь он рассмотрел — глубокие темно-голубые глаза. Но почему она читает „Финансовый учет“? „Может, она — одна из этих черстных блондинок-стерв; мечтает стать богатой и властной бизнес-леди, — облегченно подумал Димка, тогда совсем не стоит с ней знакомиться“».

Конечно, Дима знакомится с новой любовницей отца, она поит его кофе. Конечно, она понимает, что нравится ему. Сама она хорошо относится к отцу Дмитрия, который всего на два года старше ее отца, умирающего от рака горла. Дмитрий, уходя, замечает, что улыбка у нее искренняя, но она как фотомодель с глянцевого журнала.

В следующих эпизодах Дмитрий с ребятами оказывается в горах. И тут вставлено описание — этакий прекрасный экфрасис: «Днем на привале они смотрели на облака. Белые, большие и пушистые. Димка думал о том, что жизнь в облаках — совсем другая, не такая, как в городе. Тот, кто там живет, — парит и не замечает времени. Облака принадлежат к разряду тех материй, которые не умеют сохранять форму. Человек стремится к сохранению форм — природа стремится к их разрушению. Сохранность форм — признак развитой цивилизации... Так кажется людям. Но на самом деле вовсе нет. Стремление к неизменяемости форм, по сути, примитивно. Предметы, существующие в других мирах, непрерывно меняются. Возможно, по этой причине люди не могут их обнаружить, когда они случайно залетают в мир людей. Димка закрыл ладонями глаза».

Если честно, то дальше уже было читать неинтересно. Все сжато и прописано схематично, как для очередной серии мыльной оперы. Дима, конечно же, вступает

в интимную связь с Марией, которая неожиданно признается сыну, что беременна от отца, но тому еще не сообщила. Богатый отец-любовник проходит бледной тенью на заднем плане рассказа, но впереди маячит сцена узнавания, и тут читатель получает сообщение, что Алексей Николаевич уже и «не успеет ничего узнать о своем будущем ребенке, так как он погибнет на охоте в ближайшие выходные». После некоторых объяснений Мария и Дмитрий решают пожениться, а сын продолжает отцовский бизнес.

Что привлекает в этом неровном и где-то очень пунктирном рассказе? Наверное, передающееся читателю жизнелюбивое любопытство к человеку и какой-то разумный оптимизм. Отсутствие морализаторства, но при этом стихийная нравственность. Легкость письма и умение строить мизансцены. Из этого рассказа можно было бы сделать дамский роман или роман воспитания, но автор сжимает сюжет и дарит нам счастливый конец. А почему бы и нет? Ведь рассказ называется почти по-сказочному.

Истории-триллеры Ильи Одегова

Речь пойдет о пяти рассказах молодого и успешного казахстанского писателя, опубликованных в журнале «Дружба народов» под названием «Чужая жизнь. Из цикла рассказов» [13]. В них И. Одегов по-своему, но продолжает традиции готической новеллы или страшных коротких рассказов, которые в разной стиливой манере представлены в творчестве Эдгара По, Огюста Вилье де Лиль-Адана, Амброза Бирса, Джона Коллера, Ю. Мамлеева, Л. Петрушевской. «Чужая жизнь» — она действительно чужая, так как во всех историях герои сталкиваются с неизвестным, которое пугает, притягивает, рождает страх и трепет.

В первом рассказе — «Слова старого Фазыла» — маленькая девочка Ханя пытается осуществить стихийно возникший план мести матери и незнакомцу, которому сама же и показала дорогу к дому матери. Своими поступками Ханя воплощает в действие прямо понятые слова старого Фазыла, который сказал девочке: «Не обижай людей, потому что Бог наказывает нас руками обиженных людей». Динамика негативного надрыва девочки чем-то похожа на бешенство гадюки, которую она натравила на незнакомца. «Ханя увидела, что рядом с фруктами, свернувшись в последних лучах солнца, греется толстая блестящая гадюка. Мгновенная мысль возникла в голове Хании. Стараясь шагать как можно тише, она подошла к змее. Та повернула голову и лениво зашипела. Тогда Ханя изо всех сил подняла ящик, накрыла им гадюку и села сверху. Она чувствовала, как изгибается и бьется о стенки ящика под ней сильное и упругое тело змеи. Выждав, пока первый порыв ярости утихнет, Ханя стала медленно волоком тащить ящик к входной двери дома.

Уже давно прошел мимо Ахмет, ведя свой табун на ночлег, уже пальцев Хании не хватало, чтобы сосчитать, сколько звезд появилось на небе, когда дверь наконец открылась. Фарида собирала растрепанные волосы. Лал Бахадур улыбался.

— А, вот ты где! — радостно сказал он, увидев Ханию. — Устала ждать нас?

Ханя улыбнулась, но было темно, и Бахадур не мог разглядеть выражение ее лица.

— Совсем не устала, — сказала она и встала с ящика. — Смотри, я тоже приготовила тебе подарок.

— Да? — удивился Бахадур. — Как интересно!

Он подошел к ящику и перевернул его. Гадюка вскинулась, зашипела и, спружинив, подпрыгнула в воздух в сторону Фарида. Бахадур закричал, кинулся вбок, закрывая телом мать Хании, и сильным ударом сапога отбросил яростно шипящую

и плюющуюся ядом гадюку в кусты. Ханья проследила за тем, куда упала змея, и выбежала за ворота».

Рассказ имеет концовку, но развязка конфликта остается за пределами текста. Проза И. Одегова не объясняющая, а сюжетные ситуации как бы синхронны времени рассказывания. Благодаря этому возрастает интерактивная роль читателя, который мысленно комментирует, как бы перерассказывает в обычном повествовательном регистре только что свершившиеся события. Образы рассказчиков в каждой истории комбинируют в себе две роли: участника событий и наблюдателя. Но при этом невозмутимые интонации подчеркивают его нейтральную позицию.

В рассказе «Звонок» это раздраженная жена, которая увлечена созданием собственного творческого имиджа арт-директора рекламного агентства. На каннском фестивале она «строит из себя гламурную тусовщицу». Муж равнодушно наблюдает за всей этой тусовкой и за женой, чем ее откровенно раздражает. Первая фраза задает динамику: «Ты вообще в этом ни хрена не понимаешь, — сказала Инна, — а вечно лезешь со своим мнением!» Но ситуация начинает развиваться по совершенно неожиданному сценарию. Из активной участницы культурного мероприятия дама и ее муж превращаются в пассивные жертвы жестокой чужой игры.

Действия рассказов «Врата Рая» и «An ultimate jump» происходят в странах третьего мира, куда отправляются любопытные туристы. В первом рассказе — это пресыщенные друг другом муж с женой, во втором — одинокая, уставшая от работы сотрудница японской фирмы. Люди из мира цивилизации ищут экзотики, снисходительно и откровенно любопытно рассматривают незнакомый им мир, который оказывается мстительным, хитрым и коварным. «Два месяца назад Марк и его жена Люция пешком перешли границу. Из вещей у них был только рюкзак с одеждой, который нес нанятый шерп. Таможенник, оставивший свой след в паспорте, по секрету рассказал им, что в стране прибытия находятся Врата Рая. Как они удостоверились позднее, об этом было прекрасно известно каждому жителю. Очевидцы утверждали, что путь к Вратам полон опасных испытаний. Марк надеялся, что совместное преодоление этих испытаний либо укрепит его отношения с Люцией, либо окончательно разделит их и позволит каждому двинуться собственным путем. Люция легко согласилась на авантюру. Она считала, что горный воздух пойдет ей на пользу».

Черный юмор сюжетной ситуации рассказа проявляется в том непонимании, которое демонстрируют Марк и его жена: ведь путь во Врата Рая должен лежать через смерть. А попасть в Рай при жизни невозможно. Вот и приводят местные проводники этих беспардонно вклинившихся в чужую жизнь туристов к странному озеру: «Озеро не нравилось ему. Не нравилось неестественное спокойствие его поверхности. Гладкое, как стекло, озеро лежало у их ног. И за то время, пока они стояли, ни одна рыба не плеснулась в нем, ни одна лягушка не подала голос, ни одна птица не пролетела над их головами».

Марк не успевает спасти жену, а сам осмеян и побит камнями жителями деревни. Такой катастрофой заканчивается еще одна неудачная попытка контакта с естественной цивилизацией.

В другом рассказе ищущая новых ощущений Юнко выбирает туристическую поездку в Непал и именно там решает изменить своему обычному благоразумию. «Куда бы ни направлялась Юнко, она всегда проходила мимо установленного на улице телевизора, на экране которого загоралась надпись „Bhote Kosi river BANJI. 160 meter! The Ultimate Jump!“, и с тонкого моста, перекинутого через пропасть, люди с сумасшедшими глазами бросались вниз. От неминуемой гибели их спасал только эластичный трос, один конец которого был закреплен на мосту, а другой

пристегнут к ногам. Рядом с телевизором всегда стоял высокий красивый непалец и зазывал прохожих испытать это на себе.

— Are you brave enough? — спросил он Юнко, когда та проходила мимо.

Юнко не ответила, но задумалась. Она не боялась начальника, но очень его уважала. Она не боялась тараканов, пауков и лягушек, просто те вызывали у нее неприязнь. Она не боялась темноты, но не хотела случайно в темноте удариться или разбить что-нибудь. Юнко не считала себя трусливой, но никогда не рисковала, просто потому что считала риск неразумным. Но сейчас она была одна в чужой стране, и ей вдруг захотелось совершить безрассудный поступок».

Юнко решается совершить прыжок, покупает довольно дорогой билет и с группой туристов отправляется на автобусе в горы. Как самой легкой, ей достается последний, 41-й номер. Погода меняется. Темнеет. «Ветер дул все сильнее, Юнко чувствовала, как холод проник внутрь ее сердца и кровь потекла медленнее. Ее кожа посинела, а волосы растрепались. Чем меньше оставалось на мосту людей, тем сильнее он раскачивался. Наконец подошла ее очередь». История рассказана так, что читатель так и не узнает, успешно ли закончился прыжок, или случилось непредвиденное: «Горы возвышались прямо перед ней, и Юнко казалось, что ветер доносит до нее их шепот: „Прыгай, прыгай же, Юнко, ты можешь, прыгай...” Юнко вздохнула и почувствовала, как в ее груди просыпается птица. Просыпается, потягивается, раскрывает крылья... Юнко вздохнула, изо всех сил оттолкнулась от мостика, на котором стояла, и полетела вперед. Горы вокруг нее закричали и перевернулись, зашумел в ушах воздух, время замерло, и вдруг все это исчезло, растворившись в теле Юнко, и остались только стремительно приближающиеся острые камни, по которым суетливо бегали взад и вперед маленькие беспокойные люди. И чем ближе становились камни, тем выше взлетала в небо проснувшаяся внутри нее птица».

Остросюжетность, конфликтность, умение воссоздать образ человека в моменты психологической депрессии, истерии, аффекта и неожиданные открытые финалы этих рассказов И. Одогова позволили нам назвать их триллерами. Несмотря на экзотику, писатель представляет нам характеры и нравы людей нашего века. Особенно явно это проявляется в рассказе «Друг», где описан «страх чужого», живущий в каждом человеке. Но этот эгоистический дискомфорт оказывается можно преодолеть, и мир станет шире.

Автобиографические рассказы

Константина Гайворонского и Бахытжана Капапьянова

Многие рассказы К. Гайворонского написаны от первого лица. Этот автор-рассказчик и одновременно главный персонаж ведет свое повествование так достоверно, сообщая читателю свои сокровенные мысли и чувства, что мы начинаем отождествлять его с самим писателем. Вот почему возникает ощущение автобиографичности, может, и мнимой.

Обратимся к двум рассказам писателя: «Шапка» и «Растоптанная лилия». Первый начинается фразой: «Первый раз меня исключили из школы в скорбном марте 53-го. Во всем виновата шапка» [14]. Рассказ состоит из шести глав, в каждой из которых воссоздаются ситуации из жизни двенадцатилетнего мальчишки. Жизнь в коммуналке с отцом-офицером, который все время должен был проводить в своей части. «Воспитывали меня случайные книжки, кино и воля вольная». Этот мальчишка похож на героя рассказа В. Распутина «Уроки французского»: одиночество, стычки с ребятами, трудности с английским. В рассказе три истории, в кото-

рых фигурирует шапка. Первая история — это рассказ о том, как у него в драке отняли шапку, а он соврал отцу, что потерял. Вторая история — это рассказ о судьбе соседа, дяди Пети, который получил срок за шапку: не снял на похоронах Кирова. Третья история — это рассказ о том, как, провожая мальчика на городской митинг по случаю похорон Сталина, дядя Петя сказал: «Не забудь снять шапку». Привязанный к одной детали рассказ одновременно обо всем том ушедшем времени. И не случайно взрослый голос из сегодняшнего дня порой нарушает строй повествования: «Эх, сейчас хотя бы одним глазом заглянуть в то время!», «Иногда мне кажется, что страна переживала пору детства вместе со мной. Мы были наивны, доверчивы, бескорыстны, эгоистичны...».

Рассказ «Растоптанная лилия» написан в форме воспоминания. Он о том, как, вернувшись из армии, автор-рассказчик вспоминает и описывает историю своей первой любви и своих ошибок. Девушку звали Лизой, и не случайно герой вспоминает «бедную Лизу» Карамзина, а сам, подобно Эрасту, винит себя в совершенном девушкой самоубийстве. Тогда он тяжело пережил его: «Лизы больше не было. Меня тормозили сослуживцы: что случилось? А ничего, просто меня стало меньше, я стал другой. Месяц с гаком замкомвзвода не ставил меня в караул, опасаясь, как бы я не прострелил себе голову. А потом все завертелось по-прежнему. Под ремень приходилось ходить через день. Тянул службу, вспоминал Лизу, наши встречи. С поста хорошо просматривалась близлежащая округа: лес, поле, крутой берег реки. Широка страна моя родная... Отчего же тесно душе на твоих бескрайних просторах?» [15]. Завершая рассказ на взлете тоски, автор как бы хочет поделиться ею с читателями.

Как отмечают критики и исследователи, творчество Б. Канапьянова богато и разножанрово, но для нас важно обратить внимание на его рассказы. В основе сюжета рассказа Б. Канапьянова «За хлебом» лежит эпизод из жизни мальчика, которого нянька посылает за хлебом, велит купить «буханку белого и буханку черного». Мальчик с радостью отправляется в это недалекое, но самостоятельное путешествие по улицам города. В ларьке рядом с домом хлеба не оказывается, и мальчик отправляется в дальний магазин, где становится в очередь.

И вот там его случайно видит отец и ведет сына на встречу с каким-то писателем в городской сад. Мальчик не очень внимательно слушает выступления, он озабочен другим: вдруг «хлеб закончится в магазине». Это вызывает улыбку отца и писателя, а тот вручает ему подписанную книгу, на обложке которой мальчик прочел слово «Абай».

В конце рассказа отец и сын возвращаются домой, в их сетке-авоське лежат «две буханки хлеба, белого и черного, а также книга, пахнувшая еще не ушедшей типографской краской, запах которой перебивал душистый и ароматный запах черного хлеба» [16].

Б. Канапьянов выдвигает на первый план две предметных детали — хлеб и книгу, каждую из которых сопровождают детали-запахи (душистый и ароматный запах хлеба и запах типографской краски). Автор не называет имя писателя, но название книги позволяет нам узнать его — это Мухтар Ауэзов. Повтор этих деталей и их соседство позволяют увидеть, как писатель превращает их в детали-символы и наделяет особым философским, психологическим, символическим смыслами: «Прошли годы и десятилетия. Мальчик стал поэтом, писателем <...> И когда он получает из типографии очередной том полного собрания сочинений гения казахской словесности, писателя, на встречу с которым повел мальчика отец, он сквозь типографскую краску всегда ощущает ничем не истребимый душистый аромат хлеба из далекого и незабываемого детства».

В рассказе Б. Канапьянова «Куранты небес» происходит преображение и переосмысление звуков курантов Кремля. Ассоциации писателя превращают новогодний бой часов в нечто большее и очень значимое для него. Эта звуковая деталь символизирует вдохновение и мгновения счастья любви, которые герой рассказа испытывает к своей возлюбленной: «Когда куранты Кремля начали свой перезвон и четко произвели свой первый удар, в нас уже рождались совсем другие куранты — Куранты небес, заглушая все в свете нашего сознания, лишая нас чувства пустой реальности, погружая в бездну безумия и отчаянной, никогда не познанной радости и счастья». «Куранты Кремля», преобразованные в «куранты небес», — это и есть единственно верное найденное писателем неожиданное словосочетание.

Любой художественный текст — это миметическое воплощение переосмысленного восприятия действительности, потому что образное мышление и творческое воображение берут свое начало в живом созерцании действительности и в целом представляют собой нескончаемый поток новых и новых ассоциаций. Форма автобиографического рассказа как раз и находится на стыке реальности и вымысла.

Повести в рассказах Надежды Черновой

Художественную прозу известного поэта и редактора журнала «Простор» Н. Черновой с полным правом можно назвать «прозой поэта», для которой характерны образность, эмоциональность, эстетизация воспоминаний, явно выраженное субъективное авторское начало. «Проза поэта как форма пересоздания реальности отражает напряженные творческие поиски художников слова, процесс самоидентификации автора, характерный для так называемых „переходных эпох“ — пишет современный исследователь этого явления. „Как правило, поэта приводят к прозе поиски неканонических форм, способных идентифицировать авторское „я“, отразить сложнейшие вопросы современности, что в конечном счете дает возможность художнику слова выступить, пользуясь определением М. М. Бахтина, „творцом формы“. В обращении поэта к прозе, по утверждению И. Бродского, есть всегда „некий мотив снижения темпа, переключения скорости, попытка объясниться, объяснить себя“» [17, 15].

Жанр двух своих произведений — «Степной городок» и «Великие скитания» — Н. Чернова определила как «повесть в рассказах», тем самым подчеркнув значимость малой жанровой эпической формы и дробность композиции. Представляя свой «первый опыт в прозе», Н. Чернова пишет в аннотации: «Все в этой книге правда, все было на самом деле, и все — фантазия». И завершает ее такими словами: «Картины бытия озарены поэзией детства, которая пронизывает повествование» [18].

Рай страны детства тем и удивителен, что все его обитатели равноправны, необыкновенны, окружены ореолом загадочности и каждый тянет за собой свою историю. «Степной городок» — это повесть из семнадцати рассказов. И прежде всего героем повествования становится сам городок, в котором «сады зацветают разом». «Еще вчера улица была серой, с ветхими сараюшками, с тощими кустами карагача, густо облепанными грязью, с кучами золы на дороге. И вдруг, в один миг — она преображалась. Кипенно-белые цветки яблонь, груш, боярки, черемухи и шиповника, вспыхивая друг за другом, таким светом озаряли дворы и сады, что вся нечистота пропадала. На огородах цвели паслен, картошка и помидоры, а там и подсолнухи, и желтые „граммофоны“ тыквы. Потом густел медом и сахарился липовый цвет. Обновлялись деревца голубой джиды, одевшись узкими длинными листьями. К концу лета она кормила нас вязкими „финиками“».

Все рассказы сюжетны, насыщены драматическими, трагическими, а часто и комическими событиями. Все в них так, как бывает перемешано в жизни: великое и ничтожное, грустное и смешное. Вот история слепого старика, прозванного детьми Крыльцодед, который сидел днем на высоком крыльце, «жил он на этом крыльце, они с крыльцом были одно целое». За предательский поступок, совершенный в детстве, ему пришлось расплачиваться всю долгую жизнь. Или история красавицы Елгавы Варламовой с ее «культурным салоном» и безропотным тружеником мужем чем-то напоминает «Попрыгунью» Чехова. Конечно, многие рассказы посвящены судьбам людей послевоенного поколения. В рассказе «Пуговицы» описана Терентьевна, которая все еще ждет пропавшего без вести сына с войны. «Собирала Терентьевна пуговицы — солдатские, со звездой. Где увидит, подберет: „Моево Петрухи, опять потерял! Придет, я ему пришью“. Целая коробка из-под чая набралась у нее этих пуговиц. Мы, дети, тоже — если находили солдатские пуговицы, несли ей. Она обрадуется, усадит за стол. Нальет в блюдца пахучего подсолнечного масла, посолит, даст по куску ржаного хлеба, мы и наминаем. Вкусно!»

Героями историй становятся не только люди, но и растения, животные. Н. Чернова живо и весело описывает, например, ворона: «Голова у него радугой синей лоснилась, глаза острые, как шильца, и блистющие, клюв твердый, желтой кости. Важная птица! Вышагивал, как принц крови». Грустно сложилась судьба коровы Маньки, которая так любила волю, что прозвали ее «колобковой коровой». И добегалась, задрали ее волки: «Но в открытых, остекленевших глазах гулены навсегда застыли детская дурь и счастье. Может, она и не поняла, что конец ей пришел: просто, душа ее полетела, покатила по снегам — колобковая...»

Цирк и базар с его фламандскими натюрмортами появляются в рассказе «Степной Вавилон». «Продавали много рыбы — река-то рядом. Скользкие, пятнистые шуки свешивали хвосты с прилавков, в их разинутые пасти лучше было не совать пальцев — шуки могли и куснуть, уже полусонные, омертвелые. Серебристые чебаки вроссыпь. Чебаки судорожно дышали, раздувая жабры. Сушеные лещи связками. Длинные колющие стерляди — они лежали отдельно. Дорогой, штучный товар. Зато красной рыбы — завались. Горбушей плотно набивали бочки, круто посолив. Стоила она дешево, и мы ели ее с вареной картошкой чуть ли не каждый день». Разноязыкий Вавилон действительно описан: здесь русские, казахи, украинцы, китайцы, высланные чеченцы и немцы, даже цыганский табор.

Сочные разговорные интонации, образность, умение передать колоритную казахскую речь, характерные диалектные слова, просторечия — все это характерно и для повести в рассказах «Великие скитания», главной и сквозной героиней которой становится безымянная Девочка. Она любит слушать чужие истории о любви и жизни, сама придумывает сказки. Она тревожно-счастлива. Ей все интересно. Особенно то, о чем говорит старуха Катя. Не случайно автор замечает: «В детстве ведь фантазия и явь мало различаются, как в старости. Многое видится не глазами, а душой». Например, Девочка спрашивает: «Почему дождик называется ситничек? Из сита, что ли?» А Катя объясняет: «Ходит по небу мокрый мужик, с ситом золотым, воду, которая из речки испарится, с трав подымет, ловит, а поймать не может. Тока захватит горсть воды-то, она тут же просочится сквозь сито, снова на землю падает, сеется. Бяда, прям!» Эта старая Катя и малая Девочка как бы отражаются друг в друге и представляют собой две одновременных ипостаси женского архетипа, а между ними все женщины разных возрастов, о счастьях и несчастьях которых рассказывается в двух повестях Н. Черновой.

И все-таки в прозе Н. Черновой присутствуют ностальгические нотки. Сквозь

жизнерадостный и жизнелюбивый тон повествования нет-нет да и выплывут странные истории, которые свидетельствуют о забывчивости, убожестве и вине нынешних людей перед ушедшими. Вот история о том, как на месте городского кладбища, существовавшего с 1777 года, городские власти построили спортивный стадион, а надгробными плитами замостили тротуары. «На некоторых плитах были начерчены стихи или назидания: прохожий, остановись, мы тоже были живые, и ты станешь прахом. Но прохожие не останавливались, шли по новому тротуару, смеялись и шутили, мели клешами летнюю, горячую улицу, ели мороженое...» Старики жаловались властям. Те «покряхтели-посопели, косо поглядывая на старики-плетки, но приказали все ж таки сначала перевернуть плиты с надписями лицом вниз, а потом и совсем закатать под асфальт. Так и лежат они до сих пор — память поруганная...» Да и последний рассказ — «Клад» — начинается с прощания с прошлым: «Отшумела, отстрадала, отрадовалась эта жизнь. Нет больше большой черной лестницы в бывшем доме купца Гаврилова. Нет звонкой мостовой на улице Чехова. Нет школы, где мы учились. Нет дома, где останавливался Абай. Дом снесен. И соседние дома повалили, а сады сами вымерли, ушли вместе с нашим детством». И появляются картины свалки и развалин, среди которых «добытки» ищут клад. И современно начинают звучать вплетенные в текст пророчества из вечной книги. И ей как бы вторит автор: «Еще чуть-чуть — и смоятся временем последние следы нашей жизни тут, на этой улице, в этом степном городке, будто и не было ее...»

Проза Надежды Черновой вбирает в себя многие мотивы ее стихов. Эта поэтическая проза многослойна, затейлива, и эпическое начало в ней расцвечено лирическими образами и интонациями опытного и вдохновенного поэта. Исповедальность в ней не выражена открыто. Притягивают свобода и естественность синтаксиса, который передает все виды поэтического дыхания: от отдышки до глубокого вдоха и выдоха. Автору пишется легко еще и потому, что она чувствует за своей спиной незримо присутствующий, как бы охраняющий ее русский миф, фольклор, всю классическую поэзию и прозу, которые поддерживают и питают творчество. Связующие нити тянутся к Тургеневу, Чехову, Бунину, Куприну, Горькому, Шмелеву, прозе Цветаевой. Не побоюсь красивостей, в этой прозе есть некая магия и ощущение полета.

От рассказа к повести и романам: Николай Веревокин

С. И. Кормилов, разграничивая рассказ и повесть, пишет: «Различие между рассказом и повестью основывалось не столько на признаке объема текста, сколько на степени литературной обработанности сюжета: рассказ считался более близким к не преобразованной творчески реальности» [19, стб. 856]. Может, это мнение и справедливо, потому что средний объем повести предполагает усложнение композиции, сюжетных ходов и пространственно-временной организации повествования. И все-таки рассмотрение повести как суммы рассказов говорит о значимости и первородстве рассказа (story, novel) как жанра.

В современной литературе жанр повести активно развивается. Чтобы представить современный диапазон взаимоотношения трех эпических жанров (рассказа, повести, романа) обратимся к творчеству одного автора.

Известным в Казахстане и России писателем Николаем Веревокиным написано около двадцати повестей. Он легко пишет, и ему тесно в рамках рассказа, а повесть, рассчитанная на глубокий вздох и медленный выдох, органично соответ-

ствуется его авторской физиологии. Если сравнить рассказ Н. Веревошкина «Скульптор» с двумя лучшими, на мой взгляд, его повестями — «Человек без имени» и «Городской леший, или Ероха без подвоха», то можно увидеть, что именно матрица рассказа актуализируется и конкретизируется в жанре повести. В центре его произведения всегда оказывается экзотическая, экстраординарная личность, к которой то приближается и от которой часто временно отдалекается словоохотливый, ироничный повествователь-экстраверт. Текст начинает обрастать яркими деталями, описаниями, орнаментальными фразами, сказовыми интонациями. Сюжет тоже разветвляется в разные стороны, как ветки грамотно и вдохновенно-талантливо сформированной яблочной кроны алматинского апорта. Н. Веревошкин не делит свой текст на главы, но вводит межстрочные интервалы-пробелы, которые отделяют сцены, ситуации, фрагменты рассказа, повести, романа. Этот композиционный пунктир позволяет ему естественно возвращаться к исходной точке повествования.

Н. Веревошкин любит яркие, колоритные характеры. Автор в его произведениях — это прежде всего рассказчик, создатель былей и небылиц, которые поважнее иной были. Именно такая история представлена в рассказе «Скульптор». Хотите верьте, а хотите нет, но это история о том, как фантазия и смекалка рассказчика-персонажа спасает в век рыночных отношений от разрушения и забвения скульптуры одного городского мастера.

В рассказе перед нами узнаваемое пространство бывшей столицы, родного города, который теперь быстро заполняет новострой. Рассказ начинается фразой: «Мой приятель Беспузov, честно разбогатевший на продаже паленой водки, купил под офис здание старой гостиницы. В центре города. В золотом квадрате. Замечательное трехэтажное здание в классическом стиле. Колонны, портики и ниши между окон по всему второму этажу. В нишах стоят покрытые пылью и копотью статуи местного скульптора Самоедова. Хороший был скульптор. Самобытный. Лепит, наверное, сейчас по заказу ангелов из облаков» [20]. Этот богатый самодур Беспузov «завесил фасад купленной гостиницы рекламой пылесосов и под ее прикрытием произвел пошлость, синоним которой в наших краях — евроремонт. В частности, повелел выломать из ниш скульптуры, а пустоты, оставшиеся от них, заложить кирпичом и заштукатурить».

Но обстоятельства складываются так, что аккуратные немцы-строители не уничтожили скульптуры, а аккуратно вынули и установили все в нишах одной дачи в предгорьях. И эта дача продавалась. Вот тут и завязалась вся авантюрная интрига. Рассказчик покупает дачу, предварительно описав бизнесмену Беспузovu ценность скульптур, а потом соглашается их ему перепродать. В результате все довольны, но, главное, скульптуры возвращены на свое историческое место. «Во всяком случае, — пишет автор, — у меня есть основания гордиться тем, что я спас от забвения и неминуемой гибели двенадцать статуй скульптора Самоедова, противопоставив варвару и самодуру единственный, понятный ему аргумент».

В 2006 году в 11-м номере журнал «Дружба народов» впервые напечатал прозу Н. Веревошкина. Это была повесть «Человек без имени». С этих пор Н. Веревошкин становится постоянным автором журнала. В 2008 году, предвзяв публикацию романа «Белая дыра», Ч. Айтматов так вспоминал о событиях почти двухлетней давности: «В конце позапрошлого года впервые вручалась Русская премия. Напомню, что эта премия присуждается за лучшее произведение литературы, написанное на русском языке писателями из Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Мне выпала честь возглавлять жюри премии, тогда же я познакомился с замечательной по-

вестью совершенно нового для меня автора из Казахстана Николая Веревошкина „Человек без имени“. Эта представленная в рукописи повесть (ее журнальный вариант позже был напечатан в „Дружбе народов“) произвела на меня столь сильное впечатление, что никаким колебаниям насчет премии просто не оставалось места. И, вручая ее тем декабрьским вечером в „Президент-отеле“ лауреату, я подумал, что завидую тем любителям настоящей литературы, которым еще предстоит открыть для себя этого писателя» [21].

Повесть «Человек без имени» начинается с разговора бомжа и бездомного пса: «„Вот ты спрашиваешь, Митек, трудно ли оторвать голубую голову? — задушевно обратился смердящий помойкой бомж к бродяжке-псу и, погрузнев, признался: — Зависит от того, сильно ли хочешь есть. Если бы кушать не хотелось, зачем бы я им головы отрывал“. Подхалим Митек преданно глядел в глаза хозяину и, во всем с ним соглашаясь, с усердием постукивал грязным хвостом о землю». Далее, как и всегда у Веревошкина, следует описание ярких характеров и современных нравов.

Журнал «Дружба народов» напечатал повесть, которая ранее была опубликована в журнале «Простор» [22]. Герой повести «Городской леший, или Ероха без подвоха» — художник Мамонтов. Рассказчик сразу обращает наше внимание на его необычную внешность: «Непокорная бежевая грива собрана в тугой хвост. Усы и борода с первой проседью», «Глаза зеленые. Кошачьи. Редко кто выдерживал пристальный, холодный взгляд художника. Особо тонкие натуры чуяли его даже спиной», «На ногах круглый год альпинистские ботинки-термосы, рассчитанные на перепад температур от плюс пятидесяти до минус пятидесяти. Всепогодные. Очень удобно. В остальном — одет по сезону. Без особых примет. В теплое время — джинсы, ковбойка. В холода добавлялся пуховик». Неординарная природная талантливость художника делает его образ запоминающимся. Приведу еще одну цитату из повести о художнике Мамонтове: «По ночам его преследовали всего три страха. Больше всего он боялся потерять талант. Этот страх чаще всего навещал его во сне. Ему снилось: он необыкновенно способная, но безрукая курица. Ему хочется рисовать. Но рисовать нечем. Все, что у него есть, — уродливые, как обломанные веточки, ноги, а вместо рук — короткие, бесполезные крылья».

Писатели редко так щедро и радостно восхищаются прозой своих коллег, как это сделал К. Гайворонский в рецензии «Леший его знает!»: «Юмор, печаль, трагедийная нота, сарказм, образность, лукавство, отменный русский язык, поблескивающий редкими словечками, ясный слог, журчат в нем незатертые пословицы, поговорки, прибаутки — вот что вбирает в себя проза Н. Веревошкина» [23, 166]. К. Гайворонский относит произведение Н. Веревошкина к жанру фэнтези и сопоставляет его прозу с прозой Э.-Т.-А. Гофмана, Н. Гоголя, М. Булгакова, В. Орлова. Это родство объясняет метафорический стиль писателя, его фантастические сюжеты и художественные детали. В этот ряд хочу добавить имена М. Салтыкова-Щедрина и Н. Лескова. Созидательное и охранительное начало творческого дара Николая Веревошкина сродни в русской литературе дару Николая Лескова. Да и орнаментальный стиль прозы казахстанского писателя сродни стилю этого классика русской литературы. Но несомненно, что ирония и сатира явно сопутствуют авторскому повествовательному пафосу многих произведений Н. Веревошкина.

Наконец добавим, что в 9-м номере «Дружбы народов» за 2010 год завершилась публикация романа Н. Веревошкина «Зуб мамонта. Летопись мертвого города». Этот роман был уже издан в Казахстане отдельной книгой [24]. Вызывающий уважение объем, многогеройность, событийность, сочетание повествовательного и

речевого массива, явные признаки индивидуального художественного авторского стиля. Все это позволяет признать, что перед нами узнаваемое явление жанровой формы романа. При этом в описании сюжетного пространства угадываются явные признаки казахстанского ландшафта и урбанистической топографии.

Естественно, что для этого произведения, как и для многих произведений писателя, оказываются не чуждыми элементы фантастики и условности. Так, в романе действие разворачивается одновременно в нескольких пространствах и разных временах: время жизни героев в Алма-Ате, время жизни в некоем вымирающем или терпящем экологическую катастрофу условном городе Степноморске. Но через весь текст романа выделенный курсивом протянут сюжет об ожившем и бредущем мамонте, который является то ли удивительным реликтом, то ли проекцией, галлюцинацией сознания персонажей. Идеино-символическая концепция этого фантастического сюжета-видения в определенной мере понятна, хотя художественное его воплощение мне представляется несколько тяжеловесным, шаржированным.

Художественная оригинальность и самобытность написанного произведения проявляется в другом, например при описании конкретных ситуаций и жизненных биографий главных и эпизодических персонажей; в живых диалогах, кратких авторских комментариях; сочетании иронической и драматической тональности.

Роман связан с традициями художественной прозы XX века (от Распутина, Айтматова и Каледина до Маркеса и др.), но все же без явных следов ученичества. Я бы сказала, что гуманистический дискурс главенствует в романе «Зуб мамонта», а тематический диапазон его содержания тесно увязан с такими проблемами современности, как отцы и дети; наркомания; обнищание и социальное расслоение общества; сомнение в разумности проповеди вечных нравственных и правовых норм; тоска по вечным ценностям и стабильности; проблема вынужденной миграции; кладбищенская тема; тема «дна» жизни и смерти и, конечно, всегда близкая Н. Веревокину, экологическая проблема.

Говоря о художественной форме романа, отмечу замедленность сюжетной динамики, частые разрывы и пропуски при передаче движения художественного времени, умолчания об отдельных событиях. Роман без явной кульминации или эмоционально-экспрессивного художественного центра. Все это позволяет говорить о тяготении автора к модернистским романским формам. Перед нами рассыпающийся роман, не центристский, а центробежный, сюжет которого как бы рассыпается на множество историй и рассказов. А это и доказывает рабочую гипотезу о том, что рассказ является первоосновой жанров современной прозы.

* * *

Актуализация — это «герменевтическая процедура, участвующая в формировании смысла литературного произведения» [25, 76]. Она рассматривается как один из важнейших моментов теории интерпретации произведения читателем, критиком, ученым. Но термин «актуализация» распространяется и на авторское творчество, и тогда писатель видит свою задачу в актуализации чужих текстов, вечных образов или жанровых форм. В пределах нашей статьи для нас было важно подчеркнуть момент актуализации, то есть востребованности жанра рассказа в рамках современного литературного процесса, а также его значимость для развития других эпических жанров.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Пер. с фр. М., 1994.
2. Веллер М. Технология рассказа // Веллер М. Долина идолов. СПб., 2003.
3. Крамов И. Н. В зеркале рассказа. М., 1986.
4. Арцишевский А. Предчувствие любви. Рассказы, повести, стихи, документальная проза. Алматы, 2007.
5. Доронин Г. Н. Жизнь и смерть Буратино. Павлодар, 2006.
6. Назарова С. Избранная проза. Алматы, 2010.
7. Бадилов В. В. Не пряча дерзких глаз // В. Бадилов. По гамбургскому счету. Рассказы, повесть, эссе, воспоминания / Составители: Валентина Бадилова, Адольф Арцишевский. Алматы, 2007.
8. Тмарченко Н. Д. Теория литературных родов и жанров. Эпика. Серия «Лекции в Твери». Тверь, 2001.
9. Марк О. Воды Леты. Повести и рассказы. Алматы, 2002.
10. Марк О. И та, что сидела слева... Роман. Повести и рассказы. Алматы, 2003.
11. Давыдов А. П. Трудный путь к себе другому. Размышления о литературном герое и сущности социальной литературы по прочтении рассказа О. Марк «Зажигалка» // <http://www.apdavydov.com/rus/articles.asp>
12. Земсков М. Ботаник и принцесса. Рассказ // Дружба народов. 2009. № 10.
13. Одегов И. Чужая жизнь. Из цикла рассказов // Дружба народов. 2010. № 3.
14. Гайворонский К. Несовпадения. Рассказы // Простор. 2010. № 5.
15. Гайворонский К. Растоптанная лилия // Простор. 2010. № 1.
16. Кананьянов Б. За хлебом. Куранты небес. Рассказы // Простор. 2010. № 1.
17. Абдуллина Л. И. Проза поэта в историко-литературном процессе XIX–XX вв. Учебное пособие. Усть-Каменогорск: ВКГУ им. С.Аманжолова, 2005.
18. Чернова Н. Мороз-трава. Проза. Алматы, 2009.
19. Кормилов С. И. Рассказ // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Главный ред. и состав. А. Н. Николюкин. М., 2001.
20. Веревошкин Н. Скульптор // Простор. 2010. № 6.
21. Веревошкин Н. Белая дыра. Роман. Вступительная заметка Чингиза Айтматова // Дружба народов. 2007. № 6.
22. Веревошкин Н. Городской леший, или Ероха без подвоха // Простор. 2008. № 4.
23. Гайворонский К. Леший его знает! // Простор. 2008. № 9.
24. Веревошкин Н. Зуб мамонта (летопись мертвого города). Роман. Алматы, 2003.
25. Володина Н. В. Актуализация литературного произведения // Русская словесность. 2005. № 5.

МИР ПРОЗЫ МОРИСА СИМАШКО

Литературный процесс Казахстана продолжает на новом уровне диалог культур Востока и Запада, в основе которого лежит концепция евразийства. Статьей М. Симашко «Время собирать камни» открывался наш научный сборник «Евразийский талисман» (1996). Интересен прием, к которому прибегает писатель: «Там, у древнего мудреца, *еще* сказано...» Создается эффект продолжающегося диалога: «Бывает нечто, о чем говорят: „Смотри, вот это новоеУ“; но *это* было уже в веках, бывших прежде нас». Идея евразийства в разных формах и проявлениях веками вызревала «на огромных пространствах самого большого земного материка, омываемого с четырех сторон всеми четырьмя мировыми океанами... — был глубоко убежден писатель. — Во все времена от саков и гуннов до Чингисхана и самого последнего времени мир на Континенте, да и за пределами его, так или иначе зависел от мира и спокойствия в том Евразийском политическом пространстве, к единению которого столь настойчиво призывает президент Н. Назарбаев».

Центральноазиатский регион издревле служит культурным источником ренессанса. Свобода мысли преобладала в учениях и творчестве Хайяма, Аль-Фараби, Баласагуни. В менталитете проживающих на этой территории народов остался след великих караванных путей, кочевий. «Философией жизни, путем через века и цивилизации» называл Великий шелковый путь М. Симашко, а предтечей евразийства — великого Абая. Писатель был твердо уверен: «Ни для кого нет какого-то особого пути. Только соединение народов, никак не теряющих своего национального имени, своей души, в единую человеческую общность. Евразийская идея — один из краеугольных камней этого будущего».

Писатель, сценарист, журналист, драматург, публицист Морис Симашко... По мотивам его произведений сняты кинофильмы «В Черных песках», «Фраги — разлученный со счастьем», «Султан Бейбарс», «Гу-Га», «Случай в Даш-Кале» и др.

Острота, яркость и глубина исследовательского мышления писателя, обширные литературно-критические, историко-культурные, философские знания художественно переплавлялись в удивительную прозу и неповторимую публицистику. Пытаясь определиться со своей основной — исторической — темой, он считал, что назвать ее любимой — это неверно, он ее «как бы чувствовал изнутри». В «Литературных сюжетах» М. Симашко создает образы известных советских мастеров художественного слова Б. Лавренева, Ф. Панферова, А. Твардовского, М. О. Ауэзова, Ю. Домбровского и размышляет по поводу того, как сложилась его литературная судьба, чем это можно объяснить: «Каким-то особым везением?.. Твердо убежден лишь в том, что не бывает в литературе других путей, кроме прямого». В 1958 году в журнале «Новый мир» публикуется повесть М. Симашко «В Черных песках», в 1960-м — «Искушение Фраги».

Запад и Восток как некая общность с нерасторжимыми взаимосвязью и взаимозависимостью их очевидных противоречий, история социальных и культурных движений Востока художественно разрабатывались в романах «Маздак», «Искупление Дабира», «Емшан», в повести «Хадж Хайяма» и др.

Тема Востока, его искусства и науки проходит красной нитью через цикл «Повести Красных и Черных песков», объединяющий «Искушение Фраги», «Хадж Хайяма», «Емшан». Тема «окоема», ограничивающего человеческий разум, так мощно звучащая у М. Симашко в романе «Колокол» и у Ч. Айтматова в романах «И дольше века длится день», «Тавро Кассандры», впервые появляется в повести «Хадж Хайяма». Бабуров, изо дня в день ткавших полотно, сидевших за прилавками, переписывавших законы, «пугали откровения рванувшегося в бесконечность разума». Герой книг М. Симашко — всепобеждающая человеческая мысль. Писатель обладал редким умением «увидеть изнутри любовно и дружески жизнь другого народа».

И сам Морис Давыдович знакомил народы, страны и континенты с лучшими произведениями казахской литературы. Великолепный переводчик на русский язык произведений Ильяс Есенберлина (историческая трилогия «Кочевники»), Габита Мусрепова (вторая часть дилогии «Пробужденный край»), Утебая Канахина, Такена Алимкулова и других казахских писателей, пользуясь своим «высоким авторитетом за рубежом, Морис Симашко рекомендовал к изданию целый ряд книг талантливых казахских авторов молодого и среднего поколений, широко пропагандируя казахскую историю и культуру» (Адольф Арцишевский).

Творчество М. Симашко хорошо знакомо литературоведам, издателям и критикам Франции, Польши, России, Беларуси, Германии и т. д. Литературовед, литературный критик, издатель, писатель, переводчик, эссеист, специалист по Маяковскому и Есенину, большой друг казахской литературы Леонард Кошут пишет из Берлина о том, что «учреждение „Kasachische Bibliothek“ в переводах на немецкий язык открыло издания из ГДР для новых читателей в ФРГ, открыло дорогу для новых переводов. Шарлотта была редактором целого ряда романов Абдижамила Нурпеисова, и именно его „Долг“ стал первым названием библиотеки. Вышли переиздания „Лихой години“ М. Ауэзова и „Абая“ (первый том), „Исповеди степей“ Тахауи Ахтанова, а недавно впервые трилогии Ильяс Есенберлина „Кочевники“ и „Дом скитальца“ Герольда Бельгера. В планах — издание М. Симашко и др.». Историческая проза М. Симашко, увидевшая свет на немецком языке в XX веке, будет переиздана для нового поколения европейских читателей.

Заведующий отделом литератур народов РФ и СНГ Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН, доктор филологических наук, профессор МГУ, лауреат Государственной премии Республики Дагестан, заслуженный деятель науки Республики Дагестан Казбек Камилович Султанов, узнав о том, что в Казахстане увидела свет книга известного литературоведа и издателя, лауреата Государственной премии РК Ш.Р. Елеукенова «Казахская литература: новое прочтение», просит выслать один экземпляр в Москву, потому что заинтересовался статьями о М. Симашко, «особенно о высоко ценимых мною романах „Маздак“ и „Емшан“... В интересных разговорах с Морисом Симашко, — пишет далее известный московский литературовед, — я провел незабываемый месяц в Ялте. М. Симашко знали, конечно, но до сих пор, мне кажется, в полной мере не оценили то, что он сделал в литературе».

Директор — главный редактор Редакционно-издательского учреждения Издательский дом «Звезда», главный редактор газеты «Звезда», профессор Белорусского государственного университета Алесь Николаевич Карлюкевич вспоминает, размышляет, задает вопросы: «Морис Симашко... Имя это, его писательское насле-

дие не могут не тревожить, не волновать. Издана ли монография о его творчестве? Где архив писателя? Меня интересует все то, что он говорил о туркменских своих годах. Что послужило причиной его переезда в Казахстан? С кем из туркменских литераторов он поддерживал связь в казахстанский свой период? С кем переписывался? Не возникала ли в разговорах фамилия Курбаннепесова — поэта Керима Курбаннепесова? Как узнать, переписывался ли Морис Симашко с туркменскими литераторами, когда жил в Казахстане? ...Светлана, и пришлите, если это не очень обременительно, книгу М. Симашко „Дорога на Святую землю“ и свои статьи о М. Симашко. ...Морис Симашко — моя странная читательская любовь из моей туркменской жизни. Несколько добрых слов о нем из уст народного поэта Туркменистана Керима Курбаннепесова, вкусу которого я бесконечно доверял, сделали свое дело. И если будем живы... думаю, что еще свершим немало для памяти о Симашко. Потому и прошу Вас: присылайте всевозможные материалы о нем, книги, статьи и проч. Подсказывайте, с кем есть смысл общаться из тех людей, кто его хорошо знал...»

А. Карлюкевич отчетливо понимает, что «если не мы и не сегодня проявим интерес к вопросам влияния литератур друг на друга, к вопросам сравнительного литературоведения, то где гарантия, что это будет кем-то осуществлено завтра? Поэтому и работаете, вероятно, Вы, поэтому и я пытаюсь что-то сделать. Спасибо Вам за многие добрые слова».

И встреча в Москве, в Российско-немецком доме 14 декабря 2013 года на презентации Антологии литературы российских немцев второй половины XX — начала XXI веков «Der misstrauischen sonne entgegen... Навстречу недоверчивому солнцу...» с замечательным поэтом из Берлина А. Шмидтом. Разговор о Казахстане, о Г. К. Бельгере, о друзьях и коллегах... Тепло и искренне вспоминает А. Шмидт встречи с М. Симашко, «малые повести его написаны безупречно». Хранит книги с автографами: «Александр Шмидту от Мориса Шмидта»...

Ведущие в творческом наследии М. Симашко — концепты Родины и памяти, мотив пути, дороги. На древней земле Сасанидов разворачиваются действия в первой, изданной в Москве повести М. Симашко «В Черных песках». Основные события периода династии Сасанидов будут воссозданы в романе «Маздак». Это одна из характерных черт стиля писателя — возвращение к уже звучащим ранее в его творчестве темам и мотивам, но разработка их на новом уровне. В центре повествования в романе — реальные исторические личности: Маздак, царь Кавад, царский писарь Авраам. Три могущественных государства: Византия, Персия и Туран. М. Симашко размышляет о судьбе народов, языков, религий постоянно.

Диалог цивилизаций и культур немыслим без опоры на знания. Мировые языки, культуры и книги — в центре повествования М. Симашко. «Книги лежат рядами, одна на другой, тяжелые, черные. Запах кожи и воска от них». Есть особые книги, которые не дают студентам. Даже библиотекарю их довелось читать только урывками: «Все языческие книги скупают для одного важного перса... Их все меньше, таких книг с розовыми, красными, сиреневыми переплетами, с золотыми и бронзовыми женщинами на застежках. Когда за истинную веру изгоняли академию из Эдессы, ромейские стражники зажгли костер. Все рукописи без знака креста бросили туда: латинские, греческие и еврейские...»

Работая со старыми рукописями («Следующую рукопись приходится подклеивать. Между строк расплзлись бурые пятна...»), Авраам сравнивает языки: «Громовым и твердым был язык ромеев-латинян. Покорности учил Спаситель, и они распяли его...» Язык пехлеви у персов другой. «Слова кованые и звонкие, как из бронзы. Только произносят их по-разному». Будто «трогают струны чанга», солда-

ты из Ктесифона «проглатывают середину, и слова рвут на струны». Да и самого Авраама диперан Фаруд зовет с арийским выговором — Абрамом... Язык арамейских греков «как из мрамора», нельзя ничего ни прибавлять, ни отсекаать от фразы, но есть сходные звучания с пехлеви. На торжище «воркующее арамейское пение вплеталось в четкий язык пехлеви, слышалась и черная византийская божба». Отрывисто, с арийским звоном в голосе говорит Светолицый.

«Языки, как и книги, пахнут по-разному. Одни — травой, другие — теплым молоком или морем. И цвет у каждого свой: синий, красный, золотой. Даже привкус от слов различный остается во рту. Спокойные и беспокойные бывают они...» В романе «Маздак» — особое отношение к мировым языкам. Несобственно-прямая речь Авраама, удачно включаемая в ткань повествования, передает и этимологию слов. Это — отличительная черта стиля М. Симашко. Еще в Нисибине слышал Авраам о знаменитом арийском священнослужителе — мобеде, носящем странное имя. «Маздак — факел при обрядах у огнепоклонников. „Источающий свет Мазды“ означает это имя на пехлеви».

Молодой азат запекает песню тихо, но затем она гремит, наполняя всю степь, пропитывая каждую травинку. Песня представляла собой «только перечисление в походном порядке древних кеевых воителей с краткой боевой характеристикой... Но было во всем что-то необъяснимое, вечное, трагически предопределенное. Бронза древних страстей плавилась в глухом громе копыт, качании горизонта, буйных вскриках и свисте. Сердце рвалось куда-то, растворяясь в сладких языческих ритмах».

Об общности людей, говорящих на разных языках, размышляет автор. Так в ткань исторического произведения о древней эпохе Сасанидов вплетаются евразийские мотивы. „Песню Красного Слона“ пел Кабруй-хайям... Хайям или хоам. „Вино жизни“ это значит по-арийски. Напиток самого бога, которым причащаются зороастрийцы при своем служении огню. Поэтов тоже называют этим именем, если сладки, мудры и пьянящи их стихи, — размышляет Авраам (и вместе с ним автор романа). — Хайям!! Лехайм! Хайль! Хай! Хей!.. На всех языках, божьих и варварских, — это жизнь, здравица. Что-то роднило людей когда-то...»

Символична на страницах романа картина высохшей растительности. Это же ждет людей, если не будет мира, чтобы водить караваны. Все взаимосвязано в жизни. В этом мудрость веков, мудрость восточной и западной философии: «С начала лета дул гармсель — медленный и горячий ветер. Из слабых предгорных речек, из щелей в скалах, из самых глубоких колодцев впитывал он в себя воду. Листья оставались как живые: зеленые, с синими прожилками, но ни капли сока не было в них. Сухо трескались стволы деревьев, трескалась земля, камни и лица людей».

Жизнь продолжается... Войны сменяют периоды перемирия. Взамен сгоревших храмов будут возведены новые. С любовью собирает разбросанные книги Авраам. Теплится в его сердце надежда, что будут они востребованы. Описание широких евразийских просторов древней Персии, «покрытых сонмищем безликой саранчи, испытавших трехдневную осаду полчищ крыс, опустошенных огромными пожарами», придают роману эпический размах, который еще больше подчеркивается изображением чудес, захватывающих воображение. Авраам «все больше и больше убеждался, что даже невероятные легенды и истории также неотделимы от жизни, как разум от плоти. Реальные события переплетаются с мифами и в конце концов сами уподобляются сказкам».

Путешествуя, Авраам наблюдает за жителями разных стран, изучает легенды и предания, все отчетливее понимая, что люди хотят мира, как и все, собравшиеся

перед дорогой в прохладном полумраке главного склада на торговом подворье в Ктесифоне. «Говорили по-арамейски, вежливо передавая друг другу папирусы с бесчисленными цифрами, и спокойное понимание было между ними. Где-то по ту сторону остались страсти, сотрясения духа, бронзовый закон. Словно призрачное сказание выглядел мир из этой реальной полутьмы... Мир нужен был им, чтобы водить караваны, а если вконец ослабеет Эраншахр, то быть войне...» В путь по древним цивилизациям отправляется Авраам, потому что представляет себе героев эпических преданий, где и в какой стране они появлялись. Все меньше городов и селений становилось по пути следования.

Из горячих каменных долин — в узкие ледяные ущелья, «где звезды среди дня загорались в небе... Да, здесь порожден он, железнотелый Ростам, которого не минует ни одно из сказаний!.. Нет больше людей, только голые скалы, оплавленная земля и пустое, беспощадное небо над головой...» Следующее высказывание Авраама звучит как квинтэссенция творчества поэтов всех времен: «Полет коня над землей, кровь, песня — и есть жизнь. Пусть кружится от стихов голова и взрываются страсти...»

Обладая редчайшим даром входить в иные миры, по глубокому убеждению Мурата Ауэзова, М. Симашко через горький запах полыни просто и убедительно рассказывал нашу историю. Отсюда — абсолютная достоверность характеров от времен Бейбарса и персидского средневековья до современности. «Он из истории пришел в наш мир, — подчеркивает Мурат Ауэзов. — Опыт многих сотен поколений сконцентрирован в его прозе, которой присущи особый ритм и стиль, особая расстановка слов». Величайшие мыслители, философы, поэты Востока в историческом контексте времени воспринимаются как ярчайшие дарования своего времени и яркие таланты. Они подобны ярким кометам или звездам в созвездии мировых цивилизаций.

Мир каждого художника строится по особым законам. О многом в нашей литературе М. Симашко написал впервые...

В повести «Гу-Га» излюбленный прием автора: ретроспекции, смешение временных пластов, военное прошлое, переходящее в настоящее, и настоящее как предпосылка воспоминаний военных лет. Своеобразной литературной биографией художника, в которой присутствуют исповедальная проза и острая публицистика, стал «Четвертый Рим». Принцип автобиографизма и автобиографическая память позволяют дополнить жизненный путь писателя фактами, которые он сам адресует внимательному и заинтересованному читателю.

Но сквозной лейтмотив его творчества — движение к родине, проблема ее поиска. Султан Бейбарс, человек на вершине власти, рвал с нею, ставя превыше всего родину. Слова в судьбе героев произведений М. Симашко играют особую роль, как и языки. Они выражают самые сокровенные мысли, раскрывают думы и чувства, передают важную информацию. Слова — живые, одухотворенные. «Слово опять *шевельнулось* в горле. Он чуть не крикнул его, и горький вкус остался на губах. Оно всегда было с ним, это слово. Не слово, а чей-то неясный плач. Словом оно стало сегодня утром, когда он открыл глаза, и у него вот так же сдавило горло. Откуда оно?..» — пытается понять Бейбарс.

Родной запах емшана словно соединяет незримой нитью повести о Фраги и «Емшан». В пути находится Омар Хайям. Фраги Махтумкули путешествует по стране... Авраам отправляется по поручению царя царей в Туран в поисках города Счастья. Путешествие в пространстве становится путешествием в прошлое. Многолики города, разнообразна культура их жителей. «Дорогу на Святую землю» завершает публицистическая новелла с одноименным названием. Повествование

философско-насыщенное, богатое параллелями, сравнениями разных исторических эпох.

В пути Екатерина Вторая, пятнадцатилетняя Каролинхен («Графиня Рейнбек с дочерью... Королевская подорожная!») начинает свое путешествие по заснеженной России. Новый мир — Россия — влечет юную принцессу.

М. Симашко дает точный портрет царицы, отличный от исторических традиций XIX века. Художественно воссоздан духовный облик Екатерины с того момента, когда она еще ребенок, маленькая немецкая принцесса, и до углубленного и лиричного образа Екатерины Великой, умеющей выбирать друзей и союзников и остающейся верной идеалам века Просвещения, не изменившей своим кумирам — французским интеллектуалам-энциклопедистам: «Некогда читала она, что общества и народы живут по тем же законам, как звезды и планеты. У каждого своя орбита, и всякая играет свою роль в мироздании, являя общую стройность. Так же и люди имеют свою судьбу. И сколь ни причудлива может быть она, но подвластна некоему высшему порядку. Ее звезда показала ей как-то в полуденном небе». Звездный мотив станет лейтмотивом романа. Звучит вопрос, адресованный самой себе: «Значит, звезда, что увидела как-то в ясном дневном небе, ее обманула...» И есть ответ на этот вопрос: «Звезда не обманывала ее».

Властная, умная правительница, Семирамида Севера (Вольтер) целью своей политики провозгласила единение российских земель. Подлинные исторические документы удачно встроены в текст романа, их вспоминают действующие лица, читают, сами пишут письма, цитируя труды известных ученых, упоминая имена Ломоносова и Сумарокова, Вольтера и многих других. Переписка с Вольтером будет продолжаться на всем пути Екатерины Великой от Казани до Симбирска. Диалог культур и цивилизаций получит новое продолжение в романе «Семирамида», действие в котором разворачивается на пространствах России, бескрайних и бесконечных. Год или два нужно, чтобы доехать до конца государства, — ответили когда-то на вопрос Екатерины Великой в Киеве. Излюбленный прием автора — раздвигание мглы, пространства, смешение временных пластов.

В «Семирамиде» два рассказчика: жизнь императорского дворца, интриги и нравы даны в восприятии Екатерины, о степной составляющей Российской империи рассказывает Ростовцев-Марьин. В романе ярко проявляется умение писателя так конструировать сюжет и выстраивать композицию, что чтение становится не только интересным и захватывающим, но и высокоинтеллектуальным. Жизнеописание Михайло Ломоносова могло бы стать отдельным художественным произведением, новеллой, повестью, романом. Цитирование од, стихотворений, поэтических посланий Ломоносова, Тредиаковского, тонкоизящного Сумарокова — русского Софокла — «работает» на своеобразие поэтики исторического романа. Польские страницы романа, размышления Ростовцева-Марьина и пана Людвиг о музее истории («В львицу превращается, у которой хотят отнять добычу, когда кто-то становится на ее пути»), о русских городах Пскове и Новгороде («наравне с венецианами себя в Европе понимали»), правление Ивана Грозного и Петра Первого — еще один невоплощенный сюжет самостоятельного произведения. Многое предстояло написать и реализовать из задуманного Морису Давыдовичу...

Особенности построения сюжета и архитектоника произведений М. Симашко отражают, как в оптическом фокусе, прошлое, настоящее и будущее. В новой литературной эпохе новые поколения любителей изящной словесности в разных странах мира будут открывать в удивительном мире его прозы особо важное и ценное для себя.

У М. Симашко — уникальная способность... Он продолжает рассказывать о себе, ведет, не прекращая, диалог с читателем XXI века. Наш замечательный друг, инте-

ресный прозаик Виктория Кинг пишет из США: «Читаю Библию, Коран, Авесту, особенно привлек меня зороастризм. Конечно, я помню Мориса Симашко, больше всего я любила его роман „Маздак“. Не правда ли, интересно, сегодня я читала об эпохе Сасанидов и о зороастризме как официальной религии этой империи, Вы мне написали о Симашко...»

М. Симашко прекрасно отдавал себе отчет в том, что «литература — это не одни лишь звучные имена, это сложный процесс, тысячами нитей связанный с состоянием общества». В последнем произведении «Четвертый Рим» автор переосмысливает свой творческий путь в контексте истории XX столетия, концептов большой и малой родины. Он выступает и как литературный критик, пытающийся раскрыть замысел и историю создания своих произведений, и как политический обозреватель, свидетель трагических событий века XX. Остро ощущая связь времен и тонко передавая это ощущение в своей прозе, писатель убеждает нас в том, что Четвертый Рим выпал из времени, осталось одно пространство.

Именно оттепель знаменовала начало конца Четвертого Рима. Выпадением из времени объясняется начало афганской войны и распад Советского Союза. Это серьезная и в то же время слегка ироничная проза, созданная рукой Мастера, обладающего уникальной памятью, хранящей множество деталей, исторических сведений. Он легко проводил параллели, сравнивая, казалось, несопоставимое и приходя к парадоксальным выводам. Главная книга писателя — «редкая, исповедальная литература» (М. М. Ауэзов). По аналогии с известным романом Альфреда де Мюссе, «Четвертый Рим» М. Симашко литературный критик и литературовед В. Бадиков предлагал назвать «исповедью сына века», в которой ощущается живое дыхание человека и истории. Полны огромного смысла заключительные строки «Четвертого Рима»: «До сих пор я вижу зеленовато-серую ящерицу на сером каракумском песке. И понимаю, как растет саксаул. Певец-бахши поет в моих ушах песню пустыни...»

Проза М. Симашко имеет ярко выраженную воспитательную и развивающую направленность. Он заставляет читателя сопоставлять, думать, анализировать, интеллектуально мыслить. Диалог культур и цивилизаций — насущное веяние времени. Поэтому так востребованны и актуальны вечные проблемы духовных и моральных ценностей, мировой этики, диалога и сотрудничества, солидарности, художественно воплощенные в его произведениях.

Духовные нити связывают творчество М. Симашко с современными научными исследованиями. В новой книге доктора филологических наук, профессора, директора Института востоковедения им. Р. Б. Сулейменова КН МОН РК А. Дербисали «Хибатулла ат-Тарази и его духовное наследие», посвященной жизни и творчеству ученого Хибатуллы ат-Тарази (1272–1333), уроженца средневекового города Тараза, впервые публикуются его рукописи на русском языке, хранящиеся в библиотеке Принстонского университета (США). И что очень важно: он был мударрисом в медресе султана Бейбарса в Каире (Египет), где и похоронен.

«Собственно, у каждого писателя есть свой город или определенная местность, не обязательно та, где он родился или рос, которая так или иначе сделалась местом приложения его творческой мысли и чувства. Это — его подлинная родина. Впрочем, и каждый город или местность имеют своего писателя», — размышлял М. Симашко.

Именно Казахстан стал местом приложения творческой мысли и чувств М. Симашко. У Казахстана был свой писатель, ибо никто другой не писал так мастерски о восточных культурах и цивилизациях, об истории Центральной Азии, о непреходящих духовных ценностях, о евразийстве как пути в наше завтра.

Надежда ЧЕРНОВА

БУНТУЮЩАЯ СВЯТОСТЬ АЛЕКСЕЯ БРУСИЛОВСКОГО

Алексей Брусиловский прожил стремительную, короткую жизнь, но успел сделать удивительно много. Мы неоднократно публиковали его в нашем журнале, получая живые отклики читателей, их удивление талантом молодого писателя. Музыкант по образованию, он выступал как оригинальный поэт, как неординарно рассуждающий мыслитель, написавший цикл философских работ, которые заинтересовали и Москву — была публикация в журнале «Юность». Стараниями его сестры, Галины Маликовой, вышла посмертная книга «Бунтующая святость». И вот теперь мы хотим познакомить вас с его прозой.

Повесть «Фиолетовая долина» была начата, когда Алексей служил в армии, в танковых войсках, на Украине, потом он ее продолжил, учась в Алматинской консерватории. Повесть сочетает в себе и поэта, и философа. Философа в большей степени. Это философская повесть. Главный герой повести Игорь Аелин, молодой человек двадцати шести лет, аспирант, занят античностью и хочет соединить золотой век человеческой цивилизации с современной жизнью людей 80-х — начала 90-х годов XX века, ищет в этой жизни продолжение прекрасной античности, но, к печали своей, в античных временах обнаруживает зачатки тех страшных трагедий, искажений человеческой души, скопление пороков, которые потрясают современность, уничтожают человека.

Многие мысли Аелина в советские времена, когда повесть была написана, выглядели крамольными, и «Фиолетовую долину» никто не напечатал, хотя все, кто читал повесть в рукописи, видели справедливость его слов и выводов.

Конечно, Аелин — это не сам автор, но во многом похож на Алексея Брусиловского, и прежде всего напряженным спором с собой и миром о том, что тысячами мучило человека мыслящего. Аелин балансирует на краю ясного ума и безумия, святости и бунта против Неба, что отчасти продиктовано юношеским максимализмом.

Он живет как бы в другом измерении, в другом времени, отличном от общего времени человечества.

«Он знал, что его время было странным — оно не соприкасалось со временем живущих рядом людей, вехи двух времен были разными — для людей это были их жизненные обстоятельства — прелесть отрицания скучной правильной жизни».

Надежда Михайловна Чернова родилась в селе Баянаул Павлодарской области — русская поэтесса Республики Казахстан, публицист, переводчик, литературный критик, член Союза писателей Казахстана. Окончила факультет журналистики Казахского государственного университета им. Кирова. Заведующая отделом поэзии журнала «Простор».

ни, для него же на месте этого была пустота, и начало его времени было там, в античности, среди храмов и олив. Его время было воздушным мостом, перекинутым из античности в современность, там ему было хорошо, и он боялся смотреть вниз с этого моста: внизу было страшное и непонятное — грозным гулом там тянулось единое время человеческой истории, и там не было ничего, кроме месива из крови и грязи...»

«Странность» его, как и другого героя «Фиолетовой долины», краснолицего мужика — изобретателя «вечного двигателя» и вполне трезво глядящего на современное бытие человека инженерной профессии, странность эта в самом деле выглядит странной на фоне всеобщей паранойи, что краснолицый пытается доказать своему лечащему врачу-психиатру:

«— И все-таки, я не понимаю, Андрей Иванович, — говорил краснолицый, — кому нужно то, что я нахожусь здесь? Скажите мне, ответьте, откройте мне эту тайну, и я отвяжусь от вас.

— Это нужно обществу, — сказал спокойный голос Андрея Ивановича.

— Что? Обществу? — как бы не веря своим ушам, произнес хриплый голос. — Но, Андрей Иванович, вы же умный человек, неужели вы не видите, что само общество больно — давно, тяжело и безнадежно, да и болезнь-то не какая-нибудь редкость, с экзотичным названием, чем, при случае, и похвастаться можно, а самая обыкновенная паранойя. Андрей Иванович, вот вы врач, стало быть, ученый человек, ну, сами посудите, ведь если бы я просто перечислил симптомы, столь вам знакомые: „враждебное окружение“, „первое в мире“, то есть если бы я вам сказал про манию преследования и чувство собственной исключительности, если бы я только заикнулся о безумном мираже неистового пролетарского счастья, вы бы, наверное, сказали с радостным удивлением: „Да это же паранойя!“, а затем бы, наверное, добавили: „Срочно госпитализировать!“ Хотя, нет-нет, я с вами даже согласен, я бы даже не стал госпитализировать сошедшую с ума страну, даже если бы и было куда — все это, знаете, интересно, только вот все портит отсутствие логики. Андрей Иванович, — продолжал задыхающийся хриплый голос краснолицего, — почему одних сумасшедших, изогнувших по своим безумным чертежам целую страну, объявляют благодетелями человечества и ставят им кумиры, а других держат здесь? Или все дело в том — кто первый? Так вот представьте, что перед вами сидит очередной „великий вождь“, изобретатель вечного двигателя, который, не шутя, надеется на то, что этот мотор заработает и выработает со временем какое-нибудь „мировое счастье“...»

Дальнейший монолог краснолицего столь же любопытен, но лучше читать его не в цитате, извлеченной из контекста, а целиком, и потому я цитату прерываю — читайте повесть!

Аелин тоже видел отсутствие логики в поступках людей. Аелину, как и краснолицему, был поставлен диагноз: «раздвоение личности», но Аелин подобное раздвоение наблюдал повсеместно в обществе людей, считающихся нормальными:

«Как же это получалось? Одни и те же люди делали совершенно разные вещи — они любили и ненавидели, испражнялись и ссорились, гневались на обстоятельства и смеялись в кино на французских комедиях. Одни и те же люди — он видел это — выступали на торжественных собраниях и похабничали в курилке — и ничего, никакого раздвоения не было. Как же он не замечал этого раньше? Каждый человек был раздвоен, расстроен, раздесатерен, но при этом он был тем же самым... Ведь каждому человеку, чтобы жить, приходилось раздваиваться между чуждыми, враждебными друг другу вещами...»

И снова — рассуждение о «раздвоении» следует читать в контексте, цитата — только путь к мысли.

Подобных размышлений в повести немало, но не следует забывать, что перед нами очень молодой человек, не имеющий еще достаточно жизненного опыта, чтобы мысли свои оформить в некую стройную систему, которая опиралась бы не только на книжные знания, но и на личные переживания, взросление Духа. Жизнь не дала ему времени на этот трудный, горький, но и благодатный путь. И все-таки даже то, что Алексей Брусиловский сумел постичь, к чему шел, думаю, ценно и важно для нового поколения таких же двадцатилетних юношей, которые задаются теми же вопросами, что и он.

Аелин ищет ответы на «вечные вопросы», поставленные Всевышним, он жаждет истины и в моменты озарения видит сияющие миры, видит чистый мир, свободный от греха и пороков, где все счастливы. Это золотой сон человечества, который не перестает сниться, и Аелин в этом сне чувствовал себя младенцем.

«Он только теперь понял, что всегда был младенцем, не знающим ничего, кроме мягкости и тепла колыбели, не имеющим понятия о назначении зачем-то нужных, жестких вещей — стола, стульев и стен родного дома...»

В снах своих он умел летать:

«Под ним была земля. Простор горизонта и темнеющее фиолетовое небо над открывшимся миром... Зимы здесь не было. Далеко внизу, под ногами плыли сады, покрывавшие темную землю... Впереди, на горизонте, вдали, куда он неся по застывшему воздуху, вставало темное изваяние горы с пологой вершиной. Там стояли, глядя друг на друга и разговаривая, два одинаковых человека с черными бородами, в длинной синей одежде. Он знал этих людей — это Моисей говорил с Богом, слушал его Завет и переспрашивал...»

* * *

Молодой писатель создает свою утопию, которую философски обосновывает, пусть излагает он свои мысли порой весьма сложным и запутанным, витиеватым языком, но сквозь хаос и сумятицу мыслей все же просвечивает его возвышенная, небесная душа, жаждущая гармонии, которой одиноко и скучно на несправедливой и неправедной земле, среди обывателей, занятых животными потребностями, захваченных войной, порабощением друг друга, пошлостью, ложью и т. д.

«Почему это так? — подумал Аелин. — Человек должен двигаться и жить, но он стоял... всем своим видом показывая, что вековая мечта — простая жизнь улыбающихся людей среди зеленой природы, устроенной Богом не для случайных смертей, а для вечного улыбающегося счастья, людей, живущих без одежды, но с преградой от эпидемий и несчастных случайностей, вся эта мечта была лишь несерьезной прихотью, и люди навечно застряли в фиолетовом сумраке надземных строений, меняя золотой век на семейную истому тихого вечера за окнами построенного дома...»

Обывателям вроде бы уютно в этом «фиолетовом сумраке», но они скрывают, как им страшно жить, потому что они не знают выхода из этого тупика, не знают пути к всеобщему счастью и потому еще больше ожесточаются. Их мир полон пустотой.

Выхода из тупика не нашел и Аелин, но сами его поиски — это активное еди-

ноборство с пустотой, с бездуховностью, с ложью бесконечных «вождей» и лукавых идеологий-миражей, бессильных перед волею Всевышнего. В озарениях своих он видел пророка в длинных синих одеждах, он слышал его голос, созерцал огненные письма священного Завета.

«Заблудился я в небе, что делать?» — повторял Аелин слова Мандельштама. Алексей Брусиловский и о себе мог бы сказать то же самое: «Заблудился я в небе...»

«Для него небо было миром загадочным и удивительным, и Аелин думал, — до чего они с поэтом похожи — тот в стихах совместил несовместимое, а он искал разгадку, найдя которую можно соединить античность с современностью и уже не блуждать в этом соединенном мире. А он заблудился...»

И Аелин шагнул из окна общежития, где его пыталась соблазнить сладострастная студентка, то есть в лице ее — тварный мир, живущий животными инстинктами, примитивными заботами и забывший о даре Божьем — о драгоценности своей единственной жизни. Тварный мир хотел поймать его — расставил свои сети и не поймал: Аелин шагнул в небо.

«Где-то внизу, на тротуаре спокойно говорили голоса, и пророк в длинной синей одежде вздымал руки и кричал оглушительным голосом...»

АСТАНА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Диалоги культур

Светлана Ананьева, заведующая кафедрой аналитики и внешних литературных связей Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова МОН РК

1. Какие имена определяют ныне литературный ландшафт Казахстана?

Современный литературный процесс Казахстана представлен писателями, поэтами, публицистами, драматургами многих национальностей, которые пишут как на родном языке (казахском, татарском, узбекском, немецком, корейском, курдском), так и на русском языке. Институт литературы и искусства им. М. О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан 20-летию Ассамблеи народа Казахстана посвятил коллективную монографию «Современная литература народа Казахстана», авторский коллектив которой выявляет основные тенденции развития национальных литератур республики. Своеобразие литературного ландшафта Казахстана составляют произведения Абдижамила Нурпеисова, Смагула Елубая, Олжаса Сулейменова, Алибека Аскарова, Герольда Бельгера (недавно ушедшего от нас), Валерия Михайлова, Надежды Черновой, Любви Шашковой, Николая Веревошкина, Гасанэ Хаджисулеймана, Фархата Тамендарова, Димнуры Булатовой, Тауфика Каримова, Абдикарима Пратова, Станислава Ли, Александра Кана и многих других.

2. Как построено взаимодействие национальной и русскоязычной литератур Казахстана?

В Казахстане выходят в свет литературно-художественные журналы на казахском («Жұлдыз», «Жалын» и т. д.), русском языках («Простор», «Нива», «Amanat» и т. д.) и двуязычные («Тан-Шолпан», «Тамыр» и т. д.), альманахи «Литературная Алма-Ата», «Книголюб» и другие. Национальные литературы республики развиваются в общей, уникальной социоисторической, цивилизационной ситуации, обогащаясь традициями казахской литературы. Сложившееся в республике поликультурное пространство с единой духовной основой способствует их поступательному и динамичному развитию. Творческая личность в современной литературе Казахстана, как и герои создаваемых ею художественных произведений, находятся на перекрестке культур, в едином духовном пространстве этнического и культурного взаимодействия. Представителями мировой культуры в своей и своей — в мировой называют казахских русскоязычных поэтов и писателей Олжас Сулейменов. В жанровом отношении русскоязычная казахская литература характеризуется разнообразием и отчетливо выраженным авторским стилем.

3. Какое влияние оказала концепция нового евразийства на продолжение в новых условиях процесса культурного взаимодействия Казахстана и России? Какие конкретные формы обрела евразийская ментальность?

Евразийские идеи в национальных литературах Казахстана играют консолидирующую роль, выявляя творческое взаимодействие и взаимообогащение общими

концептами, темами, идеями. Этноперекрестки и трансграничье, контакты и взаимодействие культур имеют особый смысл в картинах мира Евразии. Литература воспринимается как главный стержень духовной ценности евразийского пространства. Идеи евразийства мощно звучат в прозе (Морис Симашко «Маздак», «Семирамида», Дукенбай Досжанов «Фараби», Татьяна Фроловская «Евразийский лев», Виктор Мосолов «Зов степи» и др.), публицистике (Морис Симашко «Дорога на Святую землю») и поэзии Олжаса Сулейменова, Валерия Михайлова, Бахытжана Канаянова, Гадильбека Шалахметова, Надежды Черновой, Станислава Ли и т. д.

4. Влияют ли процессы, происходящие в России, на литературную жизнь Казахстана?

Мы можем говорить об общих тенденциях развития литератур России и Казахстана. Вот и только что увидевший свет литературный альманах «Казахстан–Россия» (Алматы: Жибек жолы, 2015) — новое тому подтверждение. Литературе предстоит искать ответы на новые вызовы времени. И голос писателя должен быть услышан.

5. Какие проблемы существуют сегодня в журнальной жизни Казахстана?

Поиск добротных художественных произведений, новых писательских имен, талантливых поэтов.

6. Какие особенности отличают молодую литературу Казахстана?

Экспериментаторство, создание новой реальности. Сюжеты искренни и фантазийны, сказочны и позитивны. Проза молодых интеллектуальна и увлекательна. Лирика светла и полупрозрачна. Продолжается поиск в нашем изменчивом мире родственной души. Границы пространства поэтического мира и времени расступаются. Размышления о поэте и поэзии — вечные вопросы. Жанр фэнтези соседствует с реалистическим повествованием. На стыке жанров рождаются интересные вещи.

Ксения РОГОЖНИКОВА

К МОРЮ

Сапоги по колено, Дед Мороз на санях;
Вьюга снег по земле стелет.
А где-то там — мое море живет без меня
И тяжело плещется в берег.
У кого-то другого на коже песок
И саднит лицо от загара;
А здесь несет белое колесо
Из старого года в старый.
Здесь тянется горная цепь, звеня,
Горло сдавливает ошейник.
А где-то там — мое море живет без меня
И широко плещется в берег.

ИНЖИР

Старый Город,
Ближневосточный полдень.
Толпа туристов.
Очередь за мороженым,
очереди в кафе.
Но советские дети
знают, где
добывать пищу.
Рядом, в саду —
инжирное дерево,
усеянное плодами.
Я срываю теплый,
нагретый солнцем инжир,
сидя у тебя на плечах.
А после — пируем
на старой скамейке,
лениво поглядывая
на очереди в кафе.

Ксения Рогожникова — поэт, прозаик, переводчик. Печатается в российских и казахстанских литературных журналах. Участница V–VIII Форумов молодых писателей России в Липках 2005–2008 годов, Форума детских писателей в г. Старая Русса, 2009 года. Окончила Высшие литературные курсы (2007–2009) в Литературном институте им. Горького (Москва), семинар детской литературы. В данный момент ведет семинар детской литературы в Открытой литературной школе Алматы (ОЛША).

* * *

Крошки хлеба
плавают в луже.
Через минуту
здесь закипит и взволнуется
голубиное море.

* * *

Веет холодом —
будто над городом
навис айсберг.
Чирикни хоть ты, воробушек —
живая теплая капелька
в зимних озябших кустах.

* * *

Ранним утром
услышишь,
как за окном
захлопала крыльями
большая птица.
И приснятся
одинокие аплодисменты
в театре.

* * *

Поставить статуэтку Будды в алтарь,
Посмотреть, какой сегодня лунный день,
Не есть зерновые в экадаши,
Слушать намаз, что читают с ближайшего минарета,
Раскрасить янтру гуашью,
повторить мантру Дурге;
И куда подевался крестик?

* * *

Одна мантра
на всю жизнь —
сидит на веточке
и славит
с утра до вечера:
«Тиу! тиу!»
В благодарность
за свет,
за воздух,
за солнце.
Научиться бы.

АЙЯ

Сказка

В далекой-далекой стране среди бескрайних степей живет славный и радушный народ. Много среди его жителей талантливых музыкантов, ловких наездников, искусных сказителей, мастеров-ювелиров, но более всего почитались воины. А все, потому что необычные враги нападали на детей великой степи. С наступлением холодов, когда ночь длится дольше дня, духи тьмы проникали в мир людей, пытаясь забрать побольше душ в свое царство. Противостоять им могли лишь избранные, прошедшие испытание.

Днем воины света оттачивали свое мастерство, а с наступлением темноты несли службу. Кто-то сражался на особых мечах, закаленных огнем дракона или в жерле вулканов, другие читали заклинания, третьи призывали светлых духов, были и те, кто мог подчинить себе силы природы. Любой ребенок смотрел на них как на героев и мечтал однажды стать одним из них. Теплыми весенними деньками воины собирали вокруг себя детей и рассказывали о самых интересных приключениях.

В один из таких солнечных дней родилась девочка, получившая за светло-голубые глаза имя Айя¹. Она росла хрупким и слабым ребенком. Многие говорили, что не суждено ей пережить и первой зимы, но она выжила, хотя и стала сильно отличаться от остальных. Когда дети собирались вместе и играли, Айя уходила далеко-далеко и рисовала каждый новый для нее цветок. Когда все учились ездить на лошадях, девочка боялась даже подойти к скакунам. А если ее заставляли присоединяться к игре, она со слезами убегала домой. С наступлением зимы девочка почти не выходила гулять, а нянчилась с младшим братом и читала книжки. Хотя она и восхищалась воинами, но не могла даже представить себя среди них. Не хватало смелости, да и думала Айя, что они-то точно знают свое предназначение, а ей оставалось лишь представлять себя храброй героиней книжек. Шли годы, а это означало, что главное испытание в ее жизни все ближе.

Один раз в пять зим девушкам и юношам, которым исполнялось тринадцать, следовало выполнить одно-единственное задание. Для каждого оно определялось мудрой птицей Самрук. Вестница небес спускалась и беседовала лишь с мудрейшим старцем. Справившийся со своей миссией почитался народом, одаривался бесчисленными подарками, а главное — становился одним из защитников от темных сил. В день весеннего солнцестояния народ собирался со всех концов огромной страны, чтобы узнать, что предназначено для их детей.

Фарангиза Талгатовна Шукашева родилась в 1994 году в Казахстане. Студентка Института транспорта и телекоммуникаций. Работает проектным менеджером в StudyQA. Публиковала малую прозу в местной прессе и в сборниках. Участница Международного (XV) Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья. Живет в г. Житикара Костанайской области.

¹ Казахское (ауа) «воздух».

Самые разные задания получали смельчаки. Кому-то нужно было создать мелодию, которая могла бы призвать духов предков для защиты от темных сил. Другие должны были обойти полсвета и найти такой цветок, который бы служил талисманом для воинов света. Некоторым выпадал жребий — подчинить себе силы природы. Давался ровно год для выполнения задания, но многие, осознав, что их предназначение в ином, возвращались раньше. И в момент, когда ночь и день становились равны, всего лишь несколько достойнейших посвящались в самые сокровенные тайны древнего противостояния.

Стыдно сразу же отказаться от поручения великой птицы Самрук, но и представить, что она совершит что-то великое, Айя не могла. Только лучи солнца коснулись земли, сотни людей уже в нетерпении гадали, кто же первым получит свое задание. Вот одной мастерице нужно было расшить сотни костюмов воинов тончайшей золотой канителью, достать которую можно, только отправившись далеко на Восток; юноше, жившему по соседству, выпал жребий — найти яйцо последнего дракона в стране вечного льда. Айя теряла терпение, ей казалось, что каждое новое задание намного труднее предыдущего, а ее очередь никогда не наступит. Наконец старец обратил взор на Айю. «А тебе, дитя мое, суждено приручить Тулпара». Ни слова не могла вымолвить девочка. Она была последней, и никто не мог поверить, что трусишке Айе удастся хотя бы найти крылатого коня Тулпара, ведь уже сотни лет на земле его никто не видел. Ходили легенды, что не покинут небес гордые скакуны до тех пор, пока люди не отдадут им похищенного жеребенка.

«Доченька, — говорила мама, — тебе нужно попробовать, но ты всегда можешь вернуться домой, мы примем тебя, несмотря ни на что», Ночью Айя не сомкнула глаз.

С трудом попрощавшись с родными, утром она собралась в путь. Куда идти, у кого спросить совет — ничего не знала Айя. Боялась уходить далеко, но более всего боялась ночи. От духов тьмы девочку должна была оберегать смесь сухих трав. Средство не могло полностью спасти, но пока сбор горел, человек становился невидимым для темных сил. Бережно Айя расходовала драгоценную защиту, но знала: как только запасы начнут иссякать, ей придется вернуться домой. Ждала она этого момента с большим нетерпением, устав бояться любого шороха и каждый день менять место ночевки.

Однажды утром Айю разбудил чей-то голос. Испугавшись поначалу, она поняла, что никакой это не дух, а всего лишь мальчишка, очень напоминающий ее младшего брата.

— Добрая госпожа, скажите, вы воин света? — спросил ребенок.

— Нет, я только прохожу испытания. А почему ты спрашиваешь?

— У вас на мешке золотыми нитками вышито солнце, а это символ защитников. А мне очень нужна помощь воина света, — ответил странный мальчик.

— Он достался мне от бабушки. Так зачем тебе помощь? Почему ты бродишь один? Сколько тебе лет? И где твои родители? — забросала вопросами Айя маленького странника.

— Мне уже скоро самому проходить испытания. А спрашиваю, потому что ищу родителей. Их забрали духи, когда я был совсем маленьким. Мой дед всегда говорил, что воины света хранят разные тайны.

Мальчика звали Мирас. Он давно искал родителей, которых похитили духи три зимы назад. Разные люди встречались на его пути. Одни помогали советами, другие, наоборот, только смеялись, а вчера у него украли припасы и талисманы. Одет ребенок был странно. Одежда его выглядела потрепанной, шапка местами с

дырками, но красивый пояс из соединенных между собой серебряных колец блеснул, как новый. Мирас объяснил, что он ему достался от матери и обычно он прячет его под одеждой.

— Помочь я тебе не сумею, но отведу к роднику, чтобы ты набрал воды в дорожку, и поделюсь своими травами для защиты и припасами. — ответила восхищенная смелостью мальчика Айя.

Два дня пути предстояло ребятам. Мирас по дороге рассказывал о том, что узнал от разных людей.

— Говорят, что вход в подземное царство постоянно перемещается, поэтому его так трудно его найти.

— А кто его по доброй воле искать-то будет? — интересовалась Айя.

— Ну, я-то его ищу, — чуть покраснев, ответил мальчик, — И еще один старец сказал, что выбраться из того мира можно, только если ты по своей воле там окажешься. Вход, говорят, как горячее облако. А войти сможет тот, кто похож на духа тьмы.

— Как же можно быть похожим на духа? — усмехнулась Айя.

— Это значит, ничего не чувствовать. — серьезно объяснил он.

Много интересного рассказал Мирас девочке по дороге. Дети надеялись, что успеют прийти к источнику до наступления темноты, но внезапно начавшийся дождь изменил их планы. Найти подходящее укрытие не удалось, и им оставалось только надеяться, что к вечеру погода наладится, а дым сожженной травы их спасет. Айе с каждой минутой становилось все страшней. «Мне надо было остаться дома и даже не пытаться, — думала девочка. — Да, это не мое предназначение, но жаль оставлять мальчишку. Да и где найти укрытие?» Погрузившись в свои мысли, Айя не заметила, как Мирас ушел далеко вперед. Озябшая, промокшая путница даже не попыталась его догнать.

Резко похолодало. Айя знала, что это верная примета приближения духов. Но откуда они могут появиться? Сердце девочки ушло в пятки. «Что мне делать? Где же Мирас? Куда спрятаться?» — сотни вопросов крутились в голове.

Вдалеке раздался крик. Это духи поймали Мираса, но мальчишка не сдавался, изо всех сил брыкаясь и размахивая в воздухе руками. Айя совсем растерялась. Ноги не слушались, и она упала на землю. Надежда, что ее не заметят, помогала ей сдержаться и не выдать себя криком.

Лишь когда все стихло и дождь перестал, Айя приподнялась и взглянула по сторонам. Девочка медленно подошла к месту, где духи похитили Мираса. «Может, вернуться домой, рассказать воинам света про смелого мальчишку, и его спасут? — подумала Айя. — Хотя я ни разу не слышала о спасенных из того мира». Стыдно стало Айе, что она даже не попыталась помочь другу. Но повторись все еще раз, вряд ли она поступила бы иначе.

На мокрой от дождя траве что-то блеснуло. Присмотревшись повнимательней, Айя разглядела серебряное колечко. Из множества таких же состоял пояс Мираса. Так вот что он задумал. Мальчик не пытался ускользнуть от них, лишь оставлял следы, по которым его можно будет найти. Недалеко поблескивала еще пара колечек.

«Теперь-то его точно найдут! — решила Айя. — Благодаря мне воины света узнают, где находится вход в то царство. И тогда даже не нужно будет искать крылатого Тулпара». Но чуть поразмыслив, девочка поняла, что к утру серебряные кольца могут растащить птицы, а вход и вовсе исчезнуть. Она долго сомневалась, идти ли ей по дорожке из колец или вернуться домой. Вспомнился Айе ее младший брат. Помог ли кто ему в трудном деле? Девочка все же решила по-

пробовать. Но чем дальше шла Айя, тем труднее было искать подсказки в густой траве. На пути девочки попался огромный валун, а дальше сколько она ни выматривала, не находила ни одного серебряного следа.

«Либо у него закончились кольца, либо под валуном и есть вход», — подумала Айя. Девочка попыталась хотя бы чуть сдвинуть валун, но безуспешно. Несмотря на то, что дул пронизывающий до самых костей холодный ветер, камень оставался теплым. Неужели это вход? А если мальчик прав и войти может лишь тот, кто, как и духи, абсолютно ничего не чувствует: ни страха, ни радости, ни сомнений, то как быть ей?

Айя подумала, что она точно не чувствует никакой радости, и это уже неплохо. Но перестать сомневаться ей никак не удавалось. А если ей удастся попасть туда, что ее ждет? И главное, сможет ли она по своей воле покинуть тот мир или же навсегда останется среди духов? Только представив себе это, Айя расплакалась. Там, наверно, вечный холод и тьма. А что там делают те, кого похитили духи? Неужели это конец? В голове девочки зазвучала песенка, которую напевала в детстве бабушка. Айя всегда боялась, что духи заберут ее в тот мир. Но бабушка успокаивала ее: «Не бойся, моя козочка, воины света всегда на страже наших жизней. И даже если ты когда-нибудь попадешь туда, главное — не отчаиваться, ведь там, где есть вход, найдется и выход». Айе показалось, что бабушка рядом. А когда семья с тобой, стоит ли чего-то бояться или сомневаться? Девочка закрыла глаза и, сделав шаг, почувствовала, что тепло камня окутало ее, и яркий свет на секунду ослепил.

Открыв глаза, девочка ничего не увидела. Вокруг, как самой ненастной и безлунной ночью, была абсолютная тьма. Айя могла слышать только собственное дыхание. Казалось, что в царстве духов совсем нет места для звуков.

Каждый шаг давался девочке с трудом. Сильно тряслись коленки. Словно слепая, Айя пыталась ориентироваться, осторожно протягивая руки вперед, но страх, что она может наткнуться на что-то или даже кого-то, парализовал ее. «Отсюда я точно не выберусь! Зачем я вообще спустилась? И Мирасу помочь не могу. Неужели мне суждено остаться здесь навечно?» Отчаяние охватило Айю. Ей чудилось, что пространство вокруг нее сужается, невидимые стены надвигаются на нее, а воздуха становится меньше с каждым вздохом. Не выдержав, девочка побежала без оглядки, забыв даже о духах. Никогда в жизни Айя не бежала быстрее. Чуть отдышавшись, она поняла, что совершила большую ошибку, покинув прежнее место. Теперь она не имела никакого понятия о том, где находится вход, а значит, и шансов выбраться почти не осталось. Расплакалась девочка, поняв, что вечное одиночество и бессмысленные поиски намного страшнее любого духа. Долго сидела Айя, жалея себя и ожидая, что все разрешится само собой. «Может, меня спасут воины света? Но они даже не знают, что случилось. Или духи приведут новых пленников, и мне будет не так одиноко», — но потом ей стало стыдно за свои желания. «Разве кто-то должен страдать, чтобы мне не было одиноко? У меня же есть время, чтобы придумать, как выбраться», — чуть успокоившись, решила Айя. Сначала девочка пыталась определить, где находится, но безуспешно. Стены отдалялись, как только девочка протягивала руки. Хождения по кругу тоже не помогали. Тогда Айя попробовала водить рукой по полу. Устав и от этого, она почти сдалась, но тут руки наткнулись на маленький металлический предмет. «Так, значит, Мирас продолжал оставлять след из колец даже здесь». Вслепую трудно искать такую мелочь, но окрыленная надеждой Айя обшаривала каждый кусочек, потеряв счет времени. Второе кольцо оказалось на большом расстоянии от первого, и, находя звено за звеном, девочка следовала невидимому пути.

Глаза так привыкли ко тьме, что мелькнувший отблеск света ненадолго ослепил ее. «Неужели мне показалось? А если это свет, то стоит ли мне идти к нему? В темноте хотя бы никого нет». Долго сомневалась Айя, но все же пошла вперед. Ей казалось, что до заветного огонька рукой подать, но добраться до него было не так-то просто. Приблизившись к источнику света, Айя была почти полностью ослеплена его яркостью, а сердце застучало сильнее.

Прекрасный белоснежный жеребенок с крыльями был единственным источником света в этом мире. «Он пахнет солнцем, — подумала девочка, сама не зная почему. — Его никто не мог найти на земле, потому что его давно там не нет», Зачарованно наблюдая за жеребенком, Айя даже не сразу заметила Мираса, стоящего позади. Дети обрадовались тому, что нашли друг друга. Мирас рассказал Айе о том, как он шел на свет и обнаружил маленького Тулпара. А девочка похвалила его за идею с кольцами.

— Только я представляла себе мир духов иначе, — поделилась впечатлениями Айя.

— А это не он, — ответил мальчик.

— Как это не он? — совсем запуталась Айя.

— Мы сейчас около его ворот. Просто перед тем, как войти туда, какое-то время здесь находятся те, кого духи привели раньше срока.

— Как раньше срока? И откуда ты это знаешь? — удивилась Айя.

— Мне рассказал жеребенок, точнее, показал. — объяснил Мирас. — Просто приложи к нему руку.

Айя с нетерпением эти исполнила, но ничего не происходило.

— Наверно, не все это могут, — предположил мальчик. — Я, например, вижу картинки, когда прикладываю руку к жеребенку. И вижу словно глазами Тулпара. И если честно, это прекрасно. Он мир видит иначе. Вместо сырой пещеры ночной лес и небо, полное звезд.

— Мы в пещере? Мне казалось, что это огромный шар, именно поэтому я и не могла выбраться. Неужели это не так? А что там дальше? Куда духи отводят похищенных? И почему жеребенок еще тут, я слышала, что его похитили очень давно.

— Не знаю, — признался мальчик, — могу только предполагать, но я все выясню. А тебе нужно идти, Айя. Помоги выбраться жеребенку, только ты сможешь это сделать. Я останусь здесь, пока не найду своих родителей.

— Но как ты выберешься? Ты должен пойти с нами. Откуда ты знаешь, а вдруг твоих родителей вообще тут нет? — испугалась Айя.

— Я чувствую это. А если это не так, я подам тебе знак, и ты поможешь мне. Теперь-то ты все знаешь, — с улыбкой сказал мальчишка.

— Я тебя не оставлю. И как ты подашь знак?

— Не переживай, я придумаю, как. Смотри, что у меня есть, — показав на перо Тулпара, сказал Мирас. — Оно сильнее любого талисмана и всегда будет освещать мой путь

Айе стало очень грустно, но жеребенок слишком долго находился в подземном царстве, и ему обязательно нужно помочь.

— Держи, — Айя протянула Мирасу свои золотые сережки, — может, они тебе здесь пригодятся. И я обязательно буду ждать твоего знака.

Дети попрощались, и Айя, обняв жеребенка, повела его вперед. Выбраться было еще труднее, теперь девочке пришлось бороться с грустью, а она намного сильнее страха или сомнений. Наконец Айя почувствовала, как тепло разливается по телу. Она закрыла глаза и шагнула вперед, а в следующий миг оказалась

вновь у того же валуна. Белоснежный жеребенок, так давно не видевший солнца, раскинул свои прекрасные крылья и устремился прямо к солнцу, оставив на память лишь свое перышко. Айя же, оглянувшись еще раз, наконец смогла пуститься в обратный путь.

Хоть девочке и казалось, что в подземном царстве она провела не так много времени, но вернувшись, она увидела, что народ вновь празднует день равноденствия. Все давно возвратились назад, Айя была последней. Семья с радостью встретила девочку. Спрятав за спиной перо Тулпара, Айя сказала, что не выполнила задания. Не хотелось ей рассказывать о приключениях в подземном царстве, да и кто бы ей поверил?

Справился со своим заданием лишь один юноша, которому поручили выковать и закалить меч в жерле вулкана. Почтенный старец хвалил его за смелость, а люди одаривали золотом. Все собирались на пир, устроенный в честь юноши, но старец попросил не спешить, ведь следовало чествовать еще одного героя, который хоть и не выполнил задание, но сделал гораздо больше. Старейшина указал на Айю.

Пройдя посвящение, Айя стала искусным воином света, используя перо Тулпара, которое отгоняло темных духов не хуже любого меча. Иногда девочке становилось страшно, но теперь она знала, что есть вещи, которые гораздо важнее страха. А вечерами Айя смотрела на звездное небо, ожидая знака от одного храброго мальчишки.

АСТАНА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

Диалоги культур

Валерий Михайлов, главный редактор журнала «Простор»

1. Какие имена определяют сегодня литературный ландшафт Казахстана?

На этот вопрос, пожалуй, мог бы ответить только критик, следящий за всем, что пишется и издается в Казахстане. Но есть ли такой, хотя бы один? Увы, критики у нас перевелись. Что касается меня, то я по своей читательской прихотливости знаю далеко не все и могу сказать лишь о русских писателях. Из тех, чье творчество мне достаточно хорошо известно, назову три имени. Это Александр Ялфимов из Уральска, написавший самобытный исторический роман о яицких казаках «Живите, братцы, пока Москва не знает», прозаик Николай Верёвочкин и поэтесса Надежда Чернова из Алма-Аты.

2. Как построено взаимодействие национальной и русскоязычной литературы Казахстана?

Как обычно: читаем друг друга — или в оригинале, или в переводе. Увы, гораздо меньше, чем в советскую эпоху: переводческое дело в глубоком упадке. Хотя время от времени журналу «Простор» все же удается получать и печатать свежие переводы с казахского, уйгурского, корейского и других языков. Свою роль играет и личное общение: оно вызывает интерес к творчеству собратьев и охоту познакомить читателей с его произведениями.

3. Какое влияние оказала концепция нового евразийства на продолжение в новых условиях процесса культурного взаимодействия Казахстана и России? Какие конкретные формы обрела евразийская ментальность?

Вопросы, заданные вами, необъятны, особенно второй. Мне на них не ответить. Могу сделать лишь небольшое личное наблюдение. Казахстанцы по природе своей — евразийцы. Это наш исторический удел, ведь Степь издавна связывала многие народы Севера и Юга, Востока и Запада. Степь дает ощущение пространства, неба, воли, свободы, она открыта всем веяниям духа, слова, культуры, искусства. Это все — вообще, а теперь попытаюсь сказать определенной. Обращусь к судьбе и творчеству Павла Васильева. Он родился на земле нынешнего Казахстана, на границе с Китаем, жил на Иртыше — в Павлодаре и Омске, путешествовал по Сибири, добрался до Тихого океана, а потом уехал в Москву. Вмestил в свою душу ширь степи и мощь тайги, просторы Севера и дали Тихого океана, то есть познал в полной мере дух Евразии. Необычайная энергия и сила, буйство красок и языка — все это воспитало его могучий поэтический дар. Павел Васильев — истинный евразиец и в то же время великий русский поэт.

4. Влияют ли процессы, происходящие в России, на литературную жизнь Казахстана?

Конечно же, влияют. Но опять-таки замечу: это тема пристального научного изучения.

5. Какие проблемы существуют сегодня в журнальной жизни Казахстана?

Эти проблемы — такие же, как и в России. У журналов и альманахов маленькие тиражи, худой кошелек; читательский интерес к литературе падает, да и у людей нет свободных денег на подписку; низкие гонорары писателей, сознательно низведенных рынком к нищете.

6. Какие особенности отличают молодую литературу Казахстана?

«Молодая литература», может, и относительно молода, но не очень литературна. Сейчас все больше в моде «тексты», сработанные по «продвинутым» лекалам. Те авторы, кто придерживается традиций, не оригинальны; те же, кто следует моде, повторяют, и не в лучшем виде, кумиров современного читателя.

Архимандрит АВГУСТИН (Никитин)

Софония (Сокольский) — архиепископ Туркестанский

Предисловие

Россию и Казахстан издавна сближали литературные и церковные связи. О дружеских отношениях Ф. М. Достоевского и Чокана Валиханова известно не только узкому кругу литературоведов. Что же касается церковной темы, то за десятилетия атеистической пропаганды она была под негласным запретом. Но сегодня об этом можно рассказать...

Речь пойдет о городе Верном (Алма-Аты), где с 1872-го по 1877 год совершал архипастырское служение первый Туркестанский святитель — епископ Софония (Сокольский),

Преосвященный Софония (Сокольский Стефан Васильевич) родился в селе Эсько Тверской губернии в семье священника. Он окончил Тверскую Духовную семинарию, а в 1827 году — Санкт-Петербургскую Духовную академию. Был ректором различных духовных семинарий: в Вологде, Архангельске, Орле, Подольске, Ярославле, Твери и Могилеве. Преподавал всеобщую историю, греческий язык, богословие.

Монашество и священство отец Софония принял в 1827 году. Был в дружеских отношениях с будущим епископом и духовным писателем св. Игнатием (Брянчаниновым). Затем последовали годы заграничного служения: отец Софония был настоятелем русских посольских церквей: с 1848 года — в Константинополе, с 1855 года — в Риме. В 1850 году он совершил паломничество на Святую землю. В начале 1860-х годов по рекомендации митрополита Филарета (Дроздова) архимандрит Софония совершает длительную поездку по Закавказью с целью изучения вопроса возможности присоединения к Российской православной церкви сирийских несториан, изъявивших на то свое пожелание. Эту задачу архимандрит Софония выполнил успешно. В 1865 году он становится епископом Миргородским, первым викарием Херсонской епархии. В 1872 году епископ Софония выехал из Одессы по новому — последнему — назначению. Его назначают епископом новой епархии — Туркестанской и Ташкентской.

Первое военное укрепление в Заилийском крае возникло в 1854 году и было названо по указу императора Николая I «Верным». 17 сентября, в день памяти святых мучениц Веры, Надежды, Любви и Софии, был заложен этот город, извест-

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. В 1969 году окончил физический факультет Ленинградского университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году им же рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Ленинградскую Духовную академию (1975), с этого времени — преподаватель, с 1978 года — доцент Санкт-Петербургской Духовной академии.

ный ныне как Алма-Аты. В 1855 году переселенцы-казаки основали рядом с укреплением Верный первое в здешних местах русское поселение, выстроив в нем молитвенный дом, обращенный в 1858 году в церковь во имя святых мучениц Софии, Веры, Любви и Надежды. В 1867 году укрепление Верный было преобразовано в административный центр Семиреченской области.

Образование Туркестанской епархии

В 1868 году туркестанский генерал-губернатор Константин Петрович фон Кауфман, «ввиду подчинения церквей и духовенства вверенного ему края двум отдаленным епархиальным управлениям — Оренбургскому и Томскому и следующих из этого затруднений по церковно-духовным делам», просил ходатайства Св. Синода об учреждении в областях Туркестанского генерал-губернаторства особой епархии, с назначением епархиальному архиерею местопребывания в Верном — областном городе Семиреченской области.

В 1869 году ходатайство об учреждении в Туркестане самостоятельной епархии было поддержано духовенством края. И 4 мая 1871 года императорским указом было утверждено решение об открытии Ташкентской и Туркестанской епархии. Однако местные имперские чиновники резко воспротивились размещению кафедр в Ташкенте, считая, что авторитет духовной власти может как-то ограничить их самовластие. Генерал-губернатор фон Кауфман заявил: «Я не потерплю в Ташкенте ни архиерея, ни жандармов». По его настоянию местом епископской кафедры был назначен город Верный (возникший на месте построенного в 1854 году укрепления Верное, современный Алма-Аты). И решением Св. Синода 12 ноября 1871 года епископ Софония был назначен на новоучрежденную Туркестанскую кафедру. Об «изъясненной Высочайшей воле» приказано было дать знать указом преосвященному Софонии, поясняя, что новоназначенная ему кафедра должна открыться с 1 января будущего 1872 года.

До приезда архиепископа Софонии на Туркестанскую кафедру в городе Верном было всего три священника. Всех церквей в обеих областях Туркестанского края было двадцать шесть. Из них тринадцать церквей в области Сыр-Дарьинской и столько же в Семиреченской. Церкви первой области составляли одно Ташкентское благочиние, на протяжении более 1200 верст в длину и около 1000 верст в ширину. Церкви второй области принадлежали к двум благочиниям меньшего размера, из которых одно, Заилийское, состояло из восьми церквей, а другое, Лепсинское, из пяти церквей. Кроме того, в обеих областях было четыре строящихся храма.

Прибытие в Верный

К месту своего нового служения в г. Верный преосвященный Софония прибыл 24 мая 1872 года в десять часов утра. У города он был встречен военными и гражданскими чинами от областного и уездного управлений, а также делегацией горожан и казаками пригородных станиц.

Владыка прибыл не только изнуренный и утомленный от продолжительного и далекого пути, но и измученный от усилившейся давней его болезни — прилива крови к левому боку. Но на другой день 25 мая в праздник Вознесения Господня преосвященный хотя и больной, и с трудом, но совершил первую литургию в Верном, в единственной там в то время тесной деревянной церкви, находившейся в Малой Казачьей станице, входящей в состав города. Другая церковь, каменная, в Большой станице еще только отстраивалась. После литургии владыка произнес приветственное слово своей новой пастве.

Епископ Софония приехал в Туркестан с глубокими знаниями ислама. Сохранились воспоминания о том, что он сумел сразу же поразить мусульманское духовенство, свободно общаясь с местным населением по-арабски. Выразительные и умные речи владыки произвели весьма яркое впечатление на людей. Недаром преосвященный Софония среди народов Туркестана заслужил уважительное и почтительное именование «домулла», что значит «наставник».

Епископ Софония предпринимал поездки по различным приходам епархии. В городе Верном он сумел организовать и возглавить благотворительные общества, которые особенное внимание уделяли помощи нуждающимся и воспитанию детей, а также пастырскому воздействию на заключенных. Основанный владыкой Софонией тюремный храм в честь святых апостолов Петра и Павла, построенный в 1877 году в Верном, стал одним из первых постоянных храмов города.

Служение в Туркестане

В год прибытия епископа Софонии Верный, недавно переименованный из укрепления в областной город, только начинал устраиваться на городской манер, и население его, состоявшее преимущественно из переселенных казаков, чиновного люда и войск, не превышало 10 тысяч человек. До приезда архиерея в Верном было три священника — два штатных и один заштатный. По этой причине требы совершались, не говоря о хуторах и станицах, но и в самом городе и его предместьях с большими сокращениями. И по дороге преосвященного в Верный, и в самом Верном по приезде отовсюду слышались жалобы на священнослужителей, которые и сами не отвергали своей вины, ссылаясь на невозможность удовлетворять всем потребностям. А это не могло не иметь влияния на ослабление духа веры в народе и на охлаждение к церкви.

Церковь была всего одна деревянная, а другая, каменная, в Большой Алматинской станице во имя святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии. Вскоре она была достроена, освящена владыкой Софонией и стала временным кафедральным собором. «Что кафедрального собора нет, — писал в своем донесении Св. Синоду преосвященный Софония, — что он только заложен, и с 1869 года существует в одном лишь фундаменте, об этом я имел честь доносить. Теперь заготавливаются материалы и с открытием весны думают открывать и самую работу. Вследствие чего архиерейская кафедра поначалу поставлена была в деревянной церкви Малоалматинской станицы, где и служение мною было совершаемо. Затем, с 11 ноября, во время освящения новой каменной церкви в Большой Алматинской станице, ближайшей к местности будущего города, и кафедра, и служение архиерейское перенесены в эту последнюю, с обращением ее на время в Туркестанский кафедральный собор».

Удобных домов для размещения архиерея со свитой в городе не имелось, поэтому для владыки была нанята квартира в доме одного протоиерея, весьма тесная и неудобная. Штат кафедрального собора временно был сформирован преосвященным Софонией из тех лиц, какие на то время там были. В настоятели собора никто из духовенства новой епархии не пожелал поступить. Для исправления должности ключаря и соборного священника по усиленной просьбе владыки с неохотой прибыли из укреплений два священника. Находящийся в Верном военный протоиерей и один из станичных священников также были прикомандированы к собору для священнослужения. Священники неохотно поступали на службу в кафедральный собор, потому что, служа в укреплениях и поселках, они получали жалованья, квартирных, суточных по военному положению от 800 до 1200 рублей в год, в соборе

же священнику полагалось годового жалованья всего 250 рублей. Низшие чины соборного клира были набраны частью из местных причетников и диаконов, частью же (регент, иподиаконы и шесть человек певчих) привезены преосвященным из Твери и Херсона. Экономом при архиерейском доме был определен прибывший из Херсона священник, а в помощь ему иеродиакон из Казани. Для прислуги архиерею были назначены три военных денщика. Все это устраивалось временно, на скорую руку и на военно-походный манер, что было естественно в полувоенном крае, где ни власти, ни народ, ни даже местное духовенство не были знакомы с условиями и требованиями жизни архиерея-монаха. Поэтому преосвященному Софонии надо было приложить много трудов и терпения, чтобы хотя бы сносно пополнить штаты собора.

Не меньших забот стоило преосвященному и формирование первоначального состава консистории, которая была размещена в наемном деревянном здании. Присутствующими консистории пришлось назначать тех священников, которые оказались под рукой; назначены были только трое. Исправление должностей секретаря, столоначальника, казначея, регистратора и письмоводителя при архиерее поручено владыкой прибывшим из Тверской епархии нескольким молодым людям, отчасти только знакомым с канцелярским делом. Как члены, так и чиновники новой консистории были совершенно неопытны в епархиальных делах, так что преосвященному первое время, до прибытия назначенного консисторским секретарем Я. Я. Сухозанета, пришлось самому не только курировать работу в консистории, рыться в своде законов, но и писать журналы, протоколы и важнейшие исходящие бумаги. При аккуратности епископа Софонии, его любви к порядку и пунктуальности во всем, при всегдашнем его строгом и точном исполнении того дела, за которое он взялся, такие мелочные занятия по консистории повлияли на его здоровье: он все чаще и чаще стал подвергаться болезням, которые, однако, несколько не останавливали ни занятий епархиальными делами, ни богослужений в соборе. Он даже находил время и силы заниматься пересмотром, исправлением и приготовлением к изданию прежних своих сочинений.

Обозрев большую часть церквей епархии лично, а об остальных получив подробные донесения благочинных, преосвященный Софония вскоре мог составить для себя точное понятие о положении церкви в Туркестане. В общих чертах положение это было таковым: Туркестанский край делился на две области: юго-восточную Семиреченскую и юго-западную Сыр-Дарьинскую. Всех церквей в обеих областях Туркестанского края было 26. Из них 13 церквей в области Сыр-Дарьинской и столько же в Семиреченской. Церкви первой области составляли одно Ташкентское благочиние, на протяжении более 1200 верст в длину и около 1000 верст в ширину. Церкви второй принадлежали к двум благочиниям меньшего размера, из которых одно, Заилийское, состояло из восьми церквей, а другое, Лепсинское, из пяти церквей. Кроме того, в обеих областях были четыре строившихся храма.

Здания почти всех церквей в Сыр-Дарьинской области были временные и построены на скорую руку из камня, глины и даже из простого войлока, вроде юрт, или же помещались в простых солдатских казармах. Все эти церкви были неуместительные, низкие, без колоколен, а колокола (один, два и редко три) висели на столбах. В Семиреченской области, которая раньше Сыр-Дарьинской вошла в состав России, церкви были лучше и почти все внешним видом похожи на российские храмы. При большей части из них имелись колокольни, хотя колоколов на них было также немного. Впоследствии, уже при управлении епархией преосвященным Софонией, звоны в церквях обеих областей «улучшились», отчасти благодаря пожертвованиям на эти цели, а также вследствие того, что медные пушки, от-

битые русскими войсками в разных сражениях с соседними ханствами, были пожертвованы Туркестанской епархии и употреблены на отливку колоколов, для чего в г. Верный был выписан колокольный мастер, который устроил там небольшой завод.

Внутренность большей части церквей, по замечанию преосвященного, не имела никаких украшений, а вместо иконостаса почти везде служила простая перегородка без всякой резьбы и позолоты и даже нередко без местных вставных икон, которые заменялись обыкновенно небольшими образами в серебряных окладах. Перед каждой из икон были подвешены посеребренные лампадки, а посередине храма одна или две люстры, отчего внутренность церквей имела довольно благолепный вид. Царские врата казались резными и позолоченными, но они большей частью были выполнены из картона. Что же касалось до утвари и ризницы церквей, то таковые во всех церквах оказались в достаточном количестве, что можно было отнести к заботам всегда внимательного к нуждам приходов туркестанского военного начальства, украшавшего церкви на «экстраординарные суммы», отпускаемые от казны, а частью усердию к храму прихожан, в особенности в казачьих станицах и селах.

Ко времени приезда преосвященного Софонии в край почти все священники были из окончивших полный семинарский курс. Все они поступили из разных епархий: Томской, Оренбургской, Уфимской, Новгородской, Казанской, Воронежской, Волынской, а при епископе Софонии — из Херсонской, Тверской и Тобольской. Такой разнокалиберный состав духовенства, соединенный с особыми условиями жизни и служения в отдаленном, полувойском крае, наложили на частную жизнь и служебную деятельность туркестанских священников своеобразный отпечаток. Туркестанское духовенство до открытия в крае самостоятельной епархии подлежало в духовно-административном отношении ведению двух архиереев: церкви области Сыр-Дарьинской подчинялись Оренбургскому архиерею, а церкви Семиречья — Томскому. Но подчинение это было чисто номинальное: ни тот, ни другой архипастырь, из-за отдаленности Туркестана от их резиденций, не посещали церкви этого края. Весь их надзор за духовенством ограничивался просмотром в церковных ведомостях отметок, делаемых благочинными. Также и сами благочинные никогда вверенных им церквей не посещали, а потому и реального положения их и причтов при них не знали и обо всем доносили по рапортам приходских священников. Ответы на требования консистории по делам, не терпящим отлагательства, делали через три-четыре месяца. Таким образом, благочинные в Семиреченской области почти, а в Сыр-Дарьинской и вовсе не были контролированы в своей деятельности ни консисторией, ни архиереями. По этим причинам благочинные, а с ними и духовенство непосредственно и во всех отношениях подчинялись военному начальству, которое по своему усмотрению переводило священников с места на место, представляло их к наградам и т. п., даже не спрашивая на то согласия архиереев.

Высшие чины военного начальства отличались вежливым отношением к духовенству, вниманием к его нуждам, умением награждать за заслуги, но по присущему военному сословию духу дисциплинарной распорядительности требовали от духовенства не только в военное, но и в мирное время полного и беспрекословного повиновения всем приказам и повелениям не только генералов, но, в укреплениях и отрядах, даже простых воинских начальников, майоров и капитанов. И священники, отрезанные громадным расстоянием от епископа, подчинялись полному властвованию над ними военных командиров, которые простирали свою власть иногда до того, что по своему усмотрению распоряжались не только временем богослужения,

жений в церквах, но и самим богослужением, требуя его сокращения и тому подобное.

Протесты и возражения духовенства всегда кончались неблагоприятно для них самих. Поэтому священники волей-неволей должны были молчать и наконец привыкли к безгласному повиновению военному начальству, вследствие чего укоренился светский дух в образе жизни духовенства, пренебрежение своими пастырскими обязанностями, нарушение, а по местам и полное отступление от богослужебного устава. Словом, духовная жизнь в Туркестанском крае ко времени прибытия туда правящего епископа представляла настоящий хаос, в котором нелегко было разобраться и создать порядок, даже если бы новый администратор обладал недюжинным умом, железной волей и несокрушимой энергией. А это выпало на долю архиерея преклонных лет.

Туркестанскую паству, как уже говорилось, составляли преимущественно люди военные и их семейства, казаки Семиреченского войска, чиновничество и частью крестьяне, переселенцы из российских губерний. Военные и гражданские чиновники, составляющие временную часть населения, часто меняющиеся, были более заняты интересами службы, чем делами веры, и по духу того времени были почти равнодушны к религиозным вопросам. Влияние пастырей церкви на образованный класс общества даже в столицах не всегда бывал сильным и действенным. Что же сказать о далекой окраине, где распущенность жизни русского, по преимуществу кочевого, бессемейного населения доходила почти всегда до крайних пределов? Туркестанским священникам не было почти никакой возможности духовно влиять на своих образованных прихожан.

Но среди высших туркестанских чинов были люди глубоко религиозные, впитавшие в себя высокие христианские качества: благоговейное отношение к храмам Божиим и сочувствие к нуждающимся. Примеры таких благочестивых стремлений проявляли передовые деятели Туркестана: сам губернатор фон Кауфман и генерал Колпаковский. Фон Кауфман, объезжая в 1871 году вновь присоединенные к Туркестану провинции, посещал все приходы, жертвуя парчу и шелковые ткани на престолы и в церковную ризницу, а самые бедные церкви снабжая серебряной утварью и напрестольными крестами. Он увеличил оклад нескольких причтов, нуждавшихся в средствах, и часто оказывал денежную помощь бедным из переселенцев. А генерал Колпаковский выстроил на свои средства в поселке Любавинском благолепный и вместительный храм, снабдив его иконостасом, утварью и ризницей, а при храме и дом для священника. В поселке же Коксинском — училище для мальчиков и девочек, а в местную церковь пожертвовал золоченый иконостас, заказанный им в Москве. И эти добрые примеры не остались без подражания.

Верненские торговцы, состоящие большей частью из мещан и приказчиков, в память открытия собора в Большеалматинской церкви заказали в Москве две большие иконы в позолоченных рамах с изображениями на одной — святых мучениц Веры, Надежды, Любви и матери их Софии, а на другой — пророка Софонии, с изящными перед ними лампадами.

Всякое селение, отстоящее на большое расстояние от своего приходского храма, хотело иметь свою церковь. Жители с большим радушием и доверием относились к своим духовным отцам. «Когда мне случалось проезжать селениями, — писал преосвященный Софония в 1872 году, — то, узнав об этом, не только туземцы, но и из окрестных деревень собираются для принятия благословения и везде встречаются с хлебом-солью». Переселенцы, поселившиеся в Любавинском поселке, в память служения в их храме преосвященного Софонии в день архистратига Божия Михаила составили договор, утвержденный областным управлением: не иметь в своем поселке, ни явно, ни тайно, ни одного питейного дома.

Как ревнитель церковного благочиния и строгий блюститель богослужебного устава преосвященный настойчиво принялся за искоренение недостатков в приходской жизни. Начал он это дело, как и следовало, с кафедрального собора. Богослужение в соборе совершалось ежедневно. Не говоря уже о воскресных, праздничных и высокаторжественных днях, когда владыка сам служил всенощную и литургию, он стал почти каждый день приезжать в собор ко всем службам и при этом объяснял священникам порядок и чин богослужения, указывал, в какое время полагать земные поклоны; даже учил, как ходить и держать себя во время служения, как произносить ектеньи и возгласы. Мало того, он выходил на клирос наставлять псаломщиков в чтении и пении, учил их подавать кадило, входить с благоговением и тихо в алтарь; словом, сам вникал во все мельчайшие подробности. Вне богослужения он ежедневно приглашал к себе священников, а в особенности диаконов и псаломщиков, и учил их чтению и пению, причем подробно объяснял смысл и значение того или другого обряда, историю праздников и т. п. Певчих своего хора накануне праздников владыка требовал к себе на спевку, причем сам регентовал ими. Часто у себя дома он наставлял протодиакона, диаконов и иподиаконов в совершении архиерейской службы, особенно при предстоящем рукоположении во священника или диакона, перед освящением антиминсов и вообще перед какими-либо особыми службами. Такие занятия продолжались по несколько часов подряд. Преосвященный Софония, несмотря на свои годы, невольно удивлял всех своей энергией и неутомимостью.

Малейшую ошибку со стороны священников, диаконов, причетников или певчих архипастырь тут же громко поправлял, а после службы провинившемуся, несмотря на его сан, давал в алтаре длинную нотацию. Не оставлял он без замечания и молящихся в церкви мирян, если усматривал с их стороны какое-либо нарушение чина или порядка церковного. Так, во время одной пасхальной утрени, когда преосвященный с крестом и трикирием в руках кадил народ, он заметил, что молящиеся на его каждение или отвечали одним только поклоном без осенения себя крестным знамением, или даже вовсе не кланялись, несмотря на то, что сам архипастырь незадолго перед этим, в проповеди, подробно объяснял народу, когда и как нужно отвечать на поклон священнодействующего и во время каждения им с крестом в руках. Архипастырь приказал певчим замолчать и обратился к молящимся со следующими словами: «Православные торжествующие христиане! Вы не хотите мне, архиерею, держащему в руке святой крест и кланяющемуся вам с каждением вас фимиамом, ответить поклоном, а крест, символ вашего спасения, почтить крестным себя осенением? Вы забыли недавнее мое поучение о том. Вы не хотите слушать меня, своего архипастыря? Стыдно вам перед нами! Стыдно перед самими собой! Грешно перед воскресшим Господом, Которого вы своей небрежностью и невниманием прогневаете в светлый и спасительный для нас день Его воскресения!» В голосе святителя при этом слышались слезы и вместе что-то грозное, потрясающее, так что даже священники невольно затрепетали. Заметно было, что и народ был поражен. После минутного смущенного молчания богослужение продолжалось.

В другой раз, на Страстной седмице, когда преосвященный служил сам и было много говеющих из высшего общества, одна молодая дама, аристократка, не столько по болезни, сколько по капризному произволу, привезла с собой в собор кресло, установила его за правым клиросом и сидела в нем почти всю вечерню и утренью, причем под своими ногами разостлала великолепный ковер с изображением собаки. Зоркий взгляд владыки усмотрел и сидящую даму, и ковер с не подобающим для церкви изображением. Стоя у престола, при открытых царских вра-

тах, преосвященный подозвал к себе диакона и своим звучным голосом громко, в услышание всей церкви, приказал: «Иди и скажи госпоже такой-то, чтобы встала с кресла, молилась и полагала земные поклоны, а ковер с собакой выкинь вон». Приказание было исполнено, а сконфузившаяся и обидевшаяся дама должна была положить несколько земных поклонов, после чего быстро удалилась из церкви. Вскоре преосвященный виделся с ней и сумел убедить в несообразности ее поступка ни со временем, ни с местом, ни, наконец, с ее молодостью и здоровьем, не требующими сидения в церкви. После состоявшегося разговора эта дама всегда с уважением относилась к обличившему ее архипастырю и, конечно, ничего подобного более не позволяла.

При обозрении епархии владыка Софония в каждой церкви не только сам совершал литургию, но просил местных священников, в его присутствии, служить вечерню, утреню, всенощные бдения и обедню и при этом, как и в соборе, сам поправлял ошибки, учил, вразумлял, показывал. «Есть церкви, — писал преосвященный в Св. Синод, — в коих Божественные литургии совершаются как будто убого и бедно, по крайней мере без подобающего приличия и полноты. Один священник в алтаре, один причетник на клиросе. Последний и поет, и читает, и кадило подает, и подсвещник выносит, а выйдя на середину читать Апостол, и прокимен говорит, и сам же поет его. Между тем приходы не малы и не бедны, и в них были и есть способные и петь на клиросе, и читать. Но это не все. В самом служении литургии иными священниками (а их немало) допускаются разные вольности и отступления от служебника, обличающие иных в непростительном легкомыслии и невнимательности к делу Божию, а других — в неизучении как должно чина литургийного и в неумении совершать таинство».

Приезжавших в Верный из других мест священников, даже благочинных, владыка назначал на несколько дней служить в соборе и опять сам лично наблюдал за их служением. «При служении священники не всё говорят на ектеньях, — описывал далее свои наблюдения владыка Софония, — торопятся, не обращают внимание на смысл читаемых молитв, молятся неблагоговейно. Воздевая руки, делают это кривляясь и карикатурно, производя же каждение, кадят торопливо и как бы бегая по алтарю и церкви». Немало циркуляров по поводу совершения богослужений разослано было владыкой по епархии, особенно в первые годы его управления. Следствием всего этого было то, что в Туркестанской епархии при преосвященном Софонии каждый священник, диакон и причетник в совершенстве изучили богослужебный устав, и с того времени в туркестанских церквях службы Божии совершались внимательно, чинно и осмысленно.

Сам владыка совершал богослужения, в особенности литургию, с большим благоговением. На вечерне в Великую пятницу он ежегодно сам читал перед Плащаницей акафист страстям (страданиям) Христовым. Служил владыка Софония величественно, возгласы произносил внятно, звучным голосом, несмотря на свои преклонные лета. Ни один воскресный, праздничный или высокаторжественный день не проходил без архиерейского служения. При выходе из храма после богослужения владыка долго и не торопясь благословлял народ, а на младенцев, подносимых к нему, кроме крестного осенения, обыкновенно возлагал руку, произнося при этом: «Господь с тобой, ангел с тобой». Проповеди в Туркестанском крае преосвященный произносил по тетрадке, так как, по его словам, старческая память уже изменяла ему, в особенности когда он утомлялся после богослужения.

Епархиальными делами владыка Софония всегда занимался аккуратно и внимательно. Все журналы и протоколы просматривал обычно по несколько раз, вдумывался в их содержание, соотносил решения с законами и обстоятельствами

края и никогда не торопился с наложением резолюции. Нередко для решения какого-либо важного дела приглашал к себе членов и секретаря консистории, долго советовался с ними, рассматривал и обсуждал дело со всех сторон и только тогда утверждал мнение консистории, когда совершенно убеждался в его справедливости. Особенно он был осторожен в решении судебных дел, которых, к чести туркестанского духовенства, и при преосвященном Софонии, и при преемнике его, преосвященном Александре, то есть в продолжение тринадцати лет было всего не более двух или трех.

Возникло однажды дело по донесению одного соборного священника о грубости, оказанной ему псаломщиком, находившимся в нетрезвом состоянии. Донос подтвердился следствием, причем доказано было, что псаломщик этот часто замечался в неумеренном употреблении спиртных напитков. Консистория очень строго отнеслась к судимому псаломщику и приговорила его к исключению из духовного звания. Преосвященный лично знал этого псаломщика: это был молодой человек из российских, отличный писец, знаток устава, доброй вообще нравственности, довольно развитой, но среди разгульного военного общества увлекшийся дурными примерами и «впадший в слабость винопития», не без возможности, однако же, исправления при благоразумном воздействии на него начальства. Жалея молодого человека и не теряя надежды на его исправление, преосвященный не утвердил консисторского приговора, ограничив в своей резолюции наказанием виновного низведением его с псаломщической вакансии на пономарскую. Но большинство членов консистории по-прежнему настаивало на своем решении.

Владыка призывал их к себе и убеждал принять во внимание молодость подсудимого, неблагоприятное влияние на него окружающей среды, легкость увлечения заразительным примером других, наконец, указывал на возможность исправления виновного. Ничего не помогало: отцы продолжали настаивать на своем. Тогда владыка разгорячился, упрекал членов консистории в жестокости, напомнил им слова Писания: «суд без милости несотворшему милости», грозил самих их строго судить за немилостивый суд и в конце концов все же убедил отменить свое решение. Дело кончилось так, как желал преосвященный. Но все эти дни владыка был крайне взволнован, молился и некоторое время даже пролежал в постели, беспрестанно повторяя: «Боже правый! Вложи в сердца этих немилостивых судей Твое милосердие и любовь к бедному, слабому человечеству!» Помилованный псаломщик впоследствии исправился и стал хорошим диаконом.

Дела в консистории всегда решались быстро и правильно. О каком-либо лихостимстве в Туркестанской консистории и тогда, и после не было и помину. Обращение секретаря и чиновников консистории с просителями и всеми, имевшими до консистории дело, отличались вежливостью и предупредительностью. Сама внешняя обстановка этого присутственного места внушала доверие и уважение. Всем этим консистория была обязана преосвященному Софонии, сумевшему положить для нее доброе основание.

Будучи милостив к провинившимся, преосвященный любил награждать и ревностно трудившихся своих подчиненных. В шестилетнее его управление Туркестанской епархией все без исключения протоиереи и священники этого края получили награды, а иные и по две, и по три. Набедренных молодых священников преосвященный награждал не более как по прошествии года со времени их рукоположения, а иногда и ранее. На некоторых в качестве награды возлагал черные бархатные скуфьи. Многие псаломщики, в поощрение их усердной службы и доброй жизни, были произведены им во диаконы.

Такое щедролюбие преосвященного Софонии отчасти было вызвано желанием

поддержать и ободрить туркестанское духовенство, которое, приехав в чужой край с насиженных российских мест, часто впадало в уныние, о чем владыка Софония откровенно писал 28 ноября 1872 года митрополиту Новгородскому, Санкт-Петербургскому и Финляндскому Исидору (Никольскому): «Коснувшись наград, не могу умолчать об исполняющем должность секретаря консистории Сухоназете. Человек вполне честный, трезвый, знающий свое дело и действующий всегда законно и добросовестно. Ему особенно я обязан устройством порядка консистории относительно и лиц служащих, и самого хода дел по канцелярии, и по присутствиям. Я представил его к Станиславу III степени и осмеливаюсь особенно ходатайствовать пред Вами, благий архипастырь и отец, благословите ободрить его чем-нибудь; очень скучает, и я боюсь, чтобы не уехал на родину. Осмеливаюсь доложить, что нестерпимая в первые годы скука для приезжающих из России и страшная дороговизна на все, кроме хлеба и водки, служит как бы характеристикой здешней страны. И это составляет причину того неприятного явления, что многие из приезжающих сюда, или обратно уезжают домой, возвращая правительству подъемные деньги и двойные прогоны, или, оставшись, делаются пьяницами и опиваются».

Преосвященный Софония с заботой относился к семейному положению подчиненного ему духовенства. Многосемейных и нуждающихся владыка при случае переводил на лучшие места, даже и без их просьбы, а для некоторых испрашивал значительные денежные пособия от казны, через посредство военного начальства в Туркестане. Другим, особенно соборным диаконам и псаломщикам, помогал из собственных средств.

В отношении высшего военного начальства края преосвященный умел поставить себя в положение, совершенно независимое и достойное святительскому сану. Генерал-губернатор Туркестана К. П. фон Кауфман относился к владыке с особенным уважением и все его представления исполнял с обязательной готовностью и вниманием. Но и преосвященный умел выражать на деле свое уважение к этому сановнику, облеченному высшим доверием и полномочиями в крае. Особенную любовь и расположение питал владыка к военному губернатору Семиреченской области Герасиму Алексеевичу Колпаковскому и его благочестивому семейству. Также и от них пользовался любовью и уважением, доходившими до истинного благоговения к старцу-святителю.

С лицами светского звания преосвященный был всегда любезен, внимателен, общителен и нередко посещал уважаемых им лиц и семейства, с которыми охотно сближался. У некоторых бывал восприемником детей при крестинах. На общественных и частных торжествах бывать не отказывался. Любил принимать гостей и у себя, причем чествовал их скромным угощением, но с неизменным радушием. При всем том преосвященный не мог не усматривать в русском светском обществе Туркестанского края, особенно в образованном, многие недостатки в нравственной жизни, как то: равнодушие к религии, попрание супружеских обязанностей в соединении с распространением так называемых гражданских браков, непрерывные кутежи, карточная игра, неразлучное с этим разорение, жизнь не по средствам и, наконец, как горькие плоды этих беспорядков, лихоимство и хищение казны.

Глубоко скорбело сердце архипастыря при виде этой мрачной картины упадка веры и нравственности в лучшей, более развитой части его паствы, а долг пастыря повелевал ему бороться с этим злом. Но здесь, где в большинстве своем были люди военные, мнящие себя образованными в современном духе, прямое обличение могло послужить не всегда на пользу, а во вред, ожесточив еще более разнузданные, своевольные сердца. Здесь не годилось и обличение с церковной кафедры.

И преосвященный Софония употреблял иной способ воздействия на эту часть своей паствы: он старался знакомиться и по возможности сближаться с начальниками управлений, полков и батальонов, убеждал их в частных беседах обратить внимание на нравственность своих подчиненных, строго преследовать между ними распущенность нравов и часто достигал своей цели: были начальники, искренне сочувствующие добрым намерениям преосвященного и своим влиянием воздействовавшие на нравственную жизнь своих подчиненных.

Нередко владыка и сам непосредственно обращался с частным обличением и наставлением к лицам, которые нуждались в этом. Не всегда, конечно, слова преосвященного правильно воспринимались заблудшими, и бывали случаи, когда владыка выслушивал резкие, обидные возражения обличаемых им лиц. Но несмотря на это, во второй, в третий и даже четвертый раз пытался беседовать с ними и только тогда оставлял их, когда окончательно убеждался в бесплодности своих стараний смягчить ожесточившиеся сердца. О таких он искренно скорбел и молился из глубины своего любящего сердца, но никогда не отзывался о них с презрением или негодованием.

Преосвященный Софония был прямодушен и никогда не перед каким лицом не стеснялся высказывать горькую правду. Таков он был даже в отношении высокопоставленных в служебной и общественной жизни особ. Эта резкость архипастыря многим не могла нравиться и нередко служила поводом к неудовольствию и нареканию на него. Но крупных и серьезных столкновений со светским начальством у него никогда не было.

Православное простонародье в Туркестане составляли чины войск Туркестанского военного округа, затем казаки семиреченского войска с семьями и крестьяне-переселенцы из российских и сибирских губерний. Военное сословие, находящееся в постоянных походах и передвижениях, не могло подлежать постоянному архипастырскому надзору и влиянию: оно оставалось на ответственности своих военных священников и начальников. И поэтому главное внимание преосвященного было обращено на оседлых христианских жителей края: горожан, казаков и крестьян. В этой среде очень многое требовало деятельного пастырского наблюдения и исправления. Всюду в городах и селах края было чрезвычайно распространено пьянство: в Туркестане пили все: и мужчины, и женщины, и старые, и молодые. Даже дети десяти-двенадцатилет усердно подражали в винопитии старшим. И как естественное явление при подобных нравственных недугах было равнодушие народа к религии и церкви.

Для искоренения этих пороков преосвященный Софония действовал на паству и личными беседами, и наставлениями, и побуждением приходских священников к усиленной просветительской деятельности. Для этого при обозрении епархии преосвященный останавливался во всех русских селениях, где даже не было ни церкви, ни часовни, долго беседовал с собравшимся народом, убеждал его к исправлению жизни, экзаменовал взрослых и детей в знании заповедей и главнейших молитв, учил правильно полагать крестное знамение и т. п. Даже в пикетах, где не было оседлого ни русского, ни местного населения, а в почтовом доме жило по несколько русских ямщиков, владыка, особенно во время ночлегов, вел религиозные беседы с православными, часто далеко за полночь. К таким беседам он привлекал и встречавшихся на тот раз проезжающих русских, какого бы звания и пола они ни были. Так, одного молодого полковника, известного своим религиозным вольнодумством, владыка, встретив на станции, заставил выслушать очень длинное и сильное обличительное против «неверов» слово. Дело было в жаркую южную ночь, в небольшой комнатке; беседа продолжалась часа три, так что бедный

полковник, вспотевший и измученный, едва мог освободиться и уехать в дальнейший путь. А потом часто вспоминал об этой ночной проповеди, во многом колебавшей, по его собственному признанию, прежние его антихристианские мнения и убеждения.

Преосвященный Софония настоятельно внушал священникам усилить церковную проповедь и домашние собеседования с прихожанами, усерднее заниматься в школах, чтобы благотворно влиять на подрастающее поколение, и вообще во всеоружии пастырского звания выступить на борьбу с глубоко укоренившимся нравственным злом. Вследствие энергичных настояний архипастыря туркестанское духовенство, до этого времени безмолвствовавшее на кафедре церковной и мало занимавшееся также частными беседами с прихожанами, активно занялось и церковным проповедничеством, и частыми беседами, и школами. В борьбе с пьянством в народе активно помогал владыке Софонии военный губернатор Семиреченской области Г. А. Колпаковский, распорядившийся, чтобы в тех поселках и деревнях, где еще не построена церковь, ни под каким видом не открывать питейных заведений. Благодаря этим мерам пьянство в народе значительно уменьшилось. Словом, заботы и старания преосвященного об укреплении народной нравственности, поддержанные духовенством и светским начальством, увенчались успехом.

Деятельным заботам преосвященного Софонии нужно приписать также и увеличение числа церквей в Туркестанской епархии. Так как во всех областях Туркестанского края как постройка новых церквей, так и поддержка уже существующих, а кроме того, снабжение новопостроенных церквей утварью, ризницей и всем, что необходимо для совершения в них богослужения, составляло неотложную потребность, на удовлетворение которой не имелось никаких средств, преосвященный Софония ходатайствовал перед Св. Синодом о том, чтобы во всех церквях и монастырях Российской империи были учреждены кружки для сбора добровольных пожертвований на постройку церквей в Туркестанском крае и для снабжения их богослужебными принадлежностями. Таким образом, стараниями преосвященного Софонии в 1877 году (то есть в год его смерти) число церквей в Туркестане достигло уже сорока двух. Из новопостроенных церквей многие были освящены самим владыкой.

Столь достохвальное служение преосвященного Софонии на далекой окраине было отмечено в 1874 году Высочайшей грамотой, которой преосвященный «во внимание к неутомимой пастырской деятельности и ревностной попечительности об устройстве вверенной ему паствы среди разноплеменного населения сопричислен к императорскому ордену св. Владимира 2 степени большого креста».

Частная жизнь святителя

Теперь остается сказать о частной, домашней жизни владыки Софонии в Верном. Архиерейский дом в Верном был заложен еще в декабре 1873 года самим преосвященным Софонией, но окончательно выстроен он был только в сентябре 1877 года, то есть за два месяца до кончины святителя. Все время своего архипастырства в Туркестане он жил на наемных квартирах, очень тесных и неудобных, к тому же в зимнее время часто холодных, так что старец-владыка нередко сидел в своей гостиной в меховой рясе и с муфтой в руках. Но лучшего помещения отыскать было в Верном невозможно. Однако преосвященный был невзыскателен и с благодушием переносил эти неудобства, никогда не жаловался и не сето-

вал, лишь только шуткой отделялся: «Вот каков наш туркестанский юг: в комнате сидим в шубах!»

Лето он обыкновенно проводил на небольшой даче, принадлежащей эконому архиерейского дома, верстах в девяти от города. Там была небольшая пасека, густой лес и протекала немногочисленная, но быстрая речка Алматинка. Преосвященный жил на даче в крошечном деревянном домике, состоящем из двух комнат. Перед воскресными и праздничными днями всегда приезжал ко всенощной в город и литургию в эти дни служил непременно сам. Вставал он всегда в пять или шесть часов утра, читал утренние молитвы с помянником, в восемь часов пил чай, не более двух чашек и только с небольшим кусочком просфоры. Затем занимался консисторскими делами или исправлением и приготовлением к новому изданию своих прежних сочинений. В час дня он обедал.

После обеда он не имел привычки отдыхать, а занимался чтением газет и журналов, а также книг, которые его интересовали. Затем в пять часов он выпивал чашку чая, иногда заменяя чай свежими фруктами. Если жил в городе, то в пять или в шесть вечера непременно, зимой и летом, выезжал на карете за город, всегда один. Там иногда выходил и гулял пешком по дороге. На обратном пути преосвященный заезжал иной раз к кому-нибудь из священников, и всегда неожиданно, выпивал предложенную ему чашку чая или кофе, беседовал около часа и возвращался домой. Светских лиц он посещал преимущественно по праздникам после обедни. Часто в зимние вечера у него собиралось духовенство и близкие из светских лиц: владыка любил рассказывать про старые времена и про людей, которых он знал, и все его рассказы были крайне интересны. Во время этих вечерних собраний преосвященный потчевал гостей чаем, фруктами и конфетами. Вино и закуски в это время никогда не подавались.

В Прощеное воскресенье, после вечерни, к преосвященному собиралось все духовенство, приезжали многие светские лица, предлагался чай и фрукты, а в заключение по бокалу шампанского. Затем все, по обычаю, «прощались» с преосвященным, получали от него благословение и наставление на предстоящий подвиг поста и расходились по домам. Первую седмицу Великого поста владыка обыкновенно говел и сам служил ежедневно. В восемь часов вечера он всегда ужинал, а затем удалялся в свою келью, где совершал продолжительное молитвенное правило. Затем в одиннадцать часов ложился спать.

Для приема посетителей и всех желавших видеть его владыка не назначал определенных часов: всякий мог в любое время смело идти к преосвященному, который непременно примет, выслушает, побеседует и отпустит с любовью. Нередко парадные двери архиерейской квартиры были открыты целый день. В передней не было ни лакея, ни келейника, и посетители прямо без доклада проходили к преосвященному в гостиную или в кабинет. Часто на звонок владыка сам поспешно выходил, отворял входные двери и принимал пришедшего. Вся обстановка у владыки Софонии была самая простая, незатейливая, как у обыкновенного монаха. В Туркестане некоторые священники держали себя менее доступно и имели обстановку красивее и богаче, нежели смиренный их архипастырь.

Одевался преосвященный дома просто: в старенькой полурыске и скуфейке сидел он и один принимал посетителей. Панагия и четки обыкновенно лежали перед ним на столе, вместе с книгами и бумагами, которыми завалены были и столы, и стулья, и диваны. К богослужению и для визитов владыка надевал хорошую шелковую рясу. С домашними своими преосвященный обращался просто, по-отечески ласково, но за неисправность распекал, иногда даже очень строго. Но вся строгость ограничивалась только выговорами.

Всю Святую четыредесятницу владыка держал строгий пост, а в седмицы первую, четвертую и Страстную вкушал пищу только один раз в день и потому к Пасхе сильно ослабевал, но всегда, несмотря на слабость, всю Пасхальную седмицу служил сам. Воспитанник суровой и благочестивой школы начала XIX века, глубоко верующий христианин, преосвященный Софония был добрый инок-подвижник, глубокомысленный богослов, деятельный и учительный архипастырь. Сострадательный к ближнему человек, он обладал прекрасными качествами души, терпеливым и миролюбивым характером, добрым и некорыстным сердцем.

Но как и у любого человека, были недостатки и у преосвященного Софонии. Особенно в последние годы его жизни был замечен в нем один недостаток, происходивший исключительно от доброты его сердца и послуживший для него самого причиной многих тяжелых неприятностей и огорчений, сделавший годы его служения в Туркестане поистине многоскорбными для него. Недостаток этот — чрезмерная доверчивость к людям. Доверчивость преосвященного Софонии, желавшего во всех людях видеть одни только добрые, светлые стороны, бывала иногда чрезмерна: если он раз кому доверился, то впоследствии никакие уже поступки, хотя бы и непохвальные, доверенного лица не могли поколебать установившегося о нем мнения владыки. Он делался в этом случае как бы слепым и глухим, но не притворялся таковым, а был им в действительности: видел в известном человеке одно только хорошее. Пользуясь этим качеством, иные люди, вошедшие в доверие к архипастырю, злоупотребляли этой доверчивостью и творили от его имени нелепые иногда вещи, умея ловко прикрывать свои действия от взоров доверчивого старца. Вследствие этого возникал иногда вокруг святельской кафедры ропот, кончавшийся не раз глубокими огорчениями для преосвященного.

Бывало и другое. Иные за доверие к ним владыки, за добро, полученное от него, платили ему жестокой неблагодарностью. Они не только заводили вокруг преосвященного интриги, пользуясь для ведения их его именем, но сами по самому ничтожному поводу совершали по отношению к преосвященному дерзкие поступки и даже делались затем его противниками и врагами. Сколько горя перенес архипастырь от этих людей, знало только его многострадальное сердце. Вообще последние два года его жизни были для него особенно тяжелы по множеству скорбей, сильно повлиявших на его здоровье и на состояние духа и немало послуживших к ускорению его кончины.

Но несмотря на развившуюся телесную слабость, преосвященный Софония сохранил редкую в его лета постоянную работу мысли. «Право правя слово истины», под конец жизни в Верном он подготовил к изданию и издал в четырех томах свои сочинения: «Из дневника по службе на Востоке и Западе», «Современный быт и литургия христиан инославных, иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии. С присовокуплением переводной записки о несогласии церкви Армянской со Вселенскою Православною», а также «Слова и речи преосвященного Софонии, епископа Туркестанского и Ташкентского» в двух томах.

16 сентября 1877 года исполнилось 50 лет со дня служения преосвященного Софонии церкви Божией. Маслитый юбилар по этому случаю был возведен в сан архиепископа. День этот скромно был отпразднован в Верном духовенством и прихожанами. В день своего юбилея преосвященный давал обед уже в новом архиерейском доме, куда он только что перешел на жительство.

Кончина архиерея

Несмотря на нездоровье, престарелый владыка продолжал по-прежнему заниматься епархиальными делами, служил и принимал посетителей. Окружающие его замечали только, что он сделался печальнее прежнего и часто говорил о смерти. 25 ноября преосвященный был, по-видимому, совершенно здоров и занимался обычными делами. В пять часов вечера, по обыкновению, ездил в карете за город. В восемь часов ужинал, а в 11, после обычного молитвенного правила, отошел ко сну, оставив в кабинете на столе переписанное в тот же день набело духовное завещание, которое в нескольких местах исправил своей рукой, но не подписал.

В 12 часов ночи преосвященный внезапно почувствовал себя плохо и просил послать за врачом. Явилось их двое. Осмотрев владыку, они дали лекарство. Владыка успокоился и уснул. По прошествии некоторого времени архиепископ Софония проснулся и, словно предчувствуя приближение смерти, прерывающимся голосом, но ясно и довольно громко начал читать «Символ веры», произнес: «Чаю воскресение мертвых» — и с этими словами скончался... Присутствующие при этом экономе архиерейского дома и келейник, пораженные неожиданностью кончины, стояли безмолвные и в слезах... Скончался владыка тихо. Кончина постигла преосвященного Софонию внезапно, но была истинно мирная и безмятежная.

В семь часов утра 26 ноября 1877 года, в день, когда Православная церковь празднует память святителя Иркутского Иннокентия, соборный колокол в городе Верном возвестил осиротевшей пастве о кончине первого архипастыря Туркестанского, высокопреосвященнейшего Софонии. Надо заметить, что этот же день ровно 78 лет назад был днем его рождения. После облачения тела усопшего святителя в зале архиерейского дома в девять часов утра 26 ноября совершена была соборным чином большая панихида в присутствии военного губернатора, генерал-лейтенанта Колпаковского, генералитета и множества прихожан, толпившихся и в комнатах, и на лестницах дома, и даже в ограде.

28 ноября в три часа пополудни был совершен вынос тела почившего архипастыря из архиерейского дома в кафедральный собор. Гроб несли протоиереи и священники. Ордена святителя на подушках несли офицеры. Крышку гроба также несли офицеры. На всем пути печального шествия стояли рядами войска, пехота и кавалерия. Военный оркестр играл гимн: «Коль славен наш Господь в Сионе». Его сменял другой оркестр, игравший похоронный марш. Печальный перезвон колоколов раздавался во всех церквях. Стечение народа было громадное: собрались не только горожане, но и множество жителей окрестных казачьих станиц и поселков. Даже сарты, киргизы, калмыки и другие «иностранцы» в своих разноцветных своеобразных костюмах, верховые и пешие, с обнаженными головами, толпами наводняли улицы и площади, по которым двигалась похоронная процессия. Расстояние от архиерейского дома до собора было около трех верст, и на всем этом пути непрерывным строем стояли войска и толпился народ. День был теплый и ясный. По дороге для пения литий процессия останавливалась четыре раза.

На другой день, 29 ноября, в девять часов утра была совершена лития, после нее — литургия, отпевание и погребение усопшего святителя. Могила преосвященному была устроена в соборе, у стены, за правым клиросом. Весь генералитет, все военные и гражданские чины, городское управление, парад от войск и множество народа присутствовало в церкви. Служба была продолжительная и тор-

жественная. Во время отпевания молящиеся плакали. По окончании отпевания гроб святителя был внесен в алтарь и обнесен вокруг престола. При выносе из алтаря гроб был принят на руки военным губернатором и другими военными и статскими генералами и ими был несен до могилы. При опускании гроба в могилу в народе раздались громкие рыдания. В могиле был устроен каменный склеп, он был заложен кирпичом, засыпан землей. Над могилой преосвященного Софонии было поставлено деревянное надгробие, а за ним резной киот с келейными иконами усопшего, перед которым горела неугасимая лампада. Сорокоуст по преставившемся архипастыре служился и в соборе, и во всех церквях епархии, настоятели которых своевременно были извещены консисторией о кончине владыки.

Век XX — «век-волкодав»

...Спустя двадцать лет в 1897 году в соборе был погребен епископ Никон (Богоявленский). Существует предположение, что за алтарной стеной собора имели место захоронения духовенства и почетных граждан города, в частности, семиреченского губернатора Фольбаума А. М., но захоронения эти не сохранились. Очередное испытание постигло Софийский собор в декабре 1910 года, когда Верный подвергся разрушительному землетрясению. Но страшнее стихийных бедствий оказались социальные потрясения.

После революции 1917 года история Софийского собора, равно как и множества других православных храмов, обрывается. Некоторое время в нем по-прежнему совершались богослужения, но в середине 20-х годов он был захвачен обновленцами. В 1929 и 1931 годах власти предпринимали попытки закрыть собор и сделали это окончательно в 1937 году. Обновленческое духовенство храма было арестовано и расстреляно. Здание собора переоборудовали под «клуб красных партизан», затем в нем располагался кинотеатр «Ударник» и, наконец, кукольный театр. В конце 80-х годов оно пришло в аварийное состояние. В 1989 году епархия предприняла попытку вернуть Софийский храм церкви. Вопрос о возвращении собора обсуждался и в местной прессе. Но едва об этом заговорили, он был окончательно разрушен. Все это время в склепах поруганного и разоренного храма находились останки двух туркестанских святителей — архиепископа Софонии и епископа Никона. Позже выяснилось, что место упокоения архиереев было вскрыто и частично разорено.

Возрождение обители

В 1998 году на месте разрушенного храма в ходе церковно-археологических изысканий были обнаружены потревоженные во время сноса останки святителя, беспорядочно разбросанные в яме склепа на глубине 30–50 см. Также были обнаружены остатки деревянного надгробия, некогда покрытого мраморной доской с эпитафией.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II в 2003 году было начато возрождение монашеской обители. Это было время служения на Алма-Атинской кафедре преосвященного Мефодия (Немцова), ныне митрополита Пермского и Соликамского. К этому времени здесь практически ничего не было, за исключением полуразрушенного кинотеатра «Ударник» и груды мусора, разбросанного по всей прилегающей территории. Здание кинотеатра и было тем самым кафедральным собором туркестанских епископов, который в

1931 году стал клубом красных партизан, а затем кинотеатром. Он несколько раз горел и был в ужасном состоянии. Когда монахи занялись расчисткой территории и подняли старый фундамент, то обнаружили склеп, в котором покоились два святителя — епископ Софония (Сокольский) и епископ Никон (Богоявленский).

19 мая 2004 года митрополит Мефодий освятил место возведения Софийского собора. Тогда же останки святителей были торжественно перезахоронены в нововыстроенном склепе, расположенном неподалеку от фундамента разрушенного храма. 21 ноября 2005 года, в день празднования Собора архистратига Михаила, владыка Мефодий совершил чин освящения надгробного креста над могилами святителей Туркестанской кафедры архиепископа Софонии (+ 1877) и епископа Никона (+ 1897). Память о преосвященном Софонии донныне жива в освоенной им епархии.

Перу архиепископа Софонии принадлежат десятки статей, посвященных церковной жизни Православной, Римско-католической и Древних Восточных церквей. К последнему (туркестанскому) периоду его жизни относятся нижеследующие публикации:

Из дневника по службе на Востоке и Западе. СПб., 1874.

Молитва и речь 8 июля 1875 года в г. Верном. Омск, 1875. Слова и речи. Т. I и II. СПб., 1876.

Путинцев М., прот. Воспоминания о Софонии, епископе Туркестанском (Душеполезное чтение, 1884. Ноябрь. С. 249–285; декабрь. С. 383–423).

Его же: Известия о Преосвященном Софонии, епископе Туркестанском (Иркутские епархиальные ведомости. 1872. № 31. С. 322–396).

Толстой Ю. Списки архиереев и архиерейских кафедр иерархии Всероссийской со времени учреждения Святейшего Правительствующего Синода (1721–1871 гг.). М., 1872.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «НЕВА» ЗА 2015 ГОД

Проза

- Азнаурян О. Любовники. *Рассказ*. I, 39.
Арро В. Замыкая круг. *Ностальгические заметки с самоцитированием*. IV, 7.
Базиева Г. Бессонница. *Рассказ*. VIII, 135.
Васильева Е. Сон Гермафродита. *Роман*. X, 6.
Власов Д. О войне из первых и вторых рук. *Рассказ*. V, 76.
Волкова С. Джентльмены и снеговики. *Рассказ*. IX, 82.
Гамаюнов И. Божья кара. *Рассказ*. IV, 119;
Цапля моя. *Повесть о первой любви образца 2014 года*. XI, 59.
Гаммер Е. В раю нас еще подождут. *Двойная повесть о днях нашей жизни, проходящих на фоне всемирно известных событий*. VI, 47.
Глумов Ю. Мышеловка. *Рассказ*. III, 133.
Епифановский М. Подарок для абонента. *Повесть*. VI, 7.
Девос Е. Уроки русского. *Роман*. III, 9.
Дерюжински В. Груши сорок третьего. *Рассказ*. VII, 117.
Загрибельный А. Белый осел. *Страницы повести*. XII, 119.
Заньковский А. Девкалион. *Роман*. VII, 9.
Злобина А. Особняк. *Повесть*. VII, 68.
Канапьянов Б. Почтовый холст. Прогулка перед вечностью. *Рассказы*. XII, 9.
Касталанетта Д. За водой. Новый 1942-й. *Рассказы*. VII, 124.
Каюров Г. Краб. Жучка. Немая судьба. *Рассказы*. V, 89.
Кожев Д. Все ушли, а я остался. *Рассказ*. VII, 112.
Козлов С. Отец Нифонт. Сапоги. Хлеб наш насущный. *Рассказы*. IX, 56.
Козырев А. Крест. *Литературный киносценарий*. XI, 7.
Корева В. Век человеческий. *Повесть-быль*. *Вступительное слово А. Аграфенина*. V, 9.
Колисниченко Д. Заканчивался февраль. *Повесть*. I, 7.
Котова Е. Шорохи судьбы. *Рассказ*. VI, 97.
Куклин В. Белый осел. *Страницы повести*. XII, 119.
Кулатаев М. Дед и скорпион. Потерялся. Случай из практики. *Рассказы*. XII, 158.
Кураев М. Как правильно ходить на пулеметы.. II, 95.
Курילו А. Без одной минуты век. *Псевдофилософская оптимистическая поэма*. IX, 7.
Ломтев А. Финский дом. *Повесть*. IV, 81.
Микаэлян С. Не убит подо Ржевом. *Повесть-быль*. *Вступительное слово М. Кураева*. II, 89.
Муратов Н. Лежачего не берет. Одинокое дерево. *Рассказы*. XII, 147.
Немышев В. Жизнь и смерть белоухого медведя Тяпы. *Рассказ*. IV, 112.
Никитайская Н. Мои родители, блокада Ленинграда и я. *Рассказ-воспоминание*. VI, 109.
Панкратов Г. Скрипка. *Повесть*. I, 53.
Померанец К. Как совпало: война, беда, мечта и... детство. *Рассказ*. V, 54.
Родченкова Е. Встречный огонь. *Рассказ*. VI, 121.
Rofo I. Плохой человек. Сделка с космосом. *Две истории*. I, 113.
Розенсон И. Близкие люди. Золотые руки. Семейная сага в четырех платях. *Рассказы*. III, 114; Знаки моей Венеции. *Рассказ*. XI, 106.
Рыбин А. Две Сирии. Путевые заметки. IV, 45; Гниение. *Рассказ*. VII, 102.
Самойлов А. Свет-конец. Местами туман. *Рассказы*. X, 103.
Сахариев А. Жулдызым. Блаженный. Волчьи пляки. *Рассказы*. *Повесть*. XII, 60.
Спиваковский М. И.С.тория одного Улисса. *Рассказ*. IX, 101.
Струкова М. Батя. Дар. *Рассказы*. XI, 119.
Сугралинов Д. Прозрение. Спасибо. Сказка. В здоровом теле... Объективные причины. Хороший день. Гнев. Такой же, как ты. Треугольник. Шарашкина контора. Это радует. *Рассказы*. XII, 36.
Тихонова Л. Мадам Левомеколь. *Повесть*. I, 87.
Уткин С. Воздвижение пустоты. *Миниатюры*. I, 123.
Чайковская В. В Израиль. Залетейский привет. Во Францию. Между шилом и мылом. *Две новеллы*. VIII, 148.
Чайковская И. Звездные мальчишки. *Пьеса в семи картинах*. XI, 41.
Шепелёв А. Москва-bad. Москва и немосквичи. *Роман*. II, 9.
Шуляк С. Плач Иеремии. *Эго-роман*. VIII, 7.
Шумейко И. Апостольская сборная по футболу. *Рассказ в ценах 1994 года*. II, 141.
Шушарин А. Темнеет рано. *Рассказ*. III, 95.

Поэзия

- Александрова А. I, 83.
Асим З. XII, 56.
Болдырев А. I, 48.
Виноградова Е. VI, 116.

Година Н. X, 134.
Горнов Г. VII, 97.
Городницкий А. II, 3.
Делаланд Н. X, 100.
Дмитриев А. III, 146.
Дударев В. V, 3.
Евдокимова С. III, 90.
Жабинковская Е. II, 149.
Жуков М. V, 71.
Зейферт Е. XII, 142.
Зубарева В. VI, 43.
Каминский Е. VI, 92.
Клочко Л. I, 83.
Комаров К. VIII, 141.
Коркунов В. VII, 3.
Косогов В. I, 34.
Кушнер А. IV, 3.
Лихтенфельд Б. IV, 107.
Мизгулин Д. IX, 96.
Михайлов В. XII, 31.
Немарская М. I, 3.
Павлов О. IX, 50.
Пеньков В. XI, 36.
Петрушкин А. IX, 78.

Пикалова Ю. III, 128.
Попов Е. VIII, 156.
Пурин А. Ад. VIII, 3.
Рецептер В. III, 3.
Семенов А. II, 138.
Серимбетова Ж. XII, 156.
Скиф В. XI, 3.
Скобло В. IX, 3.
Слепухин С. X, 3.
Соколов В. VII, 108.
Сосновский В. IX, 116.
Степанов Е. VI, 3.
Сулейменов О. XII, 3.
Сухих И. Русские хокку-2. IV, 77.
Татаренко Ю. VI, 105.
Черкесов В. XI, 55.
Чернышова С. VIII, 128.
Шемшученко В. XII, 115.
Шацков А. IV, 40.
Ширали В. V, 50.
Юрков О. III, 110.
Юшманова В. VII, 64.
Эрастов Е. V, 84.

Переводы

Симич С. Судьбина. Корабельный дневник. Конеч. О красоте. Зима 92/93. Проводы. Притча об именах. Последний ратник. Письмо из подземелья. Правосудие. Притча о вымер-

шем народе. Выборы. Преступление. Золушка. Гражданская война в Сербии. Рассказы. *Перевод с сербского Кайрата Бакбергенова.* XII, 169.

Публицистика

Большев А. Устремленность к трансцендентному и бытовое безобразие. VII, 153.
Бочаров В. О русском «питии и веселии» в дискурсе власти. VIII, 175.
Калижанов У. Память и независимость. XII, 180.
Лурье Ф. Интеллигент. Интеллигентность. Интеллигенция. VII, 166.
Мамраев Б. Литература, обращенная к своему времени. XII, 184.
Мелихов А. Любовь свинопаса. III, 171.

Секацкий А. Государство. V, 134; Государство (*окончание*). VI, 170.
Столлов В. Ревизионизм блокады? V, 129; Гордиться или скорбеть. IX, 135.
Фрумкин К. Неудержимое нарастание свободы. II, 173; Фантастика труда и самопожертвования. IV, 158;
Шумейко И. Если Бога нет, то все... относительно. XI, 160.
Яковенко И. Насилие и ненасилие в истории украинского народа. IV, 146.

Критика и эссеистика

Ананьева С. Мир прозы Мориса Симашко. XII, 211.
Зубарева В. В Таганрог, в Таганрог! — Или Интервью с Чеховым. VIII, 198.
Измайлов А. Поколение победителей. V, 156.
Костецкий В. Философия образования: лекция от первого лица. VII, 203.
Краснов А. Кутузов в Выборге. X, 180.
Мелихов А. Воскрешение Лилит. IV, 169.
Набоков Н. Дягилев в Париже. Глава из книги «Старые друзья и новая музыка». *Перевод с английского и примечания М. А. Ямщикова.*

Вступит. слово, подготовка текста и публикация Е. Б. Белодубровского. X, 193.
Носов С. Сновидчество в русской культуре. XI, 169.
Райков А. Рассказ и История. I, 175; Литературные повторы. VII, 183.
Савельева В. Рассказы в современной прозе Казахстана: критика и актуализация жанра. XII, 188.
Сёмкин А. «И девушка наша проходит в шинели...» Еще раз об особенностях национального героизма. V, 165.

Синдаловский Н. Финно-угорский окрас петербургского городского фольклора. II, 188; Таинство рождения и тайна смерти в городском фольклоре. IV, 173.

Чернова Н. Бунтующая святость Алексея Брусиловского. XII, 218.

К семидесятилетию Великой Победы

Поэтический мемориал «Невы». Ольга Берггольц. Виссарион Саянов. Алексей Недогонов. Александр Межиров. Алексей Лебедев. II, 153; Павел Шубин. Михаил Светлов. Вадим Шефнер. Сергей Давыдов. III, 150; Леонид Хаустов. Ник. Кутов. Вячеслав Кузнецов. Всеволод Рождественский. Михаил Дудин. IV, 126; Сергей Смирнов. Иван Соловьев. Олег Шестинский. V, 107; Николай Новоселов. Сергей Давыдов. Петр Ойфа. Иван Демьянов. Семен Ботвинник. Георгий Трифонов. Вадим Шефнер. VI, 132; Глеб Пагирев. Геннадий Морозов. Владимир Загоруйко. Леонид Хаустов. Всеволод Азаров. Николай Браун. VII, 134; Алексей Верховцев. Вадим Шефнер. Николай Тихонов. Ольга Берггольц. Александр Прокофьев. Всеволод Рождественский. Виссарион Саянов. Михаил

Дудин. VIII, 161; Вячеслав Кузнецов. Михаил Дудин. Глеб Пагирев. Павел Алдахин. IX, 121; Борис Слуцкий. Сергей Орлов. Михаил Дудин. Анатолий Аквилев. X, 137.

Беркович И. Мой милый, добрый папа! Публикация В. Кабытовой. X, 143.

Муратова (Калиничева) Л. Исповедь советского человека. Публикация П. Муратова. VII, 139.

Сапрыкин С. «Красные соколы». II, 159; «Небесный тихоход». III, 155; «Летающий танкист». IV, 131; «Перегонщик». V, 111; Похождения бравого пилота. VI, 138. По материалам фронтовых дневников, хранящихся в архивах.

Федотов В. В плену. Рассказ. VIII, 167.

Эдел Т. Победившие смерть. Рассказ. IX, 125.

Искусство чтения

Рецептер В. Теорема «Русалки». I, 136.

Круглый стол. Победа с нами?

Участники: Александр Мелихов. Вера Зубарева. Сергей Шаргунов. Вячеслав Рыбаков. Калле Каспер. Роман Сенчин. Алексей Сёмкин. Наталья Крофтс. Евгений Степанов. Игорь Сухих. Евгений Беркович. Константин Фрумкин. Александр Большев. Елена Крю-

кова. Владимир Елистратов. Михаил Трофименков. Дмитрий Травин. Всеволод Непогодин. Игорь Шумейко. Подготовка материалов «круглого стола» — Наталья Гранцева и Александр Мелихов. IX, 139.

Астана — Санкт-Петербург

Казахстан — Россия: литературные связи. По материалам Интернета. Публикация подготовлена Ольгой Малышкиной. IX, 180.

Казахстан — Россия: фронтовое и трудовое братство. По материалам Интернета. Подго-

товка публикации Елены Зиновьевой. X, 153.

Казахстан — Россия: история и современность. По материалам Интернета. Подготовка публикации Маргариты Райциной. XI, 139.

Астана — Санкт-Петербург. Диалоги культур

Ананьева С. XII, 222.

Земсков М. XII, 58.

Михайлов В. XII, 232.

Одегов И. XII, 166.

Серебрянский Ю. XII, 141.

Мир детства

Рогожникова К. Стихи. XII, 224.

Шукашева Ф. Айя. Сказка. XII, 226.

Петербургский книговик

- Айзенштейн Е. «И кто-то витает незримо, про-
равшись из мрака и тьмы...» II, 233; Хьюм-
би-поэт, или Цветные ангелы Елены Шварц.
V, 183.
- Амусин М. Достоевский — футуролог? XI, 180.
- Аннинский Л. Пир на закате. IV, 226.
- Артис Д. Клиповое сознание. IV, 232.
- Бачинин В. Экзистенциальная меланхолия Екк-
lesiаста. Екклесиаст и Данте. II, 221; Дитрих
Бонхёффер против Адольфа Гитлера (Про-
тестантская этика и дух тоталитаризма). VI,
220; Политическая теология постмодернист-
ских войн. VII, 214.
- Безвесельная А. Одно необычное путешествие.
I, 228.
- Беккин Р. Три сюприза от Кормильцева. I,
218.
- Беневич Г. «Мы еще будем молоды, друзья». О
поздней лирике Виктора Ширали. IX, 225.
- Бердников Л. Из кантонистов в писатели. III,
208.
- Бродская Д. Разъезд 105. Подготовка публика-
ции. М. Райчиной. I, 242.
- Бугославская О. Unhappy end. II, 242.
- Бычков С. «Не отступаться от лица...». X, 222.
- Васильева Е. Учебник для опытных чайников.
I, 235.
- Говоруха-Отрок Ю. Конкуренты Никольского
рынка.. IX, 219; О современной беллетристи-
ке. Публикации, комментарии О. Гонгаровой.
XI, 191.
- Гранцева Н. Шекспир и проблемы церковного
календаря. IV, 204.
- Дом Зингера. I, 246; II, 244; IV, 235; V, 224; VI,
233; VII, 231; X, 233; XI, 226. Публикации
Е. Зиновьевой.
- Елистратов В. Графоманы и графомаги. III,
202; Юббикратия, или Еще раз про симу-
лякр. X, 211.
- Измайлов А. Письма Юрия Трифонова. VIII,
206.
- Крестовский В. Бакшиш. Рассказ. V, 209;
- Средний солдат. Рассказ. Подготовка публи-
кации М. Райчиной. VII, 222.
- Минаков С. Незнаменитый прозаик Констан-
тин Воробьев. VI, 195.
- Никольский Б. Настоящее и будущее русской
литературы (мнение «умеренного пессимис-
та»). Публикация и вступительное слово На-
тали Никитайской. IV, 194.
- Новикова-Строганова А. «Место действия —
Орел...». Приглашение к путешествию. II,
211.
- Облинова Д. Игра в ассоциации. I, 218.
- Озеров И. Отчего Америка идет так быстро
вперед? Подготовка публикации М. Райчи-
ной. III, 227.
- Премиров М. Пчелы. Рассказ. VIII, 220. Подго-
товка публикации М. Райчиной. VIII, 220.
- Райков А. Красота определенная и неопреде-
ленная. VI, 230.
- Сергеева Н. Русские сны о Венеции. I, 237.
- Синдаловский Н. Мифология петербургского
дна. VI, 200; Фольклор мест общего пользо-
вания. XI, 202.
- Сухих И. Монологи о травелогах. I, 227.
- Ушакова И. «Ты дал мне дар: живое сердце...».
VIII, 210.
- Филатов К. Бездарное & Напыщенное. I, 232.
- Цылина А. Сказка об утраченном рае. «Кап-
рийский текст» в современной русской лите-
ратуре. I, 239.
- Чайковская И. Сага о Селигере. II, 238; Цена
возвращения. VI, 226; Памяти деда. VIII,
214.
- Чигрин Е. Пролететь золотое стекло. IV, 23.
- Щербинина Ю. Онкологос. I, 208; Похороните
автора за плинтусом (О плагиате и смежных
явлениях). IX, 205.
- Юдсон М. Редкая птица. VIII, 216; Иллюстра-
ции иллюзий. X, 229.
- Янковская Т. Гостиная. По страницам журнала.
X, 215.

Пилигрим

- Архимандрит Августин (Никитин). Святой
Франциск Ассизский и преподобный Сергей
Радонежский. III, 242; «Невы державное те-
чение». IV, 244; Святой Франциск Ассизский
и преподобный Серафим Саровский. V, 234;
Францисканские штудии. Житие святого
Франциска в изложении российских авторов.
VI, 243; Святой Франциск Ассизский. Данте.
Пушкин. VII, 242; Российские паломники у
францисканских святынь. VIII, 234; Святой
Франциск Ассизский и восточное монаше-
ство. IX, 235; Миссионерская деятельность
священника Тихона Шаламова (остров Кадь-
як, 1893–1904). По страницам «Американс-
кого православного вестника». X, 243; Князь
Владимир, святой, равноапостольный... Из
истории русско-скандинавских церковно-ли-
тературных связей. XI, 235. Софония (Со-
кольский) — архиепископ Туркестанский.
XII, 234.

Contents

Astana — St. Petersburg

Prose and Poetry

Olzhas Suleimenov. Poems • 3

Bakhytzhan Kanapyanov. Postal Canvas. Walk before Eternity. *Stories* • 9

Valery Mikhailov. Poems • 31

Daniyar Sugralinov. Insight. Thank. Fairy Tale. In a Healthy Body... Objective Reasons. A Good Day. Anger. The Same as You. Triangle. Trash Office. It Pleases. *Stories* • 36

Zair Asim. Poems • 55

Adilkhan Sakhariev. Zhuldyzym. Blessed One. Wolf Dances. *Stories. Novel* • 60

Vladimir Shemshuchenko. Poems • 115

Valery Kuklin. Alexander Zagribelny. White Donkey. *Pages from the Novel* • 119

Elena Zeifert. Poems • 142

Nail Muratov. Lying is Protected. Lonely Tree. *Stories* • 147

Zhadyra Serimbetova. Poems • 156

Marat Kulataev. Grandfather and the Scorpion. Got Lost. Case from Practice. *Stories* • 158

Translations

Slobodan Simich. Fate. Ship's Log. The End. About Beauty. Winter 92/93. Seeing off. The Parable of the Names. Last Warrior. Letter from the Dungeon. Justice. The Parable of Died Out People. Elections. Crime. Cinderella. The Civil War in Serbia. *Stories. Translation from Serbian by Kairat Bakbergenov* • 168

Astana — Saint-Petersburg. Dialogues of Cultures

Mikhail Zemskov (58). Yury Serebryansky (141). Ilya Odegov (166). Svetlana Ananieva (222). Valery Mikhailov (232).

Publicistic Writings

Ualikhan Kalizhanov. Memory and Independence • 188

Beibut Mamraev. Literature Addressing the Present • 184

Criticism and Essays

Vera Savelieva. Stories in Contemporary Prose of Kazakhstan: Criticism and Updating of the Genre • 188

Svetlana Ananieva. Maurice Simashko's World of Prose • 211

Nadezhda Chernova. Rebellious Holiness of Alexey Brusilovsky • 218

World of Childhood

Xenia Rogozhnikova. Poems • 224

Farangiz a Shukasheva. Aya. *Fairy Tale* • 226

Pilgrim

Archimandrite Augustine (Nikitin). Zephaniah (Sokolsky) — Archbishop of Turkestan • 234

Contents of the journal «Neva» for 2015 • 251

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью „Журнал „Нева“. Адрес редакции: Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, 18. Почтовый адрес: 191186, Санкт-Петербург, а/я 9

Телефон: (812) 314-50-52; e-mail: nevaredaction@mail.ru; nevaeditor@gmail.com; nevaredaction@yandex.ru

Сайт «Невы» в «Журнальном зале»: <http://magazines.russ.ru/neva/>
Ресурс в сети Интернет: www.nevajournal.ru

*Проект «Избранники эпохи»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

*Проект «Истории Великой Рядовые»
реализован на средства гранта Санкт-Петербурга*

Подписку на журнал «Нева» на территории РФ осуществляет агентство «Роспечать» по каталогу ОАО «Роспечать», подписной индекс 73276 и ИД «Экономическая газета» по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс 42414.

Свежие номера журнала, а также отдельные номера за последние годы можно приобрести:

в Санкт-Петербурге — в редакции журнала «Нева» (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923); **льготную подписку** можно осуществить непосредственно в редакции журнала (наб. р. Мойки, 18, тел. 312-4923).

За рубежом подписку на журнал осуществляет АО «Международная книга» (117049, Москва, Большая Якиманка, 39, телефакс: (495) 230-2117, 238-4634)

Оптовая и мелкооптовая продажа: Санкт-Петербург: ООО „Журнал „Нева“, e-mail: officeneva@mail.ru

Почтовую рассылку отдельных номеров журнала и книг издательства журнала «Нева» на территории РФ осуществляет редакция. Заказ можно оформить на сайте издательства www.nevajournal.ru

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-34950 от 15 января 2009 г. выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций.
Учредитель: ЗАО «Журнал «Нева»

Подписано в печать 25.10.2015. Гарнитура «Октава».
Формат 70×108 1/16. Объем 16 печ. л. Печать офсетная.
Тираж 2800 экз. Заказ № 1144
Издательство «Журнал «Нева»

Отпечатано по технологии CtP
в Первой Академической типографии «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия В.О., 12/28